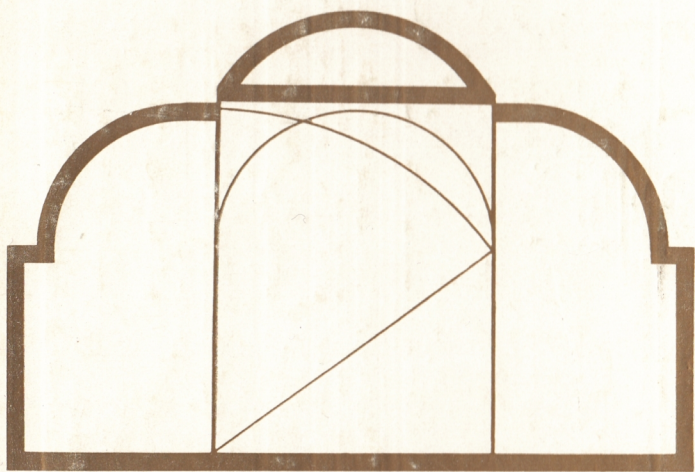

Естественно- научные представления Древней Руси

Наука

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Научный совет
по истории мировой культуры

Естественнонаучные представления Древней Руси

Счисление лет
Символика чисел
„Отреченные“ книги
Астрология
Минералогия

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Р. А. СИМОНОВ

МОСКВА «НАУКА» 1988

Авторы:

К. Н. АФАНАСЬЕВ, Ю. Л. ЩАПОВА, Е. К. ПИОТРОВСКАЯ,
В. Г. БРЮСОВА, А. А. ТУРИЛОВ, В. К. БЫЛИНИН,
А. И. ПЛИГУЗОВ, И. А. ТИХОНЮК, В. М. КИРИЛЛИН,
А. В. ЧЕРНЕЦОВ, И. И. МАКЕЕВА, А. П. БОГДАНОВ,
Р. А. СИМОНОВ, А. В. ЛАВРЕНТЬЕВ, Н. К. ГАВРЮШИН,
Л. У. ЗВОИНАРЕВА, Т. Г. КУПРИЯНОВА,
В. К. КУЗАКОВ, О. Р. ХРОМОВ

Рецензенты:

докт. ист. наук А. Л. Станиславский,
докт. филол. наук Л. П. Жуковская

Е81 Естественные научные представления Древней Ру-
си / К. Н. Афанасьев, Ю. Л. Щапова, Е. К. Пиотров-
ская и др. М.: Наука, 1988.— 320 с.
ISBN 5—02—012640—3

Сборник продолжает цикл работ, посвященных анализу естественнонаучных идей, нашедших отражение в письменных и вещественных памятниках культуры Руси. В отличие от ранее изданных материалов в нем представлен аспект «сокровенного» знания. Так условно названы представления, впоследствии преодоленные наукой: из астрологии, мантики и пр. Их учет позволяет более правильно понять процессы исторического развития древнерусской научной и общественно-политической мысли в контексте средневековой культуры.

Для специалистов и широкого круга читателей.

Е $\frac{4902010000-219}{042(02)-88}$ 88-II-367

ББК 63

ISBN 5—02—012640—3 © Издательство «Наука», 1988

К. Н. Афанасьев

ВИТРУВИЙ И АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Не следует думать, что конвергентное развитие культуры и творчества народа относится лишь к древней истории или к доисторическим временам, — конечно, нет; оно продолжает быть основной двигающей силой прогресса и в наши дни. Тем более, что процесс всякого заимствования — неизбежно — процесс творческий.

Нет нужды объяснять взаимовлияниями или заимствованиями повсеместное появление типологических форм жилища — таких, как шатер, землянка, клеть-изба. Человек вышел из пещеры и в зависимости от имеющихся под рукой строительных материалов останавливается на той или иной форме сооружения и его размерах, определяемых конструктивными возможностями и функциональными требованиями.

Геометрическая форма сооружений появляется очень рано. Ее возникновение не может быть отнесено к какому-либо району страны или народу, она возникла сама собой повсеместно, где человек начал что-либо сооружать. Это прежде всего круглая в плане землянка, перекрытая шатром, или землянка прямоугольная, перекрытая настилом из жердей и бревен. Геометрическая форма обусловлена: удобством строить, строительным материалом и прежде всего деревом.

Прямоугольная форма имеет большое преимущество, заключающееся в удобстве членить пространство, его измерять и использовать. Значение материала-дерева для рождения прямоугольных форм строительства как нельзя лучше иллюстрируется деревянными строениями на сваях на воде, например на озере Федерзее в Германии или на Бискутинском озере в Польше, относящимися к середине I тысячелетия до н. э.¹

---

¹ См. Всесоюзная история архитектуры. М., 1944. Т. 1. Табл. 4, 5.

Прямоугольная форма сооружений восторжествовала над всякой другой. Мы теперь живем в искусственной среде прямоугольной формы. Циркулярные формы распространены в предметах быта (керамика), но в строительстве используются в весьма ограниченных пределах.

Рождаются практические навыки геометрических построений, а затем и классическая геометрия построения с помощью циркуля и линейки, т. е. натянутого шнура и того же шнура с закрепленным одним концом.

Проблема возникновения и использования в архитектуре первичных типологических форм и их геометрии заслуживает детального рассмотрения, мы же в данном случае затрагиваем эту проблему, имея в виду установить лишь последовательность в построении формы сооружения.

Реализация той или иной установленной опытом типологической формы начинается прежде всего с определения размера сооружения, обусловленного потребностями и реальными возможностями. На этом этапе зодчий нуждается в мерах длины, будь то рост человека, размах рук, шаг, стопа... а впоследствии их «узаконенные» размеры.

На следующем этапе своей проектной и строительной практики зодчий исходит из этого первичного, установленного им самим или заказчиком, размера. Так, сооружая шатер над круглой землянкой, строитель заготавливает жерди, исходя из ее диаметра, причем обращаться к мерам длины ему уже необязательно, а даже подчас и невозможно, поскольку вынужденное измерение малой мерой приводит к сложным вычислениям (мы же это делаем, опираясь именно на сложные арифметические расчеты с помощью сантиметра, а иногда и миллиметра и многозначных цифр). Например, соотношение стороны и диагонали квадрата — это простейшая форма для геометрических измерений, и в то же время она выражается иррациональными величинами, соотношения же, выраженные целыми однозначными цифрами, в принципе ничем не отличаются от геометрических.

Таким образом, зодчий работает последовательно над соизмерением всех элементов сооружения. Он измеряет каждый последующий предыдущим, опираясь на практическую геометрию и самые простейшие однозначные числа.

Такой последовательный процесс строительства стоит в непосредственной связи с замыслом-проектом и его реализацией. Его можно наблюдать повсюду в любой стране, у любого народа, — он рождается сам собой и обусловлен

прямой необходимостью. Он действителен вплоть до освоения зодчим относительно сложной техники нормирования и вычисления каждого отдельного элемента сооружения.

Анализ формы памятников архитектуры древнейших цивилизаций дает богатый материал в подтверждение сказанному. Простейшие геометрические и отнюдь не противоречащие им целочисленные соразмерности мы встречаем при анализе памятников архитектуры Древнего Египта, культура которого граничит с эпохой неолита и уровень которой характерен для Двуречья, Сирии и Финикии, страны Мари и Хеттов, т. е. древнейшего района мира на стыке материков Африки, Азии и Европы.

Последующая стадия развития государственности, культуры и искусства — это средиземноморский мир античности, Греция, эллинизм, Рим. Но «архитектурная наука» оставалась хотя и в утонченных формах, по все же той же геометрией построения и отношений в пределах простейших, преимущественно однозначных, цифр.

10 книг об архитектуре Витрувия, римского архитектора, жившего в I в. н. э.², содержат указания по всем вопросам архитектурной науки. Это не открытия или изобретения самого Витрувия, он излагает итоги богатейшего опыта многих поколений зодчих античного мира, прежде всего греков, которые, в свою очередь, освоили опыт Древнего Египта.

В данном случае мы сосредоточим внимание лишь на теоретических указаниях Витрувия, относящихся к интересующим нас закономерностям построения архитектурной формы, содержащихся главным образом в первой книге его труда.

Витрувий говорит, что, установив типологическую форму сооружения, необходимо исходить в построении его элементов из ключевого, главного его размера. «...Соразмерность есть стройная гармония отдельных членов самого сооружения и соответствие отдельных частей и всего целого одной определенной части, принятой за исходную... Так, прежде всего в храмах соразмерность вычисляют или по толщине колонны, или по триглифу, или еще по эмбату, в баллисте — по отверстию в ее капители... в кораблях — по промежутку между уключинами... а в других сооружениях — также по их членам»³.

Но мы уже выше говорили о необходимости архитекто-

---

² Витрувий. Десять книг об архитектуре. М., 1936.

³ Там же. Кн. 1, гл. 2, 4.

ру всегда при всех условиях знать заранее задание — указание на размеры сооружения. Витрувий в этом случае не сказал нам ничего нового.

Далее Витрувий говорит о соразмерностях элементов сооружения, установленных с помощью геометрии построения. Прежде всего устанавливается во всех деталях план сооружения. И в этом указании Витрувия находятся в полном соответствии с последовательностью строительного процесса, начало которого заключается в «разбивке» плана сооружения на месте. Такой процесс назван Витрувием «ихнографией»: «Ихнография есть надлежащее и последовательное применение циркуля и линейки для получения очертаний плана на поверхности земли»⁴.

Последующий этап в суждениях Витрувия заключается в указании на закономерности в определении высотных размеров сооружения. Он указывает на прямую связь высоты здания с его размерами в плане. И в этом он следует естественной логике и процессу производства работ. По терминологии Витрувия, определение высотных размеров именуется «орфографией»: «Орфография же есть вертикальное изображение фасада и картины внешнего вида будущего здания, сделанная с надлежащим соблюдением его пропорций»⁵.

И последующее, конечное, суждение Витрувия относится к «благообразию» внешнего вида сооружения — «эвритмии» и «скенографии». Но в этом случае его указания носят не очень определенный характер. Это и понятно, так как речь идет уже о художественной стороне дела — творчестве художника, совершенстве целого, процессе и итогах восприятия. «Эвритмия состоит в красивой внешности и подобающем виде сочетаемых воедино членов. Она достигается, когда высота членов сооружения находится в соответствии с их шириной, ширина с длиной и когда, одним словом, все соответствует должной соразмерности»⁶. «Скенография есть рисунок фасада и уходящих вглубь сторон путем сведения всех линий к центру, наменному циркулем»⁷.

Как мы видим, здесь идет речь уже о конечной форме сооружения и о процессе восприятия, проверяемом с помощью перспективы. Витрувий предложил очень стройную теорию построения архитектурной формы, он в сво-

⁴ Там же. Кн. 2, гл. 2, 2.

⁵ Там же. Кн. 1, гл. 2.

⁶ Там же. Кн. 1, гл. 2, 3.

⁷ Там же. Кн. 1, гл. 2, 2.

ем классическом труде обобщил, подвел итог строительного опыта древнейших цивилизаций и античности. Его десять книг об архитектуре являются руководством или своего рода справочником для архитекторов императорского Рима.

Труд Витрувия рожден опытом, именно поэтому получил такую популярность и оказывал реальное влияние на последующее развитие архитектурной науки. Он не дошел до нас в античном, римском «издании», списки с его труда нам оставили средневековые монастырские скриптории, что прямо указывает на внимание к нему со стороны западного средневековья. Комментарий к Витрувию, изданный Чезариано⁸, иллюстрируется готической архитектурой (!). Это свидетельствует о том, что значение его труда было вне стилистических закономерностей и устанавливает общекомпозиционные закономерности, рождающиеся из созидательной архитектурной деятельности. «Ихнография» Витрувия — это не только технический прием начертания архитектурной формы, но и источник ее гармонизации.

Внимание к труду Витрувия в эпоху Возрождения в Италии можно видеть в изданиях подобных же исследований Альберти в XV в. и Палладио в XVI в., которым труд Витрувия был известен.

Мы плохо осведомлены о распространении труда Витрувия на Востоке, в византийском мире и тем не менее можем видеть на примере анализа буквально всех византийских храмов значение тех самых приемов построения архитектурной формы, которые были указаны в труде Витрувия⁹, хотя его труд, может быть, не был «на вооружении» византийских зодчих.

Приведем для примера анализ структурных форм храма Софии Константинопольской¹⁰.

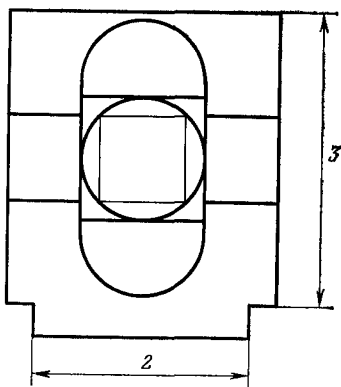
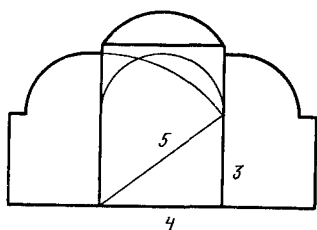
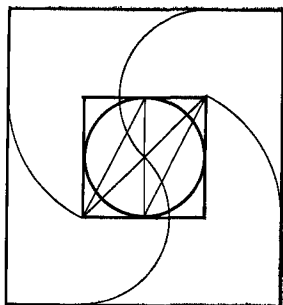
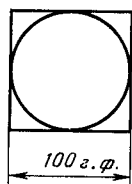
Во времена Владимира Святославича, еще до принятия христианства, Русь называлась страной городов, однако это были города деревянные, дерево было основным строительным материалом. Киев в те далекие времена — большой город и имел даже «преждевременно», до принятия христианства, деревянные церкви. Иначе говоря,

⁸ *Cesariano C. Di Lucio Vitruvio Pollione. de Architectura libri decem traducti de Latino in Vulgare. Como, 1521.*

⁹ См.: *Афанасьев К. Н.* Пропорции в русской и византийской архитектуре: Автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 1943.

¹⁰ См.: *Афанасьев К. Н.* Геометрический анализ храма св. Софии в Константинополе // *Византийский временник*. М., 1952. № 5.

ко временам строительства на Руси первых каменных храмов в стране уже была вполне развитая вековая строительная культура. Десятипная церковь, Софийские соборы в Киеве и Новгороде сооружались не в диких пустынных местах, а в центрах цветущих обширных городов, со своими традициями и кадрами строителей.

Очевидно, первыми зодчими, специалистами каменного христианского храмостроительства, были византийцы, но работы проводились по заказу и под контролем князей-ктиторов и руками местных мастеров-строителей. И действительно, например, храм Софии Киевской, сооруженный в строительных конструкциях константинопольской школы, по своей архитектуре не имеет в константинопольских храмах подобных ему образцов. У Софии Киевской обширнейшие хоры с прекрасной открытой обходной галереей и верхним светом, с которых практически пельзя было следить за богослужением. На хоры вела парадная широкая лестница, украшенная фресками с граж-

данской тематикой. Это был храм-дворец. Кстати сказать, аналогом его ячеистой структуры был в Константинополе Большой дворец византийских императоров¹¹.

На своеобразие архитектуры древнего Киева в отличие от византийской архитектуры указывал еще Н. И. Брунов, отмечая их пирамидообразный силуэт, многоглавие, ячеистую структуру, поставленную им в связь с деревянной клетью-срубом. Отметим также свободу в достройках и пристройках к храму притворов, папертей, переходов и т. п. — традиции, идущие от практики деревянного строительства.

Русская архитектурно-строительная культура рождается одновременно с образованием племенных групп восточных славян, и ее истоки теряются в дорюриковских веках. Однако сведения, относящиеся к этой древней эпохе, крайне ограничены. И это вполне понятно, так как строительным материалом были земля и дерево. Археология в этом случае бессильна.

Но все же мы не без основания можем предположить, что деревянная архитектура на Руси столь давних времен развивалась без всякого влияния строительной культуры античности или Византии. Если проследить из века в век эволюцию архитектуры из дерева на Руси, то мы встретимся с непрерывным путем независимого развития вплоть до нашего времени, и венцом этого развития являются, например, дошедшие до нас широко известные прекрасные храмы в Кондопоге и Кижах... Конечно, кое-какие стилистические влияния имели место, — это несомненно, но отнюдь не нарушающие последовательного развития традиций деревянной архитектуры. И в то же время очевидно влияние традиций деревянного жилища, например, на каменное строительство жилых зданий XVII в.

Христианизация Руси во времена Владимира не зачеркнула традиций местной русской художественной культуры, для формирования которой не прошли бесследно предшествующие века истории. Бесспорно, прикладное и орнаментальное искусство несло на себе следы влияния на славянскую художественную культуру потока племен в сложную эпоху переселения народов.

Говорить о культуре Киевской Руси как провинциальной культуре Константинополя — это было бы тенденциозно и противоречило бы историческим фактам. Равно как Византия не была провинцией Рима, Рим — Греции, а Гре-

---

¹¹ Всеобщая история архитектуры. М; Л., 1966. Т. 3. С. 32. Рис. 10.

ция — Египта, так и Киевская Русь — отнюдь не провинция Византии. История культуры свидетельствует не о механических культурных заимствованиях, а о творческой самостоятельности жизни народов, развивающих свои местные традиции. Что, конечно, не исключает взаимосвязей и влияний. Ярчайшим проявлением национального художественного идеала, национального художественного гения в русской архитектуре средних веков стал храм Покрова на рву (Василия Блаженного). В голову не приходит никаких апалогов и следов иноземных влияний. Разве что Наполеон назвал этот храм мечетью, усмотрев в нем следы искусства Востока!

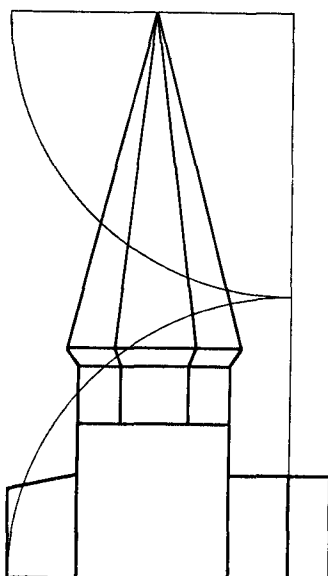
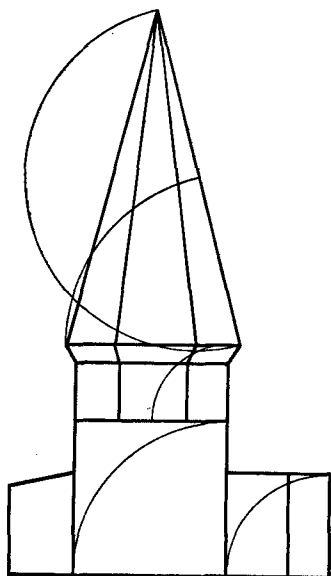
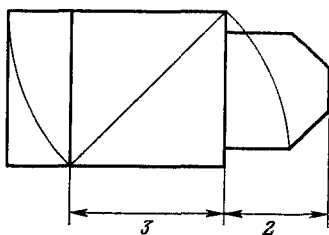
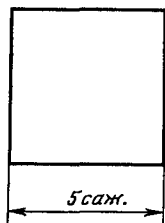
У нас нет документальных данных о использовании труда Витрувия в Византии и тем более в Киевской Руси, но его теоретические обобщения, относящиеся к архитектурно-строительной культуре античности, оказались вполне и точно отражающими методы построения архитектурной формы не только в Византии, о чем у нас уже была речь, но и на Руси.

Античное и средневековое искусство, несмотря на разнообразие стилевых характеристик, остается на одном и том же уровне научно-технических знаний. Статика сооружений, сопротивление материалов остаются в границах опыта и интуиции. Геометрия построения и простейшие арифметические расчеты дают «форму» и обоснование принимаемым решениям. И нет нужды нам ставить практическую геометрию древнерусских зодчих в непосредственную связь со всей мудростью десяти книг Эвклида и Витрувия.

Возьмем для примера хотя бы один из деревянных храмов нашего Севера, в архитектуре которого исключаются всякие на нее иноземные влияния. Например, Дмитриевскую церковь села Верхняя Уфтюга Архангельской обл. Оказывается, его геометрия ничуть не противоречит теории Витрувия.

Таким образом, мы должны констатировать, что русская архитектура развивалась в полном соответствии с теорией Витрувия, но без его непосредственного участия. Витрувий без Витрувия! Это говорит нам о стадийном развитии строительного искусства и о многовековом строительном опыте, породившем трактат Витрувия.

Витрувий устанавливает последовательность построения архитектурной формы методами практической геометрии, но не обуславливает эти построения поисками того или иного художественного образа. Единственное его за-

мечание, относящееся к этой проблеме, заключается в указании на мужественность облика дорического ордера и женственность ионического.

Однако гармонические основы античной и средневековой архитектуры, очевидно, основываются на последовательном (печто вроде ценной реакции) построении структурных геометрических архитектурных форм, что обуславливает их композиционную общность и пропорциональность. И вот в этом-то и заключаются возможности, которые открываются перед зодчим, стремящимся в своем творчестве отразить закономерность и красоту окружающего нас мира.

НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ТРАКТАТА ТЕОФИЛА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Философская книга как историко-культурная тема трактуется очень широко во времени, вплоть до XVII в., вследствие чего обоснованно преимущественное внимание к книжному варианту научных и философских знаний¹. Что касается домонгольского времени, то письменные источники здесь не могут быть главными². Чтение и понимание древних текстов, независимо от их содержания, требует специальной подготовки. Опуская методологический и психологический аспекты изучения древних текстов, хотелось бы подчеркнуть необходимость корректного соотнесения содержания древних научных сочинений с синхронными реалиями и практикой. Мысль эта не новая, но хотелось бы ее напомнить, поскольку она определяет путь, следуя которому, можно проверить и оценить степень адекватности наших представлений о «науке» и философии в древней Руси с реальным или вероятным содержанием этих отраслей знания.

Практика древних раскрывается в наши дни с помощью современных исследовательских приемов. Моделирование этой практики в чистом виде невозможно, оно всегда несколько условно и приблизительно³. Ю. И. Гренберг, Н. В. Изопольская и Н. А. Киселев правы, решив рассматривать иконописный подлинник как разновидность ремесленной книги⁴.

¹ См.: Естественноточные представления Древней Руси. М., 1978.

² См.: *Афанасьев К. Н.* Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961; *Кузаков В. К.* Очерки развития естественноточных и технических представлений на Руси в XI–XVII вв. М., 1976.

³ См.: *Колчин Б. А.* Археология и естественные науки // МИА. 1965. № 129. С. 18–19, 338–339; *Семенов С. А.* Первобытная техника // МИА. 1957. № 59; *Он же.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968; *Schuler E.* Ancient glass-making Techniques // *Archaeology*. Vol. 12, N 1. P. 4d–52; N 2. P. 116–122.

⁴ Доклад на заседании секции Советского национального объеди-

Древнерусская ремесленная продукция в силу того, что изделия такого рода являются хранилищем всей полезной технической информации, выражением художественной культуры и эстетических норм своей эпохи, является надежным источником, из которого можно черпать знания и о древних представлениях о технических «науках», и о собственно «науках»⁵.

Практика древних, которая во многом становится известной благодаря археологическим находкам, может быть рассмотрена не только как совокупность некоторых знаний. Она может быть рассмотрена как развивающееся динамическое качество, поскольку археологические находки в ряде случаев дают статистически представительные серии. Более того, археологические находки, сделанные на территории Древней Руси и изученные в наших лабораториях, проясняют содержание специальных сочинений, к числу которых можно было отнести Трактат о разных искусствах, созданный монахом Теофилом из Падерборна⁶.

Специальные главы его трактата посвящены стеклу и эмалям и содержат практические рекомендации, касающиеся возведения печей, выбора и приготовления сырья, техники контроля технологических процессов, техники изготовления и украшения изделий⁷.

Согласно новейшим исследованиям, часть трактата, посвященная эмалям, вполне реальна по своему содержанию, имеет много подтверждений в сохранившихся изделиях и надежно связана с ними⁸. Текст, посвященный другим материалам и ремеслам, также не вызывает сомнений. Странное исключение составляют главы о стекле. Сведения, касающиеся стекловаренных печей, температурного режима в них, состава и технологии получения так называемого ординарного стекла, согласно многим авторитетным исследованиям, представляют практический интерес и могут служить основанием для правильного суждения о практи-

---

нения историков естествознания и техники в 1981 г.: Гренберг Ю. И., Изопольская Н. В., Киселев Н. А. Иконописный подлинник как разновидность ремесленной книги.

⁵ См.: Джонс Дж. К. Инженерное и художественное конструирование. М., 1976.

⁶ Theobald W. Technik des Kunsthandwerks im Zehnten Jahrhundert. Des Theophilus Presbiter Diversarum artium schedula. Berlin, 1933; Манускрипт Теофила «Записка о разных искусствах» // Сообщения ВЦНИЛКР. М., 1973. Вып. 7.

⁷ См.: Манускрипт Теофила... Кн. 2, гл. 1–31.

⁸ См.: Макарова Т. И. Перегородчатые эмали древней Руси. М., 1975. С. 128–129.

ке стекловарения в средневековой Европе⁹. Как показывают анализы изделий из стекла, рецептура стекловарения в средневековой Европе была более сложной и разнообразной; в разных мастерских использовались разные рецептурные нормы, разное сырье, разные технологические приемы¹⁰. Сведения о них не попали в трактат Теофила, но они существовали, имели свои корни, собственную историю и собственные перспективы развития. Эти сведения, взятые совокупно, полнее представляют действительное положение вещей, чем трактат. Он отражает только ту часть знаний, которая циркулировала в круге, близком к автору.

Рассказ Теофила о росписи стекла цветными эмалями и красками, как показали наблюдения над предметами из раскопок, не имеет реальных подтверждений и представляет собой не что иное, как смелое предположение, выдаваемое за реальность и предлагаемое в качестве практической рекомендации¹¹. Столь же фантастичны рекомендации Теофила по изготовлению цветных стекол, шафранных и пурпурно-красных.

Для получения стекла шафранного цвета Теофил советует белое плавить около трех часов с того момента, когда оно в горшке начнет принимать желтый цвет. Чтобы получить пурпурное стекло, нужно желтое стекло плавить еще около трех, а лучше шести часов, и тогда оно станет пурпурным и безупречным¹².

Прозрачные красные стекла, «золотые рубины», появились только в XVII в. Средневековые прозрачные красные стекла имеют сложную структуру и состав. Это стало известным благодаря проведенным в недавнее время рентгеноструктурным исследованиям¹³. На протяжении всего

---

⁹ См.: *Фармаковский М. В.* Римские стекловаренные печи // Известия ИАТ. Пр., 1922. Вып. 1. С. 137–165; *Geilmann W.* Beitrage zur Kenntnis alter Gläser, III // *Glastechnische Berichte*. 1955. N 4; *Charleston R. J.* Glassfurnace throught the ages // *Journal of Glass Studies* Corning. N. Y., 1978. Vol. 20. P. 9–23.

¹⁰ См.: *Безбородов М. А.* Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969. Приложение. *Foy D.* Vitraux découverts dans les fouilles médiévales du sud-est de la France // *Annales du 7e Congrès de l'AIHV*. Liège, 1978. P. 189–222.

¹¹ См.: *Шапова Ю. Л.* Трактат Теофила и производство стекла в средневековой Европе // Новое в археологии. М., 1972. С. 191–197.

¹² Манускрипт Теофила... Кн. 2, гл. 7, 8.

¹³ *Vassas C. D.* Etude chimique, thermographique et physique de verre de virtaux du moyen age // *Communication artistiques et histo-*

средневековья и ренессанса прозрачные красные стекла характеризуются сложной конструкцией, в которой непрозрачные красные стекла в виде тонких слоев чередовались с тонкими слоями прозрачного бесцветного стекла. Иногда таких слоев насчитывалось более десятка, иногда — три-четыре.

Если же следовать советам Теофила, то можно получить не шафранное и тем более не пурпурно-красное, а темное бутылочно-зеленое стекло. И тем не менее текст Теофила обладает впечатляющей силой и звучит уверенно. Заметим, что в средние века только византийские греки умели варить пурпурное стекло, ни западноевропейскому стеклоделию, ни Теофилу этот секрет греков не был известен.

И тем не менее нельзя оставлять без внимания этой отчаянной попытки Теофила научить тому, чего он сам не знал. Его внимание к цветным, и особенно к желтым и красным стеклам, безусловно, отражает и фиксирует насущную потребность западноевропейского стеклоделия, стремящегося доступной и приемлемой технологией получить прозрачное цветное стекло, столь необходимое для витражей.

Совершенно очевидно, что книжный вариант естествонаучных представлений отражает не только реальные знания, сведения, достижения, но, как мы видим, и желаемые, выдаваемые в контексте за действительные. И в этой связи наши представления о знаниях древних, почерпнутые из их книжной мудрости, непременно должны быть соотносены с их реальными возможностями, которые определяются и устанавливаются независимо и непредвзято, с помощью современной аналитической техники.

С помощью все тех же аналитических приемов удалось найти соответствие между текстом Теофила и археологическими находками. Речь идет о кольцах, изготовленных из желтого и голубого непрозрачного стекла, состав которого описан Теофилом. Но и в этом случае не обошлось без противоречий. Текст Трактата написан, как считают одни, в X в., как считают другие, — в первой половине XII в., что, на мой взгляд, правильное. Независимо от времени

---

riques. (IX Congrès international du verre. Versailles, 1971). Paris, 1972. P. 284–288; *Bettembourg J. M.* Etude de verre bleu de vitraux: Analyse par spectrométrie et d'absorption atomique // *Ibid.* P. 225–240, fig. 5–7; *Spitzer-Aronson M.* Physique et recherches fondamentale au service de l'histoire des vitraux médiévaux // *Annales du 7e Congrès de l'AIHV. Liège*, 1978. P. 316–320.

написания Трактата противоречие не снимается, поскольку кольца, соответствующие описанию, происходят из слоев XIV в.¹⁴ Несоответствие дат хотелось бы отнести в актив Теофила, поскольку не исключено, что именно столько времени, около 150 лет (срок достаточно большой и для средневековья), могло потребоваться для того, чтобы изобретение, именно так хотелось рассматривать эти рекомендации Теофила, получило свое практическое применение.

Приводимые примеры соотношения книжного варианта технических знаний с овеществленным вариантом этих знаний обнаруживает не менее трех возможных комбинаций связи: частичное отражение реальных знаний в книжных, ирреальность книжных знаний, эвристический характер некоторых книжных знаний с заметным опережением практики.

Связь науки и практики — важнейший познавательный инструмент истории науки. Сложным и нередко опосредованным путем, путем анализа практических результатов, можно восстанавливать объем и содержание научных представлений в Древней Руси, особенно для эпох, бедно представленных или совсем не представленных в письменных источниках и не имеющих книжного варианта этих знаний. Этим путем можно не только представить объем знаний, но и оценить их эволюцию, ее характер, направление и темп.

---

¹⁴ См.: Щапова Ю. Л. Тракта́т Теофи́ла... С. 195–196.

Е. К. Пиотровская

ЗАМЕЧАНИЯ О «ВНОВЬ НАЙДЕННОМ» СОФИЙСКОМ СПИСКЕ «УЧЕНИЯ О ЧИСЛАХ» КИРИКА НОВГОРОДЦА

Современные исследователи древнейшего дошедшего математического сочинения Древней Руси «Учения о числах» Кирика Новгородца (первой половины XII в.) до недавнего времени считали, что в истории рукописной тради-

ции потеряны сведения об одном из списков текста, так называемом Софийском № 475¹.

Как нам стало известно, в архиве ЛОИИ СССР АН СССР в коллекции археографической комиссии (11-й) хранится сборная рукопись XVI в., № 425, в которой л. 45 об.— 50 об.— текст трактата Кирика «Учение им же вѣдати человеку числа всѣх лет»².

На основании кодикологического анализа рукописи, а также сопоставления текста списка с текстами других сохранившихся рукописей сочинения Кирика можно утверждать, что это и есть текст Софийской рукописи. Следует, однако, отметить тот факт, что список этот дефектный. Мы имеем в виду следующее обстоятельство: в нижней части л. 49 вырезан текст объемом в две строки. По содержанию это та часть текста сочинения Кирика, в которой должно было бы говориться о числе месяцев в году (т. е. текст раздела 16 по традиционно принятому делению текста сочинения на части). Внизу листа вписан вырезанный текст почерком XIX в. Соответственно отсутствует текст и в конце л. 49 об., а далее вырезан целый лист рукописи (сохранился лишь обрез в 1,5 см).

Сравнение текста «Учения» по данному списку с текстом Погодинского списка (ГПБ, собр. Погодина № 76, XVI в.) как одного из древнейших показывает, что в первом списке отсутствует текст разделов 19—27 (т. е. той части «Учения», которую принято называть «О дробном числе»).

На следующем л. 50 рукописи из Архива ЛОИИ СССР написан текст о еврейской пасхе (собственно, лишь часть пространного окончание текста сочинения Кирика), в верхней же части листа, над полем текста, по горизонтали, и справа на полях, по вертикали, дописаны недостающие сведения из этой части текста тем же почерком, что и на л. 49 об.³

Таким образом, можно предполагать, что текст раздела «О дробном числе» был на вырезанном листе. Итак, перед

¹ См., например, работу: *Симонов Р. А.* Кирик Новгородец. М., 1980. Здесь же приводится обширная библиография работ XIX—XX вв.

² См.: *Сидоров Н. И.* Рукописи императорской археографической комиссии. Первое прибавление. СПб., 1907. С. 13—17.

³ Более подробно анализ текста см.: *Пиотровская Е. К.* Об одном списке «Учения о числах» Кирика Новгородца из собрания архива ЛОИИ АН СССР // ТОДРЛ. М.; Л., 1985. Т. 40. С. 379—384; см. также: *Симонов Р. А.* 850 лет «Учению» Кирика Новгородца // Рус. речь. 1986. № 6. С. 103.

последующими исследователями сочинения Кирика естественно встанет ряд вопросов, которые требуют тщательного историко-лингвистического и текстологического анализа всей дошедшей рукописной традиции «Учения о числах», а также попытки объяснения «исчезновения» части текста памятника.

В. Г. Брюсова

МЕТРОЛОГИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ «МЕРЫ СПАСОВУ ОБРАЗУ»

Древнерусская письменность сохранила ряд произведений, содержащих в себе промеры отдельных памятников и сооружений: длину городских стен, размеры зданий, «чудотворных» икон и т. п. Эти промеры дают ценный материал для воссоздания древней системы мер длины, для изучения архитектурно-строительной математики. К числу таких статей относится «Мера Спасову образу» — составная часть «Сказания о святой Софии Новгородской», одного из наиболее распространенных в рукописном наследии Новгорода¹.

В своем полном виде Сказание состоит из трех основных частей. В первой содержатся исторические сведения о построении Новгородской Софии и о росписи ее главы. Вторая часть включает в себе легенду о Спасовом образе и о «сжатой деснице». Третья часть, с собственным подзаголовком «Мера Спасову образу», приводит размеры купольной фрески с образом Вседержителя, размеры изображений архангелов и пророков в барабане, а также диаметр трибуна («внутри около шеи») и расстояние от пола до скупы купола. Приведем в качестве образца один из списков «Сказания о святой Софии Новгородской» в составе так называемого «Летописца новгородского церквам Божиим»:

---

¹ Автором сообщения изучено более двухсот списков Сказания, выявленных в рукописных сборниках XVI—XVII вв., преимущественно новгородского происхождения. Текстологическое исследование подготавливается к публикации.

«В лето 6553 [1045]. Заложил великий князь Владимир Ярославич, а внук великаго князя Владимира Киевского и всея России, крестившаго Русскую землю, в Великом Новгороде церковь каменную святыя Софии, при втором епископе Луки, а делали ю 7 лет, и устроиша вельми прекрасну и превелику; а в то время служили во храме святых праведных богоотец Иоакима и Анны. И устроив церковь приведоша иконных писцов из Царяграда, и начаша подписывати во главе, и написаха образ господя бога и Спаса нашего Иисуса Христа со благословящей рукою, иконописцы же писаша по три утра, и на четвертое утро глас бысть от образа господня иконным писцом глаголющ: писари, писари, о писари! не пишите Мя с благословящею рукою, напишите мя сжатою рукою, аз бо в сей руке моей сей Великий Новгород держу, а когда сия рука моя распространится, тогда будет граду сему скончание. Мера тому Спасову образу: от венца до пояса пол-четыре сажени, а около венца 43 пяди, носу длина пол-4 пяди, устне полторы пяди, очи по-2 пяди, рука зжатая длань шесть пядей, а простертая длань 8 пядей, подпись «Иисус Христос» по 14 пядей, архангели и херувимы над окны написаны стоящие по 16 пядей мерных, а внутри главы кругом, где окна, 12 сажень; а от Спасова образа ото лбу до мосту церковнаго 15 сажень мерных. А писали Спасова образа годишное время и боле»².

Каждая из трех частей Сказания, которые могут быть названы как «историческая» часть, «легенда» и собственно «мера образу», встречается иногда самостоятельно, независимо от других, но большинство списков представлено вариантами, в которых соединены вместе две первые части или все три. И хотя каждая из частей имеет свою особую тему, представляющую собственный интерес: первая — преимущественно для историков и искусствоведов, вторая, легенда, — для литературоведов, а третья — для изучения древнерусской метрологии, — при всей кажущейся самостоятельности и независимости друг от друга, эти три части по своему внутреннему смыслу между собой теснейшим образом связаны.

Рассмотрим в настоящем кратком сообщении три вопроса: 1) о дате появления «Меры Спасову образу» и принятой в ней системе измерения; 2) о датировке Сказания в целом; 3) о подлинном содержании, заключенном

---

² Новгородские летописи. Так называемая Новгородская вторая и Новгородская третья летописи. СПб., 1879. С. 171–172.

в «Мере Спасову образу» как составном элементе «Сказания о святой Софии Новгородской».

Исследование списков «Меры Спасову образу» показывает наличие пескольных вариантов текста, которые различаются между собою в следующих частностях: в последовательности промеров разных величин, в их наименовании, а в ряде случаев и в самих размерах.

Наиболее постоянным оказывается размер барабана по внутренней и паружной окружности. Внутренний размер — «около шеи» — по всем спискам равен 12 саженим, а по промерам его в натуре дает цифру 19 м, что составляет размер сажени 152 см, т. е. как раз ту самую тмута-раканскую сажень, размер которой был установлен для домонгольского периода Б. А. Рыбаковым³, а впоследствии был принят и другими авторами⁴. Размер расстояния «ото лба Спасова образа до мосту церковнаго» встречается в двух вариантах: в одной группе списков указана цифра 18 сажень мерных, а в другой группе — 15 сажень. Этот второй размер и был принят Б. А. Рыбаковым, что при просчете дает другую величину сажени — 158 см⁵. Появление двух размеров сажени потребовало признания возможности применения разных по величине сажень для горизонтальных и вертикальных промеров, что иногда встречается в практике древнерусского зодчества. Однако более точный промер высоты купола с учетом позднейшего повышения уровня пола дает другую величину — не 30,8 м и не 26,4 м высоты подкупольного пространства, но 27,3⁶, и, таким образом, правильной является цифра не 15, но 18 сажень, которая как раз и присутствует в более ранних списках «Меры Спасову образу». В таком случае мы получаем и здесь ту же самую тмута-раканскую сажень в 152 см, как и в промере внутренней окружности барабана.

³ См.: Рыбаков Б. А. Русская система мер длины XI–XV веков // Советская этнография. 1949. № 1. С. 69.

⁴ См.: Черепнин Л. В. Русская метрология. М., 1944. С. 22. Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961. С. 286; Пилецкий А. Л. Система размеров и их отношения в древнерусской архитектуре // Естественные научные знания в древней Руси. М., 1980. С. 63–108; и др. соч.

⁵ См.: Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 77.

⁶ См.: Штендер Г. М. Отчет о работах в Софийском соборе Новгорода. 1967. Новгородская специальная научно-реставрационная мастерская (рукопись). Л. 145. Цифра 15 сажень высоты купола дает другой размер сажени — 177 см, т. е. мерную сажень, применявшуюся в XVII в. Возможно, в это время размер был исправлен в соответствии с новой длиной сажени.

Имеются разночтения и в промерах изображения Слеса и других фигур. Некоторые из них явились, несомненно, вследствие ошибок и описок, закрепившихся при переписке.

Фигуры архангелов и пророков в барабане Софийского собора сохранились⁷, и их размер дает нам твердые величины. Для архангелов это 3,7 м; разделив эту цифру на 17,5 пядей «меры», получим размер пяди в 20 см. Высота изображения пророков — 3,2 м, тогда как, согласно «меры», их размер указан в 15,5 пядей, что опять-таки дает пядь в 20 см. Этот размер приближается к малой пяди, установленной Б. А. Рыбаковым как равной 19 см из расчета, что промер производился большим и указательным пальцами; но на практике для промера пользуются большим и безымянным пальцами, что и даст пядь в 20 см⁸.

При установлении даты первоначального промера образа Спаса следует учитывать следующие обстоятельства. Промер был произведен в тот момент, когда в храме стояли леса, т. е. в момент создания фрески или ее реставрации. Натурное изучение памятника в процессе проведения реставрационных работ показало, что наиболее раннее «поновление» купольной росписи произведено в XVII в., когдаштукатурное основание местами было почищено и прописаны фона. В это время и Сказание и «Мера Спасову образу» были уже широко распространены в письменности. Что касается древнейшего периода, в Софийском соборе, как ныне установлено, работы производились в главном помещении храма в два приема: в 1051—1052 гг., когда появились купольная роспись и отдельные композиции в пизжей части храма, и в 1108—1112 гг., когда был расписан главный храм и его приделы⁹. Но если центральная глава к началу XII в. была уже расписана, тогда не было надобности возводить при работах 1108—1112 гг. леса в центральном барабане. Остается признать, что знаменитая фреска была промерена сразу после ее появления, т. е. в 1052 г.

⁷ См.: Брюсова В. Г. О технике стенописи Софии Новгородской // Сов. археология. 1974. № 1. С. 200—203.

⁸ Ряд вариантов дает размер в аршинах, однако это исправление принадлежит переписчикам позднего времени. В отдельных списках размер архангелов и пророков поменялся местами.

⁹ См. также: Брюсова В. Г. О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде (XI — начала XII в.) // Сов. археология. 1968. № 1. С. 103—114.

Подтверждением этому служит приписка, имеющаяся в ряде списков «меры». При указании высоты «ото лба до мосту церковного», т. е. до пола, имеется заметка: «доколе подымут мост»¹⁰, а в одном из списков добросовестный переписчик указал: «доколе подымут мост было»¹¹, т. е. такая запись была первоначально, до поднятия уровня пола, а во время переписки текста «меры» пол уже был поднят, о чем переписчику было известно. Но первое повышение уровня пола было произведено уже в 1151 г., когда появился мозаичный пол с инкрустацией смальтой¹², и, следовательно, промер произведен до этой даты. Мы получаем новое доказательство в пользу того, что фреска была промерена сразу после ее написания.

В этом убеждает также то обстоятельство, что оказались промеренными не только образ Спаса, но и сопутствующие ему фигуры, в том числе архангелы и пророки, т. е. все изображения, появившиеся на первом этапе росписи¹³. В то же время отсутствует промер фигуры Богоматери в конце алтаря, которая написана позднее, в начале XII в., тогда как в иерархии образов она занимает особо высокое положение.

Вывод о древнем происхождении «Меры Спасову образу» находит подтверждение и при анализе других частей «Сказания о св. Софии». Вопреки высказывавшемуся в литературе мнению о позднем происхождении Сказания в XV или даже XVII в.¹⁴ мы обнаруживаем более длительную и сложную историю развития текста. Уже в XVI в. имелось шесть основных редакций Сказания, а всего их существует восемь, не считая литературных переработок или свободных пересказов, что имело место в XV—XVIII вв.

---

¹⁰ См.: Новгородские летописи. Так называемая Новгородская вторая и Новгородская третья летописи. С. 172.

¹¹ См.: ГИМ. Увар. 406, Сборник (из собр. Царского), скороп., в лист, начало XVIII в. Л. 178.

¹² См.: Штендер Г. М. К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 98—102.

¹³ См.: Брюсова В. Г. О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде. С. 103—114; Мединцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978. С. 33—60.

¹⁴ См.: Мясоедов В. К. Фрагменты фресковой росписи св. Софии Новгородской // Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. СПб., 1915. Вып. X; Лазарев В. Н. О росписи Софии Новгородской // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 8—9; и др.

Не имея возможности в пределах краткой статьи дать характеристику всех основных редакций Сказания, приведем наиболее существенные выводы, полученные в итоге классификации его списков.

Сказание встречается в составе летописей и сборников. Различие редакций состоит в основном в разночтениях первой части, исторической. Эта часть предлагает разные даты построения Софии, различные имена князей — Владимира Ярославича или Ярослава, есть и другие чтения. Комплекс исторических сведений имеет прямые аналогии в текстах того или иного летописного свода. Есть редакции, включающие в себя двойную «шапку» с историческими сведениями о построении Софии, с разными датами, именами и титулатурой¹⁵. Присутствие двойного комплекса сведений говорит о том, что Сказание дважды включалось в состав летописного свода и затем переходило отсюда в сборники, увлекая за собой сведения о построении Софии. Теснейшая связь произведения с летописями позволяет поставить его в зависимость от истории летописания.

Сказание включено в летописи не позднее начала XV в.: на одном из списков имеется приписка, что оно выписано по указу митрополита Корнилия в 1683 г. «из старых летописцев книги болшие харатейные в десть»¹⁶. В другом случае писец сопровождал имя строителя храма Ярослава Владимировича маргиналией: «а инде пишет Всеволодиче»¹⁷; ему, следовательно, известны были списки с именем Ярослава Всеволодовича. Эта ошибка позволяет отпести текст ко времени, когда в Новгороде было более известно имя Ярослава Всеволодовича, чем Ярослава Владимировича, т. е. к XIII в. Значительные расхождения в датах и именах, иногда ошибочных, но стойко

---

¹⁵ В качестве примера приведем следующий текст: «Летописец о святой Софеи Премудрости божии иже стоит в Великом Новеграде... В лето 7552 заложих князь Владимир Ярославичь и владыка Лука святую Софею каменную в Великом Новгороде. Сказание о церкви святыя Софея Премудрости божия в Великом Новеграде как создана бысть в лето 7559. Благоверный и великий князь Ярославль Владимирович и сын его великий князь Владимировичь (так! — В. Б.) поставил церковь святыя Софея Премудрость божия каменную иже в Великом Новеграде при архиепископе Великого Нова града владыце Луке» (БАН. 33.4.32. Сборник XVII—XVIII вв. Л. 68 об.—69).

¹⁶ ЦГАДА. Ф. 181. № 646. Сборник XVII в. Л. 267.

¹⁷ ГИБ. Соф. 1245. Сборник («Книга о вере»). XVII в., в 4°. Л. 257.

закрепившихся в отдельных видах и группах Сказания, говорят о древности его возникновения¹⁸.

Сказание содержит ряд исторических реалий: мы узнаем, что церковь Софии строилась семь лет, «а служили те семь лет в церкви Иоакима и Анны», а образ Спаса «писали годишное время и боле». Эти конкретные подробности не пришли бы в голову автору более позднего времени. Материалы из отчетов В. В. Суслова подтверждают сведения о приглашении мастеров «из Царяграда»: фигура «Галия» на подпрудной арке имела греческие надписи¹⁹. Высокий художественный уровень исполнения отдельных фигур не оставляет сомнения в том, что это были мастера, связанные с константинопольской школой²⁰.

В совокупности все отмеченные элементы исторической части Сказания, несомненно, свидетельствуют о глубокой древности первых записей о построении храма Софии и росписи его главы. На это же указывает и средняя часть Сказания — собственно легенда о Спасовом образе, рассказ о «чуде» — о написании десницы не благословляющей, но сжатой²¹. Весьма архаична и лексика этого литературного произведения, в древнейших редакциях вся укладывающаяся в словарь летописей домонгольского времени²². К древним византийским легендам относится и

¹⁸ Назовем некоторые из списков Сказания, относящиеся к XVI в.: ГБЛ. Волоч. 491. Сборник XVI—XVII вв., в 4°, па 495 л. Л. 156 об.; ГБЛ. Волоч. 627. Сборник начала XVI в., в 8°, 98. Л. 57 об.—58; ГИМ. Воскрес. 154, Летописец XVI в., в 1°, па 1431 л. Л. 1399; Новгородская четвертая летопись (по списку Дубровского) // ПСРЛ. Т. IV. Пг., 1915. С. 471.

Важной вехой в истории текста является пространная редакция Сказания, входящая составной частью в «Чудо от иконы Знамение». Есть основание связывать это произведение с именем Пахомия Сербца, написавшим для архиепископа Евфимия II ряд произведений в связи с канонизацией в 1440 г. новгородских святых. Нам известно несколько списков данной редакции с заголовком: «Сказание чудно и вещь предивна в пресловущем Великом Новеграде» — по рукописям: ГИМ. Забел. 261. Л. 71 об.; ГБЛ. Муз. 733. Л. 90 об.; и др.

¹⁹ См.: Архив Академии художеств СССР (Ленинград). Ф. В. В. Суслова, № А-14649.

²⁰ См., например, изображение архангела в трибуне: Брюсова В. Г. О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде. Рис. 2. С. 109.

²¹ См.: Брюсова В. Г. Фреска Вседержителя Новгородской Софии и легенда о Спасовом образе // ТОДРЛ. М.; Л., 1968. Вып. XXII. С. 57—64.

²² См.: Чернышевский Н. Г. Опыт словаря по Ипатьевской летописи // Известия Отд. русского языка и словесности АП. СПб., 1853. Т. II. Прибавления.

тип сказаний о говорящих иконах, такие легенды широко импортировались на Русь в XI—XIII вв. Достаточно напомнить некоторые эпизоды из Хождения архиепископа Антония, эпизоды из Киево-Печерского патерика и т. п.

Таким образом, «Сказание о святой Софии Новгородской» можно признать произведением древним, близким к времени построения храма. Однако три его части, как мы полагаем, возникли независимо друг от друга. Первая, историческая, часть связана с историей летописания. Вторая часть — чудо от Спасова образа — принадлежит, по-видимому, к числу литературных произведений, происхождение которых связывается с устной проповедью, или «словом»²³. Во многих списках Сказания сохранилось в заголовке именно это наименование — «слово». Легенда, очевидно, отразила сложившееся в народе предание, о чем свидетельствует эпический дух, прием троекратного действия. Фольклорные мотивы были переработаны в «слово», которое произносил, по-видимому, новгородский епископ во время богослужения, обращаясь к купольной фреске Вседержителя. О том, что переработка принадлежит церковнику, свидетельствует насыщенность церковнославянской лексикой: «простертая длать», «власы», «глас», «глава», «благословящая десница» и т. п.

Близость этой части сказания к кругу легенд Печерского патерика заставляет искать автора «слова» среди воспитанников лавры, а такими были епископ Никита (1096—1108) и епископ Нифонт (1131—1152). Однако с Нифонтом трудно было бы связать это произведение, пропущенное чисто новгородским патриотизмом, тогда как сомневаться в повгородском происхождении епископа Никиты у нас нет оснований²⁴.

В пользу того, что легенда получила литературное оформление как «слово» при епископе Никите, во время новгородского княжения Мстислава Владимировича, имеется ряд аргументов. В легенде еще нет противопоставления духовной власти — княжеской, что станет обычным для времени епископа Нифонта и позднее. Антицерковные движения второй половины XI в. — киевское восстание, жертвой которого стал повгородский епископ Стефан (1068), восстание волхвов 1076 г. — все это заставило цер-

²³ См.: *Лихачев Д. С.* Возникновение древнерусской литературы. М.; Л., 1952. С. 90—110.

²⁴ См.: *Брюсова В. Г.* Фрески Софии Новгородской: Дис. ... д-ра искусствоведения. Л., 1976. С. 287—299.

ковь предпринять активные меры идеологического воздействия. Храм святой Софии получил к этому времени значение символа политического могущества Новгорода, а купольное изображение Вседержителя приобрело смысл покровительства и одновременно стало как бы напоминанием о том, что судьба города — «в руке божией». Легенда отразила восхищение храмом Софии, его росписями с грандиозной центральной фигурой в куполе — изображением Вседержителя, в котором поражал необычный вид десницы Спаса — не благословляющей, но сжатой. Этот мотив преломляется в художественный образ большого обобщения.

Третья часть «Сказания о святой Софии Новгородской» — «Мера Спасову образу» — также без труда найдет себе литературно-исторические аналогии. Достаточно привести в качестве примера библейские описания Соломонова храма — Сиопа или ковчега завета господня, или же промеры святынь, привозимые русскими паломниками. Такие статьи имели и самостоятельное хождение в сборниках, особенно — новгородского происхождения²⁵. Промер священных предметов должен был служить документальным материалом для воспроизведения «святынь» (например, «гроба господня») и поразить воображение читателя.

Такого рода промер и был сделан Спасову образу, причем сделан он был в русских древнейших единицах измерений. Размеры производили, несомненно, впечатляющее действие: простертая длать — восемь пядей — 1,6 м, нос Христа — три с половиной пяди, т. е. около 70 см и т. п. Указан и промер «шеи» — барабана во главе Софии (двенадцать сажень), чтобы подчеркнуть грандиозность постройки храма, на расстоянии менее осязатую.

Промер образа Спаса произведен, как мы могли убедиться, сразу после его создания, а полвека спустя получает литературное оформление и легенда о Спасовом образе. Впоследствии эти два элемента «Сказания о святой Софии Новгородской» попадают в состав летописи, а затем снова периодически исключаются из летописных сводов и входят в сборники как самостоятельное произведение, чтобы снова вернуться в состав уже другой летописи. По распространенности Сказание, несомненно, занимает первое место среди произведений новгородской письменности, что говорит о его чрезвычайно большой попу-

²⁵ См., например: Сборник XVII в. ГПБ. Q. XVII. 177. Л. 1 об.—3.

лярности. А это, конечно, объясняется патриотическим смыслом его символики.

«Сказание о святой Софии Новгородской» и связанная с ним «Мера Спасову образу» являются замечательным творением новгородской письменности, где сочетается лаконизм и краткость изложения, историческая основа и могучая художественная выразительность, а наряду с этим — бесспорная метрологическая достоверность «меры».

А. А. Турилов

О ДАТИРОВКЕ И МЕСТЕ СОЗДАНИЯ КАЛЕНДАРНО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ — «СЕМИТЫСЯЧНИКОВ»

Известное сочинение Кирика Новгородца «Учение, им же ведати человеку числа всех лет», составленное в 1136 г., занимает исключительное место в ряду календарно-математических текстов, распространенных в средние века в регионе «Slavia Orthodoxa». Сложность предпринятых в нем расчетов не оставляет, однако, сомнений в том, что это итог длительного усвоения и развития математических знаний на русской (а возможно — и южнославянской) почве.

До нас дошел ряд календарно-математических текстов в списках XV—XVIII вв., до определенной степени сходных с «Учением» Кирика. Речь идет о так называемых «семитысячниках» (термин Р. А. Симонова)¹. Под этим названием объединены тексты, содержащие сведения о числе месяцев, недель, дней, часов, високосов, високосных часов, индиктов, солнечных и лунных «кругов» в 7000 лет (что, за исключением самого числа лет, соответствует первым пяти разделам «Учения» Кирика). Тексты эти невели-

---

¹ См.: Симонов Р. А. Малоизвестные русские средневековые источники по хронологии — «семитысячники» // Историко-астрономические исследования. М., 1975. Вып. 12. С. 109—112; Он же. Математические тексты в славяно-русских рукописях XI—XV вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 2. С. 282—283.

ки по объему, не имеют устойчивого заглавия и при описании рукописей нередко не отмечаются. Р. А. Симонов привлёк для своих работ целый ряд списков этих текстов, выявленных им в отечественных и зарубежных хранилищах: 1) в сербском Сборнике смешанного содержания XVI в. из собрания П. Й. Шафарика (далее — Ш), хранящемся ныне в Народном музее в Праге (IX Н 21 (§ 12), л. 123—125²); 2) в Псалтыри второй четверти XVI в. (ГБЛ, ф. 304.1 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 321, л. 51—51 об. далее — Т)³; 3) в Сборнике смешанного содержания третьей четверти XVI в. (ГБЛ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 529, л. 696—696 об., далее — В)⁴; 4) в Сборнике смешанного содержания первой половины XVI в. (ГБЛ, ф. 199 (собр. П. П. Пикифорова), № 367, л. 195, далее Н); 5) в Сборнике смешанного содержания середины XVII в. (ГБЛ, ф. 299 (собр. Н. С. Тихонова), № 231, л. 57—58, далее Тих.)⁵; 6) в Сборнике смешанного содержания второй половины XVII в. (ГБЛ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского), № 628, л. 206, далее У); 7) в Сборнике конца XVIII в. (ГБЛ, ф. 218 (собр. Отдела рукописей), № 695, л. 73—73 об., далее ОР). Все списки, кроме Ш, русского происхождения. В, У и ОР опубликованы Р. А. Симоновым фототипически⁶.

² Описание рукописи см.: *Сперанский М. Н.* Рукописи Павла Иосифа Шафарика (ныне Музея Королевства Чешского) в Праге // ЧОИДР. 1894. Кн. 1. С. 49; *Vašica J., Vajs J.* Soupis staroslavanských rukopisů Národního muzea. Praha, 1958. N 155. S. 358—361. О датировке рукописи см.: *Гроздановић-Пајић М.* Ново датовање српских ћирилских рукописа Шафарикове збирке у Прагу // Библиотекар. Београд, 1968. Год XX, № 5. С. 455. Указание Р. А. Симонова, что текст данного списка издан в описаниях рукописи (*Симонов Р. А.* Математические тексты... С. 282), не вполне точно — в них приведены лишь начальные и конечные слова текста. Пользуемся случаем сердечно поблагодарить д-ра Э. Благову (ЧССР) за любезно предоставленную нам копию списка Ш.

³ Описание рукописи см.: [*Иларий и Арсений*, иером.] Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. II. С. 98 (интересующий нас текст в описании не отмечен). К сожалению, мы не могли использовать эту рукопись в исследовании, так как она находится на реставрации в ГБЛ.

⁴ Описание рукописи см.: [*Иосиф*, иером.] Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. С. 178—182, № 163 (статья в описании не отмечена).

⁵ Описание рукописи см.: *Георгиевский Г. П.* Собрание Н. С. Тихонова. М., 1913. I. Рукописи. С. 37 (статья не отмечена).

⁶ *Симонов Р. А.* Математические тексты... С. 299—302. Рис. 11а—13б.

В настоящее время этот перечень можно дополнить новыми списками: 8) в Сборнике смешанного содержания второй половины XV в., составленном известным кирилло-белозерским книгописцем Ефросином (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, л. 372 об.; далее Е1)⁷; 9) в другом его же сборнике конца XV в. (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088, л. 232 об.—233, далее Е2)⁸; 10) в Сборнике смешанного содержания последней четверти XV в. (ГБЛ, ф. 178 (Музейное собр.), № 3271, л. 61, далее М)⁹; 11) в дополнениях к лицевой Псалтыри второй четверти XVI в. (ГБЛ, ф. 37 (собр. Т. Ф. Большакова), № 432, л. 20⁴ об.—205, далее Б)¹⁰; 12) в Сборнике смешанного содержания середины XVI в. (ЦГАДА, ф. 181 (собр. РО б-ки МГАМИД), № 478, л. 470 об.—471, далее Ар)¹¹; 13) во вступительных статьях к Пискаревскому летописцу, вторая четверть XVII в. (ГБЛ, ф. 228 (собр. Д. В. Пискарева), № 176, л. 6—6 об., далее П)¹².

⁷ Описание рукописи см.: *Каган М. Д., Попырко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 7—105.

⁸ Описание рукописи см.: Там же. С. 172—196. Автор пользуется случаем сердечно поблагодарить Д. М. Буланина за любезно присланные им копии списков Е1 и Е2.

⁹ Описание рукописи см.: *Кудрявцев И. М.* Сборник последней четверти XV — начала XVI в. из Музейного собрания: Материалы к исследованию // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 220—288. Уточнение датировки той части сборника, где находится текст «семитысячника», см.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 125—126, сн. 6.

¹⁰ Описание рукописи см.: *Георгиевский Г. П.* Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в Московском публичном и Румянцевском музеях. Пг., 1915. С. 376 (статья не отмечена, рукопись ошибочно датирована XVI—XVII вв.).

¹¹ О рукописи см.: *Евсеев И. Е.* Слова святых пророк. Противоположностей памятник по рукописи XV в. // Древности. Труды Славянской комиссии Московского имп. археологического о-ва. М., 1907. Т. IV, вып. 1. С. 156 (формат ошибочно указан 8° вместо 4°); *Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сб. ОРЯС. СПб., 1907. Т. 82. С. 29—55; *Соболевский А. И.* Неизвестный русский паломник // Изв. ОРЯС. СПб., 1911. Т. XVI, кн. 1. С. 6; *Кувс К. М.* Азбучная молитва в славянских литературах. София, 1974 (ошибочно датирована XVII в.); *Федер Я. Р.* Мелецкий сборник и история древнеболгарской литературы // Palaeobulgarica/Старобългаристика. София, 1982. № 3. С. 158—159 (ошибочно датирована XV в.).

¹² Описание см.: *Яковлева О. А.* Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. II. С. 7—12; Об уточнении датировки см.: *Дианова Т. В.* К вопросу о времени создания рукописи Пискаревского летописца // Летописи и хроники. 1976. М.,

Все эти списки также русского происхождения¹³.

Перечисленные выше списки весьма существенно разнятся между собой, условно их можно раздолить на следующие группы. Самые краткие из них — М, II и У (последние два целиком совпадают между собой) — содержат сведения о числе месяцев, недель, дней, часов, високосов и високосных часов, солнечных и лунных „кругов“ в 7000 лет. Раздел о „кругах“ в М дополнен данными о числе индиктов в 7000 лет и отделен фрагментом о продолжительности времен года, которому предшествует указание числа дней в году. Помимо этого, в В приводятся данные о числе месяцев, недель, дней и часов в году (но опущено число високосных часов и индиктов в 7000 лет). В Ар. и III, кроме того, сообщаются сведения о количестве солнечных и лунных «кругов» и индиктов за 1470 лет — от воскресения Христа до «седемтысящного лета».

Есть в них и данные о числе дней и часов в году, но здесь они, в отличие от В, помещены в конце статьи (в III этот текст отделен от предшествующего фрагментом о случаях совпадения мясопустной недели с 29 февраля). Б содержит сведения о числе в году «книжных» месяцев и месяцев «по солнечному течению», недель, дней и святых, дней в тысяче лет (вместе с високосными) и данные на 7000 лет, совпадающие с В. Здесь помещены также сведения о продолжительности «кругов обновления» неба,

1976. С. 142–147. Текст издан (кириллическая цифирь передана арабскими цифрами): ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 31.

¹³ К исследованию не привлечены списки памятника, обнаруженные уже после завершения работы над данной статьей: 1) в Сборнике конца XVI — начала XVII в. (Ярославский государственный музей-заповедник. Инв. № 15230. Л. 237 об. — 238). Описание см.: Лукьянов В. В. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. Ярославль, 1958. С. 118, № 505 (статья не отмечена); 2) в Сборнике первой половины XVII в. (ЦГИА. Ф. 834 (архив Синода). Оп. 3, № 3990. Л. 127). Описание см.: Никольский А. И. Описание рукописей, хранящихся в Архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. II, вып. 2. С. 830; 3) в Сборнике второй половины XVII в. (ГБЛ. Ф. 178 (Музейное собр.). № 4099. Л. 196–197); 4) в Иконописном подлиннике XVII в. (ГИМ. Собр. А. С. Уварова, 191-О. Л. 12–13). Описание см.: Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. II, № 1285; 5) в Сборнике конца XVII в. (БАН. Сев. 683. Л. 232–232 об.). Описание см.: Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. С. 297; 6) в Сборнике БАН 33.4.32 (Сев. 680). Л. 173–173 об. (конец XVII — начало XVIII в.). Описание см.: Там же. С. 285.

земли, моря, воды (что соответствует разделам 10—13 «Учения» Кирика)¹⁴, а также «кругов», не упомянутых в труде новгородского ученого, — «ветреного» и «звездного»¹⁵. В П по сравнению с Б опущен раздел о «кругах» в 7000 лет, но приводится число недель и часов в тысяче лет, а раздел о «обновлении кругов» выделен заголовком.

Особняком стоят списки Е1 и Е2. Они индивидуальны по организации материала и почти лишены ошибок в числовых записях, свойственных перечисленным выше спискам. В Е2 к тому же в заключительной части применен стотысячный разряд («легион»), что также не характерно для других ранних списков (о чем см. ниже). Эти особенности, вероятно, объясняются тем, что тексты в Е1 и Е2 редактировались составителем — известным кирилловским книжником XV в. Ефросином, создавшим особые редакции целого ряда сочинений¹⁶.

Последнюю группу образуют Тих. и ОР. В них сообщаются сведения о числе месяцев, недель и дней в году, о високосных часах, числе часов в дне, неделе, декаде, месяце, в ста и тысяче дней, числе месяцев, недель, дней и часов в десяти и ста годах, тысяче и 7000 лет, о числе високосных месяцев, недель, дней и часов в 7000 лет, о числе високосных дней в ста годах и количестве святых в году. Судя по последовательному употреблению знака для обозначения стотысячного разряда (круг из точек) и отсутствию общих с другими списками ошибок, это наиболее поздняя редакция памятника¹⁷, возможно испытывавшая воздействие списков, сходных с ефросиновскими.

Единственный исследователь «семитысячников», Р. А. Симонов, предполагал, что они «появились... скорее всего, незадолго до завершения седьмого тысячелетия пос-

¹⁴ См.: Мурьянов М. Ф. О космологии Кирика Новгородца // Вопросы истории астрономии. М., 1974. Сб. 3. С. 12—17.

¹⁵ Текст известен в славянских рукописях XV—XVII вв. и как отдельная статья, например: ГБЛ. Ф. 304.1 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 345, Часослов, конец XV в. Л. 291; Там же. Ф. 178 (Музейное собр.), № 6466, конец XVII в. Святцы. Л. 49. В списках М, III и Тих. он отделен от «семитысячника» другими текстами. Статья опубликована: 1) по Троицк. 345 ([Иларий и Арсений]. Описание. Ч. 2. С. 112) с указанием на отличие расчетов у Кирика; 2) по П (см. примеч. 12).

¹⁶ О приемах редактирования Ефросина см.: Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 130—168.

¹⁷ В Тих. имеется указание на число «новых чудотворцев», канонизация которых относится к середине XVI в. (церковные «сборы» 1547 и 1549 гг.).

ле „сотворения мира“, т. е. около 1492 г.»¹⁸ Такой датировке, однако, противоречит ряд обстоятельств. Списки «семитысячников» XV—XVI вв. и зависящие от них позднейшие не используют знака для обозначения числового разряда в 100 000 (круг из точек). Лишь в Б один раз встречается этот знак при указании числа дней в тысяче лет, да в Е2 дважды использовано слово «легион» (100 000). В то же время известно, что уже «цифровой алфавит» в пергаменном Ирмологии XV в. (ГПБ, Соф. 487, л. 1 об.) имеет знак для разряда в 100 000¹⁹, а в богослужебном сборнике конца XV в. (ГПБ, Соф. 169) в подобном «алфавите» есть знак и для миллиона («леодра») ²⁰.

Знак для обозначения 100 000 содержат и датируемые рубежом XV—XVI вв. списки «Учения» Кирика²¹ и псковский «Хронограф» 1494 г.²² Случаи сознательной архаизации числовой системы в средневековой славяно-русской рукописной традиции, кажется, неизвестны, поэтому мы вправе видеть в употреблении стотысячного разряда в Е2 и Б новацию (впрочем, достаточно относительную — в «цифровом алфавите», следующем в Б за «семитысячником», находим даже упоминание «ворона» (10 000 000), правда, без изображения соответствующего знака²³). Кроме того, в Н в значении 900 использован «юс малый», который в русских рукописях в конце XIV — первой половине XV в. вытесняется буквой Ц, имеющей то же числовое значение²⁴. Наконец, в III в текст «семитысячника» включены расчеты совпадений мясопустной недели с 29 февраля, бесспорно выполненные в 1232 г.²⁵, что свидетельствует о существовании текста по крайней мере с середины XIII в.

¹⁸ Симонов Р. А. Математические тексты... С. 282.

¹⁹ Там же. С. 269.

²⁰ Там же. С. 270.

²¹ Там же. С. 262.

²² См.: Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С. 219.

²³ ГБЛ. Ф. 37. Собр. Т. Ф. Большакова. № 432. Л. 205 об. Тот же знак находим и в «цифровом алфавите» после Ар. (ЦГАДА. Ф. 181. № 478. Л. 471 об.).

²⁴ См.: Карский Е. Ф. Указ. соч. С. 216; Симонов Р. А. Об особенностях цифровой системы, употреблявшейся в кириллических рукописях X—XV вв. // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 213.

²⁵ Народный музей в Праге. IX Н (§ 12). Л. 123 об. Дата записана ошибочно как 1147 г., по сочетанию индикта и солнечного и лунного «кругов», а также указание на ближайший прошедший мясопуст, приходящийся на 29 февраля (6712—1204 г.), свидетельствуют, что первоначально речь шла о 6740 (1232 г.).

Еще одно обстоятельство мешает датировать «семитысячники» временем около 1492 г. Но как раз такие расчеты (в пределах последней сотни лет до «страшного суда») нам и неизвестны. Интересы времени в этом отношении гораздо больше характеризует созданная на рубеже XIV—XV вв. (возможно, около 1408 г.) особая Пасхалия (доведенная до 1492 г.), которую можно назвать «прогностической». Особенностью этой Пасхалии является включение в нее под определенными годами отрывков из «Откровения Мефодия Патарского», эсхатологического сочинения, широко распространенного в византийской и средневековых славянских литературах. Эти тексты предрекали различные бедствия: войны, мор, катаклизмы, нашествия иноплемеников. 1492 (7000) год сопровождала фраза: «Зде страх, зде скорбь. Аки в распятии Христове сей круг бысть, сие лето и на конце явится, в не же чаем и всемирное твое пришествие»²⁶.

Эта Пасхалия, вероятнее всего, была создана на Балканах, где с середины XIV в. эсхатологические настроения подогревались быстрыми и неудержимыми успехами османского завоевания, в чем также видели «знамение последнего времени»²⁷. Очень быстро «прогностическая» Пасхалия получила известность и на Руси²⁸.

Мы позволили себе это отступление от темы, чтобы показать, что даже тексты, откровенно вызванные приближением «страшного суда» (чего пельзя сказать о «семитысячниках»), начали создаваться более чем за полвека до наступления «конца света». Исход седьмого тысячелетия «от сотворения мира» как дата создания «семитысячников» представляется крайне маловероятной²⁹.

²⁶ Древние русские пасхалии на осьмью тысячу лет от сотворения мира // Православный собеседник. Казань, 1860. Ч. 3. С. 336.

²⁷ Известно, что около 1431 г. текстом этой Пасхалии пользовался при создании «Жития деспота Стефана Лазаревича» известный южнославянский писатель и ученый Константин Костенчский. См.: *Кувев К. Житието на Стефан Лазаревич от Константин Костенчки*. София, 1983. С. 140 б.

²⁸ Старейший известный нам русский список памятника помещен в составе Псалтыри толковой конца XIV (?) — начала XV в. (начало Пасхалии здесь утрачено, текст сохранился с 1426 г.), написанной в Спасо-Прилуцком монастыре под Вологодой (Ярославский музей-заповедник, инв. № 15231). Описание см.: *Лукьянов В. В. Краткое описание...* С. 205, № 829 (данная статья не отмечена).

²⁹ Когда работа над статьей была уже закончена, Р. А. Симонов сообщил автору, что он отождествил с «семитысячниками» дефектный текст в приписке XIV в. в пергаментном Служебнике

Пристального внимания к себе требует и вопрос о месте создания «семитысячников». Р. А. Симонов, исходя из их связи с начальной частью «Учения» Кирика, считает их русским сочинением³⁰. Основываясь на системе записи чисел в III (единственном известном в настоящее время южнославянском списке памятника), он возводит его к русскому оригиналу³¹. Это вполне убедительно в отношении данного списка, но в целом история текста «семитысячников» представляется значительно более сложной. В истории русско-южнославянских средневековых культурных связей математическая и календарно-астрономическая тематика по существу остаются белым пятном (с определенностью можно говорить лишь о влиянии южнославянской цифровой системы на русскую на рубеже XIV—XV вв.)³². Связь «семитысячников» с начальной частью «Учения» Кирика (наличие которой для нас несомненно) не может служить аргументом в пользу русского происхождения первых, так как направление этой связи не установлено.

В настоящее время нет доказательства того, что именно «семитысячники» восходят к «Учению», — вполне возможен и другой вариант: трактат Кирика является частной усложненной редакцией «семитысячника». Такая версия не лишена оснований, так как известен вид «семитысячника» с расчетом чисел на 1470 лет (Ар., III).

Отсутствие прямых указаний на время и место возникновения памятника заставляет искать косвенные свидетельства в его тексте. Даже при беглом прочтении «семитысячников» в глаза бросается характерная деталь, отличающая их от списков «Учения» Кирика. Если в последних ошибки в записи чисел исключительно редки³³, то «семитысячники» изобилуют ими. Изучение ошибок и дает ключ к истории этих текстов.

Ошибки в передаче кириллической цифири относятся

(ГПБ, Ф п. I, 173). Пользуемся случаем искренне поблагодарить Р. А. Симонова за любезно сообщенные им сведения. Текст приписки, в той степени, в которой он читается, опубликован с некоторыми неточностями в кп.: *Вздорнов Г. В.* Искусство книги в древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV в. М., 1980. Каталог, № 14.

³⁰ См.: *Симонов Р. А.* Математические тексты... С. 228.

³¹ См.: Там же. С. 229.

³² См.: *Карский Е. Ф.* Указ. соч. С. 216—217; *Симонов Р. А.* Об особенностях цифровой системы... С. 205—213.

³³ См.: *Симонов Р. А.* Кирик Новгородец — учепый XII века. М., 1980. С. 49—53.

к числу характернейших погрешностей писцов³⁴. Об этом (приводя характерные примеры, основанные на сходстве начертаний букв) писал еще Иосиф Волоцкий³⁵. Здесь мы не будем рассматривать все случаи ошибок в списках «семитысячников» (например, такие, которые связаны с пропусками или неверным написанием числовых разрядов, или тех, что возникли в результате сходного написания кириллических букв-цифр), а остановимся лишь на тех, появление которых можно объяснить в первую очередь тем, что в основе текстов лежал глаголический оригинал (попутно заметим, что такие ошибки отсутствуют в списках Е1, Е2, Тих. и ОР, что свидетельствует о их редактировании в позднейшее время). Ошибки эти можно разделить на три группы:

1) ошибки, вызванные кириллической транслитерацией глаголической цифири без учета разницы числового значения одинаковых букв в этих алфавитах³⁶;

2) ошибки, вызванные смешением глаголических букв, имеющих сходное начертание. Они могли возникнуть как при кириллической транслитерации протографа, так и раньше — еще в глаголических списках;

3) ошибки, вызванные тем, что в ранних кириллических списках с глаголического оригинала сохранялся (вследствие автоматизма переписки или непонимания писцов протографа) ряд глаголических букв-цифр, которые при позднейшем копировании текста были заменены сходными по начертанию (но не по звуковому и числовому значению) кириллическими³⁷.

К первой группе можно отнести следующие ошибки в записи чисел.

1. В расчете високосных дней в 7000 лет Ар., Б, Н, У, содержат число 1892 вместо 1750. Появление здесь «омеги» (800) вместо ожидаемого «пси» (700), несомненно, вызвано влиянием глаголической цифровой системы, где «омега» имеет числовое значение 700. И если в данном случае еще нельзя в полной мере говорить о глаголическом оригинале «семитысячников» (так как под влиянием глаголической традиции омеги в значении 700 употребля-

³⁴ См.: *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. Л., 1983. С. 65—66.

³⁵ См.: Там же. С. 66.

³⁶ См.: Там же. С. 67—68.

³⁷ О глаголице в кириллическом письме см.: *Карский Е. Ф.* Указ. соч. С. 211—212.

лось и в южнославянских кириллических рукописях)³⁸, то южнославянское происхождение текста можно считать доказанным, так как в оригинальных восточнославянских памятниках омега всегда употребляется со значением 800. Аналогичную ошибку находим в Ар. в расчете числа часов в году (в Н и У этот расчет отсутствует, в Б безнадежно испорчен): 8836 вместо 8766. Причину ошибки в числе десятков в данном примере рассмотрим ниже.

2. Число солнечных «кругов» в 7000 лет в М, Ар., Б., В, Н, У указано 230³⁹ вместо реального 250. По всей видимости, и эта ошибка возникла под влиянием глаголического оригинала, где Л имеет числовое значение 50.

Ко второй группе ошибок нужно отнести следующие. В Б число дней в тысяче лет указано 360 002. Помимо утраты знака тысяч перед последним знаком, ошибка имеет еще одну причину. Глаголическое Д, имеющее числовое значение 5, было смешано с В, которое было переписано кириллицей без изменения числового значения (в глаголице — 3, в кириллице — 2). С аналогичным случаем сталкиваемся в В при расчете числа дней в 7000 лет — 2 500 002 (С темь и Н темь и два). Здесь, кроме ошибок в числовых разрядах и пропуска числа десятков тысяч, видим ту же замену Д на В с утратой знака тысяч.

Третья группа ошибок также представлена рядом примеров:

1. В расчете часов в году в Ар. дано число 8836, в Ш — 8736 вместо 8766. Появление омеги вместо пси уже рассмотрено выше, обратимся здесь к числу десятков. Наиболее вероятное объяснение ошибки состоит в том, что глаголическое М, имеющее числовое значение 60, было без изменений в графике перенесено в кириллический список, и позднейшие переписчики прочли его как кириллическое Л̃(30) с двойным титлом; употребление двойного и даже тройного титла именно при цифрах — не редкость в южнославянских рукописях начиная с древнейших времен⁴⁰.

2. В Ар. после числа индиктов в 7000 лет приводится остаток от деления на 15-летний цикл — «лет Л̃» (30). Реальный остаток равен 10. Очевидно, в кириллический текст из глаголического оригинала попала без транслитерации буква І, имеющая в обеих азбуках числовое значение 10.

³⁸ См.: Симонов Р. А. Об особенностях цифровой системы... С. 212.

³⁹ В Ш видим дальнейшее развитие этой ошибки уже в кириллической графике: 204 (СД), явно из 230 (СЛ).

⁴⁰ См.: Карский Е. Ф. Указ. соч. С. 231, сноска 2.

Ее судьба при дальнейшей переписке аналогична предыдущему примеру.

3. Число недель в 7000 лет в В дано «100 темь, 1000 темь и В темь», в П — 104 000 вместо 364 000. Не можем объяснить замены второго знака в В (третий объясняется, очевидно, тем, что вариант Д и В имеют в полууставе XVI в. сходные начертания), но появление первого, на наш взгляд, объясняется следующим образом. Глаголический «джерв», имеющий числовое значение 30, в целом ряде древнейших рукописей очень близок по начертанию к кириллическому Р со знаком тысяч⁴¹.

Еще один пример подобной ошибки выглядит, быть может, не столь убедительно, но иные объяснения, на наш взгляд, еще менее вероятны.

4. В перечне «обновления кругов» в Ё и У указано, что «земной круг» обновляется за 90 лет⁴², тогда как «Учение» Кирика говорит о 40 годах⁴³. Можно предполагать, что в глаголическом оригинале К (числовое значение 40) имела форму, близкую к Ч⁴⁴ или «коппе» типа «получервь»⁴⁵, которая позволила позднейшим кириллическим писцам осмыслить ее именно таким образом⁴⁶.

Выявление следов глаголицы в тексте «семитысячников» позволяет по-новому решить вопрос о времени и месте их создания. Можно с достаточной уверенностью датировать их временем до 1136 г., — Кирику, несомненно, был известен какой-то вариант «семитысячника», послуживший образцом для его трактата. Это подтверждается и косвенными данными: глаголица, следы которой обнаруживаются в «семитысячниках», безусловно, древняя (так называемая круглая) разновидность этого алфавита, а не позднейшая «угловатая», известная по хорватским рукописям XIII—XVIII вв. и изданиям XV—XVII вв. Начертания

⁴¹ Таковы начертания этой буквы в Киевских листиках, основном почерке Мариинского евангелия, Зографском евангелии и Синайском молитвеннике. См. сводную таблицу начертаний глаголических букв в кн.: Добрев И., Икономова Ж., Тотманова А. М. Старобългарски език. София, 1983. С. 22.

⁴² Та же ошибка и в списке Тих.

⁴³ Симонов Р. А. Кирик Новгородец... С. 100. То же в М.

⁴⁴ Таковы начерки К в Киевских листках, Мариинском, Зографском и Охридском евангелиях (см.: Добрев И., Икономова Ж., Тотманова А. М. Указ. соч. С. 22).

⁴⁵ Такой начерк К в главном почерке Синайской псалтыри. См.: Там же. С. 22.

⁴⁶ В Ш и П находим дальнейшее развитие ошибки уже в кириллической графике — здесь срок обновления «земного круга» 10 лет І — в протографе, скорее всего была затерта чашечка Ч).

букв в хорватской глаголице почти исключают возможность прочтения глаголического М как кириллического Л, меньше сходства в этом варианте между В и Д, глаголическом І и кириллическим Л.

Круглая глаголица выходит из употребления в XII в., но возникновение текстов, сохранивших ее следы, следует отодвинуть вглубь от этой даты, ко времени не позднее первой половины XI в. (с середины этого века в результате насильственной ромеизации территории бывшего Первого болгарского царства сложились крайне неблагоприятные условия для существования славянской письменности на Балканах). Поэтому наиболее вероятное время создания старших «семитысячников» — последняя треть IX — первая половина XI в.

Следы глаголицы, по существу, предпренают вопрос о месте создания «семитысячников». На Руси эту азбуку умели читать, иногда использовали для тайнописи, но широкого распространения, тем более в качестве цифровой системы, она здесь не получила. Вероятно, этот календарно-математический текст был создан или в Великой Моравии, или в Болгарии (в Чехии X—XI вв. хотя и существовала глаголическая письменность, но она была католической страпой, тогда как «семитысячники», бесспорно, связаны с византийской культурной традицией). Очевидно, уже в XI в. памятник из Болгарии попал на Русь.

Выявление источника трактата Кирика ничуть не умаляет целостности «Учения» и заслуг его автора. Кирик самостоятелен в расчетах, которые он делал применительно к своему времени. «Семитысячники» послужили ему лишь образцом и схемой, к тому же наиболее оригинальная часть «Учения» — о дробном делении часа — в них не представлена. Учитывая большое число ошибок «семитысячников», можно предположить еще одно назначение трактата Кирика: в своем «Учении» он хотел дать исправное календарно-математическое руководство, свободное от огрехов, накопившихся уже в современных ему списках расчетов на 7000 лет.

По сути дела, работа по изучению «семитысячников» и сопутствующих им текстов только начата. Для успешного ее осуществления необходимо выявление новых списков не позднее XVI в., исследование редакций памятника и их критическое издание.

КАЛЕНДАРНЫЕ ЭПИГРАММЫ НИКОЛАЯ КАЛЛИКЛА В ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ И РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XV—XVI вв.

По мере приближения 1492 г. (7000 г. от «сотворения мира») — предполагавшегося времени наступления «конца света» (этим годом завершались многие православные пасхалии) — в обширном восточнохристианском культурном регионе возрастал интерес к апокалиптической литературе¹. По той же причине особый интерес вызывали астрологические, а также календарные сочинения. В XV в. широко распространились у южных славян и на Руси всевозможные астронимические сборники, альманахи, пасхальные таблицы с патурфилософскими и эсхатологическими комментариями². И хотя официальная церковь включала данные произведения в индексы отреченных книг, они наряду со многими известными ранее апокрифами³ нашли заметное отражение в словесном искусстве и культуре южных и восточных славян того времени.

Тщательный анализ критики астрологических сочине-

¹ См.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. Л., 1960; Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960; см. также: Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879; Charles R. H. Apocalyptic Literature // Encyclopedia Britannica. Cambridge, 1910. Vol. II. P. 169—172.

² См.: Памятники отреченной русской литературы/Собр. и изд. Н. С. Тихонравовым. М., 1863. Т. II; Кононов Н. И. Из области астрологии // Древности. Труды Славянской комиссии Московского имп. археол. общества. М., 1907. Т. IV, вып. 1; Шангин М. А. О роли греческих астрологических рукописей в истории знаний // Изв. АН СССР. Отд. гуманитар. наук. Л., 1930. VII сер. № 5. С. 307—317; Гурев Г. А. Астрология и религия. М., 1940; Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Из прошлого русского естествознания. М.; Л., 1947.

³ Ср.: Клейн П. «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 104—115.

ний па Руси показывае, что защитники ортодоксального вероучения выражали отрицательное отношение не ко всем текстам, представленным в бытовавших у нас в XV—XVI вв. Астрологиях. Так, например, нередко встречающиеся в них статьи «Исчисление лет от сотворения мира», «Стихия комуеждо времени», «Правило Паскалии седмыя тысяща последнего ста... по 7000 год» постоянно использовались церковными писателями и оценивались по-разному (так, о последней архиепископ повгородский Геннадий писал в предисловии к Пасхалии: «... ино о том мльва была в людех, не токмо в простых, но и в преимущих о семь, многим сумнение бысть») ⁴. Не осуждались также сочинения (статьи) календарно-медицинского, диетологического и гуморально-логического содержания (т. е. книги, трактующие о взаимодействии жидкостей в человеческом организме). Известны случаи, когда высокопоставленные церковные деятели проявляли открытый интерес к врачебной науке. Так, по поручению митрополита Даниила в 1534 г. Николай Булев или врач Филофей переводят под названием «Благопрохладный вертоград» напечатанную в 1492 г. в Любеке книгу о лечебных травах и камнях ⁵. Позднее к отрывкам из сочинений по медицине Маймонидеса, которые вошли в осужденную Стоглавом книгу «Тайная тайных», обращались патриарх Никон и царь Михаил Федорович ⁶. Даже ятроматематика (астрологическая врачебная диагностика и прогностика ⁷), связанная, в частности, с учением о флеботомии (терапии различных заболеваний посредством строго выверенного во времени курса венных кровопусканий), не подвергалась такой острой богословской критике, как собственно астральная теория о генитуре (т. е. о том, что расположение звезд и планет на небе в момент рождения человека предопределяет его характер и род занятий в дальнейшей жизни), как футурологические статьи альманахов или таб-

⁴ См.: ГБЛ. Ф. 304, № 736. Л. 51; ГБЛ. Ф. 304, № 762. Л. 245; См. также: РИБ. 2-е изд. СПб., 1908. Т. VI, ч. 1. С. 810; *Тихонравов Н. С.* Соч. М., 1898. Т. 1. С. 241.

⁵ См.: *Майков Л. Н.* Последние труды. Николай Немчин, русский писатель конца XV — начала XVI в. // ИОРЯС. 1900. Т. V, кн. 2. С. 379—392. Заметим, что монахи выращивали целебные «зеленого ряду растения» еще при Феодосии Печерском, см.: *Житие Игумена Феодосия* // ЧОИДР. СПб., 1858. Кн. 3.

⁶ См.: *Голенищев-Кутузов И. Н.* Славянские литературы: Ст. и исслед. М., 1973. С. 211—212.

⁷ См.: *Рабинович И. М.* О ятроматематиках // Историко-математические исследования. М., 1974. Вып. XIX.

лицы с «аспекутами» и фигурами в календарно-астрологических трактатах типа книги Рафли⁸.

Но основные положения древнерусских астрологических сочинений вызывали резкую критику. Еще в переводной «Александрии» говорилось: «яко земскихъ не сведаа, небесныхъ пытаеши» — слова, адресованные легендарным властителем звездочету Пектопаву, взявшемуся толковать его судьбу по небесным светилам⁹. Против идеи предопределенности человеческой судьбы, установленной не богом, а случайным соотношением планет и зодиакального круга, выступали авторитетные отцы церкви: Василий Великий, Григорий Богослов, Августин и др. Пересказ суждений Иоанна Дамаскина находим у Максима Грека: «Аще бо звездным обношением вся действуем, то по нужи действуем, елика действуем; а еже по нужи бываемое ниже добродетель ниже злоба есть. Аще же ниже добродетель, ниже злобу стяжаваем, то ниже хвалам и венцам, ниже укоризнам ли казем достойни есмы. Обрящетъ же ся и бог неправеден, овем убо благая, овем скорби дая»¹⁰. Тот же Максим Грек уделил много внимания «ложному» в астрологической теории, выделяя главным образом следующее: попытку «предричати (предпознавати) о будущих» (цитируя Аристотеля, Максим Грек пишет, что «несть о будущих ниже художество, ниже видение кое»¹¹), в том числе стремление предугадать «рождения» (т. е. речь идет о генитуре); отрицание «самовластия человеческого», которым, как считал Максим Грек, по священному Писанию, наделяется всякий человек от творца; отвергал он и мысль о том, что астрология будто необходима мирским правителям¹².

Аналогичные суждения высказывал и современник Максима, старец Елеазарова монастыря Филофей, в своем послании М. Г. Мисюрю Мунехину¹³. С другой стороны, ученый «святогорец» подчеркивал, что он не выступает ни против семи свободных художеств, ни против медицины.

⁸ Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли/ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 260–344.

⁹ См.: Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893. Приложения. С. 11–12.

¹⁰ См.: Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1859. Ч. 1. С. 431–434.

¹¹ См.: Там же. С. 354.

¹² См.: Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 96.

¹³ См.: Гольберг А. Л. Три «послания Филофея»: (Опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 69–70 и след.

В послании Ф. И. Карпову, считавшему астрологию «художеством художеств»¹⁴, он подчеркивал, что не только не отводил своего адресата никогда — ни словом, ни посланием — «от врачевства или от инаго некоего философскаго веданія», от «словесных учений», но даже и от «зрения небесных» не «отлучает» его, поскольку, — считает он, — это необходимо, чтобы «знати обхожденье светилом и совокупления, име же четыре времена лета преминуема, месяца и времена и лета нам составляют, еже потребнейше есть от взыскуемых нами временных знаменований»¹⁵.

Календарно-медицинские сочинения рассматривались в качестве особой литературы, которая не казалась «ложной», в ней не видели неразрешимых противоречий «божественным догматам».

До сих пор изучение этих сочинений ограничивалось, как правило, текстологической работой, а их содержание оставалось в целом в пределах компетенции специалистов по истории естествознания¹⁶. Между тем они могли бы представить несомненную ценность и для литературоведения, о чем свидетельствует предлагаемый анализ древнего славянского перевода цикла так называемых «активных»¹⁷ календарно-медицинских эпиграмм Николая Калликла.

Автор небольшого числа стихотворных посланий, моподий, эпитафий и эпиграмм¹⁸, Калликл не был профессиональным поэтом, но должность придворного доктора при византийских императорах Алексее I Комнене (1081—1118) и Иоанне II Комнене (1118—1143) обязывала его владеть поэтическим искусством. Долгое время традиции приписывала созданный им эпиграмматический цикл (он озаглавлен: «Излагаю стихами свойства 12 месяцев»¹⁹)

¹⁴ См.: Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947. С. 183.

¹⁵ См.: Синицына Н. В. Указ. соч. С. 97.

¹⁶ Об этом см. также: Буланн Д. М. Классическая культура в Древней Руси и проблемы ее изучения // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 35.

¹⁷ Термин схоластической поэтики. «Активными» именовались эпиграммы, построенные с использованием прямой речи олицетворенных предметов, которые обычно сами характеризовали себя. Sternbach L. Nicolai Calliclis carmina. Kraków. 1903.

¹⁸ В календарной поэзии Византии XII в. эпиграмматические циклы о 12 месяцах популярны. Ср.: Полякова С. В. Экфразы XII месяцев Евматия Макремволита // Палестинский сборник. 1971. Вып. 23 (86). С. 114—124; Книга античности и Возрождения о временах года и здоровье. М., 1971. С. 7—8, 141—143 (здесь же см. библиографию вопроса).

Феодору Продрому, или «Штохо-Продрому»²⁰. Однако исследования И. З. Иделера, Л. Штернбаха, Ю. Ф. Шульца и Р. Романо²¹ убедительно показали несостоятельность такой атрибуции. Именно Калликл, прозванный при жизни «наставником врачей», является автором указанного памятника. Об этом свидетельствуют содержащиеся в данном цикле рекомендации²² и специфика художественного языка их автора.

Л. А. Фрейберг пишет: «По языку Калликл чистый аттикист... Зафиксированные у него лексические отступления от аттической архаики относятся скорее к сфере того языка, который был принят в среде придворного чиновничества и знати (у Калликла был высокий чин «архиатра». — В. Б.), чем в среде нарождающейся димотики»²³. Будучи написанными почти идеальными ямбическими триметрами в форме кратких монологов, которые произносят олицетворенные месяцы года²⁴, стихи Калликла могли служить образцом изящной поэзии²⁵.

²⁰ См.: *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur*. 2 Aufl. München, 1897. S. 744.

²¹ См.: *Ideler I. Z. Physici et medici graeci minores*. Perolini, 1862. Fol. II; *Sternbach L. Nicolai Calliclis carmina*. Kraków, 1903; *Шульц Ю. Ф.* Греческая и латинская эпиграмма о медицине и здоровье. М., 1960; *Romano R. Opere di N. Callicles* // *Vichiana*. 1975. N 5. P. 87–101.

²² См.: Книга античности и Возрождения о медицине и здоровье. С. 36, 130–131.

²³ *Фрейберг Л. А., Попова Т. В.* Византийская литература эпохи расцвета, IX–XV вв. М., 1978. С. 152.

²⁴ Отметим, что символическое олицетворение неодушевленных предметов, явлений природы и т. п. было часто используемым приемом в древнерусской и в других средневековых европейских литературах (см.: *Лихачев Д. С.* К изучению художественных методов русской литературы XI–XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 21 и след.; *Curtius E. R. Zur Literaturästhetik des Mittelalters* // *Zeitschrift für romanische Philologie*. Halle, 1958). Не будем задерживаться на проблеме литературных истоков формальной структуры данных произведений, — по-видимому, она восходит к древнегреческим «говорящим» эпитафиям, прологам античных комедий (например, у Плавта) и театральным диалогам (у Эпихарма), но в то же время и — к древнейшим фольклорным традициям. Важно, что почти все отмеченные произведения (особенно монологические), несмотря на определенные жанровые различия, отличаются яркой поэтической экспрессией и занимают, судя по их ритмо-синтаксическим структурам, пограничное положение между стихом и орнаментальной прозой. Вопрос этот, на наш взгляд, заслуживает детального особого рассмотрения.

²⁵ Именно к таковым относили их Григорий Коринфский и Иосиф Ракендит. См.: *Krumbacher K. Op. cit.* S. 745; *Walz H. Rhetores graeci*. Lipsiae, 1834. Fol. II. P. 3, 11, 562.

Но неизвестного нам славянского книжника, переведшего этот цикл, привлекало совсем иное — излагаемые в них практически полезные советы. По всей видимости, перевод стихотворного цикла был выполнен не ранее начала XV в. на юге Европы, в одном из сербских монастырей. Первая, сербская, редакция перевода ближе всего стоит к греческому первоисточнику, хотя и дошла до нас в списке XVI в. под названием «Петохо Продромови стихове»²⁶. Старейший список второй, русской, редакции относится к середине третьей четверти XV в. Он читается среди астрологических статей в сборнике с характерными глоссами, написанными посредством «пермской азбуки»²⁷ (одна из глосс, на л. 21, при расшифровке дает имя «Дмитрий»), и озаглавлен «Стихиа дванадесятим м[е]с[я]цомъ»²⁸. Русская редакция — более краткая, она заметно ориентирована на сербский протограф и опускает некоторые его строки, которые русскому писцу, вероятно, показались неясными. Сравним оба славянских варианта эпиграммы «Август» с новейшим переводом ее с греческого (пер. Ю. Ф. Шульца).

Август

Я зову вкусить осенние плоды
И всех зову едою усладить себя;

²⁶ ГБЛ. Ф. 178, № 921. Л. 105–106. Сборная рукопись второй четверти XVI в. (вод. зн.: кабан — типа: Брике, № 13576 — 1526 г., № 13577–1542–1546 гг.), в 2°, писана южнославянским полууставом на 364 л. Подробнее см.: Описание рукописей Музейного собрания ГБЛ/Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1961. Т. 1. № 1–3005. С. 122–126. Н. С. Тихонравову (см. ниже) данный список не был известен.

²⁷ О сферах использования «пермского письма» в русской литературе второй половины XV в., которое употреблялось как одна из форм тайнописи, см.: Некрасов И. С. Пермские письмена в рукописях XV в. // Зап. имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1890. Т. 51. С. 250–251 и след.; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 279–299.

²⁸ ГБЛ. Ф. 304, № 762. Л. 268 об. — 720. Сборная рукопись второй половины XV в. (вод. зн.: готич. литера «Р» — типа: Брике, № 9745 — 1451 г., голова быка — типа: Брике, № 14962 — 1442 г., лук со стрелами — типа: Тромонин, № 56 — 1470 г., бык с разветвленным хвостом — типа: Н. П. Лихачев, № 1020, 1021–1456 г., олень — типа: Тромонин, № 296 — 1447 г., якорь — типа: Брике, № 357 — 1466 г.), в 4°, писана полууставом на 284 л. В своей публикации памятника по списку XVI в. собрания Троице-Сергиевой лавры, № 177, л. 253 Н. С. Тихонравов использовал настоящий (№ 762) лишь для сравнения и дополнения, очевидно, относя его к более позднему периоду. См.: Памятники отреченной русской литературы/Собр. и изд. Н. С. Тихонравовым. Т. II. С. 402–404.

Ведь мимо солнца мчит уже созвездье Пса,—
Оно у нас на суше иссушает все,—
Повсюду пышет пламя, словно Этны жар;
Не надо мальвы в пищу принимать тогда.

Первая (сербская) редакция (л. 105 об.):

Азь повелѣвау ясти овошѣе.
И вѣси страждащен от трясавицу пасыпайтесе пици.
Ибо Кин астро с[о]лице приходит.
Иже протечеть вѣсе земля вѣ мѣгновение.
Емоу же пламень ес[ть] лютейши геен'ского огня.
Оудалати же ся под[о]бае вѣсекому от лежапиа и покоа.

Вторая (русская) редакция (л. 269 об.):

Азь повелѣваю ясти овошѣе
И вси страждоущи от трясавице, насыщайтес[я] пици.
Оудалати же с[я] подобает всякому от лежапиа и покоа.

Как видим, сербский переводчик избрал макароническое письмо, дав славянскую транскрипцию словосочетанию «Кув-астро[у]» (дословно «Пес-звезда»). Эпоним «Этна» он заменил на более доступное для своих читателей понятие — «геенский огонь». В русский же список все эти строки вообще не вошли, зато тут, как и в сербском тексте, вместо медицинского совета не принимать в пищу мальвы²⁹ (проскурняк) видим другую практическую рекомендацию. Еще один пример. В сербском переводе эпиграммы «Ноябрь» имеются слова, довольно точно воспроизводящие содержание оригинала (л. 106):

Азь широту земли орю и сѣу
И пшеница вѣ ней вѣлагау.
Пшеницамъ же вѣсемъ род приводя...

А вот как они были прочитаны русским писцом (л. 269):

Азь широту земле орю и сею
И пшеница вѣ ней влагоу
Птицам же всемъ род провод...

Отмеченное расхождение, безусловно, — не ошибка русского писца. Оно лишь показывает, что переписчик был достаточно внимателен к содержанию заинтересовавшего его произведения, соотнося его с ежегодным порядком жизни своих соотечественников и родной природы.

²⁹ В средневековой медицине мальва рекомендовалась как слабительное средство. См.: Книга античности и Возрождения... С. 130 (со ссылкой на сочинение Цельса «О медицине». Кн. II, гл. 12).

Исправляя «пшеницамаъ» на «птицамаъ» и т. д., он, возможно, был вполне уверен, что возвращает стиху подлинный смысл.

Точно так же продуманно вносит он в текст другие изменения. В монологе Марта, по сербскому списку, рекомендуется принять на всяк день пищу сладку «и вино зело благовопно», в русском же (с учетом приходящегося на этот месяц Великого поста) исправлено: «пищу сладку сиречь въсдержательну». Переводя майскую эпиграмму, южнославянский книжник сохранил гречизм в словах: «от их же възрацасть трясавица, и ксѣропон въ съставѣхъ», а его русский редактор дал точный перевод греческого термина: «сухая болезнь».

В остальных текстах расхождения между редакциями не столь уж велики. В обеих славянских редакциях стихов Калликла отсутствует строгая силлабическая урегулированность текстов всех двенадцати эпиграмм. Приблизительно лишь в половине из них силлабо-симметрический стих берет верх над прозой. Но выдерживается в основном 6-стишная строфика греческого оригинала. Более того, применение рифмоидов способствует образованию здесь относительно регулярного ритма. Но в целом, как бы заметно ни проявлялась эта регулярность в отдельных стихах и строфах, считать славянские переводы эпиграмматического цикла Калликла строго стихотворными нельзя. И в то же время было бы не вполне корректным полагать, что перед нами просто риторизованная ритмическая проза. Возможно, в данном случае следует говорить о «полустихотворном» переложении оригинального текста, однако этот вопрос мы оставляем открытым.

Немалый интерес вызывают общие для обеих славянских редакций смысловые отступления от греческого первоисточника. Так, слова Калликла: «От обморока средство — розу я даю»³⁰ («Май») — замещены фразой: «Аз подаваю пинок (розы цвет) благовопен, иже ползует в малодушпше». Здесь же рекомендация греческого врача не принимать в пищу ни кишок, ни ног животных (ибо от них рождается флегма³¹, воспаляется желчь, которые озноб

³⁰ Цельс («О медицине». Кн. IV, гл. 20) рекомендует смесь «яичного белка с розовым маслом и порошком цветка розы» при обмороках, бывающих в связи с болезнями матки. См.: Книга античности и Возрождения... С. 130.

³¹ В средневековой медицине условием здоровья считалось равновесие четырех элементов, или влаг, в организме: крови, флегмы (слизистых выделений) и двух видов желчи. См.: Кузь-

вызывают и боль в ногах) дополнена советом не есть также и головы животных. В греческом тексте июньской эпиграммы говорится, что в июне по утрам не следует пить воду: от этого-де становится больше черной желчи и появляются болезни, ведущие к смерти. В славянском же переводе читателя напротив призывают «пить воду (каждое утро) на голодное сердце»³². В июльской эпиграмме рекомендация Калликла «в жару такую... избегать любви» (плотской) заменена более «пристойным» советом — «бегати от снєдения овощей», еще не успевших созреть в июле (думается, подмена стихов не лишена полемической окраски, а возможно, и скрытого сарказма славянского переводчика). В славянской редакции эпиграммы «Ноябрь» отсутствует стих: «И журавли стремятся за посевом вслед», у Калликла представляющий собой традиционную формулу эллинистической поэзии³³.

Монологи Декабря и Февраля заключают смысловые антитезы соответствующим фрагментам греческого текста. В первом из них упоминается праздник Рождества и, явно с учетом предшествующего ему поста (с 15 ноября по 24 декабря), советуется «нищѹ же мало приємати», «зелєє же всяко бежати» (ср. то же место в греческом источнике: «Что хочешь ешь — капусты не вкушай одной, Обилье черной желчи причинит она»³⁴). Во втором монологе Февраль восклицает (согласно славянским версиям), что он

мил М. К. История медицины: (Очерки). М., 1978; см. также: Богдавленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. М., 1960.

³² Такие утренние процедуры (связанные с дозированным употреблением воды или молока) предлагались для профилактики желудочных заболеваний, для лечения чахотки, подагры и некоторых других болезней еще Гиппократом («Диететика»). Лечение это получило дальнейшую разработку в трудах Галена, Винцентия, Амирдовлата, А. Везалия, Р. Ресторо, Фабрициуса, Бонне и других средневековых и ренессансных ученых-медиков. См.: Ковнер С. Г. История средневековой медицины. Киев, 1893; Амирдовлат Амасиаци. Печужное для неучей/Под ред. К. Басмаджяна. Вена, 1926 (на древнеарм. яз.). Эта рекомендация признается действенной и сегодня; см.: Schipperges H. Moderne Medizin im Spiegel der Geschichte. Stuttgart, 1970.

³³ См.: Книга античности и Возрождения... С. 130—131.

³⁴ Там же. С. 46. В отличие от Калликла капусту считали полезной многие древние. Например, Катон видел в ней отменное средство против черной желчи (см. там же. с. 131), и Пифагор писал, что она «поддерживает постоянно бодрость и веселое, спокойное настроение духа». См.: Трубецкой Н. С. Метафизика в древней Греции. М., 1890; Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. Изд. 2-е. Кн. VIII.

умерщвляет в людях кровь и жилы, заставляя цепенеть их конечности, и примекает в них «естество», каковое сотворяется «желтовидным» благодаря многому «студу» (т. е. половой активности). У Калдикла же все наоборот:

...не страшись любви.

Я кровь, а с ней и жилы укрепляю всем;

Все усыпляю беды, облик твой сменив,

И бледность, что душевных нас лишает сил... ³⁵

Перекладывая греческий текст «Стихов о 12 месяцах» на славянский язык, порою существенно преобразуя его содержание согласно местным условиям, этико-эстетическим пормам и своим знаниям, неизвестный нам переводчик, при всем том, стремился создать универсальный труд, в котором нашли бы понятное лаконичное отражение главные природно-климатические особенности годового цикла и хозяйственный уклад жизни, ему известной. В свете этого тяготения к справочной универсальности становится ясной и его попытка показать сразу три наиболее известных в XV в. в христианском мире стиля летоисчисления по юлианскому календарю: мартовский (старовизантийский), сентябрьский (с индиктным счетом лет) ³⁶ и, наконец, стиль январский ³⁷.

Изложенные наблюдения позволяют заключить, что авторы сербской и русской редакций «Стихов о 12 месяцах» не являлись простыми копиистами от литературы. Для своего времени это были, бесспорно, высокообразованные писатели, не лишенные склонности к ученой поэзии и, как нам представляется, разделявшие усилия видных литературных деятелей, вроде Димитрия Кантакузина, направленные на преодоление сухой ветийско-панегирической традиции «плетения словес» ³⁸.

---

³⁵ Книга античности и Возрождения... С. 48.

³⁶ Впрочем, сам переводчик признавал сентябрьский стиль, что следует из его слов, прибавленных к соответствующей фразе оригинала: «Аз (т. е.— Сентябрь) гроздья виноградом порезую... творя пиво и вино сладко всем въ начало летоу». О мартовской и сентябрьской хронологии см.: Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания, М., 1977. С. 221–226.

³⁷ См.: Шапов Я. Н. Древнеримский календарь на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 336–337.

³⁸ См.: Голенищев-Кутузов И. И. Указ. соч. С. 48–49.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикуемый ниже текст воспроизводится по списку первой редакции: ГБЛ. Музейное собр. (ф. 178). № 921. Л. 105—106. Орфография подлинника сохраняется, вышедшие из употребления буквы передаются соответствующими современными, титла раскрываются, надстрочные буквы вносятся в строку, добавленные при этом буквы заключены в скобки.

ПЕТОХО ПРОДРОМОВИ СТИХОВЕ

Мар[т]

Азь воини на въсеоруждѣство изводи.
Меча же изъощрявау. и привлачу къ бранемь.
И земля чюждоу любезно подау воиномь.
Еи оубо наказоуу вас и поучау. якоже достоить.
И повелевау въсемь, примати на въсекъ д[е]нь
Пищу слад'ка. и вино зело бл[а]говон'но.

Ап[рель]

Азь агньця оутльщау въ снѣдение ч[е]л[ове]комь.
И пасце пищу вер'ным приношу тѣчу.
Радость предвѣзвещавау въстаниа ради множае.
Гл[агол]я же въсемь бежати от репчюгь.,
Испльнь сущих яда.
Из нихъ же рождается мелась, яже ес[ть] жлѣчь чръна.

Маи

Азь шинок подавау бл[а]говонень. иже пол'зует въ
малод[у]шние.
И цвѣт криповъ красѣнь. радованиа образъ и в[е]селиа.
И корень траве оутврѣждау и оукреплеу.
И повелевау не ясти главы и ноги и кор'мины.
Раждает бо ся из нихъ флег'ма и чрънаа жлѣчь.
От ихъ же възвращаетъ трясавица, и ксеропон
въ сѣ//ставех.

Июн[ь]:

Азь траву срѣпы пожинау.
И земледѣлатели предуготовляу на жатву.
И ч[е]л[ове]ком повелевау въкушати воду на въсеко
оутро.
Засеже тогда оумножается чрънаа жлѣчь.
И пол'зует зело пити воду на гладно с[е]рдце.

[И]юл[ь]:

Азь пшеницу пожинау и яч'мыкы, въ леноту.
И гоумна въся рукояти испльнеу.
И хлебомъ насыщая с[е]рдца ч[е]л[ове]ч[е]скаа.

Г[лаго]ля же бегати от снєдєнїа овоцїом.
От ихъ же не ползуетъ ся тело никакѡже.
Ну паче вѣдаст[ся] въ различныя болєзни.

А[в]г[уст]

Азъ повелевау ясти овощие.
И всѣи страждащєи отъ трасавицѹ насыщайтєся пици.
Ибо Кїи астро с[о]лицє приходитъ.
Иже протечєтъ всє земля въ мѣгновєнїе,
Емоу же пламень ес[ть] лютеиши геєн'скаго огнѹ.
Оудалѹти же ся под[о]бастъ всєкомоу отъ лєжанїа и покоа

Се[п]темврий:

Азъ гроздїа виноградомъ порезоуу.
И сна въ точилєхъ оугнєтау.
И творя пиво, и вино сладко всємъ въ начѹло лєтоу.
И г[лаго]ля пити млеко на всєко оутро,
За очїщєнїе утробносъ.
Неочищєнє бо тѣи, трѣнове раждаутся.

Ок[товрий]

Азъ птица принашау различны.
И малєйшаѹ приводѹ
Оулавлєтис[я] оскомь//и сєт'ми отрочєскими.
Всємъ же повелевау снєдати празъ ^{1*}
Плзєуетъ бо тогда
И очїщаетъ утробу отъ многоразличныхъ недугъ.

Ное[мврий]

Азъ широту земли орю и сеу
И пшєница въ неї вѣлагау.
Пшєницамъ же всємъ родъ приводѹ.
Оудалѹи же ся всєскый бани тогда,
Рематико бо бывастъ ^{2*}.
И главныя болєзни.

Дек[емврий]

Азъ оулавляу заяца на ницу.
И сїхъ исплѣтєу трапєзы богатыхъ.
И вл[а]д[ы]чнє Рождѣства праздникъ имамъ.
Иже ес[ть] велїи б[о]гоч[е]л[овѣ]ка Слова.

^{1*} Это грецїзмъ, образованъ отъ слова πρᾶσις (порєй) — многолєтнєє растєнїе сємєйства злаковыхъ.

^{2*} Ревматизмъ — инфекцїонное заболєванїе, въ основномъ поражающее ссєдинитєльную ткѹнь различныхъ органовъ тєла. Въ среднєвєковѹей мєдїцинѹе этимъ терминѹмъ обозначалїсь главнымъ образомъ всєвозможныя формы воспалєнїя и другїе болєзни сусѹтѹвовъ.

Пищу же мало примати. зелие же въсеко бежати.
Въ немъ же раждается чрънаа жлъчь.

Ген[уарий]

Азь точила отвръзау, и калан'да явлеу^{3*}
Мяс же свинныхъ въкоушати г[лаго]ля.
И рыбы тлъсты бл[а]госнеднии приемати.
Тъчиу оудалятися
Еже не пити сил'нейшее вино.

Фев[руарий]

Насыщаися въсекихъ питий. нее щадя сытос[ть].
Азь бо и крѣ и жилы оумръщвлеу.
Оуды цепеней. и ес[те]ство преме[не]вая
И стоу[до]мъ сие жлътовидно творя,
Г[лаго]ля же въсекомоу огребатися от цвекла.
Яда бо сут[ь] исплънена. и злоторител'на проходоу.

---

^{3*} В древнеримском календаре календы — начальные дни месяцев.

А. И. Плигузов, И. А. Тихонюк

ПОСЛАНИЕ ДМИТРИЯ ТРАХАНИОТА НОВГОРОДСКОМУ АРХИЕПИСКОПУ ГЕННАДИЮ ГОНЗОВУ О СЕДМЕРИЧНОСТИ СЧИСЛЕНИЯ ЛЕТ

Средневековые схоласты немало сил потратили на уяснение календарных сроков обещанного конца света. Рассуждая о тех временах, когда никаких «лет не будет» и «знание упразднится», богословы добросовестно разбирались в прежней и современной им системе счисления лет, таблицах пасхалии, сведенных в древнерусскую «альфу», «канониях» других незнамых народов.

Русским книжникам XV в. пришлось пережить несколько вспышек эсхатологических ожиданий, и самая яркая из них выпала на 1492 г. (год открытия Америки Колумбом), который был для Руси годом вступления в новое, восьмое, тысячелетие от «сотворения мира». Грозные

исторические события усиливали страхи. На глазах у одного поколения пала и обратилась в прах тысячелетняя Византийская империя и грозные «измаилы» отовсюду обступали Балканы. Любое календарное совпадение на исходе седьмого тысячелетия осознавалось как значимое, любые строки лунных таблиц и вруцелетий были заведомо чреваты двойным смыслом, и второе, тайное, их значение определенно указывало на скорое светопреставление. Забегая вперед, книжники, страпась собственного знания, писали на полях пасхалии lamentации по поводу ожидаемого «страха и скорби».

Конца света в разных землях Руси ждали в разное время года. Многие думали, что вращение Миротворного круга должно остановиться в марте, как ожидал этого автор жития Стефана Пермского: в марте сотворен Адам, в марте иудеи вышли из египетского рабства, в марте же Мария услышала благую весть и в марте был распят Христос. Но большинство летописцев по-византийски начинали год с сентября и наиболее вероятным сроком второго пришествия считали сентябрь. Сентябрьские пасхалии размеряли время с пачала Великого поста и продолжались до дня Петра и Павла (12 июля) — поэтому с июля 1492 г. ожидали «светопреставления». Срок был строго ограничен — между 12 июля 1492 г. и 27 января 1493 г., когда с недели мытаря и фарисея начинался очередной пасхальный цикл 7001 лета. Мартовский год был старше сентябрьского, поэтому приверженцы мартовского стиля не могли располагать продолжением пасхалии дальше лета 1492 г. и также настоятельно пуждались в новых хронологических выкладках.

До сих пор цикл древнерусского типикона определялся уже готовыми таблицами, сведенными византийскими или балканскими компутистами. Теперь же, после падения Византии, пужно было самостоятельно продолжить рядовую пасхалию, мипуя подводные камни високосных годов, рифы эмболисмических месяцев и учитывая неизбежность накопления ошибок (например, к середине XIX в. православная пасхалия уже на три дня расходилась с солнечно-лунным календарем¹). Задача эта сложна и потому, что каноническая традиция до сих пор не может дать непротиворечивого разъяснения календарных указаний Никейского собора 325 г., «Алфавитной спптагмы» Мат-

¹ См.: Степанов Н. В. Новый стиль и православная пасхалия. М., 1907. С. 54–57.

фея Властаря и толкований Федора Вальсамона² (впрочем, последние не были известны на Руси до 20-х годов XVI в.).

С середины 1480-х гг. Геннадий Гонзов, глава новгородского Софийского дома, вел напряженную полемику с собственной паствой. Священники Новгорода и сельских приходов, уклонившиеся в ересь, использовали всеобщие ожидания конца света для развенчания авторитета православных архипастырей. Новгород был наводнен иностранными купцами (преимущественно католиками), сюда приводили литовских полоняников (католиков и язычников). Развитие городской культуры и ремесел создавали здесь благоприятную почву для зарождения «бюргерских» ересей. Напомним и о сепаратистских настроениях новгородского населения, немногим более десяти лет попавшего в зависимость от великого князя всея Руси. Все эти факторы обусловили чрезвычайно сложную ситуацию, вылившуюся в нескончаемые прения о вере. Пограничный Новгород должен был пройти через эти споры, чтобы стать тиглем будущего официального русского православия.

У новгородских еретиков был перевод астрономического сочинения тарасконского еврея Иммануила бен-Якоба — «Шестокрыл» (закопчен в 1356 г.³), по которому повгородский поп Наум, уличенный в ереси, собирался исчислять фазы Луны после того, как истечет русская пасхаля. Список трактата бен-Якоба был получен новгородским владыкой, очевидно, от того же Наума, скопирован («да и написан у мене», — сообщал Геннадий⁴) и более десяти лет хранился в Софийском доме. «Шестокрыл» подробно разобран архиепископом в посланиях Прохору Сарскому (1487 г.) и бывшему ростовскому владыке Иоасафу (1489), ссылку на «Шестокрыл» находим в календарном разделе библейского кодекса 1499 г.⁵

«Шестокрыл» нельзя безоговорочно отнести к специфически еретической литературе «жидовскаа мудръствующих». Гонитель еретиков Геннадий сверялся с этим трактатом в собственных расчетах, позднее заглядывал в сочине-

² См.: Воронов Л. Календарная проблема // Богословские труды. М., 1971. Т. 7. С. 177–200.

³ См.: Гурлянд И. Краткое описание математических, астрономических и астрологических еврейских рукописей из коллекции Фирковичей, хранящихся в имп. Публичной библиотеке. СПб., 1866. С. 23.

⁴ См.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 318.

⁵ См.: ГИМ. Синод. 915. Л. 907.

ние бен-Якоба и псковский монах Филофей, ополчившийся на «звездочетцев»⁶. Вплоть до середины XVI в. «Шестокрыл» не вносился в индекс запрещенных книг⁷. Единственный полный список «Шестокрыла» первой четверти XVI в. принадлежал в начале XX в. Холмскому музею и частично был опубликован А. И. Соболевским⁸, однако ныне утрачен. Происхождение списка и самого перевода неясны. Славист Соболевский на основании особенностей языка считал опубликованный им текст непосредственным переводом с иврита, выполненным где-то в Западной Руси. Гевраист А. Я. Гаркави, напротив, полагал, что древнерусский перевод был осуществлен с греческой версии «Шестокрыла» Георгия Хрисококи⁹.

Расчет лет в сочинении бен-Якоба значительно отличался от расчетов русской пасхалии. В 7000 (1492) г. равнялся в тетрадах попа Наума 5228 г., из чего делался вывод, что, по «Шестокрылу», в 1492 г. пришествия Христова не будет: «лета христианского летописца съкратишася, а наша пребывают». Еретики имели в проекте заменить истекающую христианскую пасхалию таблицами «Шестокрыла» и собственными календарными выкладками. Список трактата, полученный повгородским владыкой, состоял из 276 колонок метоновских циклов по 19 лет, т. е. охватывал 5244 г. Гепнадий же неожиданно предлагает другой расчет: «Ино те числа, что поставлены, 276 девяты-падесятииц лет будет 5228 (!)». Вряд ли владыка ошибся в арифметике, скорее эта разница объясняется тем, что, по летосчислению «Шестокрыла», в 1487 г. (дата гепнадиевского послания) шел именно 5228 год, и кончатся рассчитанные таблицы должны были только через 16 лет, в 1503 г. ($5244 - 5228 = 16$), тогда как русская пасхалия — через 3 года.

⁶ См.: *Малинин В.* Старец Елсазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 282–283.

⁷ Мы пользовались неопубликованным справочником, составленным Н. А. Кобяк, сотрудником библиотеки МГУ, с любезного согласия автора.

⁸ См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков; Библиогр. материалы. СПб., 1903. С. 413–417 и таблицы.

⁹ См.: *Гаркави А. Я.* Новые данные для истории романа об Александре // Сборник ОРЯС. СПб., 1892. Т. 53, № 7. С. 61. Еврейский текст «Шестокрыла» издан: *Бонфис, Яаков Эмануел бен.* Шеш кнафаим. Житомир. 1872. Указание на греческие списки см.: *Fabricius J. A.* Bibliotheca graeca. Hamburgi. 1724. Т. IV. P. 153, 611. Ср.: *Solon P.* The Six Wings of Immanuel Bonfils and Michael Chrysokokkes // Centaurus. 1970. Vol. 15. N 1. P. 1–20.

В послании бывшему ростовскому архиепископу Иоасафу Гепнадий еще раз повторит эти числа и снабдит их пояснением: «Ныне идеть шестаа девятнадесятица, по чему жидова лета чтут»¹⁰. Значит, если в 5244 г. последний из учтенных повгородским «Шестокрылом» метоновский цикл должен завершиться, то начаться он должен был в 5244—19=5225 г., и этот год можно считать началом 6-й «девятнадесятицы». В таком случае первая «девятнадесятица» должна была начаться в 1389 г., т. е. Паум вел свои таблицы примерно со времени составления «Шестокрыла» (разница составляет 33 года), а общее летосчисление начинал примерно (расчеты не сходятся лишь на один метоновский цикл) с 3761 г. до н. э., с начала традиционного еврейского летосчисления.

Список «Шестокрыла», опубликованный Соболевским, относится к более позднему времени; он включает не 276, а 277 метоновских циклов, т. е. был доведен до 1503+19=1522 г. Анализ текста этого памятника показывает, что отношение повгородского владыки к «еретическому» календарю не было столкновением обскурантизма русского православия и европейской гуманистической науки, а являлось встречей двух разных, но в культурном смысле примерно равнозначных (и стадияльно близких) систем календарного счета: западноевропейской схоластики XIV в. и православной транскрипции идей Никейского собора. Преимущество еретиков в начавшейся полемике было невелико и носило случайный характер. У них на руках оказалось переводное пособие, где пасха могла быть выведена на 16 лет вперед, тогда как русская митрополия руководствовалась таблицами, в которых пасхальный цикл был рассчитан только на ближайшие три года.

Гепнадий Гонзов, не имея ясного представления о различиях в летосчислении других народов, избрал не «календарный», а исторический способ полемики. Он, принимая допущение об общности начала истории у всех народов, «нашел в писании, что которой царь по котором был, и колко которой царь жил» — и этими хронологическими выписками заняли все известное ему историческое время, в том числе и те годы, которые, по расчетам Паума, еще и не наступили. «И в те лета которые цари и патриархи писаны по именом, и то тех где вмещати?» — язвительно спрашивал Гепнадий. И в самом деле, как средневековому книжнику ответить на этот вопрос и как «и

¹⁰ См.: Казакова П. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 318.

ступить» с царями и патриархами, жившими между 5508 г. до н. э. (сотворение мира) и 3761 г. до н. э. (начальная точка еврейского летосчисления), т. е. в течение 1747 лет?

«Шестокрыл бо взят от астрономии, яко капля от моря», — писал новгородский владыка, — а наука звездозакония идет от ветхозаветного Сифа, третьего сына Адама, того самого Сифа, которого, по летосчислению «Шестокрыла», как бы и не было, и патриарх Енох «написал дни и часы и лета», а Авраам учил египтян землемерию и расчетам земным. Геннадий стремится обесценить еврейские сочинения были переведены в «еллинском языке», «а жидова как распяли Христа, так их в пленение предал бог, да и книги их истреблени быша». Поэтому все современные еврейские трактаты передают, по мнению Геннадия, «еретическое предание», а подлинную традицию «апостолов и святых отцов» следует искать в греческих книгах. Это категоричное утверждение новгородского владыки, с которым вряд ли согласятся современные гебраисты, было справедливо в отношении той книги, что видел сам Геннадий: «Шестокрыл», составленный в 1356 г., в самом деле к апостольской традиции никакого отношения не имел.

В поисках премудрости «еллинских книг» и обратился Геннадий к семейству греков Траханиотов. Новгородский владыка познакомился с ними еще чудовским архимандритом. Приехавшие в свите Софьи Фоминичны в 1472 г., Траханиоты с начала 80-х годов окончательно обосновались в России — Дмитрий Мануилович, Дмитрий Старый, как пазывали его современники, переводчик, боярин, глава двора Софьи Палеолог, его сын Юрий («Юшка») и брат, дипломат Юрий Мануилович. Отец московских Траханиотов, Мануил Траханиот Буллотес был известным греческим вельможей, участником Ферраро-Флорентийского и Базельского соборов¹¹ и, по-видимому, сторонником церковной унии между католическим Западом и православным Востоком. Его сыновья, обрета новую родину в России, не рисковали высказывать униатские идеи, понемногу обрусели, укрепились в трудной для иноплеменика

¹¹ См. о нем. *Trapp E. Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit*. Wien, 1977. Bd. 2. S. 105, № 3088. Ср.: *Флоря Б. Н.* Греки-эмигранты в русском государстве второй половины XV — начала XVI в. Политическая и культурная деятельность // *Русско-Балкански културни врѝзки през средновековието*. София, 1982. С. 123—143.

стране, и все трое в конце жизни приняли монашеский постриг, причем Юрий Дмитриевич уже после 1522 г., возможно в 1525 г., постригся в Чудовом монастыре под именем Геннадия — в честь бывшего покровителя, опального и давно покойного новгородского владыки¹².

Геннадий, поставленный на новгородскую кафедру в декабре 1484 г., не прерывал связей с чудовскими монахами и продолжал пользоваться поддержкой своих столичных союзников, в том числе греков из окружения Софьи. Послание, отправленное Геннадием семейству Траханиотов, пропало вместе с их родовым архивом, зато ответная грамота «Дмитриа Грека», посвященная полемике о сроках второго пришествия, сохранилась в нескольких списках, восходящих к архиву Софийского Дома.

Долгое время считали, что под именем «Дмитриа Грека» скрывается Дмитрий Ралев. Существовало и мнение, будто написал эту грамоту дипломат и переводчик Дмитрий Герасимов («Митя Малый»). Однако А. Д. Седельников обратил внимание на то, что в тексте послания говорит о себе как о «Дмитрии Старом», а этим именем звали именно Дмитрия Мануиловича Траханиота; ссылку в тексте послания на некоего Юрия А. Д. Седельников принял за бесспорное свидетельство участия в геннадьевской работе родного брата Дмитрия Траханиота — Юрия Мануиловича¹³. Так решился вопрос об авторе разбираемого послания. Датировка этого сочинения следует из расчетов в самом памятнике, там определенно указан 1488/89 г. Впрочем, Я. С. Лурье обнаружил один список, где все расчеты подведены под 1493 г. (ГПБ, Ф. I. 244), и еще один список грамоты (ГБЛ, Попов 18; прежний шифр, используемый Я. С. Лурье, — Муз. 2469), где расчеты указывают на 1513 г. Эти разыскания зародили у Лурье сомнение в правомерности принятой датировки, однако на другой возможной дате исследователь также не решился остановиться¹⁴.

В историографию новгородско-московской ереси (Я. С. Лурье, А. А. Зимин) послание Дм. Траханиота вошло как «довольно уклончивый ответ» ученого грека па

¹² См.: ГИМ. Синод. 667. Л. 92–92 об.; как установил А. А. Зимин, Юрий умер в 1525/26 г.

¹³ См.: *Седельников А. Д.* Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV — начале XVI в. // Докл. АН СССР. 1929. Сер. В, № 1. С. 17.

¹⁴ См.: *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Указ. соч. С. 135, 393; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 269.

недоуменные вопросы повгородского владыки¹⁵, причем подчеркивается, что Дмитрий Старый разделял эсхатологические настроения Генпадия. Только в недавнее время Б. Н. Флоря значительно уточнил этот вопрос, обратив внимание на осуждение Дмитрием «плотского смотрения», согласно которому конец света должен быть «седморичен» (прежде эта точка зрения по недосмотру исследователей инкриминировалась самому ученому греку)¹⁶.

Считаем своим долгом заново рассмотреть и опубликовать это послание, ибо до сих пор, как будет показано ниже, его данные недооценивались и его место в развитии полемической литературы конца XV в. еще нуждается в уточнении.

Публикуя в 1955 г. материалы по истории повгородско-московской ереси, Я. С. Лурье, Н. А. Соколов и А. А. Зимин опустили ряд важных источников, касающихся календарных выкладок обличителей (предисловие Генпадия к пасхалии, извещение о пасхалии Зосимы и др.)¹⁷. Имеется единственное издание послания Дм. Траханиота — 1861 г.¹⁸ Опубликованный и неверно датированный в комментарии (1491 г.), текст не может быть использован в современных научных работах, так как он отражает фрагменты послания, сохранившиеся в двух поздних рукописях Соловецкой библиотеки, и сами эти фрагменты содержат дефектный текст. Отсутствует, например, упоминание о Юрии Траханиоте, и поэтому исследователи по-прежнему вынуждены через голову публикатора обращаться к рукописям.

Специальную работу по установлению истории текста и археографии послания «О седьмой тысяще» предпринял Я. С. Лурье.¹⁹ Он выявил 7 списков грамоты, сохранившихся в составе различных сборников, включая наиболее авторитетные (ГБЛ, Троицк. 730 и ГПБ, Q.XVII.15), и вслед за С. Ивановым указал на списки этого же послания внутри «Просветителя» Иосифа Сапина.

Авторы настоящей статьи, обратившись к рукописной

¹⁵ См.: Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 219.

¹⁶ См.: Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 138.

¹⁷ Вероятно, на том основании, что они были опубликованы А. С. Павловым в «Русской исторической библиотеке» (СПб., 1880. Т. VI) и в 1908 г. переизданы В. Г. Дружининым и В. Н. Бенешевичем. Но послание Дм. Траханиота не было привлечено и к этой публикации.

¹⁸ См.: Православный собеседник. Казань. 1861. Ч. 4. С. 405—440.

¹⁹ См.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 135, 315, 456.

традиции послания Дм. Траханиота, установили, что в большинстве списков послание дошло в переработанном виде: оно не имеет заголовка, обращения к Геннадию, из него выброшены куски комментариев к 31-му псалму, упоминание о переводческой работе Юрия, а рассуждения по поводу аллилуйи перенесены из начала послания в конец. Эта переработка вполне может считаться самостоятельной редакцией. Из частного послания, каким является грамота Траханиота, текст превращен в анонимный трактат публицистического назначения. Из послания ученого грека сделан не формуляр грамоты, как это бывало с частными посланиями, а новое сочинение, основным назначением которого является разбор вопросов хронологии. От таких исправлений свободны наиболее ранние списки послания. Укажем на сборник, происходящий из библиотеки Троице-Сергиева монастыря, составленный там в 90-х годах XV в. (ГБЛ, Троицк. 730)²⁰. В составе этого сборника на бумаге середины 80-х годов XV в. переписана грамота Геннадия Иоасафу. Назовем и формулярник волоколамского игумена Пифонта Кормилицына (ГИБ, Q.XVII.15, 30-е годы XVI в.), составленный по материалам монастырского архива, где хранились многие документы, присланные Геннадием Иосифу Волоцкому.

На основании сверки текстов считаем возможным содержащийся в этих рукописях полный вариант послания назвать старшей его редакцией, непосредственно восходящей к авторскому списку Траханиота. В пользу этого вывода говорят следующие соображения:

а) на наш взгляд, обратное взаимоотношение списков невозможно, ибо превращение анонимного трактата об исчислении лет в частное послание Траханиота путем расширения текста за счет внесенных задним числом обращений

²⁰ Это сборник-конволют, написанный 11 почерками; л. 246–253, 429–436 и л. 363–394 могут расцепиваться как вставки, вложенные в основной блок перед переплетением рукописи. Почерк, которым на л. 485–488 вписано послание, см. также на л. 203–203 об., где уже после завершения этой части рукописи данным почерком внесена глава «О Иерусалиме». Филиграния: голова быка – Пиккар, «Голова быка», XVI, 175 (1493 г.); крест – в альбомах не обнаружен; корона – Пиккар, «Корона», XII, 32 (1488–1491 гг.); голова быка – Пиккар, «Голова быка», XVI, 209 (1490–1500 гг.); герб – Брике, 1812 (1496 г.); колесо с мальтийским крестом – Брике, 13324 (1482–1485 гг.); литера «Р» – Пиккар, «Р», III, 875–883 (1472–1475 гг.); голова быка – Пиккар, «Голова быка», XI, 235 (1471–1475 гг.); герб – Брике, 1039 (1464 г.); литера «У» – Брике, 918 (1472 г.); голова быка – Брике, 14837 (1475 г.), Пиккар, «Голова быка», XII, 729 (1476–1478 гг.).

к Геннадию и новых тем полемики представляется слишком сложной работой;

б) наблюдается текстологическая зависимость наиболее исправного и раннего списка анонимной редакции — ГБЛ, Муз. 8757/ГИМ, Епарх. 404 — и следующих за ним списков не от общего протографа списков старшей редакции — ГБЛ, Троицк. 730 и ГПБ, Q.XVII.15, а только от протографа ГПБ, Q.XVII.15;

в) особая группа списков анонимной редакции, включенная в состав «Просветителя», находится в текстологической зависимости непосредственно от списка ГПБ, Q.XVII.15.

Списки старшей редакции могут быть сгруппированы по разночтениям следующим образом. Наиболее близки между собой Н и Ч (условные сокращения см. в приложении), их объединяет большая группа общих чтений (в нашей публикации это примечания 30, 35, 37—38, 42, 52, 53, 55, 58, 65, 77—78, 82, 83, 84, 111, 112, 126. См. Приложение). Обращает на себя внимание индивидуальный заголовок Ч (примеч. 1—2), который мог возникнуть от того, что в протографе этого списка никакого заголовка не было (как в Н); против предположения, что Ч — копия с Н, говорит то обстоятельство, что Ч не повторяет исправления Н (примеч. 50).

Список С 60-х годов XVI в., происходящий из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, в принципиальных чтениях следует Троицк. 730 (примеч. 53, 77—78). Незначительны совпадения этого списка с Н (примеч. 3, 75); серия индивидуальных чтений, характерная для С, отделяет его от других списков.

Приближается к С список Син. 466, разночтения которого не подведены в нашей публикации (совпадают чтения примеч. 85, 91, 104, 106—107); индивидуальные особенности Син. 466 (доб. к примеч. 52, правка, имеющая своей целью принизить авторитет «латинской веры») в С не отразились. Характерной чертой Син. 466, объединяющей этот список с F.I.244 (выявлен Я. С. Лурье), является пересчет «каноний» на 1493 г. Следовательно, оба эти списка имели своим протографом переработанный в 1493 г. текст послания Траханиота, восходящий к протографу С.

Итак, все ранние списки (Троицк. 730 — С и Н — Ч) дают нам одну и ту же дату написания послания: 1489 г., и с этой датой согласованы все хронологические расчеты лет. Дмитрий Траханиот вел расчеты на текущий 1488/89 г. и, кроме того, сообщал в Новгород подробности перевод-

ческой работы Юрия. Если принять общее мнение о том, что упомянутый в послании Юрий — это Юрий Мануилович Траханиот (а этой атрибуции способствует как ответственный характер поручения, которое было в пору солидному дипломату, так и указание на то, что у Юрия «мало досугов»; а Юрий Мануилович Траханиот действительно был занят в это время подготовкой посольства в Империю), а не Юрий Малый, «Юшка», сын Дмитрия Траханиота, начавший службу шестью годами позднее, в 1495 г. (думаем, что в последнем случае он был бы назван уменьшительным именем), тогда датировка послания еще более уточнится. Юрий Мануилович Траханиот 22 марта 1489 г. отбыл в составе посольства с Иваном Халепой и Костей Аксентьевым во Франкфурт к Фридриху III и всю оставшуюся часть года провел за границей²¹. В таком случае послание Дмитрия Траханиота следует датировать началом 6997 г. — мартом 6997 г. (1 сентября 1488 г. — 22 марта 1489 г.).

Списки младшей редакции послания делятся на две группы. Первая (назовем ее первым изводом) представлена несколькими списками, сохранившимися вместе со «Сказаниями о скончании седьмой тысячи» (источник 8—10-го слов «Просветителя»). Наиболее ранний из этих списков волоколамского происхождения и датируется по бумаге первым десятилетием XVI в.²² Это две части некогда единой рукописи: ГИМ, Епарх. 404 и ГБЛ, Муз. 8757 (еще в 1857 г. составляла л. 204—230 в Епарх. 404²³). Тексту Сказаний Епарх. 404/Муз. 8757 следует список последней четверти XVI в. ГПБ, Соф. 1460 из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря.

Тетради ГБЛ, Попов 18, которые Я. С. Лурье считал наиболее ранним списком послания Траханиота, также относятся к младшей редакции, к ее первому изводу, написаны на бумаге второго десятилетия XVI в.²⁴ и сопро-

²¹ См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. I. Стлб. 63—64; Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI века. М., 1987. Ч. II, № 72.

²² Филиграния: голова быка — Пиккар, «Голова быка», XVI, 441 (1506—1509); корона — Пиккар, «Корона», XII, 36—37, 44 (1481—1515 гг.); весы — Брике 2540 (1498 г.).

²³ Принадлежность Епарх. 404 и Муз. 8757 одному кодексу установлена Н. И. Дубовик, см.: Дубовик Н. И. К изучению повести о воеводе Евстратии // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 336—337 (здесь рукопись датируется концом XV — началом XVI в.).

²⁴ Филиграния: корона — Пиккар, «Корона», XII, 14—17 (1488—

возждаются послесловием, прямо датирующим их февралем 1513 г. Анонимный писец, отправляя Сказания и послание Дмитрия Траханиота своему корреспонденту, поясняет: «Да не мниши, яко аз сие снисках, но прежде нас некто потрудился о сем... сиа малая по разума моего осязанию в едино съчетах и достоинству твоему послах, еже о седмотысящном въспросе. Написано бысть в лето 7024-мь, в 6 каланд февраля...» (л. 41—41 об.). Судя по позднейшей владельческой записи, рукопись хранилась в библиотеке Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, куда, вероятно, и была прислана в 1513 г.

Остальные списки Сказаний и послания Дмитрия Траханиота относятся к более позднему времени: ГИМ, Барсов 1429, 30-е годы XVI в. (рукопись волоколамского происхождения, заключительный текст об аллилуйе позднее был соскоблен), ГИБ, Соф. 1460, последняя четверть XVI в.; ГИБ, Кир.-Бел. 21/1098, конец XVI в.²⁵

Особенностью первого извода младшей редакции послания Траханиота является связь ее с протографом списков НЧ (Приложение, примеч., 84, 108, 111), который сохраняет черты сходства с Троицк. 730, С, Син. 466 (Приложение, примеч. 53, 58, 77—78); укажем также на единичное общее чтение с С (Приложение, примеч. 45).

Вероятнее всего предположить, что первый извод младшей редакции возник в Волоколамском монастыре на осно-

---

1517 гг.); голова быка — сходен Пиккар, «Голова быка», XVI, 471 (1499—1502 г.).

²⁵ Два последних списка и список Попов 18 (Муз. 2469) указаны в кн.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 393. «Сказания» Иосифа пачиная с 20- годов XVI в. (а не с конца 30-х годов, как прежде считалось) ложатся в основу списков «Миротворного круга». Наиболее ранний волоколамский список такого типа обнаружил Б. Н. Морозов в собрании Гос. Литературного музея в Москве; описание этого списка см. в Описи Волоколамской библиотеки 1857 г. (ГБЛ. Ф. 193. Карт. 11. Ед. хр. 7), его волоколамский номер — 540/546; нынешний шифр — ГИМ. № 204; ср.: Строев П. М. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина Сторожевского и Пафнутиева Боровского. СПб., 1891, № 58 (2°). Кодифицирован и доработан состав текста «Миротворного круга» был в 1539 г. (а не в 1541 г., как обыкновенно считают) новгородским священником Агафоном, оригинал его работы см.: ГБЛ. Троицк. 736. Л. 1—26, 51—82 (л. 27—50 датируются 1541 г., по собственноручных записей Агафона не содержат). В этих и во всех последующих списках «Миротворного круга» (см.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 393—394) «Сказания» Иосифа не сопровождаются посланием Дм. Траханиота.

ве присланного туда из Новгорода списка послания Траханиота (протографа II) в процессе работы над «Сказаниями о скончании седьмой тысячи», так как все списки первого извода младшей редакции сохранились в приложении к этим «Сказаниям». Иосиф Волоцкий, составляя будущие 8—10-е слова «Просветителя», положил послание Траханиота в основу 8-го слова, а 8-е слово имеет в тексте точную дату написания: сентябрь 1492 — август 1493 г.²⁶ Значит, грамота Траханиота попала на Волок еще до того, как Иосиф припнулся за работу, и между сентябрем 1488 и 1492/93 г. было сделано сокращение послания, этот текст назван нами первым изводом младшей редакции. Связь этого сокращения с работой над будущими словами «Просветителя» позволяет предположительно считать его автором самого Иосифа Санина.

Второй извод младшей редакции объединяет списки, известные нам только в составе «Просветителя». Временем возникновения второго извода могут считаться 30-е годы XVI в., когда игумен Волоколамского монастыря Нифонт Кормилицын, переписавший в свой формулярник Q.XVII.15 (л. 382—385) старшую редакцию послания Дм. Траханиота, прямо в тексте собственноручного списка киноварью проставил разметку сокращений и переноса кусков: «после», «копец», «отселе почни», «после сего о трегубой аллилус». Именно в таком виде работавший под его руководством волоколамский писец и сам Нифонт (главка об аллилусе переписана его рукой) перенесли отредактированное послание в текст «Просветителя», открывающий тот же формулярник, поместив фрагменты послания Траханиота вслед за 10-м словом книги Иосифа (Q.XVII.15, л. 155—157).

Композиция второго извода младшей редакции полностью повторяет композицию первого извода (т. е., как мы предполагаем, следует редакторской работе Иосифа Волоцкого), а текст второго извода точно передает особенности нифонтовского списка с учетом собственноручной прав-

²⁶ «Ныне еще осмьдесят лет и четыре уйде миротворного круга...» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 401). Эти слова были поняты С. П. Шевыревым как указание на 1492+84=1576 г. (!), из чего исследователь делал вывод, что мы имеем дело с позднейшей вставкой в 8-е слово «Просветителя» (Шевырев С. П. История русской словесности. Изд. 2-е. СПб., 1887. Ч. IV. С. 112). На самом деле считать следует так: 1408 (начало нового миротворного круга на Руси) +84=1492, год истечения седьмой тысячи лет.

ки волоколамского игумена, внесенной в текст старшей редакции. В нифонтовском списке старшей редакции первоначально было написано: «И укрепись та слова в людех...» (Троицк. 730, С, Син. 466 и Ч: «слава»), затем выделенное нами слово подтерто, а поверх него читается: «словеса» — именно это чтение вошло во второй извод младшей редакции (в первом изводе: «слава»).

Список второго извода младшей редакции послания Дмитрия Траханиота в нифонтовском сборнике является протографом всех списков послания, обнаруженных в составе «Просветителя». Я. С. Лурье указал 21 список книги Иосифа, где, по его мнению, должен содержаться текст послания Траханиота²⁷. На самом деле таких списков 11. Перечислим их: 1) ГБЛ, Рогожск. 241.1, первая половина XVII в.; 2) БАН, Арх. С. № 195, середина XVII в.; 3) ГБЛ, Фунд. 172, 1665 г.; 4) ГИМ, Вахр. 219, 30-е годы XVIII в.; 5) ГБЛ, Егоров 905, 30—40-е годы XVIII в.; 6) ГБЛ, Рогожск. 238, 60-е годы XVIII в. (отсутствует часть послания, трактующая проблему аллилуйи); 7) ГИМ, Уваров 837 (4°), конец XVIII в.; 8) ГПБ, Погод. 1135, середина XVII в. (начало текста об аллилуйе выскоблено); 9) ГБЛ, Унд. 486, середина XVI в.; 10) ГИМ, Синод. 454, вторая половина XVII в. (отсутствует текст об аллилуйе); ИРЛИ, кол. ИМЛИ, № 17, вторая половина XVIII в. (пет текста об аллилуйе).

Список «Просветителя» Q.XVII.15 содержит слой последовательной правки «Сказания о новоявившейся ереси» (проанализирован Я. С. Лурье). Предварительные наблюдения позволяют предположить, что первые семь списков восходят к Q.XVII.15 еще в том варианте, когда Нифонт не исправил текста, а три последних — к уже отредактированному списку книги Иосифа. Список Погод. 1135 возник, как нам представляется, в результате контаминации списка краткой одинадцатисловной редакции со списком, восходящим к Q.XVII.15.

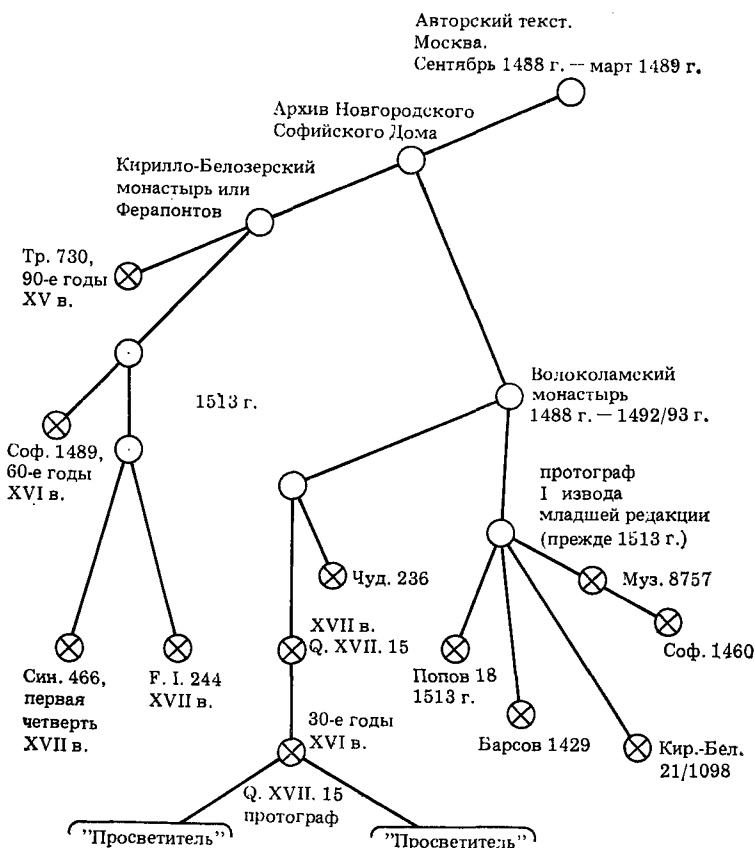
Текст второго извода младшей редакции послания Дмитрия Траханиота был переведен на украинский язык вместе со всем текстом «Просветителя», вероятно, в целях борьбы с западнорусским социнианством XVII в.²⁸ Единственный список перевода — ГИМ, Уваров 852 (4°) восходит

²⁷ См.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ.соч. С. 456, 460.

²⁸ См.: Петец В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. Л., 1928. С. 108—112.

к Унд. 486 или близкому к нему кодексу²⁹, по не Сип. 454 и не ИМЛИ 17.

По результатам наших разысканий составим стемму, чтобы зафиксировать достигнутое понимание истории текста грамоты Траханиота.

Выяснив историю текста грамоты Траханиота, обратим внимание на содержание этого любопытного документа. В послании — три основные темы: толкование аллилуйи,

²⁹ См.: Иванов С. К литературной истории «Просветителя» препод. Иосифа Волоцкого // Библиографическая летопись. СПб., 1915. Т. 2. Отд. II. С. 39—49.

наблюдения над текстом 31-го псалма и принципы исчисления лет.

Интерес Геннадия, насколько позволяет судить грамота Траханиота, мог возникнуть в связи с различиями в обрядовой практике разных земель, подвластных Софийскому Дому.

Известно, что именно в Пскове XV в. оживленно обсуждалась эта проблема (житие Ефросина Псковского), и в спорных вопросах псковичи, например, охотнее слушали «иконников», чем собственного архиепископа³⁰. Геннадий, «сугубивший» аллилуйю (т. е. петь аллилуйю полагалось дважды), знал о католической «трегубой» аллилуйе в западноевропейской традиции, и это, видимо, колебало его уверенность в каноничности собственных действий.

Дмитрий Мануилович Траханиот, заглянувший по просьбе Геннадия в московские книги, никаких точных указаний на чинопоследование аллилуйи там не обнаружил: «Ино, господине, того и здесе в книгах не описано», но сослался на свой опыт житья в других странах: «Но мне ся поминити, что и у нас (в Греции? в Литве? в Италии? — *Авт.*) и спор бывал между великих людей...» Поездивший по Европе грек, свидетель и, как мы думаем, сторонник установления союза православной России с католическим папским престолом (и католической Империей, с которой вскоре от имени Ивана III подписал договор его брат Юрий), не склонен был придавать слишком большого значения различиям в чинопоследовании: «Ино как ни молвит человек тою мыслию, так добро», — пишет он.

Не углубляясь в разбор этой темы, крайне запутанной синодальными историками и богословами, немало сил потратившими на дискредитацию «Стоглава», узаконившего сугубую аллилуйю, обратим внимание на то, что уже троицкие книжники 90-х годов XV в. приписали к посланию Траханиота толкование Феодорита: «Аще ли же поют аллилуйю по дважды, а не тригубна, на грех себе поют и на осуждение...» (Троицк. 730, л. 488 об.).

---

³⁰ Послание Дм. Герасимова Мисюрю Мунехину 1518/19 г. См.: *Голейзовский Н. К.* Два эпизода из деятельности новгородского архиепископа Геннадия // *Византийский временник*. М., 1980. Т. 41. С. 131. См. разбор споров об аллилуйе: *Серебрянский Н.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 78–162.

Геннадий мог обратиться к ученому греку за консультацией по поводу значения слова «прикрыпаса» в Псалтири (пс. 31, ст. 1), так как в канцелярии Новгородского Софийского Дома не было толмачей, знающих греческий язык. Дмитрий объяснял владыке, что «прикрывание» грехов означает «отпущение». Эта филологическая справка вполне соответствует нашим представлениям о семантике данного слова в библейских текстах (ср. слова о «прикрытии зла» в 1 Петр., 2, 16; ср. 2 Фес., 2, 8) и согласуется со «Сказанием 31-го псалма», приписанным в Троицком монастыре к посланию Траханиота (Троицк. 730, л. 489—489 об.).

Лингвистический фрагмент послания показывает, как хорошо успел изучить русский язык его автор, легко разделяющий будущее и «прешедшее» время (вспомним филологические затруднения Максима Грека) и умело пользующийся синонимией.

Собственно календарная часть послания Дмитрия Траханиота начинается с утверждения, будто в святоотеческой литературе (имеются в виду сочинения Иоанна Златоуста и Иоанна Дамаскина) содержатся размышления о семи веках существования мира, но нет ни слова о семи тысячах лет как сроке второго пришествия. Однако это утверждение неверно, потому что уже Иосиф Санин в 1492/93 г. отыскал у Никифора Ксанфонула точное указание на конец света после истечения седьмой тысячи лет, а не седьмого века³¹.

Заблуждения относительно скорого конца света Дм. Траханиот объясняет неправильным толкованием патристики и безусловной тайной сроков второго пришествия: «никто не весть числа веку».

Утверждение о том, что конца света следует ждать «в седмом числе», т.е. по истечении 7-й тысячи, 7-го года, 7-го месяца, которое исследователи приписывают самому Дмитрию Траханиоту (лишь Б. Н. Флоря оспорил этот тезис), на самом деле есть изложение взглядов его оппонентов. От подобных ложных мудрствований Дмитрий решительно отказывается: «Сиа... все помышления суть». Заметьте: полное исполнение числа семь мыслится московскими корреспондентами Траханиота не как арифметическая операция, а как бесконечное дублирование этой священной цифры, за которой никакого счета уже не может быть. Так,

³¹ См.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 400.

в Апокалипсисе наполнение чаши земных грехов выражается в тайном имени Антихриста тройственным повторением числа шесть. Может быть, и наполнение горнего мира, обозначаемое как 7777, конструировалось по аналогии с зашифрованным именем Антихриста — 666 — из «Откровения» Иоанна Богослова.

Возможность наступления конца света в разные сроки у разных народов, в соответствии с их системами летосчисления, Дмитрий также отводит: «Ино то лжа есть». Ученый грек находит место известным ему календарям внутри времени христианской истории, суммируя годы, отсчитанные каждой системой счисления лет, с годами, прошедшими от сотворения мира до составления тех или иных каноний, — разумеется, эти расчеты во всех случаях складывались в одну и ту же цифру — 6997 лет — и давали основание автору утверждать, что «коли уже начаю всем едина, и лета до сех мест приходит на едино, подобает же и концу всем едицу быти».

Дмитрий Старый, перечисляя канонии других народов, возможно, пользовался переводной версией (латинской или греческой) одного из арабских календарно-астрономических сочинений³² либо одним из латинских календарных пособий. «Перские канонии» — это эра Иездегерда, начавшаяся 16 мая 632 г. восшествием на престол последнего перед арабским завоеванием персидского царя. «Арапские канонии» должны ориентироваться на «хиджру» — переселение Мухаммеда из Мекки в Медину (июль 622 г.), но Дмитрий начинает арабское летосчисление с 661 г., и причину этого отклонения еще предстоит установить. «Халдейские канонии» — эра Набонасара (с 747 г. до н. э.). «Египетские» канонии султана Мелхиона — арабская эра Джелал-ад-Дина Малик-шаха, исчисляющая годы с марта 1079 г. «Еврейские канонии» начинаются у Дмитрия с 268 г. до н. э. вместо 3761 г. до н. э., — и здесь мы затрудняемся указать причину явной несогласованности нашего источника с общепринятым взглядом.

Корреспондент Геннадия оперировал также сведениями о «латинском» календаре, по его информация расходилась с информацией самого новгородского владыки³³. Грек (как и доминиканец Вениамин из ближайшего окру-

³² См. сведения о подобных сочинениях: *Розенфельд Б. А., Сергеева Н. Д.* Об астрономических трактатах Ал-Хорезми // *Историко-астрономические исследования*. М., 1977. Вып. 13. С. 205–206.

³³ См.: *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Указ. соч. С. 319.

жения Геннадия) считал, что «латыны» числят от Адама до рождества Христова 5511 лет, а не 5500, как думал Геннадий.

Среди известных нам писателей один только польский хронист Ян Длугош при переводе на Дионисиеву эру вычитал не 5508, а 5511 лет, т. е. также разделял сотворение Адама и Христово рождество 5511 годами³⁴. Это совпадение и польско-литовская терминология папской грамоты 1472 г., переведенной участниками московского посольства во главе с братом Дмитрия Юрием Траханиотом, и то, что свод 1489 г. называет Юрия «паном Юргой», выходцем из польско-литовских земель³⁵, — все эти факты дают основания для предположения, что Дмитрий обучался хотя бы некоторым календарным премудростям в польско-литовском государстве.

Основной вывод автора послания состоит в том, что «седмую... тысящу подобает человеку помнити ... а не верити», следовательно, рационально-схоластических и еретических умствований по поводу календаря приезжие греки не разделяли.

Послание Дмитрия Траханиота, едва успев найти адресата, немедленно стало распространяться в списках и открыло широкую антиеретическую полемику по календарным вопросам. В течение ближайшего десятилетия круг спорных вопросов все расширялся, к обсуждению привлекались переводные католические сочинения (календарная часть труда Вильгельма Дураптиса «*Rationale divinarum officiorum*»³⁶), еврейские трактаты (эмболистический лунник, известный в списке 80-х годов XV в. и использованный Геннадием в библейском кодексе 1499 г.³⁷), славянские таблицы («альфа» легендарного новгородского архиепископа Василия Калики, хранившаяся в Софийском

³⁴ См.: Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 250; ср.: Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868. С. 108–113; Ср.: ГБЛ, Рум. 93. Л. 1; Седельников А. Д. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина // Изв. ОРЯС. Л., 1926. Т. 30. С. 213.

³⁵ См.: ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 196; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 180, 182.

³⁶ Текст перевода: ГПБ. Погод. 1121. Л. 2–47; ср.: Бенешевич В. Н. Из истории переводной литературы в Новгороде в конце XV столетия // Сборник ОРЯС. Л., 1928. Т. 110, № 3. С. 378–380.

³⁷ См.: ГБЛ. Троицк. 765. Л. 307–308, ср.: ГИМ. Синод. 915. Л. 904–906 об.

Доме³⁸); в 1490 г. московское посольство в Риме наводило справки о латинских пасхалиях³⁹.

7000-й год от «сотворения мира» был временем самой напряженной работы русских компутистов: начало следующего, 7001 г. сопровождалось утверждением митрополичьей пасхалии Зосимы Брадатого (составлена в сентябре — ноябре 1492 г., утверждена «малым» московским собором 27 ноября⁴⁰); еще раньше, по-видимому, в марте — августе 1492 г., рассчитал свою пасхалию пермский епископ Филофей⁴¹; в сентябре 1492 — августе 1493 г. Иосиф Санин работает над будущим 8-м словом «Просветителя»⁴², — в середине XVI в. его труд отразится в апокрифической приписанной Иосифу 79-й главе «Стоглава»⁴³; в сентябре — декабре 1492 г. создает комплекс календарных статей и архиепископ Геннадий⁴⁴.

Филофей и Зосима принадлежали к числу рядовых практиков, освоивших азы типикона, но слабо разбира-

³⁸ Сохранилась в копии 1499 г.: ГИМ. Синод. 915. Л. 908 об.

³⁹ См.: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 351.

⁴⁰ См.: ПСРЛ. М., 1959. Т. 26. С. 288. Списки первой редакции: ГПБ. Солов. 858; ГИМ. Епарх. 139. Синод. 713; ЦГАДА. Ф. 381, № 387; список второй редакции — ГБЛ. Троицк. 46 (все рукописи — 90-х годов XV — первого десятилетия XVI в.; ко второй редакции восходит также список XVII в.: ГБЛ. МДА 103). См. публикации: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1908. Т. VI. Стлб. 795—802; Тихонюк И. А. «Изложение пасхалии» московского митрополита Зосимы // Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв. М., 1986. С. 58—61.

⁴¹ См.: ГБЛ. Муз. 3271. Л. 61 об.; переработанный текст: ГБЛ. Троицк. 442. Л. 160—185 (переработка датируется маем 1494 — сентябрем 1495 г.).

⁴² См.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 394—401.

⁴³ См.: Стоглав/Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863. С. 237—238, 303—308; ср.: Стефанович Д. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. СПб., 1909. С. 259—262; Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1900. Т. II, перв. пол. С. 623; Плигузов А. И. Противостояние митрополичьей и вассиановской кормчих накануне судебных заседаний 1531 года // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 35—36.

⁴⁴ Копия 1499 г.: ГИМ. Синод. 915. Л. 904—912; между л. 908 и 909 отсутствует лист, где помещалось начало рядовой пасхалии и, возможно, предисловие к ней. Публикация отрывков: Макарий. История русской церкви. СПб., 1870. Т. VI. С. 372—383; Русская историческая библиотека. Т. VI. Стлб. 802—820. Отрывки геннадьевских грамот вошли в состав волоколамской пасхалии (ГЛМ. № 204) и Миротворного круга 1539 г. (ГБЛ. Троицк. 736), часть материалов переписана в уставе XVI в. (ЦГАДА. Ф. 181, № 573/1074).

шихся в единой гармонической системе летосчисления. Они могли лишь следовать таблицам своих предшественников, указывая дни недели и числа праздников, тогда как споры с еретиками требовали широких представлений о системах. Движение небесных сфер должно было соответствовать не истолкованиям новгородско-московских еретиков, примеривающих к византийскому календарю «Шестокрыл» Иммануила бен-Якоба, а астрономическим предписаниям отцов Никейского собора. На этом настаивали волоцкий игумен Иосиф Санин и новгородский архиепископ Геннадий Гонзов.

Иосиф немало потрудился «в ширине божественного писания» и объяснил сомнения относительно несостоявшегося конца света тем, что святцы и календарные «круги и руки», доведенные до 1492 г., могут и должны быть продолжены по Миротворному кругу, потому что все «круги и руки» выводились из таблицы Миротворного круга, матрицы христианского времени, сопрягающей 19-летние лунные циклы с 28-летними солнечными: «И тако круг той обращается, яко же лунный круг и солнечный и индикта, и скончания не имать»⁴⁵.

Однако благочестиво описанный и превозносимый Иосифом Миротворный круг не существовал в природе, он был лишь идеей христианского календаря, а реальные пасхальные таблицы, византийские и южнославянские, являлись лишь бледными его подобиями, отражали разрозненные и случайные сегменты вселенского колеса, называемого Великим Индиктионом.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ПОСЛАНИЕ

ДМИТРИЯ МАНУИЛОВИЧА ТРАХАНИОТА
НОВГОРОДСКОМУ АРХИЕПИСКОПУ
ГЕННАДИЮ ГОНЗОВУ

Текст воспроизводится в соответствии с правилами издания исторических документов XVI–XVII вв. Основной текст: ГБЛ. Троицкое 730. Л. 485–488.

Разночтения: ГПБ. Q. XVII. 15. Л. 382–385 (сокращенное обозначение списка: Н); ГПБ. Софийское 1489. Л. 218 об.–221 об. (сокращенное обозначение списка: С); ГИМ. Чудовское 236. Л. 252–256 (сокращенное обозначение списка: Ч).

⁴⁵ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 400.

¹ Послание Димитрия Грека
к архиепископу Великаго Новаграда
и Пскова владыце Генадію ²

Господину пресвященному архиепископу Великаго ³
Новагорода и Пскова владыце Генадію слуга святитель-
ства твоего Димитрій Старой челом биеть.

Велел еси, господине, отписати к себе

о^А трегубном ал ил уиа,

высмотри в книгах. Ино, господине, того ⁴ и здесе ⁴ в
книгах не описано, как говорити: трегубно ли, сугубно ли?
Нъ мне ся ⁵ помпнѣти, что и у нас ⁶ о том ⁷ в ⁸ спор бывал
межу великихъ людей. Ипо ⁹ обоя однако осудили, зап[е]-
же ¹⁰ трегубное ал ил уиа, а в ¹¹ четвертые: Слава тебе,
боже, — являетъ треипостаснаго божества и ¹² единосущ-
наго. А сугубное ¹³ ал ил уиа ¹⁴ являетъ в две естестве еди-
но божество. Ино какъ ни мльвитъ человекъ тою мыслию,
такъ добро.

Ал ил уиа же толкуется: ал — прииде, ил — явися,
уиа — богъ, пойте и ¹⁵ хвалите живаго бога. И инака тлъ-
куется: ал ил уиа — хваление богу, или хвалите господа,
или сущаго // хвалите. Якоже и Давидъ ¹⁶: ал ил уиа ¹⁷
въпиаше, глаголя ¹⁸: богъ нашъ яве прииде, богъ нашъ не
премолчитъ ^{19В}.

Да велелъ ²⁰ еси, господине, к себе отписати ²¹ о той
речи ²², что в псалтыри пишетъ: Блажени, имъ же отпусти-
шася безаконіа, и имъ же прикрывшася греси. Ино, госно-
дине, Давидъ понеже злострадалъ велми в покаянии своемъ,
да отработитъ безаконіе свое ²³. Блажитъ убо пръво, ихъ ²⁴ же
безъ труда ²⁵ отпустишася имъ ²⁶ безаконіа, сиречь крестя-
щихся, и токмо единымъ крещениемъ вънезапу очистившихъ-
ся. Понеже акы ²⁷ пророкъ провидѣ Христово пришествіе и
крещеніе, и пишетъ будущее за прешедшее, понеже непре-
ложно, и тѣи ²⁸ именуетъ отпущеніе, та же блажитъ. И иже
от веры съгрѣшившихъ же и покаявшихся, имъ же прикрыв-
шася греси имъ, покаяніа ²⁹ ради ихъ ³⁰ от сердца, иже при-
крываетъ множества ради ³⁰ греховъ. Безаконіа же разуме-
ваются, яже ³¹ кроме закона ³² съгрѣшеніа. Грехи же — яже
в законѣ съгрѣшеніа. Прикрываніе же и отпущеніе еди-
но есть. А открываніе есть взысканіе уже, а не отпуще-
ніе. Та же ³³, господине, стоитъ в псалтире и в толцехъ:
Имъ же прикрывшася, а не открывшася.

³⁴ Да писалъ еси, господине, о словѣ // о ³⁵ томъ, что
Юрійъ переводитъ, кое бы его к тебе раніе отслати. Ино,
господине, тому толь въскоре пелзе быти, занеже пере-

вод³⁶ медленно. А еще Юрию мало досугов³⁷⁻³⁸. И ты бы пожаловал, о том не бранил. А как поспеет, так у тебя будет часа того. А яз тебе, своему господину, слуга твой, челом бию.

Да³⁹ велел⁴⁰ еси, господине, к себе отписати^{В 41} о седмыя⁴² тысящи, како седми тысуць лета приходят, и знамениа съврѣшенья⁴³ не⁴⁴ явись никоторое⁴⁵. Ино, господине⁴⁶, писание седм век надзнаменуе, а не седмь тысящ. Се же ни Христос повеле, ни пророк, ниже пакы святыи который написа заистенно седмих тысущ. Нѣ понеже писаниа плотскому смотрению Спасову в послѣднии дни явишиа быти⁴⁷, еже и бысть по 5000 и 500 и 6 лет. Помнеша неции, что седмь век суть⁴⁸ седмь тысящ, занеже Христово пришествие бысть, прешедшу тритысущному и пятьсущному лету, половине седми тысуць, иже нарицаются прѣвья дни. От половины же до скончаниа другая половина словут послѣднии дни. В них⁴⁹ же и плотское смотрение явись.

И укрепишь та слава^{Г 50} в людех, понеже никто не⁵¹ весть//числа веку, токмо един творец⁵², яко имать быти кончина. А то есть неизменно, да и в седмом числе, и понеже съврѣшенная числа суть одинокие⁵³ и десятки⁵⁴, и сътници, и тысящи. А уже седмая тысяща съврѣшается, то⁵⁵ подобает съврѣшиться и от иных седмиц или одной⁵⁶, или двем, или и⁵⁷ всем. Сиречь седмь лет или 70 или 700, или⁵⁸ въкупе^{59 60} седмию тысящи и 777⁶¹, вяще, еже кто весть.

Христу глаголющу к учеником своим: о дни же том и часу никто же весть, ни ангели, ни сын, токмо отец. Еже ни сын, — молвил⁶² им, да потом его не въпрашают о том въспросе⁶³, занеже всяк сын сый, сиречь в плоти, не может разумети о сем. Ино то им Христос про себя молвит⁶⁴ плоти ради.

А яко убо вся имут быти, елика повеле, да не сумпись⁶⁵ никто⁶⁶, яко же сам рече: небо и земля мимо идет, словеса же моя не мимо идут. Яко же быша и⁶⁷ елика рек⁶⁸ о Иерусалиме, и⁶⁹ ни мнее их⁷⁰ не⁷¹ оскуде, иже не сбытсѣя⁷². Имут же быти, яже о скончание тогда, егда проявятся знамениа, елика веси, что он рек⁷³, их же глаголет⁷⁴ Евангелие, и съврѣшатся в седьмом числе. И аще убо преидут и⁷⁵ седмь⁷⁶ лет после седмих тысущ, и знамениа не явятся, подобает разумети кому и о всех седмиц, или//яко да приложатся и от мѣсець седмица, и дней, и часов,—да будет^Д устроение съврѣшено^В в седмиц седмица. Сна, господине, вся^Ж помышления суть.

Седмицу же ⁷⁷ повеле нас ⁷⁸ времени бог един вестъ, сиречь седмих век на все же есть. Да веруетъ всякъ ⁷⁹ человек христианин, яко Христос есть божий сын и бог истинен, и то том ⁸⁰ будет уверен ⁸¹, в еликих он рекл.

О летех и о седмой тысящи, что иные чают ина ⁸² конец, а [и]ные инако. Ино то лжа есть ⁸³, нъ все роды один конец чают. И се есть истинно в мудрых, занежя ⁸⁴ от Адама до съставления перских каноний астрономских суть лет 6139, а от того лета ⁸⁵ до сего году суть лета 858, ино всех ⁸⁶ 6000 и девятьсѣтъ ⁸⁷ и 97 ⁸⁸. И паки от Адама до състава арапских ⁸⁹ каноний суть ⁹⁰ лет 6169, а от того году до сех мест ⁹¹ суть лет 828, ино всех ⁹² 6997. И паки от Адама до состава ⁹³ халдейских каноний ⁹⁴ суть лет ⁹⁵ 4761, от того лета до нынешнего суть ^и лет 2236, ино приходит ⁹⁶ 6997 же. И паки от Адама до султана Мелхион ⁹⁷, сиречь египетских, суть лет 6586 ⁹⁸. А от того году до текущего ⁹⁹ суть лет 4011, ино приходит тожде ¹⁰⁰. И паки от Адама ¹⁰¹ // дажде до състава ¹⁰² еврейских каноний суть лет 5249, а оттоле до сего году ¹⁰³ 1748 ^к, ино приходит в тожде число. И паки латына, иже дрѣжат от Христа, от Адама до Христова рожества лет 5511, а от Христа до ныне суть лет 1486, и ¹⁰⁴ приходит на тожде. ¹⁰⁵ И коли уже начяло всем едина, и лета ¹⁰⁶ до сех мест ¹⁰⁷ приходит на едино, ¹⁰⁸ подобает же и концу всем единому ¹ быти.

Седьмую же тысящу подобает человеку помптити, заплъ же от разсуждение сие удрѣжася в людех, а не верити, понеже ни от бога сие речено, ни от ангел, ни от пророк, ниже паки святой которой написал. Ни есть мощна разумети ся инако ¹⁰⁹ тому отинудъ, развее от ¹¹⁰ знамений, что Христос прорек: которые будут как и ¹¹¹ прочая прошлая, каяждо в своем веремяни, якоже и быша. Глаголю о евреях и о Иерусалиме и ¹¹² Иуде ¹¹³, и о прочих, их же весте по Евангелию, о них же и ¹¹⁴ рек, яко небо и земля мимо идут, словеса же мои не мимо идут. Но ^м неции ^н от внешних мудроков ¹¹⁵ паписали по ¹¹⁶ разсужению по тому, что сесь свет седмерочислен. Да и по семи веком, да и по ¹¹⁷ пророчьской речи, что прорекли Христово пришествие в последняя дни, ино то уже // явно есть, что в последняя дни Христос пришел!

Что же ¹¹⁸ седмь век? Нъ век есть тысяща лет по ведехому житию, что жили до девятисот лет и болши! Да съчли, что ¹¹⁹ до Христа ¹²⁰ прошло 5000 лет и 511 ¹²¹, а по Христе до семи век осталася одна ¹²² 1000 лет ¹²³ и 500 ¹²⁴ без 11 ¹²⁵. Ино то, деи, то ¹²⁶ истинно, Христос в последняя

дни пришел по пророчьской речи, а по семи веком от Адама, то седмая тысяща и истинно. Да то и написали⁰.

^А Рукой Нифонта Кормилицына киноварью приписано над строкой: «В», «После» Н. ^Б Рукой Нифонта Кормилицына киноварью приписано: «Конец» Н. ^В Рукой Нифонта Кормилицына киноварью приписано: «Отселе почни», «А» Н. ^Г В Н первоначально стояло: «слова», затем было подтерто. см. примеч. 50. ^{Д-В} написано тем же почерком поверх стертого текста в Троицк. 730. ^Ж вписано основным почерком поверх строки в Троицк. 730. ^З буква «у» вписана над строкой в Троицк. 730. ^И слово «суть» в Троицк. 730 написано дважды. ^К «748» написано по подтертому теми же чернилами, что и правка Ж, З -- Троицк. 730. ^Л «ну» в Троицк. 730 написано поверх соскобленного текста. ^М дописано в Троицк. 730 другими чернилами, как и в предыдущих случаях. ^Н в Троицк. 730 первоначально было добавлено «же», затем стерто. ^О Рукой Нифонта Кормилицына киноварью приписано: «После сего о трегубой аллилуе» Н.

¹⁻² нет Н; Псалом о сугубном аллилуа Ч. ³ нет НС; ⁴⁻⁴ зде С. ⁵ доб. господине С. ⁶⁻⁷ нет Ч. ⁸ нет Н. ⁹ инии Н; и они С; и инии Ч. ¹⁰ доб. господине С. ¹¹ нет С. ¹² а С. ¹³⁻¹⁴ нет С. ¹⁵ нет С. ¹⁶⁻¹⁷ нет С. ¹⁸ доб. аллилуа сиречь С. ¹⁹ доб. конец Ч. ²⁰ доб. ми С. ²¹ и СЧ. ²² речь ²³ нет С. ²⁴ им С. ²⁵ труда НЧ. ²⁶ нет С. ²⁷ яко Н. ²⁸ то Н. ²⁹ их ради С. ³⁰ нет НЧ. ³¹ яко же Н. ³² доб. разумеваются С. ³³ тако Н. ³⁴⁻³⁸ нет С. ³⁹ А С. ⁴⁰ доб. ми С. ⁴¹ отписати к себе С. ⁴² седмой же НЧ. ⁴³ съгрешение Ч. ⁴⁴⁻⁴⁵ некоторое явись С. ⁴⁶ нет С. ⁴⁷ доб. и Ч. ⁴⁸ нет С. ⁴⁹ пя С. ⁵⁰ слова Н. ⁵¹ же С. ⁵² доб. а НЧ. ⁵³ едино сие НЧ. ⁵⁴ десятины С. ⁵⁵ нет НЧ. ⁵⁶ единой С. ⁵⁷ нет С. ⁵⁸ доб. паки НЧ. ⁵⁹ доб. с Н. ⁶⁰⁻⁶¹ 7777. С. ⁶² рекл С. ⁶³ вопросе Н. ⁶⁴ рек С; молвил Ч. ⁶⁵ усумнится НЧ. ⁶⁶ никто же усумнится С. ⁶⁷ или С. ⁶⁸ доб. и Ч. ⁶⁹ нет Ч. ⁷⁰ доб. и С. ⁷¹ но Ч. ⁷² доб. и Ч. ⁷³ рече С. ⁷⁴ глаголють Н. ⁷⁵ нет НС. ⁷⁶ 7 С. ⁷⁷⁻⁷⁸ повеленнаго НЧ. ⁷⁹ нет С. ⁸⁰ так в рукописи; потом Н; потому СЧ. ⁸¹ верен Ч. ⁸² инак НЧ. ⁸³ доб. то НН. ⁸⁴ доб. яже НЧ. ⁸⁵ году С. ⁸⁶⁻⁸⁸ 9667 Ч. ⁸⁷ 900 С. ⁸⁹ съставления С. ⁹⁰ нет С. ⁹¹ сего году С. ⁹² доб. лет С. ⁹³ съставления С. ⁹⁴⁻⁹⁵ нет С. ⁹⁶ доб. в то же число С. ⁹⁷ Мелхиот Ч. ⁹⁸ 6587 Н. ⁹⁹ доб. каноний С. ¹⁰⁰ в то же число С. ¹⁰¹ доб. же Н. ¹⁰² съставления С. ¹⁰³ лета С. ¹⁰⁴ ипо С. ¹⁰⁵ в то же число С. ¹⁰⁶⁻¹⁰⁷ нет С. ¹⁰⁸ одно НЧ; доб. до сех мест С. ¹⁰⁹ доб. и Н. ¹¹⁰ нет Ч. ¹¹¹ нет НЧ. ¹¹² доб. о НЧ. ¹¹³ Иудей Н. ¹¹⁴ нет Н. ¹¹⁵ мудрецов С. ¹¹⁶ доб. тому С. ¹¹⁷ нет С. ¹¹⁸ доб. есть С. ¹¹⁹ нет С. ¹²⁰ доб. то С. ¹²¹ 501 Н. ¹²² нет С. ¹²³ нет С. ¹²⁴ доб. лет С. ¹²⁵ доб. лет С. ¹²⁶ нет НЧ.

СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ В ДРЕВНЕРУССКИХ СКАЗАНИЯХ XVI в.

Предлагаемая тема рассматривается нами прежде всего в связи с историей текста малоизученного памятника древней русской литературы — «Сказания о Тихвинской Одигитрии».

Предварительное археографическое и текстологическое изучение списков этого произведения позволило выделить ряд его редакций конца XV—XVI в. Специальный сопоставительный и историко-литературный анализ двух самых ранних редакций — А и Б¹ — позволил установить следующее.

Редакция А была составлена в 1499 г. в Тихвинском погосте. Ее автор старался лишь зафиксировать содержание местных устных легендарно-исторических преданий о явлении и чудесах Тихвинской иконы. Поэтому сюжетно-повествовательная структура созданного им текста характеризуется, с одной стороны, безыскусственностью, конкретностью и документальностью, а с другой — беллетристичностью и элементами реалистического отображения действительности.

Редакция Б возникла не ранее 1507 г. и воспроизводит несколько иную — официозную — версию предания. Ее автор следовал идейно-эстетическим канонам, принятым в московских официальных литературных кругах. Это отразилось на содержании, композиции и стиле нового текста, который отличают риторичность и этикетность, абстрагированность и дидактизм².

¹ Ред. А: 1) ГБЛ. Ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 535. Л. 387 об. — 390 об.; 2) Ф. 113, № 414. Л. 235—241 об.; 3) Ф. 205 (собр. ОИДР), № 208. Л. 195—197; 4) ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 1776/206. Л. 220—224 об.; списки 1, 2, 4—XVI в., список 3—XVII в.

Ред. Б: 1) ГБЛ. Ф. 113, № 659. Л. 425—428; 2) Ф. 113, № 577. Л. 254 об. — 257 об.; 3) Ф. 304 (собр. Троице-Сергиева монастыря), № 188. Л. 242—244 (по этому списку «Сказание» издано: «Русский архив». М., 1881. Кн. 2. С. 15—16); 4) ГИМ. Синодальное собр. № 562. Л. 443—446; 5) ЦГАДА. Ф. 196. Оп. I, № 1054. Л. 547—553; 6) Ф. 188. Оп. I, № 1179. Л. 5—7 об.; 7) ГПБ. Ф. 728 (Софийская библиотека), № 1454. Л. 261—263; все списки XVI в.

² Кириллин В. М. Текстологический анализ ранних редакций «Сказания о Тихвинской Одигитрии» // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 129—143.

Но, помимо расхождений на уровне содержания и формы редакции, А и Б имеют также расхождения в плане хронологической привязанности описываемых событий. Так, в редакции А не указан год явления иконы и основания первой церкви в Тихвинском погосте, а последующие церковные пожары, при которых икона оставалась невредимой, не отнесены к определенному времени. Сообщается лишь, что первая церковь сгорела через 5 лет после поставления, построенная на ее месте вторая сгорела также через 5 лет и затем третья — через 114 лет. Рассказом о третьем пожаре и завершается текст. Напротив, в редакции Б все события четко распределены по датам. Явление иконы и основание первой церкви, по свидетельству этого текста, произошло в 6891 (1383) г., первый пожар и восстановление церкви — в 6898 (1390) г., т. е. через 7 лет (в этой части редакция Б согласуется с летописным рассказом, где читаем: «...и стоя церковь и образ на том месте седмь лет и згоре»³); второй пожар и восстановление церкви — в 6903 (1395) г., т. е. через 5 лет, что и подчеркивается в тексте; а третий — через 105 лет, при этом год не назван, но, по расчету, данное событие приходится на 7008 (1500) г. Кроме того, в Б содержится отсутствующий в редакции А рассказ о построении на Тихвине четвертой — кирпичной — церкви в 7015 (1507) г. Для наглядности изобразим соотношение редакций А и Б схематически:

	А	Б
Явление	—	6891 (1383)
1 пожар	—	6898 (1390)
	через 5 лет	через 7 лет
2 пожар	—	6903 (1395)
	через 5 лет	через 5 лет
3 пожар	—	[7008 (1500)]
	через 114 лет	через 105 лет
построение каменного храма	нет	7015 (1507)
		через 7 лет

Здесь необходимо подчеркнуть: в рассказах о пожарах центральное место отведено не пожару и не восстановлению церкви. Внимание повествователя как в редакции А, так и в редакции Б сосредоточено именно на фактах избавления явленной иконы от огня — чудесным образом при первых двух пожарах и с помощью людей при третьем.

³ Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1859. Т. VIII. С. 48; Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XI. С. 83.

Отмеченные расхождения редакций А и Б в плане временной отнесенности событий, естественно, вызывают вопрос о том, какую из двух хронологических версий следует считать древнейшей, соответствующей устной традиции, а какую вторичной, литературно обработанной.

Если взять в соображение датировку и идейно-художественные особенности редакции Б, то можно вполне обоснованно рассматривать хронологическую версию последней как более позднюю, с помощью которой составитель данной редакции стремился упорядочить описываемые события прошлого, придать им строгую определенность в потоке реального исторического времени. (Для автора редакции А, зафиксировавшего легенду об иконе в виде, близком к формам ее устного бытования, подобное стремление, очевидно, не было еще актуальным.) В таком случае исследователь оказывается перед неизбежностью объяснения особенностей редакции Б. Действительно, почему ее автор изменил версию редакции А и выбрал другое распределение событий во времени? Имел ли он какой-либо источник или был оригинален, предложив новую хронологию? Сознательно или безотчетно внес он изменения? Если сознательно, то каковы его мотивы, соображения? Как их интерпретировать?

Всмотримся в числовой ряд текста Б. Он состоит как бы из двух групп последовательно расположенных чисел — группы дат (6891—6898—6903—7008—7015) и группы временных промежутков между ними, или группы чисел, отражающих хронологическую соотношенность событий (7—5—105—7). Несомненна взаимозависимость этих групп. Но поскольку в более ранней редакции А описываемые события не привязаны к определенным моментам исторического времени и, таким образом, группы дат нет, а есть лишь группа соотношенности (5—5—114), постольку в более поздней редакции Б вариацию последней (7—5—105) было бы логично считать основной группой, с видоизменением которой связано возникновение и конкретное наполнение автором данного текста группы дат. Поэтому анализу должна быть подвергнута прежде всего группа соотношенности.

Итак, в редакции Б три церковных пожара следуют один за другим через 7, 5 и 105 лет с момента основания в Тихвинском погосте первого деревянного храма Успения Богоматери. Причем изначально они как бы предварены тремя явлениями богородичной иконы Одигитрии: «в Вымоченицах, за сто верст от Тихвины», где была по этому

случаю построена церковь Рождества Богоматери; «на Кожеле, на Кукове горе... за 20 поприщ от Тихвины», где поставили церковь Покрова; и, наконец, на Тихвине, «над рекою на горе» (попутно заметим: в редакции А Тихвинский погост значится как четвертое место явления иконы). Отсюда не очевидно ли стремление составителя текста Б к символично-прообразовательному параллелизму, в основе которого лежит теологическое понятие о троичности? Во всяком случае, числовой ряд текста Б закономерно пополнить тройкой.

И удивительное дело: без труда можно обнаружить паличие внутренней связи между числами 7, 5, 105 и 3, их арифметически гармоническое взаимодействие, соотношение. В самом деле: $3 \times 7 = 21$, $3 \times 5 = 15$, $7 \times 5 = 35$. В свою очередь, 105 кратно и множимым и производным: $105 : 5 = 21$, $105 : 7 = 15$, $105 : 3 = 35$. Так что взаимосвязь и корреляция означенных чисел совершаются словно в пределах некоего круга легко комбинирующихся в правильные аккорды и свободно переходящих друг в друга арифметических значений, общим для которых является число 105.

Известно, что одним из оснований для средневековой числовой метафизики или спекулятивной математики была издревле укоренившаяся в сознании людей уверенность в символической эквивалентности, мистическом тождестве любого многозначного числа с суммой составляющих его цифровых знаков. В силу этой уверенности и посредством метода «каббалистического» или «теософского сокращения» большие числа сводились к меньшим. Результат такого действия над числом рассматривался как равнозначная замена исходного числового значения⁴. Поэтому число

⁴ См.: *Флоренский П.* Приведение чисел: (К математическому обоснованию числовой символики). Сергиев Посад, 1916. С. 3 (оттиск) // *Богословский вестник*. 1916. Июнь. Принципиально и методически сходное отношение к числу находим у Максима Грека в «Сказании о том, что под крестом на церкви окружен аки месяц млад». Уподобив полумесяц храмового креста греческой букве «ипсисом», Максим Грек предлагает два символических толкования ее значения. Из них примечательно второе: «...попечение писма ψ по-гречески числом четыреста держит. Спас же крестом своим четыре страны мира сего просветил, по реченному: просветивый земная крестом и рассеяна по тех странах язык собрал себе крещением святым. Четвертым убо числом четыре части мира сего являют нам святити отцы, а числом сотным, совершенным сущим сказуют нам тайне сокровенный разум 100 овец, от них заблуждшу едину, изыде пастырь добрый взыскати ея и, взыскав, приобрете ея крестом, сиречь распятием своим и животворною смертию» (*Максим Грек*. Соч. Казань, 1862. Ч. III. С. 124–125).

105 путем каббалистического разложения на сумму из 10 и 5 без труда сводится к числу 15, и, таким образом, возникает исчерпывающая (если учесть также и кратность) ассоциация числа 105 с числом 15.

У нас нет полной уверенности в том, что автор редакции Б был сведущ в области спекулятивно-мистической математики и тем более осознанно стремился средствами последней выражать в своем творчестве какие бы то ни было идеи. Но два обстоятельства (частное и общее) создают, быть может, прочное основание для того, чтобы подозревать его в некоторой склонности к сакрально-символической мистике числа.

Первое. В редакции Б, если, конечно, допустить, что ее создатель владел методом теософского сокращения, уже упоминаемое число 15, к удивлению, явлено как бы энигматически, в скрытой, зашифрованной форме. И не только на уровне группы чисел соотношенности событий, как показано выше, но и на уровне группы дат, а именно: даты явления иконы, затем не указанной в тексте, по легко вычисляемой дате третьего пожара и, наконец, даты построения на Тихвине каменного храма, завершающей весь текст этой редакции. Причем что касается двух последних дат, то они легко сводятся к числу 15, будучи выраженными как в своем прямом виде, от «сотворения мира», так и в аналогичном счислении от рождения Христа: $7008 > 7 + 8 = 15$ и $1500 > 15$; $7015 > 7 \times 15 = 105 > 10 + 5 = 15$ и $1507 > 15$ ⁵. Лишь дата явления иконы, выраженная, согласно древнерусской традиции, в счислении от «сотворения мира» — 6891 — не дает желаемого результата. Необходимо перевести ее в латинское летосчисление от Р. Х., чтобы получить искомое число 15: $1383 > 1 + 3 + 8 + 3 = 15$ ⁶. Возможно, на данное обстоятельство и не стоило

⁵ Знак пуля в данном случае не учитывается, поскольку в древнерусских буквенных обозначениях чисел он отсутствовал.

⁶ Рассмотрение древнерусских дат от «сотворения мира» в их западноевропейской транслитерации от Р. Х. здесь совершенно обоснованно, так как в начале XVI в., когда была создана редакция Б, летосчисление от Р. Х. если и не было принято древнерусскими книжниками, то по крайней мере должно было быть им известно. Об этом свидетельствует хотя бы «Слово кратко противу тех, иже в вещи священные подвижные и неподвижные съборные церкви вступаются...», в заключительной части которого читается дата: «в настоящем 1000 пятьсот пятом лете». См.: «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ (Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. XXI. С предисловием А. Д. Григорьева // Чтения ОИДР. М., 1902. Кн. II, отд. II. С. 59).

бы обращать внимания, квалифицировав его как случайное совпадение. Но дело в том, что в средние века число 15 наделяли сакрально-символической значимостью, о чем скажем ниже.

Второе. Склонность средневекового сознания к мистицизму вообще и сакрализации числовых отношений в частности. Представления о священных свойствах числа возникли в глубокой древности. В законченной форме мистико-философское учение о числе и числовых отношениях было разработано еще пифагорейцами. В их космологических построениях число являлось центральным понятием и, наделенное онтологическим, гносеологическим и эстетическим значением, толковалось как синтез, объединение предела и беспредельного⁷, как божественное начало в мире, принцип всех вещей и самой души. Отсюда — вера в таинственный, мистический смысл числа и числовых отношений и связанная с ней символика чисел, из которых наиболее священными почитались 1 и 10 — как символы совершенства; 5 — как символическое обозначение брачного союза; 7 — как знак универсального мироправящего начала (Пифагор) или как символ девственности, олицетворенной в образе Афины-Девы (Филолай), и другие числа⁸.

Разумеется, символический смысл отдельного числа не сводился к какому-либо одному значению, а скорее представлял собой пекую многослойную, многоплановую и многогранную семантическую структуру, содержание которой в каждом конкретном случае — в зависимости от объективно-субъективных факторов контекста — могло предстать как более или менее однозначное. Число обожествляли и наделяли его магическими свойствами. Поэтому число играло первостепенную роль в ритуальных и культовых отправлениях, в фольклорных и древних литературных текстах. Причину такого отношения к числу — общую для всех архаичных мифомистических традиций — исследователи видят в том, что «число и счет были сакрализованными средствами», с помощью которых, при необходимости, «репродуцировалась структура космоса и правила ориентации в нем человека»⁹.

⁷ Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М., 1965. С. 37–40.

⁸ Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу: (Становление греческой философии). М., 1972. С. 159–171.

⁹ Топоров В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М., 1980. С. 3–58; Он же. Числа // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 631.

Системы священных чисел, сложившиеся в древнегреческой, древнееврейской и других древних культурах при средиземноморья, были частью усвоены, частью переосмыслены и в целом получили новое мистико-символическое содержание в учении христиан. Как известно, особую роль в развитии средневековых христианских представлений о числе и его сакрально-символическом значении сыграл Августин Иппонийский (ум. в 430 г.). В ряде трактатов (О порядке, О музыке и др.) этот ученый богослов, опираясь на математические спекуляции, рассматривал число «в качестве общего закона», лежащего в основе и духовной, и материальной сфер бытия. По его мнению, «между преходящими числами природного материального мира и вечными числами высшей истины» пребывают выполняющие функцию посредника идеальные числа, т. е. «числа красоты, искусства, творческого разума»¹⁰. Отсюда материальные числа через посредство идеальных подобны числам божественной премудрости¹¹, иными словами, символически соотносятся с последней, сокровенно, эпитимически указывают на нее.

Взгляды Августина во многом определили специфику средневекового отношения к числам. Вера в их таинственный, символический смысл в одинаковой степени была присуща как культуре католического Запада, так и культуре православного Востока, и Руси в частности, и, очевидно, пронизывала все области и уровни материально-практической и духовной деятельности человека — литературу, искусство, архитектуру и строительство, науку, историческую мысль, церковную обрядность и неисполненную элементами дохристианских, языческих верований жизнь широких народных масс¹². Что же касается конкретно древнерусской культуры, особенно культуры XVI в., то в

¹⁰ Бычков В. В. Зарождение средневековой эстетики числа и ритма // *Философия искусства в прошлом и настоящем*. М., 1981. С. 82, 84.

¹¹ См.: *Майоров Г. Г.* Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979. С. 304.

¹² *Райнов Т.* Наука в России XI–XVII веков: Очерки по истории донаучных и естественнонаучных воззрений на природу. М.; Л., 1940. С. 18, 212–213; *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е. М., 1979. С. 163; *Лихачева В. Д., Лихачев Д. С.* Художественное наследие древней Руси и современность. Л., 1971. С. 56; *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. Изд. 2-е. М., 1984. С. 300–301; *Рабинович В. Л.* Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979. С. 105–110; *Козаржевский А. Ч.* Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М., 1985. С. 83–87, 92–94.

подтверждение сказанного можно сослаться, например, на творческую практику таких известных книжников, как Николай Булев (Немчин) и Ермолай-Еразм, которые в своих сочинениях при решении некоторых натурфилософских и теологических вопросов пользовались как раз средствами мистической математики¹³. Кстати, и сам Августин был достаточно хорошо известен древнерусским читателям по крайней мере с XI в. Ведь некоторые его работы содержались в составе таких рукописных книг, как «Изборник 1073 г»¹⁴, «Пандекты Никона Черногорца»¹⁵, «Толковая Псалтирь»¹⁶ и др. В XVI в. произведения Августина цитировали упомянутый уже Николай Булев и Максим Грек¹⁷.

Таким образом, идеи о числах как теологических символах, отражающих сущность высшей непознаваемой истины, постоянно питали средневековую мысль, воплощаясь в той или иной форме. И если бы неизвестный нам автор в процессе составления нового текста «Сказания о Тихвинской Одигитрии» (редакции Б) имел их в виду и даже попытался бы использовать, то в этом не было бы ничего беспрецедентного.

Спекулятивный анализ чисел, составивших в редакции Б группу соотнесенности событий (7—5—105—7 и 3), позволил вскрыть удивительную гармоничность взаимоотношений между ними, основанную на кратности. Можно также говорить и о симметрии их распределения. Действительно, трем пожарам соответствует троекратное явление иконы, а семерка как бы обрамляет всю группу чисел, открывая и закрывая ряд. Не потому ли создатель данного текста предложил вместо старой хронологической версии редакции А (5—5—114) новую, что последняя, в отличие от первой, обладала совершенством с точки зрения математической эстетики и была значительно более выразительной с точки зрения сакральной магии чисел?

¹³ Райнов Т. Указ. соч. С. 183, 185.

¹⁴ «Оугустина. От уставных» (гл. 180). Описание «Изборника 1073 г.» // Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI—XIII вв. М., 1984. С. 36—40.

¹⁵ См.: Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1888. Ч. VII. С. 2 (далее: ЖМНП).

¹⁶ См.: Астафьев Н. А. Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и правами // ЖМНП. 1888. Ч. VII. С. 59; Писарев Л. Авторитет Августина, епископа Ипполитского, в области христианского богословия по суду древних христианских писателей // Православный собеседник. Казань. 1903. Ч. 2. С. 557.

¹⁷ Писарев Л. Указ. соч. С. 557—558.

В самом деле. В христианском учении и культуре (библейское предание, догматическое богословие, церковный устав, литургия, поэзия и т. д.) числа 3, 7, 5 получили весьма широкую и разнообразную мистико-символическую реализацию и играли как фундаментальную, так и прикладную роль. Так, 3 — «полное и совершенное число» (Августин); число божественной Троицы и число души, устроенной по ее образцу; символ всего духовного (три годовых праздника, заветанных Моисею на Синае, слова Христа о трехдневном воздвижении нерукотворного храма, воскресение Христа в третий день, троекратное отречение апостола Петра, три звезды на мафории Богоматери). 7 — число человеческое, означающее гармоническое отношение человека к миру (семь отверстий в человеческой голове, семь возрастов, семь добродетелей, семь смертных грехов); чувственное выражение всеобщего порядка (семь цветов радуги и семь тонов григорианской музыки, семь небесных сфер и семь дней недели); знак высшей степени восхождения к познанию божественной тайны (семисвечник, семь таинств, семь ступеней премудрости, семь недель великого поста); символ вечного отдохновения, которое наступит вместе с концом мира (седьмой день отдыха)¹⁸.

Быть может, менее разработана была символическая структура пятерки, но и она, нисколько не уступая своей «прекрасной значительностью» семерке¹⁹, воспринималась в средние века как знак мистического единения земной церкви со Спасителем, евхаристического пресуществления всех христиан в жизнь вечную (евангельская легенда о пяти хлебах, насытивших пять тысяч человек, и притчи о пяти мудрых и пяти неразумных девах и о рабе, умножившем данные ему пять талантов на другие пять; ритуал благословения пяти хлебов на литии во время всепощного бдения и употребление на проскомидии во время литургии пяти просфор²⁰; храмы о пяти главах и иконостасы в пять рядов).

¹⁸ Бычков В. В. Указ. соч. С. 83; Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 300–301; Рабинович В. Л. Указ. соч. С. 105; Поселева М. Я. Происхождение магических чисел // Страны и народы Востока. М., 1965. Вып. IV. С. 241.

¹⁹ Манн Т. Иосиф и его братья. М., 1968. Т. 2. С. 853.

²⁰ Известно, что вплоть до XVI в. число используемых при богослужении просфор колебалось от одной до семи, однако «в большинстве служебников греческой церкви» содержались указания именно о пяти просфорах. См.: Дмитриевский А. А. Богослужение в русской церкви в XVI в. Казань, 1884. Ч. 1. С. 87.

Конечно же, автор редакции Б знал о священных свойствах данных чисел. И, может быть, поэтому внес изменения в хронологическую версию своего рассказа на уровне группы чисел соотнесенности событий, предложив более изысканный, этикетный вариант и в плане эстетики, и в плане числовой символики. Он создал в отличие от составителя редакции А комплекс соотносимых значимых чисел, в котором три церковных пожара распределены во времени с интервалами в 7, 5 и 105 лет; причем последний интервал равновелик семи 15-летиям, или пяти 21-летиям, или трем 35-летиям и, кроме того, в соответствии с каббалистической редукцией, тождествен числу 15, которое, в свою очередь, как показано выше, метафизически явлено на уровне группы дат. Таким образом, наряду с реально представленными числами — 7, 5 и 105 — здесь мистически выстраиваются «мнимые», мыслимые — 35, 21, 15.

Как известно, в системах священных чисел сакральностью обладали не только те или иные исходные, обычно однозначные, числа, но и многие производные от первых, находящиеся с ними в отношениях кратности²¹. Следовательно, и числа 35, 21, 15 как кратные 7, 3 и 5 должны были иметь сакральные свойства. И действительно, анализ этих чисел в контексте средневековой культуры позволил выявить их практически обиходную и мистико-символическую значимость — во-первых, на уровне календарно-астрономических представлений, распространенных в Древней Руси (космология и пасхальные расчеты); во-вторых, на уровне церковно-исторических, культовых и литературных традиций. Однако необходимо оговориться: применительно к исследуемому тексту лишь число 15 заслуживает предельного внимания, ибо в разъяснении его символической природы кроется, быть может, ответ на вопрос о достоверности хронологической версии редакции Б. Ведь Сказание является одной из художественно-литературных реализаций культа Богоматери, а число 15, как ниже будет показано, символически связывалось с образом последней. И все же для полноты картины рассмотрим и два других числа.

Число 35. В «Книге Епоха» (славянская редакция возникла в XIII в.) содержится рассказ о солнце. Его движе-

---

²¹ О числах 7 и ему кратных: *Иоселева М. Я.* Указ. соч. С. 239–241; о числах 60 и ему кратных: *Дьяконов И. М.* Основы хронологии Вавилонии и Ассирии // Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и Античность. М., 1976. С. 315–316.

ние представлено здесь как езда на колеснице в течение года через шесть расположенных по кругу ворот. Каждые ворота солнце минует дважды — на входе и на выходе. При этом, для того чтобы пройти через вторые, третьи, четвертые и пятые ворота, оно всякий раз затрачивает по 35 дней, и только на первые и шестые ворота солнцу необходимо по 42 дня²². В пасхальных вычислениях 35 — это так называемый «ключ границ», или число букв славянского алфавита, соответствующее максимальному временному расхождению между самой ранней и самой поздней Пасхой. Обычно в конце Следованной Псалтири помещалась Зрячая Пасхалия, в которой для каждого года «великого индиктиона» была своя ключевая буква, указывавшая вместо цифры, на сколько дней в данном году Пасха удалена от дня весеннего равноденствия²³.

Интересно отметить: понятие о «ключе границ» вошло в обиход древнерусских пасхалистов по крайней мере с 1492 г., когда по инициативе архиепископа новгородского Геннадия была составлена новая пасхалия на «осьмое тысячелетие»²⁴. Кстати, последний, обосновывая необходимость новой пасхалии, ссылаясь на «Книгу Еноха»²⁵. Число 35, кроме того, связывалось с представлением об идеальном возрасте²⁶: «земную жизнь пройдя до половины», т. е. достигнув 35 лет, начал свое путешествие в загробный мир герой «Божественной Комедии» Данте²⁷. 35 лет после смерти своего наставника Варлаама прожил в пустыне Иоасаф, «яко некто безплътный и паче человек постився... и к богу мира изыиде»²⁸.

Число 21. Оно также несло функциональную нагрузку в пасхальных вычислениях. Но его роль была заметнее. Еще первый вселенский собор (325 г.) постановил совершать Пасху в первое воскресенье после полнолуния, которое наступит вслед за весенним равноденствием. Последнее же, согласно церковному календарю, всегда приходилось на

²² Райнов Т. Указ. соч. С. 37–38.

²³ Хавский П. В. Истинное значение ключа границ. СПб., 1851.

²⁴ Райнов Т. Указ. соч. С. 235–237.

²⁵ См.: Там же. С. 153–154.

²⁶ См.: Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 135.

²⁷ По мнению Данте, «вершина нашей дуги (имеется в виду дуга жизни. — В. К.) соответствует тридцати пяти годам» (Пир. Трактат IV. Комментарий XXIV // Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968. С. 254).

²⁸ Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв./Подгот. текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедевой. Л., 1985. С. 266.

21 марта²⁹. Отсюда число 21 можно квалифицировать как одно из опорных при определении времени подвижных церковных праздников. Кроме того, данное число оказало влияние на эортологию Богоматери. Так, в коптских календарях, регламентировавших жизнь древнеегипетской церкви, 21-й день каждого месяца был посвящен Деве Марии³⁰. Видимо, с этим обстоятельством связано то, что уже в развитой системе христианских праздников 21 ноября использовалось как день воспоминания о введении Богородицы во храм. Таким образом, на почве календаря возникла сакральность числа 21.

Можно также предположить, что в средние века его наделили магической силой воздействия на жизнь человека. На такую мысль паводит повесть А. С. Пушкина «Пиковая дама», точнее, выполняющий в ее сюжете ключевую, организующую функцию мотив трех карт. Счастливые и вместе с тем роковые тройка, семерка и туз в сумме составляют как раз 21 очко (если учесть, что достоинство туза обычно оценивалось в 11 очков³¹) и символизируют фатальную удачу. Причем важно и то, что графиня «тайна» этих карт³² была открыта французским алхимиком конца XVIII в. графом Сен-Жерменом, который, как сказано в повести, «выдавал себя за Вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня»; а главный герой повести Германн, охваченный безумной страстью, узнал о них, в свою очередь, мистически, в ночном видении. Данный пример свидетельствует по крайней мере о том, что в XVIII — первой половине XIX в. магический смысл числа 21 отчетливо ощущался. Но корни такого восприятия, видимо, следует искать в культуре средних веков.

Наконец, число 15. Как выяснилось, в средневековом сознании, в частности в сознании древнерусского книжника, оно возникало в связи с различными представлениями о мире и поэтому должно было обладать сложной семанти-

²⁹ См.: Зелинский А. И. Конструктивные принципы древнерусского календаря // Контекст-1978. Литературно-теоретические исследования. М., 1978. С. 75, 77, 80.

³⁰ См.: Кондаков Н. П. Иконография Богоматери // ИОРЯС. СПб., 1914. Т. 1. С. 142.

³¹ Например, в известной с XVII в. игре «пикет», а также в играх XIX в. «безик», «66», «21» (Шевляковский М. Коммерческие игры: винт, безик и др. СПб., 1890. С. 57, 102, 173, 205).

³² Вопрос об их мистическом, каббалистическом значении неоднократно привлекал внимание исследователей. См., например, статью: Слонимский А. Л. О композиции «Пиковой дамы» // Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. М., 1959. С. 521–522.

ческой структурой, таящей в себе множество символических ассоциаций.

Прежде всего, число 15 имело непосредственное отношение к хронологии. Из 15 лет состоял так называемый индикт — период исчисления времени, введенный в 312 г. римским императором Константином Великим вместо ранее применявшихся «языческих» олимпиад³³. Счет по индиктам употребляли византийские историки. Известен он был и русским летописцам, например составителям Повести временных лет. В XII в. Кирик Новгородец в своем «Учении им же ведати человеку числа всех лет» посвятил понятию об индикте даже целый раздел³⁴. Индикт играл определенную роль в пасхальных вычислениях. Так, древние пасхалисты полагали, что по прошествии 15 «великих индиктионов» (по 532 г. каждый), т. е. 7980 лет, все исходные календарно-астрономические данные пасхального цикла должны обрести первоначальное значение. Об этом огромном периоде времени, который в современной науке условно называют «Великим миротворным кругом» или «Юлианским периодом», или «Эрой Скалигера», имел представление уже упоминаемый архиепископ новгородский Геннадий³⁵. А в 1538 г. продолжатель Геннадия, священник новгородского Софийского собора Агафон, при составлении новой пасхалии — «Круга миротворного» — уже прямо произвел свои расчеты в рамках 15 «великих индиктионов», доведя, таким образом, счисление до 7980 г. от «сотворения мира», или до 2472 г. от Р. Х.³⁶

Выступало число 15 и на уровне древнерусских астрономических представлений. Так, во второй половине 20-х годов XVI в. старец псковского Елеазарова монастыря Филофей, известный своими хронологическими трудами и публицистическими сочинениями, в послании Мисюрю Мунехипу «О злых днех и часех» писал о том, что бог «луну же полну сътвори, яко 15 дней...»³⁷. Такой взгляд близок к истине, поскольку еще в глубокой древности было установлено, что лунный, или сиподический, месяц длится около 30 суток³⁸; полнолуние же приходится как раз на

³³ См.: Селешников С. И. История календаря и хронология. Изд. 3-е. М., 1977. С. 200.

³⁴ См.: Симонов Р. А. Кирик Новгородец — ученый XII века. М., 1980. С. 74, 99.

³⁵ См.: Зелинский А. Н. Указ. соч. С. 103—107.

³⁶ См.: Райнов Т. Указ. соч. С. 237.

³⁷ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 444.

³⁸ См. Селешников С. И. Указ. соч. С. 34.

середину этого периода. Здесь уместно отметить теологический характер названного послания. Поэтому в его контексте число 15, естественно, получает соответствующий смысл, прямо связанный с проявлением «аггельских невидимых сил», приводящих в движение Луну, Солнце и другие небесные тела³⁹.

Между прочим, с Луной соотносили — правда, весьма редко — либо саму Богородицу, либо ее иконы. Например, в латинском апокрифе лже-Мелитона «Transitus Mariae» («Преставление Марии», V в.) упоминается чудесное облако, внезапно окружившее во время похоронной процессии гроб с телом Богородицы, «как иногда окружает Луну большой светлый круг»⁴⁰. А Феодор Студит (758—826) в своей проповеди на Успение Богородицы говорит о том, что вместо нее остался на земле образ, «которого существо подобно Луне, ночью освещаемой Солнцем (небесной Марией)»⁴¹.

Отсюда, может быть, совсем не случайно сакральная семантика числа 15 проявилась наиболее рельефно и наглядно именно в культе Богородицы — в церковно-историческом предании и апокрифических сказаниях о ее жизни и смерти, в эзотологии и богослужении, в молитвенной практике средневековья и даже — рефлексивно — в агиографической литературе.

Приведем некоторые примеры. Но прежде необходимо отметить следующее. Источники, содержащие интересующие нас сведения, столько же разноречивы, сколько и разнообразны. Единой точки зрения на жизнь Девы Марии у средневековых писателей не было. Множество апокрифических версий, распространенных как в католическом, так и в православном мире, если и сходились *в общем* по характеру идейной направленности и трактовке вопросов догматического учения о Богородице, то в изложении конкретных подробностей ее «биографии» — в фактогра-

³⁹ См.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI в. С. 446.

⁴⁰ Смирнов И. А. Апокрифические сказания о Божией Матери и деяниях апостолов // Православное обозрение. 1873. Апрель. С. 604.

⁴¹ Кондаков Н. П. Указ. соч. // ИОРЯС. Пг., 1915. Т. 2. С. 69. Мне известен другой вариант, не меняющий, однако, сути дела: «...ныне духовная и освещенная богом Луна, шествуя навстречу Солнцу правды, лишается настоящей, временной жизни, и вместе с тем восходя, просвещается славою бессмертия» (Слово... на Успение Богородицы // Творения преподобного Феодора Студита. СПб., 1908, Т. 2. С. 109—110).

фическом и хронологическом планах — существенно различались. Тем не менее во всей разноголосице преданий можно уловить отзвуки, вероятно, когда-то прочной ассоциативно-символической связи между числом 15 и образом Богородицы. На наш взгляд, такая связь действительно существовала. Хотя, быть может, и не была декларированной, явной для каждого. Во всяком случае, относительная регулярность, с которой число 15 возникает рядом с образом Девы Марии в посвященных ей текстах и в отдельных ритуальных действиях, вполне позволяет предполагать наличие определенной связи. По крайней мере, последняя должна была ощущаться хотя бы безотчетно, по какой-то давней традиции, как, например, в русской волшебной сказке представление о лесе всегда связано с образом грешка, выполняющего функцию оберега.

В самом деле, в составе средневековых рукописей нередко встречаются разделы, посвященные числу лет Богоматери. При этом, как правило, подобные «счисления» сходятся в одном: в указании на 15-летний возраст Девы Марии, в котором она родила Иисуса Христа. Но об общей продолжительности ее жизни, в зависимости от использованных источников, сообщают по-разному, колеблясь в пределах между 50 и 72 годами. Еще Дмитрий Ростовский, обратив внимание на существовавшее по этому вопросу «многое в церковных историографах и хронографах несогласие», которое касалось главным образом числа лет, прожитых Богородицей после вознесения Христа, отметил, что как раз русские месяцесловы, а именно старопечатные Московский, Киевский и Львовский, «счисляют лета ея сице: (Мария.— В. К.) роди... Иисуса Христа в 15-е лето возраста своего, по распятии же и вознесении господни... в дому Иоанна Богослова пребысть лет 15... и тако всех лет жития ея бе 63»⁴².

⁴² Дмитрий Ростовский. Жития святых. Изд. 7-е. М., 1796. Кн. 4, VI—VIII. С. 484. Я просмотрел несколько старопечатных «Святцев» (М., 1639 и 1646; Киев, 1680) и «Месяцесловов» (М., 1659 и 1662), но только в «Святцах» 1646 г. обнаружил помещенное под 15 августа «Сказание вкратце, собранное от богодухновенных учителей, зело полезно, о таине лет святаго жития ея (Богоматери.— В. К.)», в котором данное счисление действительно приведено и приписано Евсевию Кесарийскому. Но здесь же изложены и мнения Епифания Кипрского и Андрея Критского. И все же свидетельство Д. Ростовского заслуживает внимания. Тем более что позднее и другие церковные историки писали о том же. Например, см.: Смирнов И. А. Указ. соч. С. 576 (примечания); Сергей, архиеп. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 2: Святой Восток. С. 323 (заметки).

Стало быть, среди русских книжников, по крайней мере в XVII в., была широко известна версия, наделенная красотой симметричной фигуры: 15+33+15. Но версия эта прошла весьма длительный путь формирования. Ее начало обнаруживается в очень ранних памятниках христианской литературы, а развитие не лишено заметного влияния римско-католической культурной традиции, в рамках которой, как известно, Богоматерь была объектом особой поэтически-теологической идеализации.

Представление о том, что Дева Мария родила Иисуса Христа в 15 лет, восходит к латинскому апокрифическому рассказу о первой половине ее жизни — Евангелию псевдо-Матфея (IV в.), распространенному на Западе и неизвестному по древнерусским рукописям. В этом тексте нет прямого указания на 15-летие, сообщается лишь, что обряд обручения юной Марии Иосифу был совершен, когда ей исполнилось 14 лет⁴³. Отсюда легко устанавливался возраст, в котором она родила Иисуса Христа, — если учесть, что зачатие, согласно каноническому преданию, случилось через 6 месяцев после обручения (Лк., 1: 26—35). Однако свидетельству псевдо-Матфеева Евангелия противоречило более раннее греческое апокрифическое повествование — Протоевангелие Иакова (II в.), популярное как на Западе, так и на Востоке, в частности среди древнерусских книжников. В последнем содержатся другие сведения о годах Богородицы и четко отмечен возраст, в котором она чудесно зачала Иисуса Христа: «бе же (ей.— В. К.) 16 лет, егда быша тайны сия»⁴⁴. Следовательно, разрешение от бремени произошло, когда Мария достигла 17 или около того лет.

И все же, несмотря на широкую известность Протоевангелия, изложенная в нем версия о возрасте Марии не прижилась в сознании средневековых церковных историков. Так, иерусалимский монах Епифаний, составивший в X—XI вв. компилятивное житие Богоматери, в данном во-

⁴³ *Вега*. Апокрифические сказания о Христе. СПб., 1913. Т. 2. Книга Марии Девы. С. 77 (гл. 8. «Книги о рождении блажнейшей Марии и о детстве Спасителя»).

⁴⁴ «Месяца сентября в 8-й день. Рождество святыя Богородицы Мария...». Гл. 12 // Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // Сб. ОРЯС. СПб., 1890. Т. 52, № 4. С. 142. Здесь опубликован древнерусский перевод Протоевангелия. Аналогичное чтение — в тексте Великих Минеи четьих (ВМЧ, сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868. Стлб. 357). То же — в русском переводе с греческого (*Вега*. Указ. соч. С. 34).

просе предпочел свидетельство псевдо-Матфея. В древнерусском переводе его компиляции читаем: «В четьренадесятое лето восходящи, благовестися ей (Марии. — В. К.) всемирная радость, и в пятнадцатое лето роди господа нашего Иисуса Христа»⁴⁵. Версии латинского апокрифа придерживались и древнерусские хронографисты, например составитель Хронографа Соловецкой библиотеки, № 51⁴⁶.

Евангелие псевдо-Матфея давало и более твердые основания для сакрализации числа 15. В главах, посвященных родителям Богородицы и ее введению в Иерусалимский храм, об отце Марии, Иоакиме, сообщается, что он вступил на путь благочестия еще в 15-летнем возрасте, когда все свои доходы разделил на три части: одну он предназначал для жертвоприношений, другую раздавал бедным и только третью часть оставлял себе; а в рассказе о введении есть такая подробность: поставленная «перед храмом господа», Дева Мария «поднялась бегом на пятнадцать ступеней, не оборачиваясь назад и не зовя родителей своих»⁴⁷.

Между прочим, в средние века с количеством ступеней Иерусалимского храма соотносили 15 степенных песен, или песен восхождения, которые, по преданию, исполнялись на ступенях древнееврейского святилища перед началом богослужения — на каждой ступени по одной⁴⁸; из них после разделения Псалтири на кафизмы — уже в христианской культурной традиции (VII—VIII вв.) — составила 18-я кафизма (псалмы 119—133). В богослужебной

⁴⁵ «Епифания иеромонаха обители Калистратовы о житии и о воспитании и летнаго показания пречистыя и преблагословенныя владычица наша Богородица и приснодева Мариа» // Порфирьев И. Я. Указ. соч. С. 310—311. Здесь опубликован древнерусский перевод. Аналогичное чтение — в тексте ВМЧ (сентябрь, дни 1—13. Стлб. 378—379).

⁴⁶ См.: Порфирьев И. Я. Указ. соч. С. 404. Согласно О. В. Творогову, использованная И. Порфирьевым рукопись (ныне № 1510) содержит сокращенный вид Хронографа 1512 г. См.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 193, примеч.

⁴⁷ Vega. Указ. соч. С. 62, 70—71. Эти же факты приведены в «Истории, излагающей житие св. Иоакима отца и св. Анны матери Девы Марии, ее рождение, благовещение и разрешение от бремени и главные происшествия страстей Иисуса Христа, оканчивающейся вознесением Богородицы на небо» — итальянской компиляции XV в. (из библиотеки св. Марка в Венеции), разобранной А. И. Кирпичниковым в статье «Сказания о житии Девы Марии и их выражение в средневековом искусстве» (ЖМНП. СПб., 1883. Ч. 228. Июль. С. 16—66).

⁴⁸ См.: Сказания о земной жизни пресвятой Богородицы. 2-е изд. СПб., 1870. С. 78.

практике, за редкими исключениями, ее стихословили на вседневной вечерне с понедельника по пятницу в течение всего года⁴⁹; иногда 18-я кафизма читалась на литургии преждеосвященных даров во время приготовления агнца⁵⁰; отдельные стихи из нее использовались при пении на утрени так называемых антифонов степенных⁵¹.

15 ступеням Иерусалимского храма имеется и другое соответствие в христианской культуре. Так, в VI в. при византийском императоре Юстиниане Великом (527—565 гг.) над Вифлеемской пещерой — легендарным местом рождения Иисуса Христа — была сооружена взамен старой новая церковь, посвященная Богородице. В находящуюся под ней пещеру, подземный храм, или вертеп рождения Христова, верующие попадали, спускаясь по лестнице, имеющей 15 мраморных ступеней⁵².

Таким образом, сакральная семантика числа 15 оказывается символически связанной и с образом божественного сына Девы Марии. И, видимо, уже в первые века христианства эта связь ощущалась церковными историками. Действительно, в хронографическом «Каноне» Евсевия Кесарийского (ок. 300 г.) рождение Иисуса Христа отнесено к 2015 г. от Авраама, или к 25 г. правления римского императора Августа, что по современному летосчислению приходится на второй год до н. э.⁵³ А в римском календаре 354 г. в разделе «списки консулов» уточняется: «В 13-е консульство Цезаря (имеется в виду Август.— В. К.) и Павла, во время сатурналий, родился господь наш Спаситель Иисус Христос, за 8 дней до январских календ, когда возраст Луны был равен 15 дням»⁵⁴.

⁴⁹ См.: *Никольский К.* Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. 6-е изд. СПб., 1900. С. 194—197.

⁵⁰ См.: *Дмитриевский А. А.* Указ. соч. С. 136.

⁵¹ См.: *Никольский К.* Указ. соч. С. 295. Здесь уместно отметить любопытное совпадение: если этапы жизни Богородицы 15+33+15 подвергнуть теософскому сокращению, то получим 6+6+6, а в сумме 18. Небезынтересно также указать, что составившие 18-ю кафизму 15 псалмов своим содержанием «отображают древний чин святых страстей до его переделки в X в.» (*Каравинов И.* Постная Триодь: Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910. С. 88).

⁵² См.: *Сказания о земной жизни пресвятой Богородицы*, С. 168—170; *Поселянин Е.* Богородица: Полное иллюстрированное описание ее земной жизни... Приложение к журналу «Русский папаломник» за 1909 г. СПб., 1909. С. 37.

⁵³ См.: *Бикерман Э.* Указ. соч. С. 82.

⁵⁴ *Mommsen T.* Über den Chronographen vom Jahre 354. (Mit einem Anhang über die Quellen der Chronik des Hieronymus). Leipzig; Weidmann, 1850. S. 618.

Ряд уточнений предлагали и авторы древнерусских хронографических компиляций.

Во-первых, о Богородице: «В лето 5486... родися святая Богородица от Иакима и Анны в 15 лето царства Августа...» (Полная хронографическая палея)⁵⁵. Кстати, сохранилось церковно-историческое предание, согласно которому поворожденная была названа именем Мария в 15-й день после появления на свет. Такое представление основано на ветхозаветном законоположении о рождении, считавшихся нечистыми после рождения сына 7 дней, а после рождения дочери — 14, и, соответственно этому, обряд наречения имени совершался для мальчиков в 8-й день, а для девочек — в 15-й (Лев. 12: 1—5)⁵⁶.

Во-вторых, в хронографах имеются уточнения и о Христе. Он родился «в лето 5500 индикта 15» (Полная хронографическая палея)⁵⁷. Здесь явная натяжка, поскольку 5500-й год на самом деле соответствует 10-му году индикта. «И царствова Август по рождестве Христове 15 лет» (Еллинский летописец 2-й редакции)⁵⁸. Действительно, Август умер в 14 г. н. э.⁵⁹ Кроме того, вслед за каноническим преданием (Лк. 3: 1) и апокрифическим Евангелием Никодима, «Церковной историей» Евсевия Кесарийского и Хрониками Иоанна Малалы и Георгия Амартола составители полной и краткой редакций Хронографической палеи, Троицкого хронографа, Еллинского летописца 1-й редакции и других исторических сочинений отмечали, что Иисус принял крещение от Иоанна Предтечи в 15-й год правления римского императора Тиберия⁶⁰, который правил после Августа с 14-го по 37-й г. н. э.⁶¹

В сознании средневековых книжников число 15 как символически значимое должно было возникать и при вос-

⁵⁵ Творогов О. В. Указ. соч. С. 290.

⁵⁶ См.: Сказания о земной жизни пресвятой Богородицы. С. 67, 33 (примечания).

⁵⁷ Творогов О. В. Указ. соч. С. 246.

⁵⁸ Там же. С. 81 и 290. То же в Хронографе 1512 г. (Порфириев И. Я. Указ. соч. С. 406).

⁵⁹ См.: Бикерман Э. Указ. соч. С. 285 (табл. XI).

⁶⁰ См.: Евангелие Никодима (древнерусский текст) // Порфириев И. Я. Указ. соч. С. 165; Евсевий Памфил. Соч.: Пер. с греч.: В 2-х т. СПб., 1858. Т. 1. С. 40; Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Одесса, 1912. Кн. 10. С. 8; Он же. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. // ИОРЯС, Пер., 1920. Т. 1. С. 217; Творогов О. В. Указ. соч. С. 246, 266, 278.

⁶¹ См.: Бикерман Э. Указ. соч. С. 285, 286 (таблица XI).

поминовения о крестной смерти и воскресении Христа. Так, в древнерусском переводе Хроники Георгия Амартола читаем: «в 18 же лето царства ево (Тиберия.— В. К.) распят быс господь и вѣста в 29 фамеофа месяца, рекше марта, первостворешнаго месяца, от еврей глаголемый нисан в 5 межю дѣсятьма, свитающи недели в субот в 1-начальник и честный в днех день...»⁶² Содержание приведенного текста одновременно и близко евангельскому рассказу и расходится с древнерусской календарно-пасхальной традицией раннего периода. В самом деле, согласно каноническому преданию, распятие Иисуса произошло в пятницу, накануне древнееврейского праздника Пасхи и опресноков (Мк. 14: 1; Мф. 26: 1—5; Лк. 22: 1—2), который совершался обычно в 15-й день месяца писана (Лев. 23: 5—6; Чис. 28: 16—17). Но Пасха, празднуемая христианами, в древнейших славянских Прологах и Служебных Минеях отмечалась не под 29 марта, как следовало бы из свидетельства Амартола, а под 25-м⁶³, что не соответствовало времени евангельских событий, переведенному на язык юлианского календаря⁶⁴.

На 25 марта также приходился и праздник Благовещения Богоматери (таким образом, в одной точке как бы сходились начало и конец земной жизни Христа, в чем была своя особая символика), а ровно за 15 дней до 25-го, т. е. 10 марта, или в субботу 5-й седмицы Великого поста, церковь, согласно тем же источникам, отмечала память Великого Акафиста Богородицы. В этот день на утрени совершалось последование хвалебного песнопения в честь Девы Марии⁶⁵. Кроме того, буквально в канун Светлого воскресения, на вечерне Великой субботы читались перед плащаницей Спасителя — единственный раз в году! — 15 паремий, в содержании которых усматривались ветхозавет-

⁶² Истрин В. М. Указ. соч. Т. 1. С. 217.

⁶³ См.: Сергей, архиеп. Указ. соч. Т. 2. С. 70.

⁶⁴ А. Н. Зелинский указывает на другую традицию, согласно которой днем страстей Христовых считалось 30 марта, а днем Воскресения — 1 апреля. См.: Зелинский А. Н. Указ. соч. С. 73 (примечание).

⁶⁵ См.: Сергей, архиеп. Указ. соч. Т. 2. С. 70. Окончательно «прикрепление праздника Акафиста к субботе 5-й седмицы поста последовало лишь после XI в.» (Нарабинов И. Указ. соч. С. 50). Акафист обязательно помещался в Триодях, причем как «память, связанная с Благовещением» (Момина М. А. Постная и Цветная Триоди // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 2. С. 413—414).

ные прообразы и пророчества о пришествии, искупительных страстях и воскресении Иисуса Христа⁶⁶.

Отсюда несомненно, что в представлении средневековых пасхалистов, уставщиков и вообще книжных людей число 15, применительно к данному моменту, действительно обладало определенной конструктивно-символической значимостью, связанной как с личностью Иисуса, так и с личностью его матери.

Число 15 несло функциональную нагрузку также в некоторых апокрифических сказаниях о смерти Девы Марии. Как уже говорилось, в средневековой литературе бытовали различные мнения относительно продолжительности жизни Богородицы. Но в древнерусской письменности широкую известность получили по крайней мере две версии. Согласно одной, распространенной в рукописных хронографических компиляциях и заимствованной из уже упоминаемого «Жития Богоматери» Епифания Иерусалимского, Дева Мария прожила после распятия и вознесения своего сына 24 года и умерла в возрасте 72 лет⁶⁷. Согласно же другой, относимой преданием к Евсевию Кесарийскому, вероятно к его «Хронографическому Канону», и распространенной в печатных месяцесловах, Богородица скончалась в 63 года, т. е. через 15 лет после вознесения Иисуса Христа. Однако, несмотря на существование различных мнений о годах Марии, в эротологической практике средневековой христианской церкви, католической и православной, все же был один общий момент — это утвержденное после окончательного установления культа Богоматери (VI в.) повсеместное ежегодное празднование ее Успения 15 августа.

Кстати, по свидетельству Н. П. Кондакова, в юлианском календаре, которого придерживалась церковь средних веков, 15-е число соответствовало 21-му числу ранних коптских календарей, т. е. дню, в который древнеегипетская церковь ежемесячно отмечала память Девы Марии⁶⁸. Любопытно, что еще в дохристианских религиях 15-е число месяца нередко использовалось как праздничное. Например, у древних евреев 15 нисана или авива совершался праздник Опресноков (Лев. 23: 6; Чис. 28: 17), 15 тисри или афалима — праздник Куцей (Иез. 45: 25; Чис. 29: 12; Лев. 23: 33—34), 14—15 адара — праздник Пурим (Есф. 3:

⁶⁶ См.: *Никольский К.* Указ. соч. С. 223.

⁶⁷ См., например, Полную хронографическую палею и Еллинский летописец 2-й редакции (*Творогов О. В.* Указ. соч. С. 247, 293).

⁶⁸ См.: *Кондаков Н. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 142.

7; 9: 21—24); а древние римляне ежегодно 15 февраля совершали обряд очищения⁶⁹. Все это, на наш взгляд, создавало твердое основание для сакрализации числа 15 не только в эпохи древнейших культурных традиций, но и в эпоху их наследницы — христианской культуры. И, видимо, поэтому праздник Успения Богоматери, отмечаемый христианами первоначально 18 января⁷⁰, был в конце концов перенесен именно на 15 августа.

Знаменательная черта: в некоторых апокрифических сказаниях о смерти Девы Марии, независимо от того, какая версия о годах ее жизни в них излагалась, так или иначе в качестве значимой детали фигурировало число 15. Например, в уже упоминавшемся латинском апокрифе *Жизни Марии* при описании погребения матери Христа сообщается, что гроб с ее телом сопровождало «до 15 тысяч» человек⁷¹, а в «Житии Богородицы» Епифания Иерусалимского содержится подробность о том, что Мария «прежде 15 дний прорече о исходе своем»⁷². Эта деталь была хорошо известна древнерусским книжникам. Так, в одном из счислений лет Богоматери читаем: «...владычица прежде 15 дние преставления своего пророчествова о отшествии своем»⁷³.

Итак, литературные материалы свидетельствуют со всей очевидностью о действительном существовании в мире средневековых представлений ассоциативной связи числа 15 с образами Иисуса Христа и прежде всего Девы Марии, воплотившими в себе весь смысл христианского вероучения. Причем нетрудно заметить, что семантическая емкость данного числа наполняется под давлением таких понятий, как «спасительная миссия», «искупительная жертва», «вечная жизнь». Правильность сделанного вывода подтверждается с еще большей очевидностью примерами из обихода и молитвенной практики средневековых католических монастырей.

Среди членов доминиканского ордена, основанного Домиником Гусманом в 1215 г. во Франции, было весьма популярным употребление четок. Введенное, по преданию, еще Пахомием Великим (IV в.)⁷⁴, основателем монаше-

⁶⁹ См.: Селешников С. И. Указ. соч. С. 57.

⁷⁰ См.: Кондаков Н. П. Указ. соч. Т. 1. С. 143.

⁷¹ См.: Смирнов И. А. Указ. соч. С. 604.

⁷² Порфирьев И. Я. Указ. соч. С. 310.

⁷³ ГПБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 83/1160. XVI—XVII вв. Л. 170.

⁷⁴ См.: Соколов Д. [О четках и их происхождении] // Миссионер-

ского общежития в Египте, применение четок постепенно прочно вошло в быт монастырей и настолько, что к концу XIV в. в Европе существовали уже так называемые «братства четок», иначе «братства Псалтири Марии». Эти возросшие в лоне ордена доминиканцев братские союзы ставили своей целью прославление Богородицы, чему особо способствовали четки — именуемые «розарием», а также «Псалтирью Марии», если они состояли из 15 больших и 150 меньших зерен; или — «венчиком», если в них было только 5 больших зерен и 50 меньших⁷⁵. С помощью четок малограмотные монахи могли с точностью совершать предписанное уставом ежедневное количество молитв и поклонов. И тут невольно напрашивается сравнение со 150 псалмами Давида, которые тоже должны были прочитываться полностью, но только в течение недели.

Четками сопровождалось молитвенное размышление о 15 тайнах из жизни Иисуса Христа и Богоматери, также называемое «розарием Девы Марии». При этом на каждую тайну приходились читаемые 1 раз «Pater noster» (большое зерно) и 10 раз «Ave Maria» (10 меньших зерен), так что в целом прочитывалось 15 раз «Отче» и 150 раз «Радуйся». Весь чин размышления делился для удобства на 3 части (по 5 тайн в каждой) — *радостную*: благовещение Деве Марии, посещение ею Елисаветы, рождение Иисуса Христа, сретение, обретение 12-летнего отрока Иисуса во храме; *скорбную*: молитва Христа в Гефсиманском саду, бичевание, венчание тернием, крестный путь, распятие; и *славную*: воскресение Спасителя, его вознесение, сошествие Св. Духа на апостолов, взятие Богородицы на небо после ее успения, увенчание Девы Марии небесной славой.

Таким образом, посредством сакрального ритуала с четками, благочестивой магии слова и действия осуществлялся контакт, мистическое единение молящегося с божеством, его сопричастность евангельским событиям, спасительной миссии Христа. Отсюда значение числа 15, играющего в четках конструктивную роль, возрастало до уровня *теологического* символа, в семантике которого была, возможно, сокрыта идея гармонической нераздельности пре-

---

ское обозрение. СПб., 1900. Ч. VII—VIII. С. 122; Жуковская Н. Четки // Наука и религия. 1985. № 3. С. 39.

⁷⁵ См.: Лебедев А. Разности церквей Восточной и Западной в учении о пресвятой Деве Марии Богородице. По поводу латинского догмата о непорочном зачатии. Варшава, 1881. С. 9 (прибавления). См. также вышеприведенные статьи Д. Соколова и Н. Жуковской.

вечного и временного, божественного и человеческого (кстати, $15=8+7$, где 8 — число вечности, а 7 — число человека). Это при том, что сами четки, будучи рукотворной вещью, духовно являли образ непрестанной молитвы, поскольку их кругообразная нить символически означала вечность.

В древнерусских монастырях четки также были в ходу. Учитывая давние торговые и политические связи Руси с католическими странами и работу у нас таких деятелей, знатоков и даже носителей латинской культуры, как братья Траханиоты, монах-доминиканец Вениамин, Николай Булев, Максим Грек (между прочим, в молодости проведенный несколько лет в доминиканском монастыре) и др., можно предположить, что в конце XV — первой половине XVI в. среди русских монахов были хотя бы известны, если не распространены и употребляемы, четки, устроенные по образцу латинских, а соответственно известна и теологическая символика числа 15. Но все же следует признать: латинские четки у нас не прижились. Конструкция древних русских четок была иной. Они состояли не из зерен, а из деревянных брусочков (в количестве 100 штук), обтянутых кожей или материей, напоминая, таким образом, своей формой замкнутую лестницу. Отсюда их название — «лестовка» или «лествица».

Тем не менее пример с латинскими четками знаменателен. Их устройство и предназначение опиралось на длительную историю развития ассоциативно-символической семантики числа 15, несущего тот теологический смысл, который усматривали в нем средневековые ученые книжники. Есть все основания думать, что почва для его сакрализации находилась в области средневековых богословских представлений о спасительной миссии Христа, осуществленной и осуществляемой через благое посредничество Девы Марии, молитвенницы и заступницы за род человеческий.

В свете сказанного отнюдь не случайными представляются некоторые детали, довольно регулярно повторяющиеся в памятниках агиографии, например в житиях Евстафия Плакиды и Павла Обнорского; Евфимия Новгородского, Григория Пельшемского и Кирилла Новоезерского; Кирилла Белозерского, Ферапонта Можайского и Дионисия Глушицкого.

Так, жизнь Евстафия Плакиды (II в.) можно уподобить движению маятника. Начальный цикл его биографии: воинская слава среди язычников и благополучие, тайное

крещение, оставление родины, трагическая утрата жены и детей. Затем «мертвая» точка амплитуды: 15-летнее пребывание в некоей «веси, парижасмыя Вадисон», в качестве простого работника, в забвении и неизвестности, как подготовка к последующим переживаниям. И завершающий цикл: возвращение на родину, обретение близких, мученическая смерть за христианскую веру и чудесное прославление⁷⁶. С биографией Плакиды отчасти перекликается судьба Павла Обнорского (ум. в 1429 г.). Этот подвижник прославился тем, что, по благословению Сергия Радонежского, поселился в отшельнической келлии «и пребысть в ней лет 15», «в безмолвии», после чего в течение многих лет странствовал, пока не остановился в Обнорской пустыни, где и основал обитель⁷⁷.

Знаменитый новгородский архиепископ Евфимий (ум. в 1458 г.) отрекся от «мирского пребывания» и ушел в монастырь, когда ему исполнилось 15 лет. В контексте настоящего исследования особенно интересно то, что он родился «чудесным образом» после долгих лет «неплодства» родителей, по их молитве, и при рождении был посвящен ими Богоматери⁷⁸. Так же, как и Евфимий, в 15-летнем возрасте постриглись Григорий Целешемский (ум. в 1449 г.)⁷⁹ и Кирилл Новоезерский (ум. в 1532 г.). Причем последний принял постриг в Псково-Печерском Успенском монастыре, т. е., по древнерусским представлениям, под покровом Богородицы; а в дальнейшем его судьба переплелась с историей Тихвинской Одигитрии: на паперти новоотстроенного каменного храма в Тихвине ему в сповидении явилась Богоматерь и указала место на Белом озере для будущей обители⁸⁰.

⁷⁶ Древнерусский перевод этого памятника византийской литературы был сделан еще в эпоху Киевской Руси. См.: Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 226–245.

⁷⁷ Житие Павла Комельского, или Обнорского, составлено около 1538 г. (См.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 271). Здесь использована рукопись конца XVI в. // ГБЛ. Ф. 304, № 692. Л. 293–338.

⁷⁸ Житие Евфимия составлено Пахомием Логофетом в 1460 г. (*Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 121). Здесь использована рукопись: ГБЛ. Ф. 304, № 675. 1630 г. Л. 11–31.

⁷⁹ Житие Григория составлено в конце XV или начале XVI в. Здесь использован пересказ В. А. Келтуялы. См.: *Келтуяла В. А.* Курс истории русской литературы. СПб., 1911. Ч. 1, кн. 2. С. 420–422.

⁸⁰ Житие Кирилла составлено в начале XVII в. (См.: *Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 320). Здесь использованы сведения, помещенные в «Книге о Тихвинской Богоматери». См.: ГИМ. Собр. Е. В. Барсова. № 904. 1688 г. Гл. 17. Л. 39–41 об.

В «Житиях» Кирилла Белозерского (ум. в 1427 г.) и Ферапонта Можайского (ум. в 1426 г.)⁸¹ отмечен один и тот же факт: обосновавшись первоначально вместе на Белом озере, они через некоторое время решили жить порознь, и тогда Ферапонт поселился в 15 поприщах от келлии Кирилла. Знаменательно, что оба подвижника постриглись в московском Симоновом Успенском монастыре и, таким образом, пребывали как бы под покровительством Богородицы. На Белое озеро они пришли по «чудесному указанию», которое услышал Кирилл во время чтения акафиста Божией Матери перед иконой Одигитрии. На указанном месте Кирилл построил церковь Успения, а Ферапонт — Рождества Девы Марии. И, видимо, не случайно впоследствии соборный храм Ферапонтова монастыря был украшен росписями на тему акафиста — «Похвалы Богоматери», память которого, как уже говорилось, праздновалась за 15 дней до Пасхи. С числом 15 встречаемся и в «Житии» Дионисия Глушицкого (ум. в 1437 г.)⁸². Первоначально вместе с братом Дионисий уединяется неподалеку от Кубенского озера, но когда слава о нем распространяется в округе, он, задумав «съсоставити общий монастырь», отделяется и уходит в «пустыню» «на восточней стране озера», за 15 поприщ, и здесь устраивает церковь Покрова Богородицы, вокруг которой впоследствии и образуется обитель.

Отмеченные детали кажутся случайными лишь на первый взгляд, если рассматривать их отдельно, не учитывая всего сказанного выше об ассоциативных связях и теологическом значении числа 15. Но даже при таком подходе не может остаться незамеченной повторяемость, регулярность возникновения этого числа в текстах. Очевиден прием литературного этикета. И отсюда закономерен вопрос о причинах, по которым средневековые писатели предпочли данное число, скажем, числам 14 или 16 и т. п. Думается, ответ на этот вопрос не вызовет затруднений, если все же иметь в виду сакрально-символическую семантику числа 15.

⁸¹ Житие Кирилла Белозерского составлено в 1462 г. Пахомием Логофетом (См.: *Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 123). Здесь использована рукопись: ГБЛ. Ф. 304, № 764. XV–XVI вв. Л. 2–63. Житие Ферапонта составлено около 1547 г. Здесь использован пересказ В. А. Келтуялы. См.: *Келтуяла В. А.* Указ. соч. С. 656–657.

⁸² Житие Дионисия составлено в 1495 г. (См.: *Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 193). Здесь использована рукопись: ГБЛ. Ф. 310, № 1214. 1541 г. Л. 337–384.

И, наконец, последний пример, свидетельствующий о наличии дополнительных оттенков в символике означенного числа, — «Слово о Вавилоне, о трех отроках...». В этом весьма популярном у древнерусских книжников памятнике число 15 упоминается трижды, причем несет явную функционально-смысловую нагрузку. Действительно, оказавшись «близ Вавилона за 15 дний», царь Василий посылает в *мертвый* город трех мужей за знаменами. Любопытно: посланцы почему-то вместо 15 дней «ехали 3 неделе до Вавилона», т. е. 21 день (вспомним тождественность 21-го числа коптских календарей с 15-м юлианского календаря). Получив знамение, они возвращаются назад, и, когда перебираются по лестнице через спящего змея, охранявшего город, обещания Яков «запнуться с 15 степеней и полете долу и убуди змея». Проснувшийся змей издает страшный свист, и в стане царя Василия «падше от свиста того, ослепше бяхут, и мнозе от стад их *изомроша*, яко до 3000: подошел бо быше за 15 дний»⁸³. Таким образом, губительная сила свиста действовала только в пределах 15 дней пути, за нарушение которых Василий и поплатился. Здесь число 15 оказывается втянутым в семантическое поле, создаваемое такими понятиями, как «смерть», «наказание», «возмездие», т. е. в область не свойственных ему значений, полярной символики. Возможно, это связано с подчеркнуто сказочной фантастикой, на основе которой построен сюжет «Слова о Вавилоне».

Теперь вернемся к исследуемому тексту. Как выяснилось, в редакции В «Сказания о Тихвинской Одигитрии» и реальные числа, указывающие на временную соотношенность событий, — 7, 5, 105 и 3 (количество пожаров), и возникающие в результате спекулятивных операций с последними «мнимые» числа — 35, 21 и 15 — выступали в контексте средневековой культуры как символически значимые, сакральные.

При этом исключительный интерес представляет ассоциативно связанное с образом Богородицы, теологически семантизированное число 15, явленное в означенном тексте в скрытой, зашифрованной форме. Если допустить, что автор редакции В действительно был знаком хотя бы с основами спекулятивно-мистической математики (а прецеденты применения последней его современни-

⁸³ «Слово» составлено в конце XIV — начале XV в. Текст см.: Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV в. М., 1982. С. 182–187.

ками, например Николаем Булевым, были) и мог при коррекции, уточнении-дополнении старой хронологической версии, представленной в редакции А, иметь в виду не только эстетические достоинства предлагаемого им нового числового ряда, но и его сокровенный символично-богословский смысл, доступный, очевидно, лишь немногим, сведущим в области каббалистической метафизики чисел (а, скажем, средневековая христианская герменевтика вообще, как известно, опиралась на традиции иудейско-каббалистического толкования Священного писания); если также допустить вероятность знакомства автора редакции Б с римско-католической культурой, в недрах которой были особенно развиты символика и мистика числа (а возможностей для такого знакомства в начале XVI в. было предостаточно), — если все это допустить, и притом учесть продемонстрированный автором редакции Б высокий уровень литературно-идеологического сознания (о чем свидетельствует весь комплекс произведенных им изменений: идейная направленность, сюжет, композиция, стиль текста и сами приемы обработки предания), — то нельзя не прийти к заключению, что хронологическая версия редакции Б — и группа соотносительности событий (7—5—105—7), и группа дат (6891—6898—6903—7008—7015) — не просто вторична по отношению к версии редакции А, но искусственна, предумышленна и, следовательно, недостоверна. Но такой вывод, повторяем, верен лишь в том случае, если допустить влияние всех вышеперечисленных факторов на творческое кредо автора редакции Б.

Подтверждают сказанное, пожалуй, следующие факты. Во-первых. Один из списков, содержащих редакцию А, — ИВ-414 — завершается датой «лета 7007-го». Если эту дату принять за действительное время составления архетипа редакции А (в год третьего пожара), а хронологическую версию данной редакции: 5—5—114 (промежутки между пожарами) за изначальную, соответствующую устному преданию, — то вот какое распределение событий во времени получим: 7007—114=6893, 6893—5=6888, 6888—5=6883, где 6893 — год второго пожара, 6888 — год первого пожара и 6883 — год явления на Тихвине иконы и поставления первой церкви, или, в счислении от Р. Х., 1375 г. Но в этом году общественно-религиозная борьба в Новгороде возросла до последней степени обострения, в этом году была произведена первая в истории Новгорода казнь над еретиками-стригольниками, отрицавшими паряду с прочими положениями ортодоксального православия

и иконопочитание⁸⁴; то был удобный момент для «чудесного явления» богородичной иконы — как бы в опровержение еретических домыслов и в подтверждение правоты ортодоксов.

Во-вторых. В рукописной традиции исследуемого Сказания бытовали довольно путающие сведения относительно года построения на Тихвине каменного храма. Так, согласно редакции Б (это самое раннее свидетельство), он был поставлен в 7015 (1507) г., при великом князе Василии Ивановиче. И надо признать, в большинстве выявленных списков памятника утверждается то же. Но при этом, например, в одном из списков редакции Б говорится, что «кирпичная» церковь была заложена «в лето 7008» (1500) г. «повелением... Ивана Васильевича»⁸⁵. Некоторые же списки, содержащие более пространные, чем А и Б, редакции, указывают на 7005 (1497) г.⁸⁶ А в Новгородской 3-й летописи статья о поставлении «каменной» церкви помещена под 7023 (1515) г.⁸⁷, и с этим согласуются отдельные пространные тексты Сказания⁸⁸. Существовало также и мнение, что постройка каменного собора в Тихвине началась в 7018 (1510) г.⁸⁹ Подобная разногласия просто вынуждает относиться с недоверием даже к наиболее фиксированному в рукописной традиции варианту — дате 7015 (1507), восходящей к большинству списков редакции Б.

В-третьих. Известно, что всякая древнерусская дата, обычно данная в счислении от «сотворения мира», при переводе в счисление от Р. Х. могла иметь в восприятии средневекового книжника два значения: если последний ориентировался на западноевропейскую традицию, то он исходил из разницы между счислениями — в 5508 лет, а если он придерживался древнерусской традиции, то исходил из разницы — в 5500 лет. Учитывая это обстоятель-

⁸⁴ См.: Казакова Н. А. Новгородско-псковская ересь стригольников XIV–XV вв. // Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 7–73.

⁸⁵ ГПБ. Софийская б-ка. № 1454. Л. 263.

⁸⁶ См.: ГПБ. ОСРК. Q. 1. 1133. Середина XVI в. Л. 46 об. (здесь также назван Иван Васильевич); ГИМ. Синодальное собр. № 557. XVII в. Л. 125.

⁸⁷ См.: ПСРЛ. СПб., 1841. Т. III. С. 247.

⁸⁸ Например: ГПБ. Софийская б-ка, № 1449. 1602 г. Л. 555 об.; Собр. А. А. Титова, № 1134/250. XVIII в. Л. 7.

⁸⁹ См.: Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Оболенжье. Тихвин, 1925. С. 9. К сожалению, приведя данный факт, исследователь не указал источников.

ство, рассмотрим дату 6883, которую мы получили путем подсчета, взяв за исходную сохранившуюся в списке ИВ-414 (редакция А) дату 7007. Удивительное совпадение: аналогом этой новой даты явления иконы в счислении от Р. Х., согласно западноевропейской традиции, будет 1375 год, а согласно древнерусской — 1383 год. Но 1383 г. мы получим и при переводе по-западноевропейски даты 6891, прямо указанной в редакции Б и летописном рассказе. Столь же удивительный результат возникает и при переводе даты 7007: ее западноевропейским аналогом в счислении от Р. Х. будет 1499 год, а древнерусским — 1507, т. е. год, с которым также соотносится и зафиксированная в редакции Б дата 7015 (если перевести ее по-западноевропейски), — спорная, как показано выше, дата построения на Тихвине каменного храма.

Таким образом, пары дат 6883—6891 и 7007—7015 оказываются *номинально* тождественными; равнозначность этих дат возникает на почве их перевода в счисление от Р. Х.: следуя той или иной традиции, при этой простой операции легко можно прийти к общему результату, получив даты 1383 и 1507. Но они являются крайними в редакции Б, так что весь комплекс воспроизведенных здесь событий заключен между ними; кроме того, сами эти даты связаны с наиболее значительными, важными событиями — явлением иконы и закладкой первой церкви и построением каменного храма на Тихвине; и при этом они посредством теософского или каббалистического сокращения редуцируются в символически значимое число 15. Отсюда последнее как бы обрамляет весь текст, энигматически выступая в начале и в конце рассказа.

Имея в виду все три рассмотренных обстоятельства, особенно последнее, не правомерно ли предположить, что автор редакции Б «сдвинул» события во времени не просто в результате хронологической дезориентации, но с преднамеренным расчетом? На такое он вполне был бы способен, будь он хотя бы приверженцем, если не естественным посетителем западноевропейской культуры. А о последнем можно было бы думать, если все-таки допустить, что в созданном им тексте действительно реализована мистика сакрально-символических чисел. Но, приняв высказанное предположение, мы оказываемся перед необходимостью выяснения конечных намерений автора редакции Б. В самом деле, почему он обработал хронологию предания о Тихвинской иконе именно так, а не иначе? Что он хотел этим сказать? Думается, можно ответить в общих чертах на

поставленный вопрос, если ориентироваться на специфику средневекового мировоззрения.

Мы знаем, человеку средневековья окружающий мир являлся в двух планах, из которых один — земной, временный и призрачный, — был лишь приближенным образом и подобием другого — небесного, вечного и абсолютного божественного архетипа. В силу этого конкретные исторические события не воспринимались буквально, как нечто самоцельное; их соотносили с промыслом Божиим и наделяли провиденциально-эсхатологическим значением. Земная жизнь, будучи творением вечно действующих трансцендентных сил, заключала в себе священную тайну божественной премудрости. К этой недоступной и невыразимой тайне можно было только приблизиться, раскрыв сокровенно-эпигматический и символично-прообразовательный смысл сущего на земле, неизменно повторяющегося в своем коловращении.

Но и сами факты земной жизни в сознании человека представляли не иначе как знаки и образы, связанные с действием и волеизъявлением Творца. Причем их символическое истолкование не пугдалось порою даже в словесной аргументации, поскольку аллегорическо-символический способ мышления и изложения мыслей был единым для средневекового — в данном случае христианского — общества Востока и Запада⁹⁰. Теоретические основы для такого мировосприятия заложил еще Августин. И в соответствии с созданной им историософской концепцией любой момент истории понимали как акт божественного вмешательства в жизнь людей. Отсюда всякий исторический факт представлял собой религиозную ценность, смысл истории видели в обнаружении бога, а историческое время мыслилось как подчиненное сакральному⁹¹.

В свете сказанного становится понятным, что скрывается за хронологической обработкой легенды о Тихвинской иконе, произведенной автором редакции Б. Заклучив описываемые события в определенные хронологические рамки, распределив их во времени, он стремился при этом придать самим событиям и их чередованию значение сакральной закономерности. Последнее подчеркивалось двойным образом — с помощью математической эстетики, по

---

⁹⁰ См.: Громов М. Н. Систематизация эмпирических знаний в древней Руси // Естественнонаучные представления древней Руси. М., 1978. С. 39—40.

⁹¹ См.: Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 120, 127.

правилам которой был выстроен числовой ряд в тексте, и с помощью символики составивших этот ряд чисел.

В системе Псевдо-Дионисия Ареопагита, чьи сочинения были широко распространены в древнерусской письменности, символ выполнял три функции. Он мог обозначать духовные сущности, возводить к ним человека и «реально являть» мир сверхбытия на уровне бытия⁹². Если внесенные в текст редакции Б числа рассмотреть с точки зрения Псевдо-Дионисия в плане их конкретной символическо-функциональной нагруженности, то нетрудно заметить поразительную продуманность в сочетании их символических смыслов. Так, 3 — число божества, 7 — человеческое число, 5 — число единения человека с богом, 105 — число, вобравшее в себя все три отмеченных значения, число, в котором они слились воедино, но в то же время число, мистически переходящее — как и три даты (6891, 7008, 7015), из которых две наиболее важны для всей истории, — в число 15, символ Богородицы, посредницы между небом и землей. И это — в произведении, пафос которого сводится главным образом к прославлению богородичной иконы.

Итак, на основании всего сказанного можно считать, что автор редакции Б в своем повествовании о Тихвинской святыне попытался с помощью сакральной символики чисел донести до читателя не выразимую средствами простого языка идею о сокровенном смысле явления иконы и последующих чудесах и событиях. Видимо, подобная попытка не была случайной. Думается, неизвестный нам книжник испытал сильное влияние распространившегося на Руси в первой половине XVI в. увлечения мистицизмом, в частности мистикой числа, которое, в свою очередь, возникло в результате заметного воздействия католицизма на русскую культуру этого периода и, может быть, в связи с напряженным ожиданием конца света, не утратившим еще в те годы своей актуальности.

Но при таком выводе необходимо выяснить вопрос о том, насколько типичен был литературный опыт составителя «Сказания о Тихвинской Одигитрии» в редакции Б для древней русской литературы. К сожалению, пока неизвестен какой-либо другой текст, представляющий собой полную аналогию данной редакции в рассмотренном аспекте. Можно лишь отметить частично подобные литературные факты. И прежде всего привлекает внимание «По-

---

⁹² См.: Бычков В. В. Византийская эстетика: Теоретические проблемы. М., 1977. С. 129.

весть о Темир-Аксаке», а конкретнее — история развития содержащегося в ней эпизода о стоянии Темир-Аксака на Дону и его внезапном бегстве, которое древнерусские книжники связывали с переносом из Владимира в Москву иконы «Владимирской Богоматери». В ранних редакциях Повести — А, Б (XV в.) и редакции Никоновского летописного свода (30-е годы XVI в.) — рассказ об этом событии передается с различной степенью распространенности⁹³.

Наиболее краткая версия содержится в редакции Б (основной текст в Ермолинской летописи). Здесь сообщается, что Темир-Аксак, простояв «на едином месте две недели», вдруг, охваченный страхом, «отъиде в землю свою» в тот самый «день и час», когда «прииде на Москву икона Пречистыя»⁹⁴. Составитель же редакции А (основной текст в Софийской 2-й летописи) не только более многословен, но и более точен. По его утверждению, Темир-Аксак простоял на Дону не две недели, а все «15 дней»; при этом, рассказывая о выносе иконы из Владимира, он подчеркивает число дня выноса: последний состоялся не просто в праздник Успения Богородицы, но именно 15 августа⁹⁵. Таким образом, на небольшом повествовательном пространстве число 15 оказывается дважды введенным в текст.

И это не могло не привлечь внимания. Во всяком случае, более поздний книжник, составитель Никоновской редакции Повести, очевидно, придал этому значение. Придерживаясь фактографии текста А, он усилил общую мотивировку бегства Темир-Аксака. Идея о заступничестве Богоматери выражена у него еще ярче, чем в редакциях А и Б. Согласно новой обработке предания, Темир-Аксак бежал не только в 15-й день своего стояния и не только в день сретения «Владимирской Богоматери» в Москве; он бежал, уstraшенный некоей «женой» — Богородицей, как поясняет автор данной редакции, явившейся ему в этот день в сновидении «с множеством воинства»⁹⁶. Таким образом, число 15 прямо связано здесь с Богоматерью и при этом выступает в контексте мистического обоснования неожиданного, спешного бегства Темир-Аксака.

⁹³ Об этих редакциях см.: *Гребенюк В. П. Повесть о Темир-Аксаке и ее литературная судьба в XVI—XVII веках*//Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). М., 1971. С. 185—206.

⁹⁴ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 134.

⁹⁵ См.: Там же. СПб., 1853. Т. 6. С. 124—128.

⁹⁶ Там же. М., 1965. Т. II. С. 159—160.

По мнению последнего исследователя литературной истории «Повести о Темир-Аксаке», И. Л. Жучковой (к сожалению, это мнение еще не высказано в печати со всей полнотой)⁹⁷, первичной следует считать редакцию Б, а не редакцию А, как принято думать. Именно текст Б лежит в основе текста А, который впоследствии был переработан составителем редакции Никоновского летописного свода. Если данная точка зрения подтвердится, то тогда история формирования Повести может быть рассмотрена как прекрасная иллюстрация к истории формирования в сознании древнерусского книжника ассоциативно-символической связи между числом 15 и образом Богородицы.

Более близкую аналогию «Сказанию о Тихвинской Одигитрии» в редакции Б можно усмотреть в литературной истории памятника псковской литературы — «Повести о Святогорских иконах»⁹⁸. Впервые о чуде их явления глухо сообщает Псковская 3-я летопись под 7074 (1566) г.: «...явися в Вороначщине, на Синичьих горах... проща именем пречистые Богородицы...»⁹⁹. Видимо, в начале XVII в. устные предания об этом событии и, возможно, какие-то записи были переработаны в повесть¹⁰⁰. Но, согласно свидетельству последней по всем известным спискам¹⁰¹, «изволение божие» произошло «в лето 7071» (1563). В этом году некоему 15-летнему отроку Тимофею, «егда пасущу ему скоты», явилась «икона богородицына» «Умиление» — сначала на реке Лугвице, затем на Синичьей горе. Ровно

⁹⁷ См.: Жучкова И. Л. Повесть о Темир-Аксаке в составе летописных сводов XV—XVI вв. (редакция Б) // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 97—109; Она же. Повесть о Темир-Аксаке Типографской летописи (к вопросу о первоначальных редакциях произведения). // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 82—95.

⁹⁸ Текст в кн.: Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле // ЧОИДР. М., 1908. Кн. 3/4. С. 552—561.

⁹⁹ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 248.

¹⁰⁰ См.: Серебрянский Н. И. Указ. соч. С. 70.

¹⁰¹ Кроме списка, опубликованного Н. Серебрянским, см. списки XVII в.: ГБЛ. Ф. 229, № 378. Л. 568—573; Ф. 37, № 38. Л. 34—40; Ф. 79, № 40. Л. 12 об.—23 (краткая редакция); Ф. 299, № 271. Л. 176—188 (пространная редакция, но отличающаяся от изданного текста). Характеристика этих списков и анализ содержания памятника даны в статье: Кириллин В. М. Сюжетные особенности малоизвестного памятника Псковской литературы XVII века // Вопросы сюжета и композиции: Межвузовский сборник. Горький, 1985. С. 26—33. В последнее время обнаружены еще два списка: ЦГАДА. Ф. 196. Оп. 1, № 357. XVII в. Л. 734 об.—740 (краткая редакция); Ф. 196. Оп. 1, № 667. 1746 г. 11 л. (текст аналогичен опубликованному).

через 6 лет, т. е. в 7077 (1569) г., по пророчеству от иконы, на той же Синичьей горе Тимофеем (теперь ему, по расчету, 21 год) чудесно обрел икону Одигитрии «пядницу», и ему в третий раз явилась «на воздухе» икона «Умиления». По указу царя Ивана Васильевича (Грозного) здесь заложили деревянную часовню, а когда она сгорела на праздник Покрова в том же году, поставили каменную Успенскую церковь и устроили монастырь.

Н. Серебрянский считал, что хронологическое расхождение между летописью и повестью возникло в результате палеографической ошибки: при перениске даты ~~30Д~~

(7074) цифра Д (4) могла быть спутана с похожей на нее в скорописи цифрой А (1), и получилось ~~30А~~ (7071)¹⁰².

Такое объяснение действительно убеждает. Однако, имея в виду все сказанное выше о мистике чисел, можно иначе интерпретировать отмеченное расхождение. Может быть, автор повести изменил дату явления преднамеренно, стремясь ее числом указать на тайный смысл чудесных событий. В самом деле, удивительно, что оба варианта новой даты первых двух явлений (7071—1563) сводятся к числу 15, и герою в этот момент 15 лет, а оба варианта даты третьего явления и основания монастыря (7077—1569)¹⁰³ сводятся к числу 21, и герою при этом 21 год. Как уже говорилось, числа 15 и 21 связаны с Богородицею. Повесть же есть художественно-литературная реализация ее культа.

Таким образом, если приведенное наблюдение правомерно, то, следовательно, правомерна и аналогия «Святогорской повести» со «Сказанием о Тихвинской Одигитрии». Отсюда, учитывая оба последних примера, редакцию Б Сказания с ее мистико-символическим подтекстом вполне допустимо считать относительно характерным для литературы первой половины XVI в. явлением, рефлекс которого сохранялись, может быть, до XVII в. Во всяком случае, не следует квалифицировать творческую направленность составителя данного текста как уникально-единичный опыт, совершенно выпадающий из общего направления, свойственного литературной практике этого времени. Впрочем, окончательные выводы по проблеме «число

¹⁰² См.: *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 357.

¹⁰³ Эта дата принята церковно-исторической традицией. См.: *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 356.

как значимый мистико-символический формант в древнерусском литературном тексте» преждевременны. Необходим дальнейший поиск фактов и их изучение в контексте внутренних и внешних фоновых структур.

А. А. Турилов, А. В. Чернецов

К ИЗУЧЕНИЮ «ОТРЕЧЕННЫХ» КНИГ

История «отреченных» книг, отражающих «сокровенные знания», представляет значительный интерес в контексте истории культуры¹. Изучение «отреченных» книг, успешно начатое во второй половине XIX в., было особенно плодотворным в работах, созданных на рубеже двух столетий. В дальнейшем интерес к этой теме ослабевает², и вот уже более 50 лет как отечественными учеными фактически не предпринимались специальные исследования русских отреченных книг. Между тем до сих пор далеко не исчерпаны не только спорные вопросы, связанные с этими книгами, но и сам фонд текстов подобного рода, из которых далеко не все введены в научный оборот.

Не все сочинения, осуждавшиеся русской церковью, названия которых перечислены в индексах³, обнаружены. Не всегда ясны и причины, по которым та или иная кни-

¹ См., например: *Шангин М. А.* О роли греческих астрологических рукописей в истории знаний // Изв. АН СССР. Отд-ние гуманитар. наук. Л., 1930. № 5.

² По существу, наиболее поздними работами, специально посвященными рассматриваемой тематике, являются: *Сперанский М. Н.* «Аристотелевы врата» и «Тайная тайных» // Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928. (СОРАС. Т. CI, № 3); *Андреева М. А.* Политический и общественный элементы византийско-славянских гадательных книг // *Byzantino-slavica*. Praha, 1930. Ч. II, вып. 1. Отчасти по тематике к этим работам примыкает также статья: *Черепнин Л. В.* Из истории древнерусского колдовства // *Этнография*. 1929. Кн. 8, № 2. В последующий период отдельные аспекты рассматриваемого вопроса освещались лишь в некоторых работах Я. С. Лурье, а из зарубежных исследователей — Ф. Лилиенфельд.

³ См.: *Пыпин А.* Исследование для объяснения статьи о ложных книгах // *Летописи занятий Археографической комиссии за 1861 г.* СПб., 1862; *Кобяк Н. А.* Индексы отреченных и запрещенных книг в русской письменности // *Древнерусская литература. Источниковедение: Сб. научных трудов*. Л., 1984.

га включалась в индекс. Обычно мотивы запрещения книг излагаются кратко, суммарно и неопределенно. Между тем они представляют первостепенный интерес, особенно когда речь идет о книгах, запрещенных русским духовенством.

Среди отреченных книг, текст которых до последнего времени оставался неизвестным, внимание привлекает книга Рафли. Это название появляется в русских индексах с XVI в. и, очевидно, было внесено в них русским духовенством. В тексте Стоглава при перечислении книг, связанных со «злыми ересями», Рафли поставлены на первое место⁴. Стоглав указывает также на более конкретные причины, вызвавшие осуждение этой книги: «Да в нашем же православии тяжутца нецый ж неправо и покленав крест целуют или образ святых, на поле бьются и кровь проливают и в те поры волхвы и чародейники от бесовских научений пособие им творят: кудес быют и во Аристотелевы врата и в Рафли смотрят и по звездам и по планитам гадают и смотрят дней и часов и теми дьявольскими действами мир прельщают и от бога отлучают и на те чарования надеяся поклепца и ябедник не миритца и крест целуют и покленав убивают»⁵.

Таким образом, Стоглав осуждает употребление книги Рафли за то, что производившиеся по ней гадания могли использоваться для введения в заблуждение правосудия, становясь основой лжесвидетельства, ложного целования креста, и что эти гадания использовались для поддержки участников судебных поединков, отстаивавших неправоное дело. Упомянутаяряду с книгой Рафли книга «Аристотелевы врата» («Тайная тайных») действительно содержит руководство для гадания об исходе поединка⁶.

Известны не только угрозы Стоглава гадающим по этой книге, которые должны были подвергнуться «великой опале» от царя и «конечному отлучению» от церкви, из письменных источников первой половины XVII в. узнаем о конкретных наказаниях тех, у кого была обнаружена книга Рафли.

Это грамота патриарха Филарета 1628 г. в Нижегородский Печерский монастырь. В грамоте разбирается вопрос о церковном дьячке Семейке Григорьеве, который «дер-

⁴ См.: Стоглав. Царские вопросы и соборные ответы о много различных церковных чинах. М., 1890. С. 188, 189.

⁵ Там же. С. 181, 182.

⁶ См.: Сперанский М. Н. Из истории отреченных книг. СПб., 1908. Вып. IV: Аристотелевы врата, или Тайная тайных. С. 174.

жит у себя книги недобрые, ересные». Патриарх пишет: «...и мы тех тетрадей смотрели, и те тетради гадалные, именуются Рафли». Приговор патриарха звучит следующим образом: «..и те тетради и писмо на столбце велели сжечь, а дьячка указали есмя послати к вам же в монастырь... и вы бы того дьячка взяли и велели его сковати в ножные железа и быть в монастырских черных службах год, а как год отойдет и вы о том отписали к нам к Москве... а причастья ему разве смертного часу до нашего указу давать не велели»⁷.

Все это говорит об особой важности книги Рафли среди других отреченных книг. Однако до последнего времени не только не был известен текст этого сочинения, но и о его характере имелись разноречивые суждения.

Некоторые авторы связывали книгу Рафли русских ипдексов с гадалными текстами, известными на мусульманском Востоке под названием «*gaml*», в Византии под названием *ράμλλιον* и в Западной Европе, как геомантия. Эта версия, наиболее основательно разработанная М. Н. Сперанским⁸, оказалась в результате обнаружения рукописи, о которой пойдет речь ниже, правильной. Наряду с этой версией существовали и иные. В частности, полагали, что Рафли — это книга, по которой гадали, бросая что-либо (например, зерно) на расчерченный лист с цифрами⁹. Кроме того, русское «рафли» связывалось с французским «*gafle*» (ср. лат. «*gafla*») — термином, относящимся к гаданию с использованием игральные костей¹⁰. А. П. Пыпин даже издал под произвольным, отсутствующим в рукописи заглавием «Рафли» руководство для гадания тремя игральными костями¹¹.

Рукопись книги Рафли — список рубежа XVII—XVIII вв. — хранится в Отделе рукописей и редких книг ГБЛ, в составе коллекции В. А. Десницкого (ф. 439, кар-

⁷ ААЭ. СПб., 1836. Т. III. С. 256 (№ 176).

⁸ См.: Сперанский М. Н. Из истории отреченных книг. СПб., 1899. Вып. I: Гадания по Псалтыри. С. 59–75, 159–165.

⁹ См.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1900. Т. 1. С. 171; Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941. С. 189; Настольная книга атеиста. М., 1968. С. 445.

¹⁰ См.: Веселовский А. Н. Гадательные книги на Западе и у нас // Вестник Европы. СПб., 1886. Апрель. Кн. 4. С. 896.

¹¹ См.: Пыпин А. Н. Ложные и отреченные книги русской старины // Памятники старинной русской литературы, изданные Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3. С. 161–166. Сходный текст ошибочно определен как Рафли в работе: Кузнецов-Красноярский И. П. Рафли: Памятники старинной русской письменности в Сибири. Томск, 1905.

топ 21, ед. хр. 3). Это сочинение уже дважды фигурировало как Рафли в обзорах при характеристике собрания Десницкого¹², однако сведения о тексте ограничивались названием.

Рассматриваемый текст заглавия не имеет, он разделен на три части-книги, первая из которых начинается со слов «Предисловие святцам». Тем не менее из текста совершенно ясно следует, что перед нами именно книга Рафли. Об этом свидетельствуют такие указания в тексте рукописи, как «учение рафлем», «сии книги рафли» и др. В тексте слово «рафли» неоднократно переводится на русский язык словом «святцы»: «по их учению рафль, а по-нашему, по-словенски святцы» (л. 12 об.), «учение рафлем сии речь святцам языческим» (л. 17 об.). В одном случае слово «рафль» переведено как «мысль» (л. 17 об.).

Можно думать, что первоначальное ядро сочинения представляет собой часть первой книги, разделенная на 16 разделов, носящих название типа «третья святцы арапския». Однако слово «рафли» встречается в первой части книги повсеместно и, кроме того, в тексте третьей книги — «в кий день рафли каплешь себе, то уже верь тому, рафли твои прямы» (л. 123). Поскольку и первая, и вторая, и третья книги основаны на использовании одного способа гадания, их следует считать частями одного сочинения, которое все в целом и представляет собой книгу Рафли.

Русские Рафли — это книга, посвященная способу гадания, вполне аналогичному тому, которое было широко распространено на мусульманском Востоке и в Западной Европе¹³. Первоначально такое гадание производилось на земле или песке (арабское слово «raml» означает «пе-

¹² Малышев В. И. Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 459, 460; Заборова Р. Б. Обзор собрания рукописей В. А. Десницкого, хранящихся в Ленинградской Государственной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Кафедра русской литературы. Л., 1958. Т. 170. С. 321–330.

¹³ Budge E. A. W. Amulets and Talismans. N. Y., 1968. P. 460–463; Henrici Cor. Agrippae ab Nettesheym. De occulta philosophia libri tres. Parisiis, 1567; Culin S. Chess and playing cards. Washington, 1878. P. 891–893; Ibn Khaldun, The Muqaddimah: An Introduction to history. London, 1958. P. 226–234; Doutle E. Magic et religion dans l'Afrique du Nord. Algiers, 1908. P. 377–379; Леманн А. Иллюстрированная история суеверий и волшебства. М., 1900. С. 217–220; Шевеленко А. Я. Под покровом геомантии // Вопр. истории. 1979. № 11. С. 111–121.

сок»)), а затем те же операции начали выполнять на бумаге, аспидной доске и др. Западноевропейское название гадания — «геомантия» — сохраняет воспоминание о том, что гадали на земле. Наш список книги Раффи не упоминает об этом; согласно указаниям рукописи, гадание следует производить на бумаге (л. 19).

В качестве основного элемента этого гадания выступают условные фигуры («изразы»), каждая из которых представляет комбинацию точек (иногда черточка заменяет две точки) или точек и черточек. Эти точки выстраиваются в столбик из четырех горизонтальных рядов, в каждом из которых может находиться одна или две точки (или, соответственно, горизонтальная черточка, их заменяющая). Как в западноевропейской практике, так и в рассматриваемой рукописи геомантические фигуры образуются путем проставления нескольких рядов точек (без подсчета их), а затем выяснения, четное или нечетное число их получилось в том или ином ряду. При этом для выяснения четности или нечетности ряда точек их предписывается соединять попарно линией (отсюда черточка, могущая заменить две точки). Четная цифра дает две точки или черточку в определенном ряду образуемой фигуры, нечетная — одну точку.

Данное гадание, таким образом, представляет собой усложненную разновидность наиболее примитивных гаданий, основанных на двоичном принципе и возможности альтернативного результата. С геомантией и Раффлями принципиально сходно древнейшее китайское гадание, известное по классической «Книге Перемен»¹⁴. Основу этого гадания составляют фигуры, сходные с геомантическими, но из трех рядов (триграммы), а также их комбинации, соединенные попарно (гексаграммы). Во избежание путаницы отметим, что встречающийся в китаистской литературе термин «геомантия» означает не гадание по «Книге Перемен», а искусство определения благоприятных или неблагоприятных для того или иного начинания свойств местности по ее рельефу.

Двоичный принцип, лежащий в основе «Книги Перемен», привлек к этой книге внимание Лейбница¹⁵. Любопытно, что, хотя та же математическая идея содержится и в широко распространенных в Западной Европе геоман-

¹⁴ См.: Шуцкий Ю. К. Китайская классическая Книга Перемен. М. 1960.

¹⁵ См.: Там же.

тических текстах, она поразила ученого только тогда, когда он столкнулся с нею в экзотическом источнике.

Геомантическое гадание в полной форме включает изображение целой серии фигур, каждая из которых имеет особое значение, определяемое не только ее начертанием, но и порядковым местом («домом») в ряду других. В Западной Европе, мусульманских странах и на Руси первые 12 из 16 геомантических «рафлейских» «домов» соответствовали традиционному и устойчивому набору и порядку 12 «домов» гороскопа.

Не имея возможности ответить на вопрос, когда гадания, основанные на принципе «чет-нечет», стали связываться у славян с астрологией, отметим значительную древность таких простейших гаданий у славян, восходящую к языческим временам. Интересны сведения о гадании посредством проставления и подсчета точек у балтийских славян. Оно производилось на пепле, а возможно, и на земле. Способ тождествен начальной геомантической операции. «Женщины были не менее сведущи в гаданиях: сидя у очага, они без счета чертили по пеплу случайные черты, потом сосчитывали, и если выходил чет, то ожидали счастья, если нечет — то беды» (Саксон Грамматик)¹⁶. Нечетные числа считаются несчастливыми, что находит определенное соответствие в сербском «Гадании Самуила»¹⁷, в котором они называются «лихими» (а четные — «токмыми»). В «Гадании Самуила» точка называется «чертой» (в Рафлях — «точка», «тычка»).

В отличие от геомантии, связанной со стихией земли, гадание балтийских славян, производившееся на пепле, было, по-видимому, связано с другой стихией — огнем. Связь с огнем и очагом вводит рассматриваемое гадание балтийских славян в сферу почитания огня, составлявшего важнейшую часть языческой религии славян. Название точки в «Гадании Самуила» «чертой» перекликается с упоминанием черпорицем Храбром «черт и резов», по которым славяне до создания азбуки Кириллом Философом «чътеху» (очевидно, считали) и «гатааху» (гадали). Можно предположить, что черты и резы (точки и черточки) использовались при арифметическом гадании, подобном описанному у балтийских славян, для изображения четных и нечетных чисел.

¹⁶ См.: Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян // Гильфердинг А. Ф. Собр. соч. СПб., 1874. Т. IV. С. 162 (ср. с. 169).

¹⁷ См.: Сперанский М. Н. Из истории отреченных книг. Вып. 1: Гадания по Псалтыри. Приложение. С. 15—20.

Русская книга Рафли предоставляет большие возможности для сравнительного изучения. Это объясняется тем, что она представляет собой не просто специализированный гадательный текст, а целый трактат, в первой части которого имеются обширные разделы, содержащие календарные, астрономические и астрологические сведения общего характера. В книге имеются также легендарные сведения о происхождении как астрологической традиции в целом, так и данного конкретного гадания, а также «историческое» предисловие, дающее основание для определения времени составления данной редакции книги Рафли и имени русского автора-компилятора.

Текст книги Рафли в рассматриваемой рукописи открывается словами: «Предисловие святцам, творение грешного раба Иоанна Рыкова, списание вкратце о году и о протчих предстоящих в нем... Тебе же возлюбленне брате кир Иоанне пишу сие списание ради твоего словесе. Егда со царем Иоанном Васильевичем изыдох от нас и от наших псковских предел, перевод сий понудихся выписать о сих потребных к твоему христолюбию...» Таким образом, тексту книги придан эпистолярный характер. В тексте первой книги постоянно встречаются обращения к кир Иоанну. Вместе с тем она адресована более широкому кругу лиц. Об этом свидетельствуют такие отрывки: «да прочтется книга сия богодухновенная... и протчим нашой братии у вас пребывающим, иже с нами союз любви Христа бога сопряженным... иже кои от нас и от нашей братии желают вкусити любомудрого сего неалчного хлеба...» (л. 2 об., 3).

Дополнительные сведения о кир Иоанне и других адресатах имеются еще в одном месте рукописи, где упоминаются «премудрая моя чада, господине мой кир Иоанне, писарю градский (дьяк? — Авт.) и протчии, брат наю Захарий, сожителствуя с вами в граде нашем» (л. 11). Известно имя псковского дьяка, совпадающее с именем, упомянутым в тексте Рафлей, — Иван Андреев. Он владел помещьем в псковском уезде и упоминается как дьяк с 1575 г. (первоначально в Ругодиве — Нарве)¹⁸. Цитированный текст определенно свидетельствует о существовании кружка единомышленников («нас и нашей братии»), связанного со Псковом.

Текстуально близкие вступления, также начинающие-

¹⁸ См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 23.

ся словами «Предисловие святцам...», известны в ряде текстов календарно-астрономического содержания, входящих в состав обширных компиляций, так называемых Миротворных кругов¹⁹. От вступления к книге Рафли они отличаются тем, что в них обычно отсутствует имя автора-составителя, а вместо кир Иоанна фигурирует «российско-го царства царев книгчий кир Софроний».

Отъезд царя из Пскова упоминается, но имя царя не указывается. Сходство текстов и несомненно одно и то же событие, датирующее создание этих вступлений — отъезд с царем из Пскова, давали основания предполагать, что близкие вступления являлись частями компиляций, созданных одним автором — Иваном Рыковым. Одному из авторов (А. А. Турилову) удалось обнаружить данные, подтверждающие это предположение. В рукописи второй половины XVII в. (ЦГАДА, ф. 188, оп. 1, № 632) удалось обнаружить календарно-астрономический текст, в котором наряду с именем кир Софрония содержится имя Ивана Рыкова²⁰. Кроме того, в рукописи начала XVIII в. из собрания Е. В. Барсова (ГБЛ, ф. 17, № 518) была обнаружена небольшая календарно-астрономическая статья, открывающаяся предисловием, сходным с предисловием к книге Рафли, с упоминанием Ивана Рыкова, причем данные о кир Софронии и отъезде с царем из Пскова отсутствуют. Следующая за вступлением статья соответствует одной из глав, имеющих в рукописи ЦГАДА. В рукописи Барсова она завершается заключением: «Конец скончевает совещание божественных дел. Написано во граде Пскове российских стран, в лето господие 1579». Эта дата соответствует времени правления Ивана Грозного и его отъезду из Пскова. Далее в той же рукописи еще одна небольшая статья, связанная с тем же автором, — «лунник на 19 лет, вкратце сотворен грешным рабом Иваном Рыковым».

Таким образом, то, что Иван Рыков составлял не только сочинения магического характера, но и имеющие есте-

¹⁹ См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 127–129.

²⁰ См.: *Турилов А. А., Чернецов А. В.* Софроний, книгчий Ивана Грозного, и адресованное ему сочинение // *Археографический ежегодник за 1982 г. М., 1983.* С. 88, 89. Известен книгописец Софроний, создавший в кремлевских мастерских в 1591 г. рукопись одной из Годуновских псалтырей (см.: *Кожина-Лебедева Ю. А.* Одно из течений в русской живописи XVI–XVII вв. // *Русское искусство XVII в. Л., 1929.* С. 63). Не исключено, что он и «царев книгчий» 1579 г. — одно и то же лицо.

сти научно-популярное, познавательное и практическое значение, подтверждается показаниями трех рукописей. Существенно, что его календарно-астрономическое сочинение было составлено по инициативе официального лица, приближенного царя.

Календарно-астрономическое сочинение Ивана Рыкова состоит из девяти глав, названных им своим творением («о году солнечном», «о двенадцати зодиях», «о четырех временах года», «о солнечном статии», «о месяцах», «о календарях, понах и идусах», «о седмицы», «о дни» и «о часах»). Поскольку последняя из этих глав в рукописи Барсова завершается приведенным выше заключением, можно было бы считать этот текст законченным произведением. Однако, скорее всего это было лишь предисловие к более обширной компиляции типа Миротворного круга. О ее существовании говорят некоторые упоминания, попавшие в текст Рафлей: «сий миротворный круг сводя и располагая с пятисотным кругом...» (л. 1 об.), «да прочтется книга сия богодухновенная книга Небеса с пятисотным кругом вкупе...» (л. 2 об.).

Вероятно, в полном объеме компиляция Ивана Рыкова включала, помимо «Предисловия святцам», книгу Иоанна Дамаскина Небеса, какую-то редакцию Миротворного круга, обычные церковные святцы. Возможно, именно этот текст частично сохранился вслед за «Предисловием святцам» в рукописи ЦГАДА. На это как будто указывает имеющийся там заголовок: «Изъявление вещей приходящих к святцам вышечисанным, кои написаны суть после святцов в тех же тетратех» (л. 22). К сожалению, до сих пор древнерусские тексты календарно-астрономического содержания изучены слабо. Установление связи части из них с Иваном Рыковым может продвинуть работу по их систематизации и датировке²¹.

²¹ Известные на сегодняшний день источники XVI–XVII вв. являются благоприятной основой для капитальных исследований в данной области. Прежде всего есть основания для частичной реконструкции Миротворного круга конца XV в. Затем известен Миротворный круг первой половины – середины XVI в., связанный с новгородским священником Агафонищем. В состав сборников, являющихся автографами Ермолая-Еразма, входит так называемая «Зрячая пасхалия», очевидно составленная этим писателем (все остальные сочинения этих сборников, бесспорно, принадлежат ему как автору: ГПБ. Соловецкое собр. № 287/307. Л. 159–180 об.; ГПБ. Софийское собр. № 1296. Л. 220 об.–242). Имеется список Миротворного круга середины XVI в., т. е. относящийся ко времени, предшествующему деятельности Ивана Рыкова (ГПБ. Соловецкое собр. № 479/498; любезно указан

В составе «Предисловия святцам» имеются тексты весьма ярко характеризующие книжную культуру времени деятельности Ивана Рыкова. Это сведения по античной мифологии, включенные в состав его творения в качестве своеобразного комментария к названиям планет и зодиакальных созвездий.

Античные традиции проникают в древнерусское искусство и литературу начиная с эпохи Киевской Руси. Уже в Повести временных лет мы встречаем упоминание деяний Ореста и Агамемнона²², мифологические сведения в трудах отцов церкви известны по русским рукописям с XI в.²³ Рано проникают на Русь произведения античного искусства — например, скульптуры, привезенные из Херсонеса в Киев Владимиром²⁴. В XV—XVII вв. русские люди нередко использовали в качестве личных печатей античные геммы или подражания им²⁵. Древнерусские мастера создавали композиции, иллюстрирующие античные мифы и сказания²⁶. Популярнейший русский амулет XI—XV вв. несет на одной из сторон стилизованное изо-

---

Н. Н. Розовым). Списки Миротворных кругов XVII в. весьма многочисленны, причем многие из них включают в себя и тексты, восходящие к концу XV в., и «Предисловие святцам». Своеобразная разновидность Миротворного круга находится в упоминавшейся рукописи ЦГАДА, она открывается «Предисловием святцам» с именем Ивана Рыкова.

Сравнительный анализ подобных рукописей и подготовка их к публикации требует совместных координированных усилий значительного коллектива, включающего специалистов разного профиля.

²² См.: ПСРЛ. М., 1962. Т. I. С. 42.

²³ См.: Будилович А. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе. СПб., 1875. С. 24.

²⁴ См.: ПСРЛ. Т. I. С. 116.

²⁵ См. например: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. I. С. 142, 162, 338 и др.; Иванов П. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в архиве Министрства юстиции. М., 1858. Табл. II, 7, 30; Табл. III, 14, 52; Табл. IV, 41; Табл. V, 58, 72, 76; Табл. VI, 89, 103; Орешников А. В. Материалы к русской сфрагистике // Тр. Моск. нумизмат. общества. СПб., 1903. Т. 3, вып. 1. С. 117. Рис. 6.

²⁶ См.: Щепкин В. Н. Два лицевых сборника Исторического музея // Археологические известия и заметки. М., 1897. № 4. С. 115, рис. 15; Даркевич В. П. Подвиги Геракла в декорации Дмитровского собора во Владимире // Сов. археология. 1962. № 4; Он же. О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре // Славяне и Русь. М., 1968. См. также иллюстрации в издании: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв. Л., 1972. (Серия «Литературные памятники»).

бражение человеческой головы, окруженной змеями, генетически восходящей к образу Горгоны Медузы²⁷. Начиная с XI в. известны многочисленные и разнообразные древнерусские изображения кентавров²⁸, генетически связанные с персонажами античной мифологии.

Вместе с тем восприятие античных традиций наталкивалось на Руси, да и в Западной Европе на ряд трудностей. Одна из наиболее важных — сложное, двойственное отношение человека средневековья к античности. Для его характеристики приведем цитату из русского перевода хроники Мартина Бельского: «Непригоже было писати со святым письмом поганские блуды, которых блудов на свете было много. И для ради книг полного писания от начала света пишутся поганские блуды»²⁹.

Предлагаем вниманию читателей текст, содержащий мифологический комментарий к названиям зодиакальных созвездий и планет в «Предисловии святцам» Ивана Рыкова по рукописи: ЦГАДА, ф. 188, оп. 1, № 632 (л. 5 об.).

Иаки же сия сем звезд зодиаки именуются имены
от языческих богов, еже древнии мудрецы
когождо звезду от коего же бога именоваше именем.

Овен именовашеся и его же овна беша златое руно его же (л. 6) бог Арей постави на острове Косе во странах царства Троянска. Устроив же волю, во устех пламень имущи да пасут овна златоруннаго и сего ради овна того промеж знаменитейших звезд древнии поставиша.

Юнец именовашеся его же ради юнца древнии во звездах посадиша в чествование Зевса бога, который бог притчею пишется в быка или превратится вон егда Еуропу превезеся.

Близнецы имяновашуся бяху же царие два браты, царствоваху во еллинех в некоем острове во время траянскаго взятия, имже имяна Настор и Поллукс, бози быша язычестии иже их по смерти промеж знаменитейших звезд древнии поставиша.

Лев именовася сего ж сильнейшаго Еркулес сий речь

²⁷ См.: Толстой И. И. О русских амулетах, называемых змеевиками // Записки Русского археологического общества. 1888. Т. III.

²⁸ См.: Окладников А. П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея // Сов. археология. 1950. Т. XIII; Чернецов А. В. Древнерусские изображения кентавров // Сов. археология. 1975. № 2; Он же. Об изображениях кентавра, обнажающего меч // Крат. сообщ. Института археологии АН СССР. М., 1981. Вып. 166.

²⁹ БАН, Архангельское собр. Д. № 422. Л. 45.

Ираклий в грязи убил и сея ради силы его промеж звезды древний устроиша.

Дева именовашеся на Востоце бысть царица некая девою, имянем Понтозилия, храбра и силна зело. Сия прииде со множеством храбрых девиц на помощь троиянскому царю. Убиена же бысть на брани. Сея ради храбрости ея древний поставиша.

Стрелец именуется беше же той стрелец от главы даждь до пупа человек от пупа ж конь по всему подобию. Бысть же крепок и силен и той прииде на помощь троиянскому царю, и убиен бысть на брани и сего ради чюдного его мужества древний меж звезд поставиша.

Козорог имяновася ради козы зевсовыи кормилицы, еже часть последняя тела рыбия бяше и сего ради (л. 6 об.) древний козорог образ промеж дванадесят звезд утвердиша.

Сия же знамения Рак, Весы, Скорпия, Водолей, Рыбы — пять их числом, их же имян сила со иными вкупе прежде знаменована.

(Л. 12 об.) И глаголется день той ди есть сий речь от богов, иже дии те римляне кими звездами во имя богов освящаша того ради: койждо день от некоего бога древле назван бысть яко от Зевса и иных, яко под седмицею есть глаголемо.

Крон — бог языческий, отец богом. Царствова во еллинех остре (?), неистов быв, ядыше своя чада. Егда же ответ приим от бесов, яко изгнану быти ему от царства от единого дети, его же пожираше, елико рождаше ему мужеск пол жена его Ира, богиня мать богом. Некогда же роди сына Зевса, сий речь Дия и милующи красоты его ради, сего ради Ира украде его и в Крит отосла. И приведе к нему бесы некия во оружии гласяща и плещу (л. 13) ща, да глас он покрывает плач младенцу Зевса бога плачущася, да не како с небес Кроц не услышит, да не пожрет его. Повив же Ира камен место рожденного, положи мужеву пожрети его. Егда же Крон пожре камень яко Зевса, изbleва и прежде пожранныя дети, яко же глаголют баснотворцы еллиньстии. Отроча ж Ира предаст некоему волхву беззаконну и скверну, критяном учителю. Егда же возрасте Зевс, воста на отца своего Крона, связав убо его и отреза ему срамныя уды и вверже в море.

Зевс бог еллинский бяше сын Кронов, царь богов именовася. Преобразоваше же ся в животныя и прелюбы творяще с мертвыми женами. Прииде же некогда к Семейи дщери Кадомовы в Фивех царствовавшего и сию

растли Зевс и сотвори чреватую. Ревнующи же того Зевса жена и пришед к Семелии мняше яко Зевс бысть с нею и лестию глаголаше рече, проси у Зевса, да снидет к тебе со громом и молниею. Семелия же того Зевса испроси. Пусти гром Зевес и сожже молниею Семелию неволею, по изволении ревности жены своея. Егда же умре Семелия, разрезав Зевес утробу и изнесе детище несовершенно еще и разреза себе стегно и вложи вонь младенца и заши е. Егда же исполнилися дние родитися младенцу изведе Зевес младенца и нарече Дионисие бог. Тако баспословят еллини. Бяше же еще то (л. 13 об.) гда во еллинех некая девица, юже возлюби Зевс в вол преложися, хотя утаитися жены своея, она же разуме ревнующи положи на не неистовство по всей земли.

Арис бог еллинский бяше бранем творец во еллинех и ревнив похотник скотом и инем пекним. Напоследок же прелюбы дея со Афродитиею и связан же бысть от юноши Иерота и от Ифеста.

Мифрон бог языческий его же рекоша еллини быста солища, празднуют же ему паче халдеи, подобитися хотяща 12 мукам глада ради, огня ради, студени ради, потопа ради и инем неким.

Афродит богиня еллинская иже Зевес отреза срамныя уды отцу своему Крону, плод же блудных удов и от отрезание от того Афродите рождшыя. Бяше же Афродит любодейца овогда бо имевше любодея Арриса, овогда же Ахиса, овогда же паки Адона. Плакаше паки Афродит о смерти рачителя своего Адона, яже баспословят еллини во ад сошедшу яко да искупят его оттоле.

Ермис бог еллинский бяше тать и лихоимец и похотник и волхв немощен и недужен. Словесен же бысть, сий речь баснем сказатель.

Екати богица еллинская юже глаголють еллини быти лупа, в ноцы ходящу и на колесницы львоуе ездящу и змиями облежащу и змиеве страшни мечты показующе и человеки некия велики главы имуща змиевы.

Сходный с публикуемым текстом о планетах, но более краткий фрагмент встречается в русских списках XVII в. Христианской Топографии Косьмы Индикоплова, причем текст этот не находит соответствия в греческом оригинале³⁰. Очевидно, он был заимствован из календарно-астрономического сочинения Ивана Рыкова.

³⁰ См.: Редин Е. К. Христианская Топография Косьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916. С. 170, 171.

Приведенные тексты — не единственное свидетельство интереса Ивана Рыкова к античности. Кроме того, в его творении содержатся сведения о Ромиле (Ромуле) как основателе Рима и создателе в нем «жертвища» Ареса (л. 9). Текст о Ромуле известен и в более ранних русских рукописях³¹. Здесь же сообщается, что месяц июль назван в честь «кесаря Иулия». Показательно, что Рыков знает, что «Афродит гречески глаголется, а латынски Венус» (л. 9 об.).

Отметим в этой связи правильное отождествление «Еркулеса» и «Ираклия» в опубликованном тексте. В некоторых случаях чувствуется влияние латинского оригинала: «май наречеся, понеже об больших рода» (л. 10, 10 об.) — название месяца связывается с латинским *maius*; «день той ди есть (должно быть — dies) сий речь от богов» (л. 12 об.) — игра слов *dies* — день и *dii* боги. Характерно, что при этом все названия планет даны в обычной для древнерусской книжности греческой форме.

Остановимся на некоторых особенностях публикуемых текстов. Попытка вопреки античной традиции связать значительное число зодиакальных созвездий с Троянским циклом, по-видимому, объясняется популярностью на Руси сказаний о троянской войне и конкретно — переводного романа Гвидо де Колумна. О влиянии именно этого произведения свидетельствуют следующие наблюдения. Согласно тексту романа Колхида — остров, в русском переводе «остров Колкос»³², а в искаженной версии публикуемого текста «остров Кос». В античной литературе среди участников троянской войны не фигурирует кептавр-стрелец, но в романе Гвидо такой персонаж присутствует³³. Значительное внимание уделено в романе и предводительнице амазонок Пентесилее. По-видимому, связь зодиакальных созвездий с троянским циклом в версии Гвидо — результат творчества русского автора текста.

Значительная неравноценность текстов, посвященных отдельным планетным божествам, видимо, объясняется преимущественным интересом к Зевсу. Отметим, что мифологических сведений в тексте больше, чем это необходимо для краткой справки. В частности, миф о рождении Диониса, не являющегося планетным божеством, представ-

³¹ См.: Прохоров Г. М. Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 62.

³² См.: Троянские сказания. С. 14, 15, 21.

³³ См.: Там же. С. 37.

ляет собой по существу избыточную информацию. Можно полагать, что это божество вызывало повышенный интерес у русских людей XVI в. Действительно, только Дионис из числа античных божеств упоминается в Стоглаве, причем если буквально понимать этот текст, то получается, что на Руси совершались обряды, связанные с почитанием этого бога: «...егда же вино точит или егда вино в сосуды преливают, или иное кое питье сливают, гласования и вопль велий творят неразумнии по древнему обычаю еллинския прелести, еллинского бога Диониса, пьянству учителя призывают, и гласящим великим гласом квас призывают...»³⁴

В тексте, посвященном Зевсу, упоминаются «прелюбы... с мертвыми женами». По-видимому, это дефект перевода, причем вместо «мертвые» должно быть «смертные». Вместе с тем представление о подобных наклонностях Зевса получило развитие в русской письменности XVII в. В так называемой «Русской статье по астрологии» Зевс охарактеризован так: «бывый злый блудник, яко и мертвых девиц красных во гробех не спущал»³⁵.

Приведенные тексты свидетельствуют о существовании в XVI в. на Руси значительного интереса к античной мифологической традиции и характеризуют ту трансформацию, которую она претерпевала на русской почве.

Мифологические сведения «Предисловия святцам» интересны тем, что они представляют собой сводку сведений, взятых из разных источников. Если текст о зодиакальных созвездиях навеян в основном «Троянской историей» Гвидо (а не хроникой Мартина Бельского, как ошибочно полагал Н. Н. Кононов³⁶), то текст о планетных божествах представляет собой компиляцию из источников, издавна вошедших в состав древнерусской книжности. Ряд предварительных наблюдений показывает, что среди них были Толкование Никиты Ираклийского на XVI слов Григория Богослова и фрагмент Жития Варлаама и Иоасафа, представляющий собой отрывок из «Апологии» Аристида — писателя II в. н. э.³⁷

Использование разнородных источников и творческий подход к ним свидетельствуют о повышенном интересе

³⁴ Стоглав. Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах. С. 390 (гл. 93).

³⁵ Соболевский А. И. Указ. соч. С. 432.

³⁶ См.: Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1907. Т. IV, вып. 1: Протоколы. С. 31—32.

³⁷ Последний источник любезно указан автором И. Н. Лебедевой.

Ивана Рыкова к античной мифологической традиции, что, наряду с его интересом к естественным наукам и тайным знаниям, свидетельствует о влияниях, связанных с культурными тенденциями Ренессанса.

Черты литературного творчества заметны не только в пересказах античных мифов. Они отразились и в тексте книги Рафли, в которой приводится рассказ об изобретателях гадания, персидских мудрецах (л. 12 об.—14, 30 об.—31 об.). Очевидно, Рыков занимался литературным творчеством. Содержащиеся в его календарно-астрономическом творении «притчи» — «о царе-годе» и «о четырех временах года» — отмечены сознательным использованием литературных приемов, которые, очевидно, являются плодом его индивидуального творчества. Об этом косвенно свидетельствует их уничижительная характеристика в тексте («грубые мои стихи» — л. 3).

Характерно, что Иван Рыков, широко пользующийся для придания авторитета своим творениям иноземными, в том числе экзотическими, источниками, счел нужным в то же время дать русские эквиваленты греческих названий планет. Ввиду важности этих данных приводим их полностью.

«...От звезды Аррисовы еже вечерняя звезда зовется... от звезды Ермисовы еже нецыи велико светлый круг глаголют... от звезды Зевсовы еже царскую звезду имянуют... от звезды Афродита, еже светоносицу глаголют... сия же звезда Афродит утренняя зовется» (л. 11 об., 12). Русское название планеты Сатурн (Кроп) ввиду дефектности списка, к сожалению, не сохранилось.

Еще одно русское название небесного светила находится в книге Рафли. Это «звезда Прикол», о которой говорится: «Звез. Прикол с вечера идет пред звез., а путь идет за вездами (так!) сим подобием» (л. 53). В словаре В. И. Даля «Прикол» — одно из названий Большой Медведицы³⁸, однако в данном случае речь идет, по-видимому, о единичной звезде. Посвященный ей не вполне понятный текст обнаруживает некоторое сходство с встречающейся в древнерусских астрономо-астрологических рукописях статьей о звезде «Чихирь»: «Чигирь пред солнцем аки боярин царев. Царь идет, тогда боярин показывает приход царев... Яко же бо воин царев, егда пред царем очистит путь сим подобием...»³⁹

³⁸ См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 228.

³⁹ *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 432.

Помимо книги Рафли, «Предисловия святцам» и «Лунничка» с Иваном Рыковым предположительно можно связывать еще один небольшой текст медико-астрологического характера (руководство для кровопускания)⁴⁰. Он известен по рукописи XVII в., причем помещен в ней перед «Предисловием святцам», адресованным кир Софронию. Этот отрывок также облечен в эпистолярную форму; русское слово «святцы» выступает в нем как эквивалент иносязычного «календарь». Наиболее существенно, что это авторское сочинение (обычно древнерусские астрологические тексты анонимны). При этом автор назван «многогрешный Ивап». Наряду с совпадением имени, само его написание, а также характер текста делают весьма вероятным авторство Ивана Рыкова и для этого текста.

Приведем вступительную часть этого текста, ярко характеризующую его составителя.

«Книга или послание или предлог слова еже именуется Жил стрекание имущее начало сие. Яко в телеси восстаема буря от болезни недуга отбегает абие жил стреканием, да человеческая телеса могут здравствовать. Вопросы врача и поведает ти. Благослови отче. Честным и великим и любомудрым мужем совершенным и юнотам и всем иже во благочестивей вере просиявши радоватися. Елико вас внимающе и прочитающе сия книги и хотяще любомудрствовать и навикнути жилному стреканию и довлеет нам да искусни будем врачевствовать, не еже инем неким мзды ради, но и самим нам многожды впадающим в болезни божиею милостию и помощию врачуются да здрави будем от жил кровь испущающе, очищающеся от недуга и телеса наша могут много здравствовать. Тебе же, авво освященному кир Алексию, понудившему списат сия книги. Аз же многогрешный Иван не от себе написах книги, ты веси, но от еллинских и латинских доктор, ведущих добре звездная течения и лекарския науки, их же аз готова учения обретох, собрав воедино и вам, исправя, предложих...»

Интересно, что данный медико-астрологический текст включает рекомендацию пользоваться для календарно-астрономических вычислений Шестокрылом (л. 189 об.). Обращение к таблицам Шестокрыла подразумевает основательную подготовку в области календарно-астрономических знаний. Кроме того, упоминание этой книги весьма показательно, так как она попала на Русь в составе книж-

⁴⁰ См.: Там же. С. 132; ГПБ. Q. XVII. 67. Л. 189–191.

ности еретиков — «жидовствующих» и в дальнейшем, наряду с Рафлями, была отнесена духовенством к числу наиболее вредных книг.

В настоящее время авторам не удалось обнаружить Ивана Рыкова в других письменных источниках. Однако такой поиск небезнадежен. Прежде всего отметим, что фамилия Рыковых во Пскове во второй половине XVI в. известна. В частности, Рыковы выступают как богатые владельцы лавок и бани⁴¹; известен священник Василий Рыков, получивший от Ивана Грозного тарханную и несудимую грамоту в 1577 г.⁴² На территории псковской земли известны деревня Рыково и Рыкова пустошь⁴³.

1579 год, которым датируется составление Иваном Рыковым его «творений», определяет лишь дату очередной переделки гадательной книги Рафли на Руси. О том, что это гадание было известно здесь и ранее, свидетельствует упоминание книги Рафли в Стоглаве (1551 г.). Сам способ гадания известен на Руси, во всяком случае Западной, с последней четверти XV в.⁴⁴

Итак, Иван Рыков не был ни изобретателем гадания, которому посвящена книга Рафли, ни первым переводчиком подобного текста на славянский язык. Оценить его вклад в создание обнаруженного текста в полной мере пока невозможно в силу целого ряда причин. Во-первых, неизвестен непосредственный чужеземный источник, с которого переведена основная часть текста. Во-вторых — неизвестен дорыковский русский текст книги Рафли. В-третьих, имеющийся единственный список дефектен и, возможно, осложнен позднейшими вставками и поправками.

---

⁴¹ См.: Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1913. Т. I. С. 11, 28, 40, 42, 45, 61, 79.

⁴² См.: Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. Ч. 3. Дополнения. С. 248. Известны вклады Ивана Грозного в церковь Успения на Паромени, где служил Василий Рыков (Васильев И. И. Археологический указатель города Пскова и его окрестностей // Тр. Отд. слав. и рус. археологии. Записки русского археологического общества. СПб., 1898. Т. X, вып. 1, 2. С. 278; Богусевич В. А. Псковские литейщики XVI в. // Проблемы истории докапиталистических формаций. 1934. № 9/10. С. 160).

⁴³ См.: Обзорение писцовых книг по Новгороду и Пскову. М., 1841. С. 213, 248.

⁴⁴ См.: Чернецов А. В. Об одном рисунке Радзивилловской летописи // Сов. археология. 1977. № 4; Он же. К изучению Радзивилловской летописи // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 283, 284.

Тем не менее определенные основания для выяснения, в чем состоял вклад Ивана Рыкова, имеются. Прежде всего с ним связаны отрывки, в которых имеются обращения к кир Иоанну. Отметим, что среди них есть большое количество вставок, сделанных с тем, чтобы придать книге христианский, православный облик. Любопытно, что Христос упоминается даже в специфическом гадательном тексте «арапских святцев» (л. 53), о которых сказано, что они представляют собой перевод «с языческого именования». Часть из этих вставок теоретически могла быть и в иноземном первоисточнике, но некоторые обнаруживают несомненно русский характер. Это, в частности, упоминание «семи вселенских соборов» (л. 10 об., 26 об.), текст отдельных молитв. Несомненно русское происхождение имеют сведения о Стефане Пермском (л. 10).

Во второй части книги Рафли среди вопросов и возможных ответов на них имеются окрашенные русским или, во всяком случае, восточноевропейским колоритом. Врата 63: «Коли хочеть познати, грамотник ли сын будет». Возможные ответы: «не быть в попех, в диаконах и умрет»; «не бывать попом, будет у места сидети дяком»; «будет славен и богат поп и страшен (!) в людех» (л. 100, 100 об.). Врата 42: «Кто сидит в заточении, скоро ли ему будет выпуск, или не будет». Возможный ответ: «Ох, горе тебе, брате, бедному, будет скончатися от огня палящего в струбе» (л. 90 об.). Врата 62: «Не будет ли год сей белки» (л. 100). Врата 60: «Разсмотри, в кой день сладко ясти». Вариант ответа: «Среднее яжь — хлеб да капусту, шти, квас, воду...» (л. 99).

Введение в текст книги Рафли многочисленных текстов молитвенного христианского характера можно рассматривать как попытку реабилитировать книгу в связи с обвинениями, выдвинутыми Стоглавым собором. Она рассматривается в его постановлениях как «богоотреченная святыми отцы, седмью соборы» и содержащая «злые ереси». Как бы отвечая на эти обвинения, Иван Рыков пишет о том, что, читая книгу Рафли и гадая по ней, следует удаляться «от всяческих еретических и схиматических (так!) умышлений» (л. 11). Он указывает: «И по сем бо, брате кир Иоанне, размышляй бо о сих право, по преданию святых апостол и святых богоносных отец и всех седми вселенных соборов...» (л. 26 об.). Еще один отрывок, призванный успокоить религиозную совесть кир Иоанна, — «по сем же господине кир Иоанне, не будет тебе больша того о сем деле помышляти: сия бо вся дела

великого бога отца Саваофа, едиnorodного сына божия господа бога и спаса нашего Иисуса Христа» (л. 15 об.).

В душе Ивана Рыкова, конечно, могли совмещаться христианское благочестие и склонность к гаданиям, однако включение в текст гадательной книги христианской фразеологии могло и преследовать цель своеобразной маскировки. А. И. Соболевский приводит цитату из русской переделки западноевропейской астрологической статьи XVI в.: «...и о сем прекословие несмысленных принудимя от божественного многословити, не искусни бо суще о Святом писании и ведения священного благочестия прекословят»⁴⁵.

Поиски чужеземного первоисточника книги Рафли предполагают обращения к различным областям филологии. Отметим некоторые данные, подводящие к решению этого вопроса. Имеющаяся в тексте Рафлей легенда приписывает их составление «персидским» мудрецам. Аналогичное гадание в Византии тоже считалось персидским по происхождению⁴⁶. Согласно той же легенде, знания персидских мудрецов затем перешли к «рядникам арапским» (арабским). Соответственно часть рукописи трактуется в тексте как «арапские святцы».

Имеющиеся указания на факт перевода облечены в такую форму, что не вполне ясно, с какого языка осуществлялся перевод: «имена и указ 12 домов с языческого именованя на словенский язык» (л. 29 об.); «третья святцы арапския... переведены по-словенски» (л. 42); «бесприкладно (т. е. непосредственно.— Авт.) преложено на словенский язык» (л. 14). Текст книги имеет некоторые следы использования восточного первоисточника. Это имена некоторых мудрецов — Шмоил (вместо обычной древнерусской эллинизированной формы Самуил), Авенгасан (где Авен — транскрипция семитического «ибн» или «бен», ср. такие имена, как Авенсипа, Авенрошт и Авензогар в литературе, связанной с ересью «жидовствующих»). К ориентализмам текста относится и называние глав второй книги «вратами»⁴⁷. Имеются также некоторые следы западнорусского происхождения текста, в том числе полонизмы («шкота» — л. 38, 47, 57, 64, 119, «смок» — л. 35, 56 об., 58 и др.). Вместе с тем в отличие

⁴⁵ Соболевский А. И. Указ. соч. С. 132, 133.

⁴⁶ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. III. С. 110.

⁴⁷ См.: Соболевский А. И. Указ. соч. С. 405—424.

от некоторых астрологических текстов, в которых встречаются латинские и древнееврейские названия планет и зодиакальных созвездий, названия планет в данной рукописи даны в обычной для древнерусской письменности греческой традиции.

В книге Рафли наличествует целый ряд текстов, известных в составе других памятников древнерусской письменности. Прежде всего в ней представлен или упомянут ряд текстов из православного молитвенного обихода. Это два песнопения из рождественской службы: тропарь гласа 4 «Рождество твое, Христе боже наш» и кондак гласа 3 — знаменитое произведение Романа Сладкопевца «Дева днесь пресущественного рождает» (л. 28 и об.). Эти два текста не являются механическими включениями в состав гадательного сочинения. В тропаре упоминаются евангельские волхвы-астрологи, «поклоняющиеся звездам и наученные звездою», а в текст кондака введены астрономические значки, показывающие, что это песнопение истолковывалось как астрологическое иносказание⁴⁸.

При пользовании гадательной книгой предписывается произносить следующие общеупотребительные молитвы: «Молитва Иисусова», «Трисвятое», «Отче наш» (л. 18 об.), а также псалом 8 (л. 17 об.). Еще в одном случае в рукописи приводятся начальные слова тропаря благовещенской службы «Днесь спасения нашего начаток...» (л. 10 об.).

В тексте книги Рафли есть цитаты из книг Ветхого и Нового завета. На л. 6 цитируется кн. Бытия, 1, 3. На л. 8, 8 об., 10 об. приводится текст кн. Исход, 12, 2. На л. 62 приведена цитата из кн. пророка Исаии, 6, 3, используемая как литургический текст. На л. 63 приведена фраза из Псалтыри, 109, 1, введенная также в текст Евангелия от Матфея, 22, 44. На л. 10 приведены слова из Евангелия от Матфея, 24, 22 или от Марка, 13, 20. На л. 94 цитируется Евангелие от Луки, 21, 18.

Небольшой отрывок в составе компилятивной похвалы месяцу марту представляет собой цитату из Жития

---

⁴⁸ Отметим, что Н. А. Морозов, также видевший в этом тексте астрологическую символику (*Морозов Н. А. Христос. М.; Л., 1927. Кн. III. С. 660*), связывает его с иными образами звездного неба, чем книга Рафли. По-видимому, и другие астрологические толкования этим автором текстов Священного писания (*Морозов Н. А. Откровение в грозе и буре. М., 1910; Он же. Пророки. М., 1914*) также не бесспорны и не являются единственно возможными.

Стефана Пермского, написанного Епифанием Премудрым (л. 10, 10 об.)⁴⁹.

Значительная часть книги Рафли представляет собой тексты, известные в составе сочинений календароведческого характера, прежде всего — Миротворных кругов. Это уже рассматривавшееся введение, начинающееся словами «Предисловие святцам...» (л. 1)⁵⁰. Далее в книге Рафли имеются фрагменты «Притчи о царе-годе», известной по многим рукописям⁵¹. Эта притча в данном случае сильно сокращена, точнее вообще отсутствует, и дается лишь ее заглавие, после которого следует лишь заключительная часть притчи — толкование.

Известна по другим рукописям и статья «О году солнечном... Разные же языки разными времены и год зачинают» (л. 5 об.— 6 об.)⁵².

То же относится к целому ряду текстов, воспевающих месяц март: «Истинныя сея повести о двунадесять месяцах. Первый сей март...» (далее упоминается, между прочим, «строитель римского града именем Ромил» — л. 4 об., 5)⁵³; «сей убо Моисеем первые наречется месяц март...» (далее упоминается «месяц примос» — л. 8 об.— 9 об.)⁵⁴.

На л. 3 в рукописи находится заглавие, близкое начальному: «Сказание вкратце о году и о протчих предстоящих в ней», после которого следует текст: «Сие же списание беседует в начало святцам, нечто светло и кратко сложение. Написуется иже в коих неких где святых книгах писанно сокровенно и мрачно...» Близкий текст известен в составе календарно-астрономических рукописей XVII в.⁵⁵

Известны по другим рукописям и такие тексты, как: «Аще ли приидеши к марту, рцы сице...» (далее имеются слова «богословлею рукою ищи евреом фасхи» — л. 1, об.,

⁴⁹ См.: Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897. С. 23.

⁵⁰ См.: *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 127–129. См. также рукопись: ЦГАДА. Ф. 188. Оп. 1, № 632. Л. 1.

⁵¹ См.: *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 124. В указанной рукописи собрания ЦГАДА текст притчи приведен на л. 1 об.— л. 3, а толкование отсутствует.

⁵² *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 125, 127. В указанной рукописи собрания ЦГАДА — л. 3 об., 4.

⁵³ *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 128, 129.

⁵⁴ См.: *Прохоров Г. М.* Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 62, 63.

⁵⁵ См.: *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 128, 129. Подобный текст в указанной рукописи собрания ЦГАДА — л. 1, 1 об.

2), «обретение круга солнечного» (л. 7), «сказание о лунном крузе» (л. 7 об.)⁵⁶.

В составе астрологических книг находим также статью «Наставшего месяца небесного» — л. 70, она известна уже в русских рукописях XIV в.⁵⁷

Текст, по существу аналогичный имеющемуся в книге Рафли, относительно установления планеты своего «прирождения» и сопровождающийся «таблицей счетной» для этой операции (л. 16 об., 17), встречается в ряде рукописей XVI—XVII вв.⁵⁸

Известны и тексты о симпатических связях между планетами и зодиакальными созвездиями: «Сказание о двенадцяти звездах которые служат седми планидам. Солнцу служит лев...» (л. 59 и об.). Отметим некоторые названия зодиакальных созвездий в этом тексте: «Тур» (в рукописи «гур») вместо «Телец», «Инорог» вместо «Козерог»⁵⁹.

Известны аналогии тексту, посвященному разным планетам (л. 62—68 об.)⁶⁰. Однако в рассматриваемой рукописи он имеет отсутствующую в других рукописях особенность — текст, посвященный каждой планете, включает указание на геомантические фигуры, которые с нею связаны. Кроме того, в эти статьи введены указания на то, чего следует ожидать в случае, если Рождество Христова падет на день недели, связанный с данной планетой (т. е. сведения, обычно составляющие содержание отдельного гадательного текста — Колядника)⁶¹.

Три фрагмента, близкие по содержанию книге Рафли, составляют отдельный памятник, описанный М. Н. Сперанским⁶². Это описание техники составления геомантических фигур (в нашей рукописи — л. 19, 19 об.), указа-

⁵⁶ ГПБ. Сборник. Q. XVII. 23. Л. 77—79.

⁵⁷ См.: *Перетц В. Н.* Материалы к истории апокрифа и легенды. СПб., 1901. Т. II: К истории Лунника. С. 91; *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдавско-хазарские, сербские. Л., 1953. С. 53—54 (ГПБ. F I 73. Служебник. XIV в. Л. 396).

⁵⁸ См.: *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 137, 141, 426.

⁵⁹ См.: Там же. С. 425, 426.

⁶⁰ См. Там же. С. 138, 143, 425.

⁶¹ См.: *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 1. С. 375—381; *Пыпин А. Н.* Ложные и отреченные книги русской старины. С. 157—158.

⁶² См.: *Сперанский М. Н.* «Аристотелевы врата» и «Тайная тайных» (ГИМ. Муз. № 1226. Л. 292—307 об.). Упрощенная, вторичная разновидность гадания по одной геомантической фигуре; астрологическое обоснование отсутствует.

ние благоприятных и неблагоприятных дней для гадания; в рукописи книги Рафли и по оглавлению, и по тексту 71 глава-врата, из которых только последняя не имеет конца. Отметим, что в этом тексте и Рафлях почти нет текстуальных совпадений, кроме заглавий глав-врат.

Молитва, которую предписывается в книге Рафли прочесть непосредственно перед гаданием (л. 29, 29 об.), обнаруживает значительное сходство с опубликованной М. Н. Сперанским в составе гадательного сочинения иного содержания⁶³. В частности, в обеих молитвах упоминается о том, что в наше время нет пророков.

Два раза в составе книги Рафли приводится легенда о двух столпах, глиняном и каменном, на которых записи тайных знаний первых людей об астрологии пережили потоп (л. 8, 8 об., 11—12). Подобная легенда известна также в составе хронографа 1512 г., но в иной версии⁶⁴. В книге Рафли легенда в одном случае связана не с астрологической традицией в целом, а именно с Рафлями.

Любопытное текстуальное совпадение обнаруживает книга Рафли с сочинением, примыкающим к литературе «жидовствующих» — Логикой. В книге Рафли указано: «А сию мудрость исполнил Аристотель философ, глава был всем философам первым. Мы же последний сие послушествуем...» (л. 27 об., 28). В предисловии к Логике говорится: «А мудростию исполнил ее Аристотель, глава всем философам, первым и последним»⁶⁵.

На л. 2 в книге Рафли упомянута «жидовская рука». Таблица для календарных вычислений под таким названием имеется в рукописи ЦГАДА, л. 72. На л. 63 в Рафлях имеется заглавие «Сказание о вруцелетах и их силности», за которым должен был идти текст календарного характера, связанный с понятием о «вруцелетах» — обычном термине русских пасхалий. Однако за заглавием следует иной астрологический текст.

Многие фрагменты собственно гадательных текстов отличаются своеобразным афористическим характером, причем некоторые из них обнаруживают значительное сходство с пословицами и поговорками. Так, предсказание «рать стоит — мир будет» (л. 51) может быть сопоставлено с пословицей, приведенной в Ипатьевской летописи

⁶³ См.: Сперанский М. Н. Из истории отреченных книг. Вып. 1: Гадания по Псалтыри. Приложение. С. 21.

⁶⁴ См. ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. С. 28.

⁶⁵ Соболевский А. И. Указ. соч. С. 403.

«мир стоит до рати, а рать до мира»⁶⁶. Отмеченная чертами просторечия поговорка входит в состав предсказания «стоит на пути — ни туды, ни сюды» (л. 52).

Представляется целесообразным поместить в данной статье краткое описание памятников письменности в рукописи, содержащей книгу Рафли, и в некоторых других рукописях со сходными фрагментами текстов.

В рукописи из собрания Десницкого, помимо текста книги Рафли, на л. 104—117 помещен отрывок (без начала) гадательной книги типа гадания царя Давида, сходный с опубликованным А. Н. Пыпиным и М. Н. Сперанским (ближе к тексту, опубликованному А. Н. Пыпиным)⁶⁷. Этот текст в результате ошибки при переплете утратил начало и был вставлен между книгами II и III Рафлей. Отличаясь от книги Рафли по способу гадания (данное гадание основано на одновременном метании трех игральных костей), эта вторая в составе рукописи гадательная книга близка Рафлям как сравнительно сложный вид гадания, которое не может практиковаться без использования текста-руководства.

На л. 125 помещено начало текста, названного А. И. Соболевским «русской статьей по астрологии» («Егда Соломон прият царство...»)⁶⁸. Этот текст не носит гадательного характера, но его сближает с текстом Рафлей интерес к астрономии и астрологии, а также к легендарной традиции о происхождении сокровенных знаний.

На л. 223—225 об. помещены хозяйственные советы и рецепты: «Указ, как фарба делать под золото», «Указ, как делать стрелы зажигательныя», «Указ, как стреляти в ночи и будет видно» (л. 223 об.), «Указ, естли захочешь зделась свещу, чтоб от ветру и от дождя не угасла», «Указ, как стрелять по птицам водою», «Указ, коли хочещи, чтоб от пороха не слышно было удара», «Указ, как от морозу четырнадцать дней тепл будешь» (л. 224), «Указ, как составлять рокитки», «Указ, как квасцами по бумаге писати», «О шелку, как красити гвоздишневый шелк» (л. 224 об.), «О крашении и напущении костей и камени и древа разными цветы», «Вотка делать для голосу» (л. 225). На л. 227 об. имеется астрологическая таблица.

---

⁶⁶ ПСРЛ. М., 1962. Т. II. С. 364, 444.

⁶⁷ См.: Пыпин А. Н. Ложные и отреченные книги русской старины. С. 161—166; Сперанский М. Н. Из истории отреченных книг. Гадания по Псалтыри. С. 76—79.

⁶⁸ Соболевский А. И. Указ. соч. С. 428.

Как видим, в рукописи наряду с гадательными текстами присутствуют вполне рациональные, имеющие практическое значение. Это ремесленные секреты (рецептура красок), указания, имеющие отношение к военному делу (зажигательные стрелы, способ бесшумной стрельбы), а также пиротехнике (рецепт изготовления различных ракет, «указ, как стреляти в ночи и будет видно»). Здесь же один из способов приготовления симпатических чернил для тайной переписки и медицинский рецепт («вотка делать для голоса»). Некоторые из этих текстов едва ли могли найти реальное применение («как стрелять по птицам водою», отчего они якобы глохнут и не могут летать, «указ, как от морозу четырнадцать дней тепл будешь» — рецепт мази, делающий человека чувствительным к холоду). Отметим, что медицинский рецепт содержит астрологическое предписание «а делати та вотка в полн месяц, а в ущербе отнюдь не делати» (л. 225 об.).

Судя по составу рецептов, рукопись предназначалась для грамотного горожанина, ремесленника или подрядчика.

В рукописи, содержащей гадательное сочинение, представляющее собой версию второй книги Рафлей, кроме этого текста, имеются следующие: Краткий Громник (по-видимому, результат сокращения текста уже на русской почве)⁶⁹ (л. 1), статья «Окружение солнцу и луне»⁷⁰ (л. 1); на л. 1 об. находится статья «Аще на небеси аки поломя повиснет». На л. 2—17 находятся статьи, посвященные зодиакальным созвездиям. Основная часть рукописи занята текстами лечебников, в которых могут быть отмечены тексты, связанные с суевериями (чародейские средства против ведьмы, лешего, «ложные» молитвы, описания изготовления амулетов и т. п.), а также медико-астрологические предписания. Включены в текст лечебника и некоторые ремесленные рецепты. Это: «Указ како зеленити белые черенья или четки говяжьи или лосиные» (л. 145 об.). «Как что краскою синилом синити» (л. 147 об.), «Указ порох спускать на пушечное и на затинное стреляние» (л. 147 об.). На л. 272—291 об. находится текст гадательной книги, посвященной гаданию

⁶⁹ Ср.: *Перетц В. Н.* Материалы к истории апокрифа и легенды. СПб., 1899. Т. 1: К истории Громника. Введение, славянские и еврейские тексты. С. 42.

⁷⁰ Ср.: *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. II, С. 397.

счетными костями (принципиально сходному с известным гаданием на бобах)⁷¹.

Для данной рукописи характерно соседство гадательных текстов с руководствами по практической медицине. Отдельные сочинения, вошедшие в состав сборника, известны по индексам ложных книг, — это Громник, «Окружение солнцу и луне». Присутствует в сборнике и интерес к астрологии.

В календарно-астрологической рукописи ЦГАДА, открывающейся «творением» Ивана Рыкова, в основном занятый текстами естественнонаучного и прикладного характера, присутствуют также сведения астрологического характера (о связи созвездий и планет с частями тела — л. 16 об., 37; «о злых днех иже зовут египетскими» — л. 40 об., 41; указания благоприятного времени для кровопускания — л. 30 об., 31 об. и др.). Завершает рукопись гадательный текст по физиогномике: «О нравех человеческих и о возрасте, подобает ведати якож слышахом от философа коегождо образа блюстися» (л. 80 об.). В рукописи имеются фрагменты различного происхождения, в частности упоминается «лунник иже зовется тотарской» (л. 25 об.); представлен дальневосточный зодиак (циклические знаки — л. 16 об.)⁷². Наряду с этим здесь же пред-

⁷¹ Сходное гадательное сочинение, сохранившееся неполностью, опубликовано по рукописи первой половины XVII в.: Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Гадательная книга XVII в. холопа Пимиша Калинина // История русского языка. Памятники XI—XVIII вв. М., 1982. Авторы публикации ошибочно полагают, что гадание осуществлялось посредством особой четырехгранной гадательной кости со счетными метами на гранях (там же, с. 326). На самом деле речь идет о счетных косточках, которые могли заменяться бобами и т. п. На это прямо указывается и в изданном тексте: «боб един или три» (там же, с. 336). Слова «подошвенная меть» и «сердечная меть» обозначают не количество очков на нижней грани гадательной кости, как полагают те же авторы (там же, с. 329), а отдельные гадательные операции, которые осуществлялись порознь для головы, сердца и «ног на походе». От описанного в литературе способа гадания на бобах рассматриваемое отличается в основном только наличием текста — руководства. Ср.: Энциклопедический лексикон Плюшара. СПб., 1838. Т. 13. С. 55, 56.

⁷² О дальневосточных циклических знаках в русских рукописях см.: Ryan W. F. The Oriental duodenary animal cycle in Old slavonic manuscripts // Oxford slavonic papers. N. S. Vol. 4, 1971. Первоначальное знакомство с дальневосточным календарем на Руси было, по-видимому, связано с дипломатической перепиской, так как грамоты золотоордынских и крымских ханов иногда датированы по дальневосточному (и тюркскому) календарю. См.: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Т. II.

ставлена и, очевидно, оригинальная статья «О русских часах, како быют во всяком месяце в Новгороде Великом»⁷³ (л. 28 об., 39 об.). Значение текстов воспринималось не только как научное и прикладное, но и как учебное («Учение отроком хотящим учиться ведению ключа граицы» — л. 22 об.).

В целом как текстологические наблюдения над составом книги Рафли и сведения о других произведениях, связанных с тем же автором-составителем, так и кодикологические наблюдения над составом рассмотренных рукописей показывают, что сокровенные знания распространялись на Руси в теснейшей связи с знаниями естественнонаучными, зачастую — практическими, прикладными.

Как уже говорилось, сведения, содержащиеся в рукописи ЦГАДА, свидетельствуют о том, что крупное календарное сочинение Ивана Рыкова было написано по поручению приближенного Ивана Грозного, «российского царства царева книгчего кир Софрония». О близости Ивана Рыкова к царю говорит и указание в книге Рафли: «...егда изыдох со царем Иваном Васильевичем в царствующий град Москву». Можно ли на этом основании предполагать, что книга Рафли была известна царскому окружению и что Иван Рыков интересовал придворные круги как специалист по астрологии и мантике?

На первый взгляд этому противоречит то, что Иван IV и его приближенные не раз выступали против суеверий и астрологии. Так, в постановлениях Стоглавого собора, собранного по повелению царя, осуждаются гадательные книги, в том числе и книги Рафли (в одном случае упомянутая на первом месте среди гадательных книг). Своим противникам Иван IV нередко адресовал обвинения в попытках его околдовать⁷⁴. Он отказался приять от датских послов часы, поскольку на них были изображены аллегории планет⁷⁵. Идеолог режима Ивана Грозного Пересветов

С. 6, 10, 12 («заячьего лета»), 14 («овечия лета»); Сборник Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 420 («курячье лето»).

⁷³ Ср. характерную статью в рукописи середины XVI в.: «Указ книжным часам, во сколько часов обходит солнце над псковскою землею. Списано от сведущих людей» (ГБЛ. Ф. 735. Рязанское собр. № 28. Л. 62–62 об.). Оба текста, очевидно, отражают самостоятельные наблюдения или вычисления русских книжников.

⁷⁴ См.: Сочинения князя Курбского. Т. I. Сочинения оригинальные // РИБ. СПб., 1914. Т. XXXI. С. 301, 315.

⁷⁵ См.: *Базилевич К. В.* Имущество московских князей в XIV–XVI вв. // Труды Гос. Исторического музея. М., 1926. Вып. 3. С. 38.

резко осуждает влияющих на царей посредством чародейства⁷⁶.

Вместе с тем и сам Иван Грозный, и другие представители царского рода не раз подвергались обвинениям в склонности к чернокнижию. Так, князь Курбский называет бабушку Ивана IV Софью Палеолог «чародейцей греческой»⁷⁷. Действительно, в летописях сохранились сведения, что она обращалась к «бабам лихим»⁷⁸. Сам Иван III одно время находился под влиянием еретиков-жидовствующих, которые заинтересовали его чародейством и астрологией⁷⁹. По-видимому, не лишен был интереса к астрологии и отец Ивана IV Василий III. Во всяком случае его личным врачом был Николай Немчин (Булев), бывший одновременно астрологом и распространявшим свои взгляды среди русских бояр.

Сохранились записи свидетельских показаний о колдовских обрядах, с помощью которых первая жена Василия III пыталась вызвать к себе любовь великого князя⁸⁰. Бабка Ивана IV Анна Глинская обвинялась в совершении чародейских обрядов с целью поджечь Москву⁸¹. Согласно свидетельствам Курбского, само рождение Грозного произошло только после обращения Василия III и Елены Глинской к лапландским и иным волхвам⁸².

Князь Курбский в письмах Грозному пишет, что он слышал о его склонности к чародейству, но не может этому поверить⁸³. Однако ряд свидетельств современников говорит о том, что этому верить можно. Действительно, к Ивану Грозному был долгое время приближен Елисей Бомелий, о котором сохранились сведения как о «лютом волхве»⁸⁴.

Перед кончиной Грозного, по свидетельству Горсея, в Москву были свезены более 60 лапландских волхвов,

⁷⁶ См.: Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 178, 181, 182.

⁷⁷ Сочинения князя Курбского. Т. I. С. 326.

⁷⁸ ПСРЛ. М., 1965. Т. XII. С. 263.

⁷⁹ См.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1965. С. 471, 481.

⁸⁰ См.: Акты исторические, собранные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I. С. 192, № 130.

⁸¹ См.: ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII. С. 455—457; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 29.

⁸² См.: Сочинения князя Курбского. Т. I. С. 290, 291.

⁸³ См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 117.

⁸⁴ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 262.

которые предсказывали ему по звездам⁸⁵. Наконец, в «Сказании некоего боголюбивого мужа», героем которого, по-видимому, выведен Грозный, описывается приближенный к царю чародей, пользовавшийся огромным влиянием на царя и производивший с ним гадания почти каждый день⁸⁶. Вероятно, Иван IV разделял суеверия своего времени. Поэтому предположение, не принадлежал ли к его ближайшему окружению автор крупнейшей русской компиляции на темы мантики и астрологии, вполне правомерно.

Характер эрудиции Ивана Рыкова, как позволяют судить его «творения», заставляет внести коррективы в представления о состоянии образованности на Руси в эпоху Ивана Грозного, основанные на сообщении С. Маскевича. По его словам, «в правление известного тирана (Ивана IV) один из наших (польских) купцов, пользовавшийся правом приезжать в Россию с товарами, привез с собою в Москву кипу календарей; царь, узнав о том, велел часть этих книг принести к себе. Русским они казались очень мудреными, сам царь не понимал в них ни слова; посему, опасаясь, чтобы народ не научился такой премудрости, приказал все календари забрать во дворец, купцу заплатить, сколько потребовал, а книги сжечь»⁸⁷. Эпизод с сожжением книг, возможно, действительно имел место, однако из этого нельзя делать слишком прямолинейных выводов ни об отсутствии на Руси XVI в. собственных специалистов в области календарно-астрономических и тайных знаний, ни даже об отношении к ним самого Ивана Грозного.

---

⁸⁵ См.: *Севастьянова А. А.* Записки Джерома Горсея о России в конце XVI — начале XVII в. (разновременные слои источника и их хронология) // *Вопросы истории и источниковедения истории СССР: Сборник трудов.* М., 1974. С. 111—113.

⁸⁶ См.: *Буслаев Ф. И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861. С. 877—882.

⁸⁷ *Маскевич С.* Дневник Самуила Маскевича 1594—1621 гг. СПб., 1834. С. 67.

МИНЕРАЛОГИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ В РУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XVI—XVII вв.

Составить представление об уровне естественнонаучных, в частности минералогических, знаний в древней Руси позволяют как письменные источники, так и предметы материальной культуры. По дошедшим до нашего времени ювелирным изделиям можно судить о разнообразии камней, известных на Руси, об умении мастеров обрабатывать минералы, о знании их характерных физических свойств.

Памятники письменности предоставляют в распоряжение исследователя данные как практического характера, так и теоретического. Употреблявшиеся в описях, переписных книгах названия драгоценных камней подтверждают, что они доставлялись с Востока — из Индии, Цейлона, некоторых районов побережья Красного моря через Персию и тюркское посредничество. В Торговой книге XVI—XVII вв. (ГПБ, Q. IX. 52) указываются характерные приметы камня, такие, как цвет («вениса» — камень красен, а цвет жидок у него), твердость (яхонт, например, «имет» другие камни), цена в зависимости от размера и цвета и даже возможные имитации¹.

Наиболее раннее из известных нам «минералогических» сочинений — входит в состав одного из ранних памятников письменности — Изборника Святослава 1073 г.² Это Тракта́т Епи́фания Кипрского о двенадцати драгоценных камнях на паперснике первосвященника, перевод греческого богословского произведения. Полагают, однако, что его автору были известны естественнонаучные труды Плиния Старшего (I в.), которыми он частично воспользовался. Так, например, о сардионе сообщается, что он красного, как кровь, цвета, излечивает опухоли и язвы, находят его в Вавилонии. Тракта́т был популярен на Руси на протяжении нескольких веков, долгое время оставаясь, как можно судить, единственным сочинением такого рода, входя в

¹ См. Торговая книга/Предисл. И. И. Сахарова // Записки Отдела русской и славянской археологии Археологического общества. СПб., 1851. Т. 1. С. 106—139.

² См.: Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880 (Издания ОЛДП, № 55).

состав многих других произведений (Александрии, Толковой Палеи, Великих Миней Четых, азбуковников и др.).

В XVI—XVII вв. на Руси появились (высказываются предположения и о более ранней дате) сочинения иного плана — травники, вертограды, лечебники, которые состояли из разделов ботанического, минералогического, зоологического, дополняемых сведениями о пульсе, лихорадке, кровопускании, правилами поведения во время морового поветрия. Эти памятники достаточно изучены, тем более что большинство их известно в списках XVII в.³ Вертоград — памятник переводной; в его основе лежат имевшие большое распространение в средневековой Европе сначала рукописные, затем печатные памятники под названием *Hortus sanitatis* (Сад здоровья). Они формировались из произведений средневековых авторов — Альберта Великого, Арнольда из Виллановы, Винсента из Бове и др., которые опирались на труды античности — Гипократа, Теофраста, Плиния и т. п.

Первоначально написанные на латинском, по мере распространения в Европе вертограды были переведены на другие языки: французский, испанский, немецкий, несколько позднее — на славянские языки. В 1423 г. на польский был переведен с латинского вертоград для воеводы Станислава Гажтовта, в 1588 г. в свою очередь переведенный на русский язык Станчевским по предложению серпуховского воеводы Ф. А. Бутурлина⁴.

Большое распространение получил русский перевод с немецкого языка, осуществленный в 1534 г. с любекского печатного издания Стефана Арндеса (Стефана Андреева сына) 1492 г. В некоторых списках имеются записи, сообщающие, что этот вертоград (травник) переведен на русский (словенский) язык по повелению митрополита Даниила, интересовавшегося практической медициной и владевшего богатой библиотекой, в том числе лечебниками, травниками⁵. Как полагает Л. Ф. Змеев, переводчиком книги был дяк Посольского приказа, из поляков. По мне-

³ См.: *Богоявленский Н. А.* Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. Источники для изучения древнерусской медицины. М., 1960; *Груздев В. Ф.* Русские рукописные лечебники. Л., 1949; *Змеев Л. Ф.* Русские врачебники: Исследование в области нашей древней врачебной письменности. СПб., 1895 (ПДПИ, № 112).

⁴ См.: *Змеев Л. Ф.* Указ. соч. С. 38—52; *Зубов А.* Заметка о травнике троцкого воеводы Станислава Гажтовта // ЧОИДР. 1887. Кн. 3. С. 1—27.

⁵ См.: *Змеев Л. Ф.* Указ. соч. С. 18 и след.

нию Н. А. Богоявленского перевод следует приписать Николаю Булеву (Луеву, Люеву), «немчину», родом из Любека, бывшему придворным врачом Василия III и владевшему греческим, латинским, немецким и русским языками.

Третий вертоград (Прохладный вертоград), как полагает В. М. Флоринский на основе записи в конце одного его списка, был переведен в 1672 г. подьячим Земского приказа Андреем Микифоровым⁶. Один из основных разделов вертограда — минералогический. Он содержал описание внешнего вида, свойств и месторождений драгоценных и полудрагоценных камней, металлов, веществ и т. п.

Минералогический раздел еще одного памятника, в переводе Любчанина (ГИМ, Увар. № 387, сп. XVII в.; далее Травник Любч.), насчитывает 144 главы. Описания располагаются в порядке латинского алфавита латинских названий; каждая буква выделяется небольшим предисловием: «Зде пачинается беседа Š-я, коя латынским языком и немецким азбучным словом именуется ефъ, а по руски ферт» (Травник Любч., л. 684 об.). Название минерала дается по возможности на пяти языках: латинском, греческом, арабском, немецком, русском. Надо заметить, однако, что не все названия были переведены с латинского на другие языки; часто отсутствует русское название, причем даже в тех случаях, когда речь идет о несомненно известных на Руси минералах.

Структура глав примерно одинакова, дается описание внешнего вида камня или его разновидностей, если таковые имеются: «<Е>сть же ипой камень агатов, кои равенством есть кралковым камением. <Т>ретии же <а>гатов камень растет в критских странах, тот в черности своей имеет некие слои аки нити златы или шафраны. <Ч>етвертой же агатес обретаем во индейских странах, а тот имеет в себе различных цветов и капли на себе имеет аки кровию окроплен» (Травник Любч., л. 654). Указывается месторождение и иногда приводится мотивировка названия, отмечается наиболее ценный камень: «Тот камень алабиндии назван есть по земли, где он растет во алабанских странах, а та земля лежит во асии велицей» (там же, л. 654 об.). «Тот амитистов камень, который привозят из индейских стран, дражайшии есть всех камений, которые сущь пвѣтом багряны. <П>ять сущь родов тех камениеи, а которых

⁶ См.: Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники: Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетий. Казань, 1880. С. XII. Однако можно предположить, что памятник появился раньше.

привозят из индийских стран, те сѹтѣ дражайши. <Т>е кии же привозят из арапских стран, а именуют тот камень петрно, иных же из малых армении и из галачии, иных же из египта, иных же из тазиевых тако же и ис кипрских стран, но те камение ценою хуже всех и силою» (там же, л. 658). Приводятся лечебные свойства минералов, которые могли входить в состав пластырей, мазей, таблеток и т. п., причем иногда указываются точные пропорции для их приготовления: «Тот камень <безуй> окорм выгонит, аще его толченаго приемлем в вино противу ^{ВІ} зерен ячменных» (там же, л. 669 об.). «<Т>от же камень <ематидес, т. е. гематит> мелко толчен да смешен с водою гуляфною да с комедью, а в том деланы пилуле и ввечере, ложася спати, глотаи их и един золотник, и от того уимется блезание кровавое» (там же, л. 682).

Почти все камни считались талисманами; они, по представлениям древних, предохраняли от болезней, несчастных случаев, приносили удачу и счастье: «Аще воин тот камень алмаз на левой стране носит или во оружии или во иных платях, тогда опасен бывает от своих супостат и от всякия лайбы и от окорму и нахождения духов нечистых» (Травник Любч., л. 653 об.). «<А>ще кто его <топаз> носит на левом лапти, того смущение не имет и ни во что его мнит. <О>н же защитит плоды житныя от бьения градоваго и от вредости звериныя» (там же, л. 716 об.).

Как кажется, интересной творческой переработкой данного памятника, точнее — его минералогического раздела, является Описание минералов, руд и камней в составе сборника XVII в. (ГБЛ, ф. 173/II, № 34; далее Травник Любч. I). Несмотря на стоящую на л. 4 дату — 1525 г., маловероятно, что это еще один перевод того же западнославянского оригинала, послужившего основой для Травника Любч., но сделанный на 9 лет раньше.

В Травнике Любч. I материал излагается в алфавитном порядке, но уже в соответствии с русским, а не латинским алфавитом, в результате чего значительно меняется порядок описания камней. В памятнике — 152 пронумерованные главы. Их число, по сравнению с основным списком, увеличивается за счет введения новых глав, рассказывающих о якцынте, бадзагире, албогате (эта глава не имеет порядкового номера) и др. Два последних описания, например, заимствованы из «Аристотелевых врат»⁷.

⁷ Сперанский М. Из истории отреченных книг. IV: Аристотелевы врата, или Тайная тайных. СПб., 1908 (ПДПИ. № 171).

«Камень албогат. Аристотел глет, что тот камен слабок и черлеп и светел и студен, не владеет им огнь, ни созжет его, а помогает от всех немощей горящих, али же возмет студен великая того, кто держит его, а кто смотрит на него много задупнеет. А гсдрь его будет честен в людех, а кто имат его на собе в войне, не может никто ж битися с ним, а того ради умноживаи его во дворе своем и делаи им яко же ты научих» (Травник Любч. I, лл. 22 об. — 23; ср. «Аристотелевы врата», л. 238).

За счет таких заимствований не только увеличен состав памятника, но и пополнились описания отдельных камней. Так, например, дополнительно сообщается о некоторых свойствах бериллуса, боракса; в главы о бирюзе, изумруде, рубине входит описание этих камней из «Аристотелевых врат», есть отрывки, аналогичные описаниям в некоторых других источниках, в частности Альбертусе⁸, вертограде перевода 1588 г.

Другой особенностью памятника являются многочисленные переводы иноязычных названий камней на русский язык и указания на употреблявшиеся в нем в то время эк-

⁸ Albertus Magnus de secretis milierum tem de virtutibus Herbarum Lapidum et Animalium, появившееся в XIII в. и популярное до XVIII в. Переведено на русский язык, видимо, с печатного оригинала в XVII в. под названием «Альберт Славной таинств женских, еще о силах трав, камении, зверей, птиц и рыб. Во Амстердаме у Юдона Юншониа лета 1648 г. Переведен же слово от слова с латинска на славенский и написан лета господня 1670 от создания же мира 7178» (ГБЛ. Муз. № 2955, сп. XVIII в.; Научная библиотека МГУ. № Еа/27, сп. XVIII в.). Один из самых известных медицинских трудов в Европе, состоит из трех самостоятельных разделов: первый — «О таинствах женских» (De secretis milierum); второй — «О свойствах трав, камней, животных» (Liber aggregationis seu liber secremorum Alberta Magni de virtutibus Herbarum Lapidum et Animalium quorudam); третий — «О таинствах природы» М. Скота (Michaelis Scoti rerum naturalium perscrutatoris Proemium in secreta naturae). Минералогический раздел составляет вторую книгу (вслед за первой, рассказывающей о травах) второго раздела, насчитывающую 46 глав. Поскольку главным, как и указано в заглавии, было дать представление о «силе» камня, каждая глава начинается указанием на то, в каких случаях следует прибегать к помощи данного минерала, и лишь попутно и кратко, но не всегда, упоминаются цвет и местонахождение. Принадлежность книги Альберту Великому отрицается историками; обычно ее приписывают одному из учеников Альберта — Фоме Кантипратанскому или Иоганну Саксонскому. См.: Колосов М. А. Альбертус — книга преудивительная таинств женских // Труды акушерско-гинекологического общества при 1-м Московском государственном университете. М., 1927. Вып. XXXII. С. 330.

виваленты. Многие из них известны именно по данному источнику⁹. Складывается впечатление, что создатель памятника был хорошо знаком с самими минералами, с античной и средневековой европейской минералогией, с русскими практическими представлениями, отразившимися в Торговой книге. Для европейских (латинских) названий приведены русские параллели, являющиеся по происхождению заимствованиями в основном из персидского языка и не употреблявшимися в западноевропейских языках: «яцынктус бечета по руски» (л. 97); «зимемел лазури по латынски, лазеровой камень золотные капли имея по руски» (л. 41); «карбунклус по латынски, а по руски самоцветной камень» (л. 48); «корниолус по латынски, сердолик по руски» (л. 52 об.); «ополус по латынски, опол или котовик по руски» (л. 68 об.); «рубиус по латынски или робис, а по руски яхонт черленый» (л. 74); «софирус по латынски, яхонт по руски лазеровой» (л. 74 об.); «смарagdус или сморалдус по латынски, изумруд по руски» (л. 77); «аметистус по латынски, серовик по руски» (л. 11 об.); «сиксинус или суксинус по латынски, ентарь желтой по руски» (л. 82); «всентана унио по латынски, жемчуг бурминской болшой по руски» (л. 28)¹⁰.

Ряд приведенных эквивалентов как будто не известен по описям и переписным книгам XVI—XVII вв., но вполне может быть объяснен знакомством автора с европейской минералогической и ювелирной традицией: «карабе по латынски, ентарь белой смола по руски» (л. 45 об.); «лазули по латынски, гагер алзенард или алзеонард по арапски, самфир по руски» (л. 54—54 об.; под этими названиями описан, очевидно, бадахшанский лазурит, известный под именем сапфира у Плиния); «иасинтус по латынски, желтой яхонт по руски» (л. 42; «иасинтус» — одно из наиболее загадочных названий; видимо, на протяжении веков этим словом называли самые разные камни; Г. Смит высказывает мнение, что «название „гиацинт“ стали использовать для обозначения синей и красной раз-

⁹ Если не учитывать оглавление, приводимое Змеевым для ркп. № 2191 собр. Уварова, где большинство латинских и греческих названий имеют перевод на русский язык. См.: *Змеев Л. Ф.* Указ. соч.

¹⁰ Бурминский жемчуг — крупный, наиболее высокого качества. Словом «унио», насколько можно судить, действительно называли крупные жемчужины (*Clément-Mullet. Essai sur la minéralogie arabe // Journal Asiatique. Paris, 1868. VI serie. T. 11. P. 21—22; Calepinus Ambrosius. Dictionarium octolingue. T. 2. Lugdunum [Lyon], 1667. P. 820).*

новидностей корундов, а затем, когда для обозначения синей и красной разновидностей корунда вошли в употребление термины „сапфир” и „рубин”, название „гиацинт” сохранилось за другими разновидностями, из которых наиболее обычной была желтая»¹¹; позднее так стали называть разновидность циркона); «гогатес по латынски, чорной ентарь по руски» (л. 33).

Для некоторых названий дан перевод с греческого или с латинского на русский язык или приведено наименование, исходя из характерных особенностей камня: «елитропия по латынски, солнечной камен по руски» (л. 39 об.); «астрион или астритес по латынски, звездной камень по руски» (л. 19); «драконитидес по латынски, змеин камен по р» (л. 35 об.); «опталмиус по латынски, очной камень по руски» (л. 67 об.); «менфитес по латынски, сонной камень по р» (л. 63; он как бы погружает человека в забытие).

Таким образом, памятник, со всеми его особенностями, представляет собой свод минералогических сведений, известных на Руси в XVI—XVII вв. Он вполне соответствовал современному ему уровню развития науки. Особая же ценность заключается в стремлении соотнести теоретические европейские познания и практические.

Более практическим, близким к известным и наиболее употребительным в XVI—XVII вв. на Руси драгоценным камням оказался минералогический раздел Прохладного вертограда (ГИМ, Увар., № 313, XVII в.), насчитывающий всего 38 глав. 23 из них посвящены камням, причем в основном в них названы хорошо известные русским минералы, такие, как яхонт лазоревый (сапфир, синий корунд) и яхонт червчатый (рубин, красный корунд), лал (красная шпинель), изумруд, хрусталь, веписа (гранат), бирюза, корольки (коралл), агат, лазоревый камень (лазурит), бечета и др. В каждой главе описывается один камень; порядок их следования кажется произвольным. Употреблявшиеся на Руси названия заменили иноязычные наименования минералов, а не просто были приведены в качестве параллелей: вместо рубиуса — яхонт червленый, софоруса — яхонт лазоревый, селидониуса — ластовичный камень, аквилелаписа — орловый камень. Латинское «гранат» заменено широко используемым на Руси в этот период заимствованием из персидского «веписа», сопровождаясь пояснением: «грапат, а по руски

¹¹ Смит Г. Драгоценные камни. М., 1980. С. 371.

виниса» (гл. 291) ¹². Появилась новая глава о лале, любовытныи главы о бечете и целенитесе.

Камень под названием «бечета» широко использовался в русских ювелирных изделиях XVI—XVII вв. На основании памятников письменности можно предположить, что так называли гиацинт: «Яцынктус бечета по руски. Яцынктовы суть три роды, которые имеют одинакие силы. Те камение жилы тела члвчыва, а болши срдце посиляет, кручину и порожныи мысли подозренныи отгоняют, разум и честь умножают, от грому и неприятелей боропят, людем подорожным ведомо есть делают... поветрие моровое розных цртв не может им ничего зашкодить и чинят их годными честь приимати и от болезней, которыя с поветрия приходят на людеи, чинят их быти соблюденными. Аристотель сказывает, что жонки бременныи к пороженью детей исправливает» (Травник Любч. I, л. 97—97 об.).

В Прохладный вертоград рассказ о камне под названием «бечета» вошел в несколько упрощенном, измененном виде: «Бечета есть камень сердце обвеселит, и кручину и неподобныи мысли отгоняет, разум и честь умножает, от грому и от неприятелей обороняет, и от губительного поветрия морового сохраняет, беременным женам к скорому рождению детей приводит» (гл. 287) ¹³.

В минералогический раздел Прохладного вертограда, имеющий практическую направленность, включен рассказ о легендарном камне «целенитесе». Поверья о подобном камне существовали у разных народов. На юге Франции, например, известен рассказ о ехидне, у которой вместо одного глаза — сверкающий самоцвет. Такой же камень якобы есть во лбу василиска ¹⁴. Главы о целенитесе схожи в Прохладном вертограде и Травнике Бутурлина перевода 1588 г.: «Целенитес, сказывают, вынимают из великого желвя, имеет цвет кабы жемчюг, на себе имеючи скорлупу. Целенитес есть индейского желвя глаз; волхвы его под язык кладут и людем сказывают дела, что впредь будет, а в рот выполоскав да его кладут; и то могут делати от всходу солнечного до 6 часа дни, и на молоду месяца во весь день, сказывают, что тот камень ту силу имеет, а на ветху месяца то через день; и тот, сказывают, камень огня

¹² См.: Флоринский В. М. Указ. соч. С. 156.

¹³ См.: Флоринский В. М. Указ. соч. С. 155.

¹⁴ См.: Шеппинг О. Д. Символика драгоценных камней // Древности: Труды Московского Археологического общества. М., 1865—1867. Т. 1. С. 149, 151—152.

не боится и не горит» (гл. 297)¹⁵. Описание представляет собой как бы вариант главы «Солонитес или семедия» Травника Любч., но там упомянуто, что камень извлекают из головы рыбы.

Особым образом в Прохладном вертограде изображен агат. Ему приписаны свойства «гагата», упоминаемом в других источниках. Истоки контаминации можно отметить уже в Травнике Любч., где сказано, что гагат находили при реке Ахате (т. е. городе и реке Гаге в Ликии в Малой Азии). Этому способствовала, очевидно, и близость названий. В результате в некоторых памятниках агат был изображен как «камень черн и светел, а коли будет сожжен, помогает от падучей болезни, и духи нечистые отгоняет, желудковым болезням помогает и к сладости естественной приводит» (гл. 292)¹⁶. Гагат хорошо горит, издавая при этом сильный аромат; Авиценна советовал окуривать запахом горящего гагата больных падучей болезнью.

Общие всем трем памятникам сведения о драгоценных камнях в первую очередь могут быть обусловлены одними и теми же произведениями, послужившими для них источниками¹⁷. Говорить об общем происхождении вертоградов можно лишь после изучения их предполагаемых западноевропейских оригиналов, что представляет собой отдельный предмет исследования.

Однако описания, совпадающие почти дословно в Травнике Любч. I и Травнике Бутурлина перевода 1588 г., учитывая творческо-энциклопедический характер одного из них, свидетельствуют именно о попытке составить свод по минералогии. Травник Бутурлина, из которого заимствованы некоторые отрывки, не обладает ни практической, ни творческой направленностью. Порядок следования минералов в нем кажется произвольным, хотя наблюдаются элементы алфавитного принципа. Камней описано значительно меньше. Русских названий почти нет за исключением: «бурстын есть смола, идет из одного древа, а по руски ентарь» (ГИМ, Епарх, № 751, сп. XVII в., гл. 639); «по латыне асмись, а по польски и по руски аспид»

¹⁵ См.: *Флоринский В. М.* Указ. соч. С. 159.

¹⁶ Там же. С. 156.

¹⁷ Так, например, около двух третей названий или описаний камней Альбертуса легко соотносятся с их названиями и описаниями в травнике в переводе Любчанина: магнит—магнес; афюфалмус—онтальмиус, оптильмиус; медот—медус; мемфитес—менфитес; абастон—албестон; иперию—липария; истмос—искултас или ихена; короллюс—кораллус; агатос—агатес, агапис и др.

(гл. 638); «по латыне зоветца маргорыты, а по польски перла, а по руски жемчюг» (гл. 644). Чаще дается латинское название и его польское соответствие или просто одно слово без указания на язык-источник: «Агатыс камен» (гл. 613); «камень аметыстыс» (гл. 617); «камень карбокулус» (гл. 622); «камень по латыне хрысталус, а по польски хрусталь» (гл. 627).

Как общую тенденцию данного памятника следует отметить отсутствие описаний внешнего вида и местонахождения камней. Глава чаще всего начинается непосредственно с указания на лечебные свойства. Об алмазе, например, не сказано, что он растет в некоем ручейке, цветом похож на нашатырь, а внутри темнее хрусталя, блестящий, не больше лесного ореха. Он отличается необычайной твердостью, «смягчать» которую можно, если положить камень в кровь козла, «напоенного вином и накормленного петросилиевою травою». Изложение сведений в данном травнике сразу начинается с указания, что адамас (алмаз) обладает наибольшей силой, если он оправлен в золото, серебро и сталь; привязанный к левой мышке, помогает одолеть неприятеля, защищает от летучих змей и страшных видений и т. п.

Характер каждого памятника соответствовал, очевидно, его назначению. Практический в своей направленности, Прохладный вертоград меньше внимания уделял описанию камней, но делал акцент на их «лечебных» особенностях и качествах талисмана. Он имел распространение в XVIII в.

Представляя собой свод известных на Руси в XVI—XVII вв. сведений о минералах, Травник Любч. I был еще близок европейским гортусам, сочетая, с одной стороны, верно подмеченные физические характеристики и свойства минералов — с мистическими. С другой стороны, предпринятые попытки с помощью названий-эквивалентов соотносить излагавшийся материал с европейской минералогической наукой, прежде всего с естественнонаучными трудами Плиния, пользовавшимися большим авторитетом, являются значительным шагом вперед.

ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ПИСЬМА ДОКТОРА АНДРЕАСА ЭНГЕЛЬГАРДТА ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

Астрология XVII в. продолжала составлять важную часть «математической астрономии» — одной из четырех математических наук квадривиума в системе «Семи свободных мудростей». Астрологические представления являлись в то же время частью учения о «природе небес» в составе «натуральной философии», которая, вместе с философией священной и этической, завершала систему наук. Наконец, велико было значение практической астрологии в круге медицинских знаний: ястроматематики, составлявшей самостоятельное научное направление¹, которое, в силу своих особенностей, не рассматривается в настоящей статье, посвященной истории астрологической прогностики.

В России представление об этой науке было в целом аналогичным другим странам Европы. Оно отражено, например, в «Сказании о семи свободных мудростях», бытовавшем у нас с конца XVI в. и переписывавшемся даже в конце XVII в., в том числе таким известным общественным деятелем, как Евфимий Чудовский². В числе «семи свободных наук» хвалу астрологии воздавал Симеон Полоцкий³, в своей «ученой поэзии» употреблявший довольно астрологических аллегорий и символов⁴.

Как большинство стран Западной Европы, Россия второй половины XVII в. была наполнена разного рода астро-

¹ Подробнее см.: *Weisheipl A. Classification of sciences in Mediaeval thought* // *Mediaeval Studies*. 17 (1965). P. 54–90; *Steneck N. H. A late Mediaeval «arbor scientiarum»* // *Speculum*. 50 (1975). P. 255–269; *Schmitt C. B. Philosophy and science in sixteenth century universities: some preliminary comments* // *The Cultural Context of Mediaeval Learning*. Dordrecht, 1975. P. 485–530; *Idem. Science in the Italian Universities in the sixteenth and seventeenth centuries* // *The Emergence Science in Western Europe*. London. 1975. P. 35 etc.; *Newton-Smith W. H. The Rationality of Science*. London, 1981; *Симонов Р. А. Российские придворные «математики» XVI–XVII вв.* // *Вопр. истории*. 1986. № 1. С. 76–84.

² См.: *Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.* СПб., 1903. С. 169, 170; ГБЛ. Рум. № 376; и мн. др.

³ См.: ЦГАДА. Ф. 381. № 1800. Л. 116 об.; ГИМ. Син. № 731. Л. 147–148.

⁴ Подробнее см. в настоящем сборнике статью В. К. Былинина.

логическими сочинениями, оригинальными и переводными, древними и новейшими⁵. Наряду со средневековыми колдовскими текстами, бытовавшими главным образом в демократической среде и среди духовенства⁶, на русском языке существовали и астрологические сочинения. Последние были довольно популярны при дворе. Для царя Алексея Михайловича, например, был сделан перевод календаря «на год тысящный шестсотый и шестдесятый» (1660 г.)⁷ с многочисленными астрологическими предсказаниями. Переводы содержавших предсказания шведских календарей Иоанна Генриха Фохта были настолько распространены, что статья из его сочинения на 1684 г. вошла в тексты Хронографа⁸ и летописного Свода 1680-х годов, создававшегося патриаршими летописцами⁹.

Среди множества русских переводов календарей с астрологическими прогнозами выделяются выполненные в Посольском приказе для Петра I. Это календари Фохта на 1691, 1695 и 1696 гг., Стапислава Словковича на 1696 г. и Павла Галкена на 1697 г. «Фохтов» календарь 1699 г., по сообщению И. Г. Корба, был даже запрещен в России из-за намека на стрелецкое восстание. Астрологические прогнозы вызывали интерес при дворе. Об этом свидетельствуют, например, примечания к переводу упомянутого календаря 1660 г., выполненные с большим старанием и вполне солидными астрологическими знаниями¹⁰. Причем эти знания не были экстраординарными. Наряду с прогностической литературой во второй половине XVII в. при дворе бытовали сочинения с пояснениями основных астрологических понятий того времени, такие, как «Беседы со планиты» Симеона Полоцкого¹¹. Примером может служить и соответствующая часть «Книги избранной вкратце о девяти мусах и седмих свободных художествах», пе-

⁵ См.: Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л., 1937. С. 43–70; и мн. др.

⁶ См., например: «Гаданье с предсказаниями» по числам месяца, находящееся среди бумаг об оставлении Никоном патриаршего престола // ЦГАДА. Ф. 27. № 550.

⁷ У П. Пекарского без указания оснований датирован 1670 г. См.: Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 284–285.

⁸ См.: ГБЛ. Рум. № 457.

⁹ См.: Там же. № 413. С. 1937–1944.

¹⁰ См.: Пекарский П. Указ. соч. С. 285–313; Покровский А. А. Календари в России // Библиотека Московской Синодальной типографии. М., 1911. Ч. 1, вып. 5; и др.

¹¹ См.: Симеон Полоцкий. Избр. соч. М.; Л., 1953. С. 124–125.

реведенной в 1672 г. Николаем Спафарием¹². Немало астрологических пояснений было включено также в «Великую науку Раймунда Луллия», в переводе Андрея Белободского (1688/89 г.)¹³.

Во второй половине XVII в. астрологическими аллегориями все более насыщалась придворная поэзия — орации, предназначавшиеся для дворцовых празднеств и включавшие (в отличие от ученых стихов) в основном общеизвестные чиновникам государева двора понятия и символы. Некоторые из таких сочинений содержали прямые указания на прогностические возможности астрологии. Так, в виршах на рождение Петра Алексеевича, сочиненных Симеоном Полоцким и Епифанием Греком к 30 мая 1672 г. сочетание планет «Арриса» и «Зевеса» (Марса и Юпитера) толковалось как знак будущих способностей царевича, его успехов в военных и государственных делах, наряду с евангельским толкованием имени Петр («Крепость»)¹⁴.

Карион Истомин в панегирике на брак Петра I с Евдокией Федоровной Лопухиной (30 января 1689 г.) пошел еще дальше, истолковав в пользу астрологии библейский текст Исая (гл. 51): «Воздвигните на небо очи ваши и поглядите по земли долу...»:

Астрономы зрят	хитростью по небу,
Прознающе	в мире сем потребу.
Потреба царю	была в россах ныне,
С царицею жить	в любви век едине ¹⁵ .

Но можно ли на таких основаниях считать астрологическую прогностику не только элементом культуры, литературы и образования в России начала нового времени, но и серьезным фактором общественной мысли, оказывавшим сколько-нибудь заметное влияние на исторические события? Ведь тот же Карион Истомин, характеризуя

¹² См.: Михайловский И. Н. Важнейшие труды Николая Спафария // Сборник историко-филологического общества при ин-те им. кн. Безбородко. Нежин, 1899. Т. II. С. 41–45 и др.

¹³ См.: ГИМ, Увар. № 18. О переводе см.: Горфункель А. Х. Андрей Белободский — поэт и философ конца XVII — начала XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 193.

¹⁴ См.: Гос. архив Калининской области (ГАКО). № 1752. Л. 218–220 об. Оpubл.: Леонид, архим. К биографии Симеона Полоцкого // Древняя и Новая Россия. СПб., 1876. Кн. 1, № 4. С. 398; Голубев И. Ф. Забытые вирши Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. М.; Л., 1969. Т. 24. С. 254–259.

¹⁵ Богданов А. П. Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики. М., 1983. С. 195.

астрономию в книге для дошкольного обучения, с одной стороны, помещает ее среди «свободных мудростей» на почетном месте, непосредственно перед теологией, а с другой стороны, отнюдь не склонен приписывать ей астрологические свойства:

Астрономии	сохранство,
Звездозаконна	знапство.
Звездам закон	пределися,
По небу зря —	всяк дивися,
Како Солнце,	Луна ходит,
Действом своим	время водит.
Солнце землю	согревает,
Травы, древа	изращает ¹⁶ .

Античная мифология, например, занимала в русской книжности и системе поэтических образов XVII в. место большее, чем астрологическая прогностика, однако в политике и идеологической борьбе ее роль ограничивалась приведением малозначительных исторических примеров. Даже вставленная в третью редакцию Синодсиса политическая легенда о жалованной грамоте русским великим князьям, «златошернатыми буквами» подписанной Александром Македонским, почти не оставила следа в политической публицистике. Не исключено, что и астрологические сочинения могли служить чисто интеллектуальным целям, но можно предположить, что они были связаны и с практическими интересами их составителей, переводчиков и читателей.

В историографии такие случаи зафиксированы трижды, но только два из них документально подтверждены: составление прогностических писем доктором Энгельгардтом по заказу Алексея Михайловича в 1664 — начале 1665 г. и составление «волхвом» Дмитрием Силиным для Сильвестра Медведева и В. В. Голицына гороскопа на результаты заговора против Петра I. Еще один эпизод — красочный рассказ о гороскопе, составленном Симеоном Полоцким при рождении Петра Алексеевича и предрекавшем ему царскую власть, — попал в литературу из полуфантастического сочинения Н. П. Крещина ¹⁷, писавшего спустя полвека после этого события, и с политической точки зрения (при жизни старших сыновей Алексея Михайловича) невероятен, а с точки зрения астрологических

¹⁶ ГИМ. Чуд. № 100/302. Л. 18.

¹⁷ См.: Татарский Н. А. Симеон Полоцкий. М., 1886. С. 127; и мн. др.

знаний XVII в. несостоятелен. Невозможно признать и правомерность мысли, что рассказ Крекшина подтверждается виршами Симеона и Епифания, поскольку те точно определяли будущее место Петра как младшего царевича и не выходили за традиционные рамки пожеланий младенцу счастья¹⁸.

Второй «казус» отразился в розыскных делах 1689—1690 гг. Основное внимание следствия было посвящено разработке легенды о «заговоре» на жизнь Петра I, послужившей поводом для свержения правительства Софьи—Голицына—Шакловитого. Достоверность приведенных в этих документах фактов весьма различна. Одни из них — прежде всего сведения, приводившиеся подсудимыми в свою защиту и ряд показаний свидетелей по частным вопросам — вполне точные. Основные же обвинения (особенно со стороны патриарха Иоакима и возглавлявшейся им группировки «мудрборцев») являются грубым нагромождением самой фантастической лжи. В частности, знаменитый сторонник просвещения, поэт, историк и философ-рационалист Сильвестр Медведев, отговаривавший сторонников Софьи от планов насильственного утверждения ее власти, якобы намеревался убить Петра, его родственников и патриарха Иоакима, место которого (неизвестным путем) хотел занять¹⁹.

Вторичное следствие, проведенное уже после ссылки В. В. Голицына и заточения С. А. Медведева, не имело даже видимости объективности. Некий польский выходец Д. Силин показал, будто князь Василий и Сильвестр обратились к нему за «волхованием» по Солнцу. Глядя на светило с колокольни Ивана Великого, сей «волхв» якобы предрек двум просвещеннейшим людям того времени будущее, причем монах Медведев спокойно выслушал обещание ему в жены... царевны Софьи Алексеевны! Новое обвинение, пославшее князя в более дальнюю «необратную ссылку», а «старца великого ума и остроты ученой» бросившее на плаху, имело чисто политическую основу²⁰. Глубокая астрологическая безграмотность главного свидетеля обвинения («волхва») соответствовала ограниченности реакционных противников европейского просвещения в России. Но и известный по документам уровень знаний

¹⁸ Ср.: Гудзий Н. К. История русской литературы. М., 1966. С. 503.

¹⁹ См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. 1.

²⁰ См.: Там же. СПб., 1891. Т. III. Стлб. 1235—1271.

«мудроборцев» не может отражать представления государственных, чиновных людей того времени и патриаршего двора.

Единственным достоверно известным случаем обращения политических деятелей России к астрологическому прогнозу являются письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу. Подлинники их на латинском языке были обнаружены в начале XIX в. лейб-медиком императорского двора, членом Российской Академии и многих ученых обществ Вильгельмом Рихтером. Они были дважды опубликованы на языке оригинала: сначала в немецком, а затем в русском изданиях его замечательной «Истории медицины в России»²¹. В настоящей работе они впервые переводятся на русский язык и, после исследования Рихтера, впервые подвергаются источниковедческому анализу, что особенно важно, поскольку эти сочинения успели лечь в основу историографической легенды. Начнем с нее.

Автор фундаментальной «Истории медицины в России» был отнюдь не склонен к оккультизму. Его критический ум избегал и романтической легкости, с которой строились в то время историографические концепции, предпочитая всему изложение документальных фактов, осмысленных с позиций здравого рационализма. Столкнувшись в письменных источниках с несколькими фактами о важных европейских событиях, Рихтер дал им наиболее логичное объяснение. От этого рассказанная в его книге история стала особенно впечатляющей.

В основу изложения положены три факта. Во-первых, в 1665 г. в Лондоне вспыхнула страшная эпидемия чумы, повергшая в ужас все европейские государства (а во времена Рихтера вдохновившая Пушкина на создание «Пира во время чумы»); автор сообщает о ней интересные свидетельства оставшихся в живых лондонских врачей. Во-вторых, русское правительство приняло против нее экстренные меры; об этом свидетельствуют найденные Рихтером царские грамоты английскому королю, новгородскому и двинскому воеводам о введении строгого

---

²¹ *Richter W. M. Geschichte der Medizin in Russland. Bd. 1. Moskau 1813; Bd. 2. 1815; Bd. 3. 1817* (ср. фототипическое издание в 3-х книгах: Leipzig, 1965); *Рихтер В. История медицины в России. Ч. 1. М., 1814; Ч. 2. 1820; Ч. 3. 1820. Прогностические письма см.: Ч. 2. Прибавления, № XXXV. В русском и немецком изданиях текст передан аналогично, за исключением опечаток, не имеющих смыслового значения.*

карантина в российских портах²². Наконец, царь Алексей Михайлович был заранее извещен о грозящей опасности своим астрологом доктором Энгельгардтом, еще в конце 1664 г. предсказавшим ему сей «ужасный мор».

«Некоторые особенные нечаянные обстоятельства, — писал Рихтер, — сделали Российское государство в 1665 году отлично осторожным. В сие время распространился известный Мистицизм, который приобрел безраздельное влияние, заимствуя помощь от астрологии». История началась с появления в небесах кометы. Истолковать значение этого явления царь Алексей Михайлович попросил состоявшего на русской службе немецкого врача Андреаса Энгельгардта. Последний был, видимо, знаком с астрологией и 24 декабря 1664 г. подал царю два письма, испытывая «благородное стремление обратить науку сию с пользою вообще на все могущие встретиться случаи ... и таким образом произвести благодетельное и вместе с тем поразительное впечатление».

Сам Рихтер не верил в возможность предсказания событий по положению планет и звезд, но признавал, что Энгельгардт «умел астрологию свою употребить в тогдашние политические дела с великою пользою», — многие его пророчества оправдались. Среди них исследователь называет, например, «упоминание о мире между Польшею и Россиею и о предстоящей смерти тогдашняго короля польскаго... К нещастию, — продолжал Рихтер, — и в другом отношении письмо сие достигло цели своей; поелику вдруг на следующий 1665 год обпаружилось точно ужасным образом моровое поветрие в Лондоне и царь Алексей Михайлович в том же году ... принял действительныя и до тех пор необыкновенныя меры осторожности, чтобы спастись от предстоявшаго бедствия».

Политическое значение прогноза лондонской эпидемии особо подчеркнуто. «Сие предсказание неблагополучное сбылось на самом деле. Случившееся в Лондоне 1665 года страшное моровое поветрие возбудило страх и ужас во всех государствах и особенно в России, в коей, чрез сие мнимое пророчество, давно ожидали сего неприятного события. Почему указом царя Алексея Михайловича запрещена была пограничная торговля с иностранцами. И так как зараза опустошала Лондон, то и гавань Архангельская была заперта»²³.

²² См.: *Рихтер В.* Указ. соч. Ч. 1—3. Приложения к ч. 2, № XXXI.

²³ Там же. Ч. 2. С. 218—221, 136—137.

В таком виде история прогностических писем Энгельгардта и дошла до наших дней²⁴. Лишь в историко-медицинской литературе были сделаны попытки внести в нее незначительные поправки, касающиеся только предсказания чумы 1665 г. К концу XIX в., с введением в научный оборот значительного корпуса источников о русской медицине XVII в., карантинные меры против лондонской эпидемии уже не могли рассматриваться как экстраординарные. Поэтому Л. Ф. Змеев бросил в своем сочинении упрек, что «Рихтеру, как видно, хотелось отнести (карантинные меры 1665 г.— *Авт.*) более на счет мистицизма, потому что тут же он рассказывает, как спрашивали доктора Энгельгардта о будущем и как он письменно предсказал мор». Однако Змеев не усомнился в том, что доктор действительно предсказал лондонскую чуму, а русское правительство приняло на этом основании соответствующие меры; он утверждал даже, что «из врачей Алексея Михайловича Энгельгардт более астролог»²⁵.

Убедительность рассказа Рихтера подтвердили советские исследователи К. В. Васильев и А. Е. Сегал. Используя массу введенных в научный оборот документальных материалов, они показали, что методы борьбы с эпидемиями, и карантинные в частности, формировались в России еще с XVI в. и ко второй половине XVII в. достигли высокой степени развития. «О каждом случае появления эпидемии за рубежом в Посольский приказ поступало специальное донесение» от резидентов, многочисленных политических агентов и лазутчиков, а «в поветренные годы строго регламентировалось всякое сообщение с зарубежными странами». «Впрочем, — добавили авторы, — наряду с донесениями послов и лазутчиков для уяснения эпидемической обстановки и составления эпидемического прогноза цари иногда прибегали к средствам вполне в духе своего времени. Так, например, когда в 1665 г. до царя Алексея Михайловича дошли слухи об эпидемии в Лондоне, он приказал жившему в то время в Москве доктору Энгельгардту составить гороскоп... Доктор ответил... что осенью во многих частях Европы большое количество людей погибнет от чумы. России же

---

²⁴ *Воронцов-Вельяминов Б. А. Очерки истории астрономии в России. М., 1956. С. 38 и др.*

²⁵ *Змеев Л. Ф. Наши первые карантинны // Русский архив. М., 1888. № 2. С. 311; Он же. Чтения по врачебной истории России. СПб., 1896. С. 238.*

не грозит ничего особенного»²⁶. Таким образом, авторы полностью признали значение астрологической прогностики, но попытались рационально объяснить как вопрос царя, так и достоверность предсказания. В результате история окончательно запуталась. Прежде всего — подлинник письма Энгельгардта о чуме датирован концом 1664 г., а известия о лондонской эпидемии не могли попасть в Москву ранее июня 1665 г. (см. ниже); затем — если по предсказанию России не грозило ничего особенного — следует особо объяснить принятие царем карантинных мер в портах.

Признание справедливости выводов Рихтера свидетельствовало бы о некорректности умозаключений изрядного числа специалистов по многим проблемам политической и идейной истории России по крайней мере второй половины XVII в. Ведь в таком случае астрологические прогнозы в календарях, газетах и летучих листках, во множестве переведившиеся в Москве, следовало бы считать важным источником политических решений наряду с дипломатической перепиской и т. п. Далее, возможность относительно удачного прогнозирования астрологическими средствами (продемонстрированная Энгельгардтом, с точки зрения Рихтера) заставила бы по-новому взглянуть на роль «знатоков звездозакония» и на место оккультизма в системе научных знаний и общественной мысли высших слоев господствующего класса России. Специальные исследования соответствующих астрологических текстов стали бы неотъемлемой частью анализа многих политических и культурных явлений второй половины XVII в. и особенно первой четверти XVIII в., когда количество такой литературы быстро возрастало. Неизбежность подобных выводов является достаточным основанием для тщательной проверки версии В. Рихтера. Но история доктора Энгельгардта и его прогностических писем и сама по себе весьма интересна для истории науки и политической жизни России XVII в.

Позволим себе вообразить, как в один из осенних дней 1655 г. думный посольский дьяк Алмаз Иванов пробегал глазами проекты документов, положенные на его стол подьячими. Очередная бумага касалась приглашения в Россию иностранного специалиста. Памятная заметка сообщала, что любекский купец (и эmissар московского

²⁶ *Васильев К. В., Сегал А. Е.* История эпидемий в России. М., 1960. С. 69–73.

правительства) Иоганн фон Горн по просьбе Посольского приказа отыскал хорошего врача, согласного выехать на русскую службу²⁷. Далее следовало имя. Алмаз Иванов принялся исправлять текст царской грамоты. «От царя и великого князя,— и т. д., и т. п.— дохтуру Андрею Энгельгардту нашего царского величества милостивое слово ...ехати к нам... вскоре...» Думный дьяк упростил несколько витиеватых выражений и остановился на обещании доктору «на нашу государскую милость и жалование бытьи надежну».

Неизвестно еще, что за доктор,— размышлял Иванов, припоминая нескольких мастеров, инженеров, военных, да и лекарей, отосланных назад за некомпетентностью,— и, зачеркнув фразу, вписал: «за ту твою службу учнем тебя жаловать нашим государским жалованьем, смотря по твоей к нам великому государю службе». Получилось излишне сурово. Горн не первый раз выполняет задания московского правительства и знает его требования²⁸. А хорошего врача жалко отпугнуть. И Алмаз добавил: «и тебе на нашу милость бытьи надежну». Это, если доктор действительно хорош. Но так ли это? Дьяк зачеркнул последнюю фразу и, смягчив предыдущую (убрал «смотря по твоей» и т. п.), отдал текст на перевод²⁹. Вскоре переписанная по-немецки на большом листе обученным в Посольском приказе писцом грамота с печатью полетела в имперский город Любек, где ее уже дожидались Горн и его подопечный.

²⁷ Сравни с ответами Горна псковскому воеводе, приведенными в воеводской отписке от 9 января 1656 г.: «...велено ему, Ягану, ехати к тебе, великому государю ... да ему ж де Ягану по твоему великого государя указу велено с собою приговорить дохтура ученого человека, который бывал в дохтурских во многих науках, и дохтурству совершенно научен и свидетелствовал» (ЦГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Стлб. 1656 г., № 2. Л. 4—6).

²⁸ Вот образец вопросов, которые Горн должен был выяснить при подборе кандидата на царскую службу: в 1666 г. ему велено «про дохтура Ягана Кустериуса проведать подлинно, прямой ли он дохтур, и дохтурскому делу научился ли, и где дохтурскому делу учился, и в Академии он был ли, и свидетелствованные грамоты у него есть ли? И буде оп» врач хороший — выдать ему специально посланную «опасную грамоту» (*Новомбергский Н. Я.* Материалы по истории медицины в России. СПб., 1905. Т. I, № 122; ср. № 143; СПб., 1906. Т. II, № 20; ЦГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Ч. 2, № 754, 755).

²⁹ Справочную заметку и черновик грамоты см.: ЦГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Стлб. 1656 г., № 2. Л. 1, 2—3. По позднейшей помете грамота ошибочно датирована 7 января 1656 г., хотя с ее беловиком Энгельгардт приехал во Псков 27 декабря 1655 г. (ср. л. 4—6).

Тень сомнения, проскользнувшая в редактированной Алмазом Ивановым грамоте, не укрылась от наметанного глаза Иоганна фон Горна. Посему перед самым отъездом из Любека к трем документам врача присоединилось рекомендательное письмо врачей и властей города Любека с пышными похвалами «честнейшему, славнейшему и изряднейшему доктору Андрею Энгельгардту», датированное 14 ноября 1655 г.³⁰ А 27 декабря купец и врач уже прошли пограничный досмотр и «приехали ко Пскову на Гостин пемецкой двор». Воевода псковский ознакомился с их грамотами из Посольского приказа и выделил путешественникам «кормы и подводы» до столицы, в сопровождающие дал стрелецкого сотника Сергея Путимцева с двумя стрельцами и инструкцией «не доезжая до Москвы с подъезжево стану» дать знать об их прибытии Алмазу Иванову и ждать его ответа. Отписка о поездке Горна и Энгельгардта полетела с гонцом. Алмаз наложил на нее резолюцию: «В столп (сейчас сказали бы: в дело.— Авт.), а как приедет на подхожей стан, и про них сказать боярину Илье Даниловичу Милославскому»³¹.

Тесть царский Ильяс Данилович более 17 лет (с декабря 1649 г. до весны 1667 г.) бессменно возглавлял Аптекарский приказ — центральное медицинское ведомство Российского государства. Большой любитель медицины, добровольно испытывавший на себе действие необычных лекарств, он приложил немало усилий для развития в России врачебного дела и фармакологии согласно последнему слову науки того времени. Известная крутость характера Милославского сочеталась с необычной мягкостью при общении с многочисленными подчиненными ему врачами и проявлялась частично лишь в высокой требовательности при приеме на царскую службу. «Сказать» Илье Даниловичу о приезде запрошенного им кандидата — значило обеспечить Энгельгардту заботливый прием в Москве и в то же время тщательное изучение всех свидетельств его медицинской квалификации. Соответствующие материалы вошли в «Дело об учинении пововыезжему инопземцу дохтору Энгельгардту годового жалования и месячного корма», завершенное 14 апреля 1656 г.³²

Положим перед собой это дело и посмотрим, что узнал о докторе боярин Ильяс Данилович. Наиболее подробные

³⁰ См.: *Новомбергский Н. Я.* Черты врачебной практики в Московской Руси. СПб., 1904. Приложения, № 2. С. 88–90.

³¹ ЦГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Стлб. 1656 г., № 2. Л. 4–6.

³² См.: *Новомбергский Н. Я.* Черты ... Приложения, № 2. С. 85–95.

сведения о жизни Энгельгардта записали (с его слов) любекские врачи. Он родился в нижнесаксонском городе Ашерслебене и начальную медицинскую подготовку получил под руководством своего отца, доктора Матиаша Энгельгардта. Затем, как принято было, продолжил учебу в разных университетах, начав со знаменитого Лейденского, в XVII в. прославившегося своими выпускниками: Декартом, Скалигером и др. Из Южной Голландии Энгельгардт отправился в нидерландскую провинцию Фрисландию для защиты докторской диссертации. Труд его по эпилепсии был издан Франекерским университетом³³, который 19 ноября 1644 г. присвоил Андреасу звание доктора медицины и выдал диплом, представленный им Милославскому³⁴. Три года после защиты доктор работал городским врачом по найму в голландском городе Бевервийке — «Бевервицы», как называет его помещенный в деле перевод «свидетельствованного листа» городских властей от 7 октября 1648 г., выданного «с сожалением» о прекращении практики столь искусного специалиста и достойного человека³⁵.

Перевод грамоты из Любека упоминает также, что после Франекера Энгельгардт посетил университет в «Рейтонтане» (Рейтлинген в Вюртемберге?)³⁶. Там же сказано, что по окончании службы в Бевервийке наш доктор работал в Шотландии («Шкоции»), в городе Кангалтине; затем «во Искании, в Габелстонии», т. е., скорее всего, в Аскании (где 30 лет проработал на службе князя Ангальтского его отец), в городе Гальберштадте; наконец — «в Заксонии», т. е. саксонском городе Ашерслебене, как о том свидетельствует особая грамота городских властей от 15 августа 1655 г.

В ней сказано, между прочим, что Энгельгардт родился в Ашерслебене. Его отец 12 лет проработал городским врачом, затем 30 лет служил у князя Ангальтского и, вернувшись в родной город, через два года умер, оставив свое место городского врача сыну Андреасу. «А все то время как он у нас на отцово место дохтуром был, мы его мудрость увидели и свидетельствуем всех, которые от него ис-

³³ См.: Рихтер В. Указ. соч. Примеч. к с. 215.

³⁴ См.: Новомбергский Н. Я. Черты... Приложения, № 2. С. 92; к диплому прилагалась врачебная заповедь из 9 пунктов, обязательных для соблюдения дипломантами Франекера. См.: Там же. С. 94.

³⁵ См.: Там же. С. 94—95.

³⁶ Рихтер ошибочно отождествляет его с Кенигсбергом. См.: Рихтер В. Указ. соч. С. 216.

целены и здравы стали, в нашем городе, и за городом, и в слободах, и для того и великие, и малые, и богатии, и небогатии гораздо его любили, потому что он был смирен, и неспесив, и всякому добро учинить рад был; хотя мы и не ради его отпустить, однако он хотел в дальние государства поехать и... в чужих землях великому государю служить, и для того наши свидетельствованные грамоты просил, которые ему отказать не довелось...»³⁷ Из чего следовало, в частности, что перед поездкой в Россию Энгельгардту было не менее 33 лет (но могло быть и более 44 лет).

Пока в Аптекарском приказе рассматривали его дело, Энгельгардт получил, по обычаю, «на проезд» жалование драгоценными материями, соболями, деньгами и «яствами», позволявшее с удобствами ожидать решения и, кроме того, обзавестись приличествующим царскому служащему гардеробом (Алексей Михайлович был к этому внимателен)³⁸. Вскоре он попалобился, ибо, рассмотрев документы Энгельгардта и признав его квалификацию достаточной, Милославский, по докладу царю и Боярской думе, принял его на службу в высшем врачебном звании доктора с годовым жалованием 220 руб. и месячным кормом в 60 руб. 19 апреля на челобитной служащих Аптекарского приказа о жаловании на 1656 г., в которой «доктор Андрей» назван вторым (после Артмана Грамана), появилась царская резолюция об утверждении годовых окладов³⁹.

Годовая сумма в 940 руб. была одним из высших денежных окладов при дворе. Эти, огромные по тем временам, деньги выражали признание важной роли придворных врачей, деятельность которых касалась в основном высших придворных слоев. Даже «первый боярин» князь Яков Кудепетович Черкасский получал (не считая, конечно, колоссальных земельных пожалований) высший оклад в 850 руб. А особо доверенные врачи, такие, как Иоанн

³⁷ *Новомбергский Н. Я.* Черты... Приложения, № 2. С. 91; В. Рихтер называет отца Энгельгардта Матвеем. См.: *Рихтер В.* Указ. соч. С. 214–215.

³⁸ Опубликованная В. Рихтером без даты запись о получении Энгельгардтом жалованья «на проезд» (см. *Рихтер В.* Указ. соч. Приложения, № XXXIV; ср. с 222) относится к 1677 г. (см. указ. от 7 октября 1677 г.; *Новомбергский Н. Я.* Материалы... Т. II, № 43).

³⁹ См.: Материалы для истории медицины в России. СПб., 1884. Вып. 3. С. 657. Дальнейшие известия о жалованье Энгельгардта см.: Там же. Вып. 2. С. 160–162, 170–171, 183, 189–200, 232; Вып. 3. С. 701, 727; и др.

Блеу и Артемей Дий, имели в разное время и по 1114 руб. годового денежного дохода из казны⁴⁰.

Высокие оклады объясняют, почему солидные и обычно степенные люди предпринимали долгую поездку «в Московию» и оседали там на многие годы. Энгельгардт привез в Россию семью. Один из документов сообщает, что в его прислуге была девица, «а та девка выехала из Галанские земли з дохтуровою женою»⁴¹. Через 10 лет, при отъезде из России, с доктором выезжало «детей ево и людей (иностратцев.— *Авт.*) девять человек», а для имущества требовалось 20 подвод «с саньми и с проводники»⁴². И позже, во второй приезд в Россию, при Энгельгардте были по крайней мере его взрослый сын Иоганн и брат Кристиан с супругой; еще позже, в 1697 г., «лекарь» Иоганн Энгельгардт сам выехал из Гамбурга на русскую службу «з женою и з детьми»⁴³. Согласно указу 1652 г., иностранцы поселялись на окраине Москвы, в Новопенецкой слободе (в районе современной Бауманской улицы)⁴⁴. Там, как свидетельствует документ, поселился и Энгельгардт⁴⁵. Впоследствии по особому разрешению царя ему позволили перебраться поближе к центру столицы, на Тверскую, где осенью 1662 г. доктор приобрел палаты князя Львова⁴⁶.

Доктор Энгельгардт довольно быстро завоевал в Москве авторитет и безусловное доверие. Уже в 1658 и 1659 гг. его допустили к молодой супруге царя, царице Марии Ильиничне Милославской (которую не могло лицезреть большинство придворных), позволив, с помощью лекаря Симона Зоммера и переводчика Василия Буша, пустить ей кровь⁴⁷. С 1660 г. он уже неоднократно удостоивался чести «отворять кровь» самому Алексею Михайловичу, полу-

⁴⁰ См.: *Новомбергский Н. Я.* Черты... Приложения, № 2. С. 88; *Ляхтин М. Ю.* Медицина и врачи в Московском государстве. М., 1906. С. 24; и др.

⁴¹ Материалы... Вып. 3. С. 720.

⁴² ЦГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Стлб. 1665 г., № 4. Л. 18, 16.

⁴³ ЦГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Ч. 2, № 1313; Ф. 150. Оп. 1. Стлб. 1683 г., № 2. Л. 5. Стлб. 1697 г., № 44. Л. 1–2.

⁴⁴ См.: *Звягинцев Е. А.* Слободы иностранцев в Москве XVII века // Исторический журнал. 1944. № 2/3. *Снегирев В. Л.* Московские слободы: Очерки по истории Московского посада XIV—XVIII вв. 2-е изд. М., 1956; и др.

⁴⁵ См.: Материалы... Вып. 2. С. 161.

⁴⁶ См.: Там же. С. 215–216; *Ляхтин М. Ю.* Указ. соч. С. 26. Разросшееся хозяйство Энгельгардта требовало много рабочих рук, и в октябре 1663 г. доктору выдали из тюрьмы «в послушание» двух пленных, поляка Петра Лецинского и пруссака Мартына Токарского (*Новомбергский Н. Я.* Материалы... Т. 1, № 57).

⁴⁷ См.: *Новомбергский Н. Я.* Черты... С. 51; ЦГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Ч. 2, № 669.

чая за это богатые подарки, ездил с ним в летние походы⁴⁸. Впрочем, это доверие не означало личного влияния доктора на царя (как это нередко случалось в западноевропейских странах), и «иноземец французской земли» Адольф Девред напрасно рассчитывал передать через доктора Андреаса свое послание самому Алексею Михайловичу⁴⁹.

Постоянной формой деятельности Энгельгардта была лекарственная терапия. Сохранилось немало его рецептов, по которым доктор Андреас, в отличие от своих коллег, часто сам изготовлял лекарства⁵⁰. Популярность Энгельгардта при дворе была столь велика, что к нему обращались и иностранцы. Например, находившийся в свите Паисия Лигарида архимандрит Дионисий в сентябре 1661 г. упорно добивался права лечиться у Энгельгардта и не разочаровался в нем — рецепты составленных доктором Андреасом для Дионисия лекарств датируются и 1663 г.⁵¹ Обширная практика в Москве опиралась, в частности, на его постоянную связь с западноевропейскими коллегами и своими «сородичами» (возможно, тоже врачами). С их помощью в 1661, 1662 и 1663 гг. он организовал закупку и отправку в Россию значительного количества лекарственных препаратов и медицинской литературы. Для доставки этих грузов из Архангельского порта в Москву ему ежегодно требовалось 8 подвод⁵².

Помимо практической медицинской работы, специалисты Аптекарского приказа должны были удовлетворять запросы двора и в знаниях по разным медицинским проблемам. Например, в марте 1657 г. доктора Граман, Энгельгардт и лекарь Личифинус, вероятно, по запросу Посольского приказа, написали трактаты об иироге, его лечебных и физических свойствах (столь интересовавших в свое время Ивана Грозного)⁵³. В январе—июле следующего года

⁴⁸ См.: Материалы... Вып. 3. С. 766–768, 5751; ср.: ЦГАДА. Ф. 143. Оп. 2. С. 2, № 669, 708, 824.

⁴⁹ См.: ЦГАДА. Ф. 143. Оп. 2, № 645 (письма Энгельгардту и Алексею Михайловичу от 30 октября 1663 г.).

⁵⁰ См.: Материалы... Вып. 2. С. 288–290, 292–293, 296–308; *Новомбергский Н. Я.* Материалы... Т. I, № 10; ЦГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Ч. 2, № 706, 735, 737; *Рихтер В.* Указ. соч. С. 194–197, 203 и др.

⁵¹ См.: *Новомбергский Н. Я.* Черты... Приложения, № 9. С. 101; ЦГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Ч. 2, № 704.

⁵² См.: *Новомбергский Н. Я.* Материалы... Т. I. С. 48; *Лажин М. Ю.* Указ. соч. С. 91; Материалы... Вып. 2. С. 253–254; ЦГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Ч. 2, № 686.

⁵³ См.: Материалы... Вып. 2. С. 160–161. Ср. дело 1669 г. по запросу Посольского приказа о целебных свойствах кости иирога: ЦГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Ч. 2, № 850; *Севастьянова А. А.* Записки

Энгельгардт с Личифинусом провели в этой связи серию опытов с голубями и представили в приказ результаты⁵⁴. Особый интерес к подобным медицинским трактатам проявился во время стабилизации положения на русско-польском фронте весной 1664—1665 гг.

По заказу государева двора вернувшийся из Англии доктор Самуил Коллинс в апреле-мае 1664 г. представил сочинение «В какие дни полезно жильную кровь отворять». В июне за ним последовало «Разсуждение» о пользе для здоровья кофе и чая, о различных лекарствах, пилюлях из золота и серебра. В октябре уже Энгельгардт подал подробную «скаску» о том, в каком составе и от каких болезней следует употреблять желчь, печень, сало, сердце, легкие, кровь и мозг медведя, волка, лисы и зайца. 20 января 1665 г. «у государя в верху» читали Коллинсово «Разсуждение о сохранении здоровья»; в апреле — его «скаску» о целебных свойствах валериановой травы и лопушника, а затем наставления по употреблению различных лекарств для царицы⁵⁵.

Среди других запросов царским врачам в конце 1664 г. оказался и вопрос об астрологии, оставшейся тогда непременным атрибутом врачебных знаний и практики. В XVI и первой половине XVII в. в ходу было убеждение, четко сформулированное Франческо Гьютини: «Без астрологии врач слеп и никто не поверил бы ему»⁵⁶. Изобилие ятро-математических текстов в русской книжности XVII в. ясно показывает, что и на Руси были хорошо знакомы с этими представлениями. Вот как писал, например, автор стихотворного поучения «О слабом обычае человечестем» во второй четверти XVII в.:

Понеже человек обычаем своим бывает тверд и слаб,
Яко же убо разумный и неразумный раб.
Таковое убо умное то действо приращением случается,
Понеже некогда во время подобно и неподобно младенец
во чреве зачинается.

Джерома Горсея о России в конце XVI — начале XVII в. // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 112.

⁵⁴ См.: Материалы... Вып. 3. С. 696.

⁵⁵ См.: ЦГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Ч. 2, № 738, 734, 740—742; Новомбергский Н. Я. Материалы... Т. 1, № 66 и др.

⁵⁶ *Junctinus (Francesco Giuntini). Commentaria in sphaerum de Sacro Bosco accuratissima* (first publ. 1564). Lyons, 1568. P. 9; подробнее см.: *Westman P. S. The astronomer's role in the sixteenth century: a preliminary study // History of Science*, 18(1980). P. 105—

Потому тако разны умы и обычаи во человецех бывают,
А друг друга крепостию и смыслом неспевают,
Яко же святые книги о том скажут,
Да и врачевныя художества такожде указуют!⁵⁷

Очередной запрос Алексея Михайловича доктору Энгельгардту, ответом на который явилось прогностическое письмо от 23 декабря 1664 г., не выходил за пределы компетенции лейб-медика. Его содержание также вполне объясняется без обращения к предполагаемому «мистицизму» царского двора.

Чума, появившаяся в Европе в 1663 г. и поразившая вначале нидерландские города Амстердам и Роттердам (9 тысяч умерших), в 1664 г. вылилась в мощную эпидемию, которая в одном только Амстердаме унесла 24 148 жизней⁵⁸. Это вызвало заметное беспокойство в других странах. В Англии, например, сведения о нидерландской чуме широко распространились в сентябре 1664 г.⁵⁹ В русских источниках, в донесениях политических агентов и докладах государю и Боярской думе за 1664—1665 гг., имеются крупные утраты, иногда до нескольких месяцев. Однако сохранившиеся материалы свидетельствуют, в частности, что в конце августа 1664 г. царю и боярам было доложено сообщение из Гамбурга (от 12 июля), что «в Амстердаме мор великой против прежняго, помирают на неделю болши по сту человек»⁶⁰.

«С голландскими купцами,— писал шведский комиссар Адольф Эберс в донесении из России от 1 декабря,— обращение самое суровое». И в следующем донесении пояснял: «...так как в Голландии свирепствовали заразные болезни, то голландцев далее Вологды не пускали и там их товары проветривали». Даже послу Генеральных штатов довольно долго отказывали в аудиенции и принятии верительных грамот. На две недели по карантинным соображениям был задержан прием голландского великого посольства, прибывшего в Москву 10 января 1665 г.⁶¹

147; ср.: *Watson F.* The Beginnings of the Teaching of Modern Subjects in England. London, 1909.

⁵⁷ ГИМ. Муз. № 2936. Л. 186 об. (указано В. К. Былиным).

⁵⁸ См.: *Васильев К. В., Сегал А. Е.* Указ. соч. С. 62.

⁵⁹ *A Journal of the Plague Year by Daniel Defoe.* N. Y., 1960. P. 11; *Vincent God.* Terrible Voice in the City. London, 1667 // *Watson N. Ph. D.* The Historical Sources of Defoes Journal of the Plague Year (first publ. Bostone, 1919). N. Y., 1966. P. 116.

⁶⁰ ЦГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Стлб. 1664 г. № 2. Л. 1.

⁶¹ См.: *Форстен Г. В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648—1700) // ЖМНП. 1898. № 5. С. 101—102.

Строгость введенных в 1664 г. карантинных мер против чумы в Нидерландах подтверждается резолюцией Алмаза Иванова на грамоте псковского воеводы князя Ф. Г. Ромодановского (от 18 февраля 1665 г.). Думный посольский дьяк подтвердил распоряжение: «...про которые государства будет ведомо, что в том государстве моровое поветрие, и с того государства какова чину люди приедут, не отписывая к Москве не пропускать!» — и категорически запретил прием приезжающих из Амстердама «по причине продолжающегося... морового поветрия»⁶².

Не все государства своевременно приняли карантинные меры, представлявшие собой немалую помеху внешней торговле. Жертвой распространения эпидемии стала Англия. Обстоятельный историк лондонской чумы 1665 г. указал, что первые жизни были упесены эпидемией в самом конце ноября или в начале декабря 1664 г., хотя беспокойство среди населения появилось лишь в июне следующего года⁶³. Два спасшихся в 1665 г. лондонских врача, Ходгес и Год, единодушно отметили, что смерть двух-трех человек в конце 1664 г. с явными симптомами чумы не взволновала англичан. Гораздо большее беспокойство, пишет Натаниэль Ходгес, вызывали осенью и зимой 1664 г. зловещие предсказания астрологов, видевших угрозу во встрече Сатурна с Юпитером 10 октября и с Марсом 12 ноября. Еще более, по его словам, устрашала людей комета, появление которой в конце 1664 г. над Лондоном, как подтверждает Винцент Год, вызвало настоящий испуг в английской столице⁶⁴.

Обращение к публикуемому ниже переводу письма Энгельгардта от 23 декабря 1664 г. ясно показывает, что как царя Алексея Михайловича, так и автора не волновала ни сама по себе эпидемия в Голландии (против которой уже были приняты меры), ни только начинавшаяся чума в Лондоне (о которой почти никому не было известно). Вопрос царя и ответ Энгельгардта касались исключительно возможности появления чумы в «Русской империи», протяженная граница которой, ввиду войны с Речью Посполитой, не могла быть надежно перекрыта. Доложенные Алек-

⁶² ЦГАДА. Ф. 141. Оп. 3. Ч. 7. Стлб. 1665 г., № 23.

⁶³ A journal... P. 11–12.

⁶⁴ Nathaniel Hodges. Loimologia: or, An Historical Account of the Plague in London in 1665: with precantionary Directions against the like. Contagion. Gohn Guincy, M. D., trans. 1720 // Watson N. Ph. D. Op. cit. P. 102–103; Vincent God. Terrible Voice... P. 116.

сею Михайловичу астрологические предсказания «великого разорения от повальной болезни» «во многих областях Европы» заинтересовали государя, тем более, что они были широко распространены и отражали реально существовавшую эпидемию. Царь пожелал уточнить, не распространяется ли «неблагоприятное расположение планет, прежде всего... Сатурна... и Марса», на Россию.

Энгельгардт, со свойственным ему эсхатологическим протестантским пессимизмом, отвечал, что, просмотрев источники, он не нашел ничего специально о России, но если уж бог посылает кару, то скорее всего всеобщую, которую и предвещают светила. Вместе с тем Энгельгардт не был бы естествоиспытателем своего времени, если бы не постарался, помимо извещения божьей кары, использовать накопленные знания для поиска «причины, и притом непосредственной» предполагаемой эпидемии на Руси. Такой причиной могли быть аномальные погодные явления, возвращающие автора от рассуждений о божественной воле в лоно медицины.

О причинах появления и распространения чумы в XVII в. существовало три основных мнения. Последователи Галена отрицали ее заразность, считая, что божий гнев или неблагоприятное влияние созвездий не нуждаются в особых механизмах поражения людей «черной смертью». «Контагиозная» школа Джироламо Фракасторо учитывала распространение инфекции за счет прямых контактов с больным, с зараженными предметами и через воздух. Однако наиболее обширной была третья группа врачей, считавшая причиной эпидемий как «контагий», так и «эпидемическую конституцию» — определенные, как правило, необычные, метеорологические и другие природные явления (извержения вулканов, землетрясения и т. п.)⁶⁵.

Учение об «эпидемической конституции» оказывало наибольшее влияние на решение вопроса о причинах возникновения болезни, который сторонники «контагия» не могли еще истолковать вполне убедительно. Значение, придававшееся «эпидемической конституции», хорошо прослеживается в описаниях врачами знаменитой лондонской чумы 1665 г. Рассказы о необычной погоде: морозах зимы 1664—65 гг., сухом лете, постоянном направлении ветра и т. п., — занимают в них больше места, чем сообщения о симптомах заболеваний⁶⁶. Поэтому получаемые в Москве

⁶⁵ См.: Васильев К. В., Сегал А. Е. Указ. соч. С. 46—48.

⁶⁶ См., например: Nathaniel Hodges. Op. cit. P. 103, 107, 110—111; Vincent God. Op. cit. P. 125—126; Watson N. Ph. D. Op. cit. P. 153

сообщения о климатических аномалиях в различных странах Европы⁶⁷ не могли не вызвать беспокойства русского правительства, кстати подкрепленного наблюдениями придворного врача об увеличении числа «острых и злокачественных заболеваний» в России во время необычной погоды осенью 1663 г. К области медицины относилась и высказанная Энгельгардтом мысль о периодичности чумных эпидемий, довольно широко распространившаяся в естествознании под влиянием постулированного ятроматематикой тезиса о цикличности органических процессов и в результате попыток систематизации фактов (по аналогии с астрономией и физикой).

Продолжая свое письмо, доктор Андреас выразил опасения относительно кометы — светила, которое в силу неясной тогда периодичности своего движения было наиболее любезно сердцам астрологов и вызывало вполне понятное беспокойство всего населения своей непредсказуемостью, яркостью, необычной формой. Появление «кометы с хвостом» в московском декабрьском небе было, разумеется, сразу замечено; об этом писал не только Энгельгардт, но и подполковник русской службы Патрик Гордон⁶⁸. По словам подполковника, она была видна на юго-востоке. Это позволило доктору привлечь текст античного автора Порфирия (ок. 232/3—ок. 303/4 гг.), связывавшего «склонение» кометы к востоку с появлением интересовавшей Алексея Михайловича чумы.

В XVII в. рассуждение Порфирия об образовании в эфире под влиянием кометы «скопления жирных гуморов» отнюдь не выглядело наивным. Речь в данном случае шла не об астрологии, а о метафизике, о попытке естественнонаучного объяснения представлений о связях различных явлений. Даже гораздо позже Феофан Прокопович, отрицавший значение астрологии, утверждал, что комета физически влияет на земную атмосферу, парушая воздухообмен и тем самым неблагоприятно воздействуя на жизнь Земли⁶⁹. Рассуждение о комете, как увидим ниже, заинтересовало царя и вызвало его дальнейшие расспросы.

Суммируя сказанное, Энгельгардт вновь демонстрирует

(From the Autobiography, and unpublished Letters of the Rev. Simon Patrick, Rector of St. Paul's, Covent Garden); etc.

⁶⁷ См.: ЦГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Стлб. 1664 г., № 3. Л. 5, 7 и др.

⁶⁸ См.: Гордон П. *Дневник генерала Патрика Гордона*. М., [1892]. Ч. II, С. 54.

⁶⁹ См.: Феофан Прокопович. *Філософські твори*. Киев, 1950. Т. 2. С. 179, 449.

смешение идеи чумы как божьей кары с чисто медицинской мыслью о возможности ее предотвращения не только «покаянием», но и полезным русским обычаем обильного употребления лука и хрена. Впрочем Энгельгардтом владеет уверенность, что Россия слабо подвержена эпидемическим заболеваниям. Эта уверенность опиралась на литературную традицию. Так, Павел Алеппский утверждал, что эпидемия 1654 г. вызвала в Москве растерянность именно потому, что здесь «не знали моровой язвы издавна». Адам Олеарий писал в том же 1654 г.: «Что же касается Московской области и пограничных с нею, здесь вообще воздух свежий и здоровый, здесь мало слышали об эпидемических заболеваниях и моровых поветриях». В переведенной на русский язык космографии также говорилось, что «в Московском государстве воздух здрав... Къ Донской стране и на восток морового поветрия не бывает»⁷⁰.

Царствование Алексея, как известно, было связано с обновлением старых и строительством новых храмов, монастырей и «убогих домов», книжной «справой» и укреплением церковной иерархии и т. п. Даже в военные походы царь допускал брать ценные христианские реликвии. Но, при самой искренней надежде на бога, Алексей Михайлович принимал энергичные меры для борьбы с эпидемиями, это стремление утверждалось в организации карантинной службы и своевременного предупреждения об опасности занесения заразы.

Влияние прогностического письма Энгельгардта не прослеживается в оперативной документации, связанной с мерами, принятыми в России против распространявшейся в Европе чумы. Правительство внимательно оценивало различные источники, что отмечено в резолюции на грамоте из Пскова от 18 февраля 1665 г. (сообщавшей на основе «сказок» иностранцев, что эпидемия в Нидерландах окончилась до 1 сентября 1664 г.). Алмаз Иванов прямо указал воеводе: «А про галанскую землю, про город Амстердам, подлинная ведомость есть, что моровое поветрие еще не престало и по декабрь месяц нынешнего 173-го (1664/65) году»⁷¹. Конкретная и проверенная ин-

⁷⁰ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. М., 1897; Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно (1647—1671 гг.). СПб., 1906. С. 158; Арсеньев Ю. В. Описание Москвы и Московского государства. По неизданному списку космографии конца XVII века // Записки Московского археологического института. М., 1911; и др.

⁷¹ ЦГАДА. Ф. 141. Оп. 3. Ч. 7. Стлб. 1665 г., № 23. Л. 1 об.

формация вызвала позже и жесткие меры против лондонской эпидемии.

Свидетель и внимательный исследователь чумы в Англии, Винцент Год на основании «листочков смертности» утверждал, что первые признаки эпидемии в Лондоне обеспокоили врачей не ранее начала мая 1665 г., хотя оснований для настоящей тревоги не было до конца месяца ⁷². Другой врач, Натаниэль Ходгес, говорит только об отдельных вспышках чумы в трущобах в мае и июне, не производивших большого впечатления на население, ибо это была «чума бедных» ⁷³. Согласно «Дневнику чумного года» Даниэля Дефо, лондонцы действительно не предвидели опасности вплоть до июня, а в современной переписке эпидемия хотя и упоминается 7 июня, но вызывает «огромный страх» только 1 июля ⁷⁴. Между тем эпидемия развивалась довольно быстро. Вот как она представлена в «листочках смертности», сообщавших суммарные сведения за неделю ⁷⁵:

Дата	Число умерших	Дата	Число умерших
Мая 9	7	Июня 6	43
16	3	13	112
23	14	20	168
30	17	27	267

Запоздалые сообщения из Лондона, попадавшие в европейские газеты, преуменьшали размах начавшейся эпидемии. Так, в известии «из Лондона, июня в 12 день», переведенном в Москве 16 июля 1665 г., говорилось: «Весть учинилася, что здесь моровое поветрие являетца, понеже на нынешней недели 17 человек поветрием умерло, да 23 человека лехораткою поветренною умерли же...» ⁷⁶

Отписки русского посланника стольника В. Я. Дашкова и сопровождавшего его дьяка Д. Шипулипа (и их агентов) были точнее, а главное оперативнее. 4 мая Дашков покинул Лондон, а уже 12 июня грамота из Москвы сообщала боярину и воеводе князю В. Г. Ромодановскому: «Ведомо нам учинилось, что в Лондоне учинилось на люди моровое поветрие... И как иностранцы приедут, то оных допрашивать откуда приехали, не было ли моровое поветрие там? И который там был, и товары из Архангелгорода выслать,

⁷² Vincent God. Op. cit. P. 116–117

⁷³ Nathaniel Hodges. Op. cit. P. 106.

⁷⁴ Watson N. Ph. D. Op. cit. P. 139 etc.

⁷⁵ Op. cit. P. 170–171.

⁷⁶ ЦГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Стлб. 1664 г., № 2. Л. 57.

а особливо англичан не допускать»⁷⁷. Приехавший 25 июня в Москву английский доктор Фома Вильсон и его спутник Кеннеди были немедленно высланы за 90 верст от столицы; в 6-недельный карантин за городом попал и принявший их в своем доме товарищ Энгельгардта доктор Самуил Коллинс. Сам Дашков 28 июня стал на карантин во Пскове⁷⁸.

После подтверждения сведений об особой опасности лондонской эпидемии за первыми превентивными мерами последовали более строгие. Воеводам портовых городов были отосланы подробные инструкции, полностью запрещающие пропуск в Россию людей и товаров из зараженных районов и содержавшие специальные «вопросные статьи», по которым следовало допрашивать прямо на кораблях всех приезжих «англичан, голландцев, и амбурцев и любчан, и иных земель». Отписка из Архангельского порта сообщает о соответствующих допросах 23 августа и 5 сентября⁷⁹. 26 августа 1665 г., когда массовое бегство населения из Лондона уже разнесло чуму по всей Англии, в Москве была составлена официальная грамота королю Карлу II, извещавшая, что в русских портах до прекращения этой эпидемии его «подданных и торговых людей с товарами и без товаров... принимать не велено»⁸⁰.

Своевременность этих мер засвидетельствована страшной чумой, охватившей летом 1666 г. все прирейнские торговые города, добравшейся до Дубровника и многие годы опустошавшей потом Европу⁸¹. В Россию же чума не проникла ни осенью 1665 г.⁸², ни позже. Хорошо поставленная информация позволяла русскому правительству своевременно установить карантин и верно определять возможность

⁷⁷ Рихтер В. Указ. соч. Приложения, № XXXI. Ч. 3.

⁷⁸ См.: Гордон П. Указ. соч. С. 60; Бантыш-Каменский Н. П. Обзор внешних сношений России (по 1880 год). М., 1894. Ч. 2. С. 119 и др.

⁷⁹ См.: Рихтер В. Указ. соч. Приложения, № XXXI. Ч. 2; ЦГАДА. Ф. 141. Оп. 3. Ч. 7. Стлб. 1665 г., № 128.

⁸⁰ Бантыш-Каменский Н. П. Указ. соч. С. 119.

⁸¹ См.: Гордон П. Указ. соч. С. 73, 212; Фрейденберг М. Н. Дубровник и Османская империя. М., 1984. С. 32; Васильев К. В., Сегап А. Е. Указ. соч. С. 62–63 и др.

⁸² Приведенные Ф. Аделунгом под 1665 г. сведения С. Коллинса о чуме в России относятся к эпидемии 1654–1657 гг. Ср.: Ф. Аделунг. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений/Пер. с нем. А. Клеванова. М., 1865. Ч. II. С. 210; Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // ЧОИДР. 1846. № 1. С. 13 (и др. переводы).

его снятия. Примером может служить царская грамота Карлу II от 24 июня 1666 г.: «А вашим королевского величества подданным, — писал от имени царя все тот же Алмаз Иванов, — к Архангелскому городу в нынешнем лете караблям с товары из мест морового поветрия быти, и для торговли с нашими царского величества торговыми людьми смешатися, и товары у вашего королевского величества подданных купить опасно, потому что по всяким ведомостям и по печатным вестовым листам вашего королевского величества в государство моровое поветрие мая по 14 число не престало»⁸³.

В конце 1664 г. Алексей Михайлович не счел сочинение Энгельгардта «подлинной ведомостью», но продолжил задавать ему вопросы. В конце первого письма доктор Андреас предложил царю раздобыть для него подробное предсказание относительно России, обратившись с этой целью к «какому-либо знаменитому астрологу». Государь не изъявил такого желания. Несколько интересовавших его вопросов он задал Энгельгардту, который ответил на них обширным письмом. В подлиннике оно не датировано. В. Рихтер считал, что оба послания были закончены в один день — 23 декабря 1664 г.⁸⁴ Однако в тексте самого письма изложена (повторная) просьба Энгельгардта об отпуске его со службы и упоминается, что он не получает месячный корм «уже второй месяц, а именно в течение декабря и января».

Наиболее ранний документ в волокитном деле об отпуске доктора за границу датирован 7 сентября 1665 г., а подводы и проезжую грамоту в Новгород и «за свейский рубеж» он получил только 5 февраля 1666 г.⁸⁵ В письме упоминается о болезни И. Д. Милославского. В дневнике Гордона среди записей за сентябрь 1665 г. отмечалось, что «с тестем царя Ильей Даниловичем Милославским от сильного волнения сделался удар; во время болезни он потерял память и отчасти и разсудок», и затем, вплоть до июля 1666 г., уединенно жил с супругою в Кунцево. Но в начале 1665 г. он чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы выхлопотать своему шотландскому протезе чин полковника⁸⁶. Все это заставляет, казалось бы, датировать второе письмо концом января 1666 г.

⁸³ Гордон П. Указ. соч. С. 201–202.

⁸⁴ См.: Рихтер В. Указ. соч. С. 218 и др.

⁸⁵ См.: ЦГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Стлб. 1665 г., № 4, Л. 1. 16–18.

⁸⁶ См.: Гордон П. Указ. соч. С. 60, 66, 58.

Однако в письме имеется фраза, вносящая ясность в его датировку: «в конце тысяча шестьсот шестьдесят второго года, то есть два года назад», — писал Энгельгардт. Следовательно, если автор не допустил грубой ошибки, текст датируется началом 1665 г. Подтверждение этому находим в дипломатическом донесении шведского комиссара в Москве Адольфа Эберса. По его словам, русскому посланнику В. Я. Дашкову (находившемуся в Лондоне с 24 декабря 1664 г. по 4 мая 1665 г.), помимо прочих дополнительных заданий, «правительство поручило... привезти медика, так как служивший здесь в продолжение 10 лет доктор Энгельгардт получил отставку». Тогда же, не позднее 19 февраля 1665 г., задание привезти из Англии врача получил и полковник Афанасий Траурнихт⁸⁷. В письме Энгельгардта сказано, что царь еще не дал «ясно выраженного повеления» о его отставке, тогда как к зиме 1666 г. таких «повелений» было уже несколько.

Вопросы царя Алексея Михайловича легко выделяются из текста послания Энгельгардта. Пронумерованные ответы показывают, что их было восемь. Прежде всего Алексей Михайлович просил растолковать ему, что представляет собой комета и каково бывает значение ее появления для дел земных? Вопрос, как видим, касался столько же метафизики, сколь и астрологии. Он будет особенно понятен, если мы представим существовавшие в то время самые разнообразные толкования подобных явлений.

Возьмем для примера переводы «курантов или ведомостей» за первую половину 1665 г.⁸⁸ Даже в сохранившихся отрывках мы увидим сообщение от 13 апреля из Лондона (оно касается и Голландии, откуда пришла газета), что «здесь паки звезда с хвостом видитца, посветляе она прежней, и видитца до света часа за 2 или поболши». 17 апреля в Гамбурге напечатали, а вскоре в Москве перевели: «Слышим зде, бутто в Берлине видели, что огонь с неба падал». 20 апреля было «великому государю чтено»: «Выпись из грамотки, которая писана ис Киева в лето 1665-го марта в 22 день к Москве к полковнику фон Стадену от полковника от Якова Голстера. В городе Варшаве видели страшную комету, во ображение змия, голова аки орловая, около шеи

⁸⁷ См.: Форстен Г. В. Указ. соч. № 6. С. 324 (сообщение сделано после описания приема Дашкова в Лондоне); Бантыш-Каменский Н. Н. Указ. соч. С. 119.

⁸⁸ См.: ЦГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Стлб. 1664 г., № 2. Л. 17, 19, 38, 66–67. За 1664 г. материалов «ведомостей» сохранилось очень мало (ср. там же: № 3 и Стлб. 1665 г., № 2. Л. 11, 12).

как месяц четвертной с кровавою звездою. На спине великая рыба чешуя, з двумя птичьими ногами. В которой семь кровавых звезд, на заднем конце хвоста два орлих крыла, промеж чешую и крыла аки лоза и кровавая звезда. Видеть была над Киевом болши 6 недель». 7 мая «Из Арапской земли» сообщили о явлении на небеси «коруны». В конце мая получен был целый трактат о предстоящей англо-голландской войне, на близость которой указывали, якобы две кометы, стоящие в «водном змии» и предвещающие ужасные морские баталии. Эти же кометы изображены были на присланном из Нидерландов эстампе аналогичного содержания. Между тем комету видели и в Москве.

Сказанного достаточно, чтобы понять желание Алексея Михайловича получить разъяснение и метафизического смысла кометы, и возможностей ее практического толкования. Первую часть вопроса Энгельгардт осветил в духе классической схоластической метафизики. Вторая же часть ответа логически двоятся. Учитывая известные ему наблюдения последних трех десятков лет, доктор отметил, что комета каждый раз связана с разными несчастьями и в различных местах. Затем: хвост ее, обращенный не на конкретную точку Земли, а всегда в сторону от Солнца (!), если и может указать место несчастья, то только в трудноуловимый момент первого появления. Из этой неустойчивости поведений и прогнозов (которые, надо думать, занимали и Алексея Михайловича) Энгельгардт делает вывод, что «никто из астрологов, сколь бы он ни был проницателен, не может судить а priori о подлинном ее значении, разве что с помощью какой-то чудесной догадки, то есть не может ничего предсказать». В том же прагматически-ироническом духе автор уверяет царя, что имеющие вскоре появиться заграничные толкования паличных в небе комет «будут одно другого поучительнее, в той мере, в какой эти авторы смогут углубиться в тайны международных дел».

Царю это должно было показаться убедительным. Но почему Энгельгардт принялся далее описывать способы толкования кометы? Для практических целей его текст был недостаточно полон и систематизирован, не говоря о том, что он противоречил началу сочинения. Ответ кроется, вероятно, в том, что автор уловил подлинную причину вопроса Алексея Михайловича о комете. А поняв, поспешил объяснить царю наиболее распространенные способы толкований, с помощью которых европейская печать добивалась столь разнообразных прогнозов. Зная эти приемы,

царь мог с лучшим пониманием следить за логикой трансформации астрологами политических и астрономических фактов.

Последующие вопросы царя вводят нас в круг его государственных забот. Их было множество забот Алексея Михайловича в конце 1664 — начале 1665 г., не считая даже текущего управления. Первой из них была неутихающая война с Польшей и Крымским ханом. После поражений 1659—1661 гг. в Белоруссии, Литве и на Украине ее продолжение требовало напряжения всех сил государства. Правда, катастрофы тогда удалось избежать ценой заключенного на безвыгодных условиях мира со шведским королем, ценой трех подряд общегосударственных наборов «даточных людей» в новую армию, расширения оружейных заводов и закупок оружия за границей.

Затем следовало пополнение пустой казны медными деньгами с принудительным курсом — «финансовая катастрофа, потрясшая всю эконоимику государства»⁸⁹. Даже иностранные офицеры «скопом и заговором» требовали, и даже тихий доктор Энгельгардт трижды просил вместо медных денег серебра⁹⁰. Солдаты, стрельцы, драгуны, казаки голодали, не в силах прокормиться на обесцenenное жалованье. В 1662 г. пришлось «утишать» брожение стрельцов в Новгороде, выступления в пользу голодных солдат в Пскове. Вымер от голода гарнизон Кольского острога, в армиях на западе и на юге не прекращались волнения и массовое дезертирство. Солдаты и рейтары пошли с «чернью» в поход на Коломенское. Восстание удалось подавить, были сотни убитых, тысячи арестованных, 1200 ссыльных, — но это было явное свидетельство всеобщего недовольства.

Во избежание «кровопролития» медные деньги пришлось отменить. Но к разорению присоединился и настоящий голод. Люди тысячами бежали «от сбора даточных людей и от хлебного недороду» на Дон, в степи Приуралья и Поволжья. «В Москве, — доносил своему правительству Эберс в 1663 г., — общественное настроение дурное, там недовольно новыми палогам, слышится всюду ропот», слухи о войне с Польшей крайне тяжелые. К призракам военной катастрофы и социального взрыва примешивалась и тень дворцовой опасности, — тот же Эберс уведомлял короля, что царь находит мало поддержки у духовенства и дворян-

⁸⁹ См.: *Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936.

⁹⁰ См.: *Гордон П.* Указ. соч. С. 32; *Новомбергский Н. Я.* Материалы... Т. 1. С. 34; Т. 2. С. 227, 269—270.

ства⁹¹. Наконец, в конце 1663 г. сам король Ян Казимир с гетманами вторгся на Украину, планируя взять вспомогательной армией Смоленск и Брянск, идти на Москву.

Но отданные армии огромные силы и средства не пропали. Алексей Михайлович объявил тогда «царский поход». Зимой 1664 г. отважный Касогов с атаманом Серком отбил за Перекоп крымского хана, Ромодановский с регулярной армией и казаками Брюховецкого отбросил короля с огромными для того потерями. В 1664 г. война вошла в последнюю стадию. С напряжением последних сил обоих государств установилось кровавое равновесие. Упорные бои шли весь 1664 г. и следующий год на Правобережье. Под Витебском поляки нанесли поражение Хованскому, под Могилевом и Шкловом взял за него реванш Долгоруков⁹². Предусматривая все, что можно предусмотреть в большой войне, Алексей Михайлович понимал, что усилия многих лет могли рухнуть от случайного — внезапного мора, хлебного недорода... Это не оставляющее его беспокойство выразилось в вопросах Энгельгардту: что он думает о предстоящих будущем летом болезнях? ничто не предвещает грядущего хлебного недорода, но не известно ли доктору каких-либо указаний на такую возможность? Энгельгардт оба раза ответил успокоительно: что болезни будут обычные (а не моровые, в отличие от своего прежнего письма), а указаний на близящееся «бесплодие почв» и он не обнаружил «в календарях». Таким образом, доктор Андреас угадал если не будущее, то настроение царское.

Затем мысли Алексея Михайловича обратились на его главного неприятеля — польского короля Яна Казимира. И этот вопрос более походил на рассуждение с самим собой. Известно, что король принадлежал к ордену иезуитов и даже был кардиналом до своего избрания на престол, а сейчас, как говорят, вновь предается монашеской жизни?! Последнего Энгельгардт не знал, но, как добрый советник, заметил, что король уже в возрасте и вряд ли проживет долго. Ян Казимир прожил еще достаточно, и его смерть, наступившая через несколько лет, не сыграла роли в ходе

⁹¹ См.: *Форстен Г. В.* Указ. соч. № 6, С. 314, 317.

⁹² Подробнее см.: *Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век.* М., 1955. С. 510–517; *История Польши.* 2-е изд., доп. М., 1956. Т. 1. С. 297–299; *Галактионов И. В.* Из истории русско-польского сближения в 50–60-х годах XVII в. (Андрусовское перемирие 1667 г.). Саратов, 1960. С. 47–83; *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969; *Буганов В. И.* Московское восстание 1662 г. М., 1964; и др.

войны или переговоров о мире. Зато Энгельгардт смог выполнить данное в начале письма обещание «споспешествовать твоему царскому величеству своими усилиями и быть советчиком на благо».

Вопрос о судьбе польской короны волновал Алексея Михайловича не один год. Как известно, русская дипломатия в ходе войны упорно предлагала Речи Посполитой и Великому княжеству Литовскому кандидатуру русского царя, вступление которого на королевский престол разрешало, по мнению многих, копившиеся веками государственные противоречия. Правда, уже с 1662 г. Алексей Михайлович снял свою кандидатуру, но Россия не вышла из борьбы за польскую корону, в которой участвовали Швеция, Бранденбург и главные претенденты: Империя и Франция.

На вопрос царя о судьбе польского престола Энгельгардт вновь отвечал, не обращаясь ни к комете, ни к календарям, — все его рассуждение построено было на известных и Боярской думе фактах. Менее вероятным, по его мнению, было избрание австрийского ставленника (вследствие миролюбивых заявлений императора, как выяснилось потом — ложных), бранденбургского курфюрста (шансы которого снижались его протестантским вероисповеданием) или малолетнего шведского короля Карла XI (поскольку не забылись еще события недавней польско-шведской войны).

Наибольшие виды на корону, согласно рассуждению доктора Андреаса, были у польской королевы из французского рода Конде, с помощью которой шляхта могла надеяться на французские субсидии (денег для продолжения войны у Польши не было), или у «Любомира» — крупного военачальника и политического деятеля Себастьяна Любомирского, летом 1664 г. под давлением королевы присужденного сеймом «к потере достоинств, имущества и жизни» и бежавшего в Силезию⁹³. Московское правительство пристально следило за его бурной и успешной деятельностью по сплочению всех антикоролевских сил и организации сильной армии⁹⁴.

Но Энгельгардт полностью ошибся в своих прогнозах.

⁹³ Подробнее см.: *Czermak W.* Koniec Jerzego Lubomirskiego // *Kwartalnik Historyczny*, 1860, N 4; *Павлицев Н. И.* Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину. Т. 1–3. СПб., 1878.

⁹⁴ См., например: ЦГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Стлб. 1664 г., № 2. Л. 12, 17, 34, 47–49, 55, 68, 75, 78–80, 82 и др.

Прежде всего король Ян Казимир не думал умирать и не собирался отказываться от короны. Напротив того, приехавший весной 1665 г. в Россию шведский резидент Иоанн фон Лилиенталь узнал в Москве о смерти польской королевы, с которой, как ему объяснили, погибли планы Франции венчать на польский престол герцога Энгиенского (Конде)⁹⁵. А 2 февраля 1667 г. в Бреславле скончался и Любомирский, успевший за два года нанести Яну Казимиру серьезные поражения под Чепстоховой и Монтвами, а также заключить с ним выгодное соглашение⁹⁶. Наиболее верный прогноз принадлежал русскому дипломату А. Л. Ордину-Нащокину, считавшему, что Россия не должна помогать Любомирскому в борьбе с французским кандидатом на престол и с королем, и своевременно убедившему в этом Алексея Михайловича⁹⁷.

Шестой вопрос царя: следует ли ожидать мира между Россией и Польшей? — может на первый взгляд показаться типичным «проверочным» вопросом к астрологу наподобие приведенного далее Энгельгардтом примера о Тиране, попытавшемся казнить Астролога, дабы жизнь его кончилась иначе, чем тот предсказал. В таком духе выдержан и ответ доктора Андреаса. Он писал, что заключение мира, зависит от содержания сердца и помышления как «твоего царского величества, так и короля польского». Между тем, вопрос Алексея Михайловича имел совсем иную подоплеку. По-видимому, Энгельгардт не был достаточно осведомлен о мероприятиях русского правительства по установлению мира на западных границах государства.

Речью Посполитой были сорваны переговоры великих и полномочных послов в 1658 г., отклонены русские мирные предложения в июле и декабре 1659 г. Затем и посольство А. Л. Ордина-Нащокина в Польшу оказалось безрезультатным (1662—1663 гг.), несмотря на проявленную им готовность к большим территориальным уступкам, поскольку Ян Казимир планировал... захват Москвы⁹⁸. Однако в январе 1664 г. Алексей Михайлович, остудив ратный пыл короля, вновь отправил к нему посла с предложением о встрече великих и полномочных послов, «чтоб

⁹⁵ См.: *Форстен Г. В.* Указ. соч. № 6. С. 322.

⁹⁶ См.: *История Польши*. С. 299; *Гордон П.* Указ. соч. С. 89.

⁹⁷ См.: *Галактионов И. В.* Указ. соч. С. 86—87; *Галактионов И. В., Чистякова Е. В.* А. Л. Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII века. М., 1961.

⁹⁸ См.: *Грамон А.* Из истории московского похода Яна Казимира. Юрьев, 1924.

благোпадежный и святой мир учинить и кровь христианскую успокоить вечно на обе стороны». В ходе летних переговоров (во время которых военные действия не прекращались) царские послы проявили действительное стремление к миру, соглашаясь уступить на польскую сторону многие занятые русскими войсками города и уезды, всю Правобережную Украину и Динабург.

Сложность состояла в том, что Речь Посполитая не желала считаться с реальностью, требуя «вернуть» все земли, принадлежавшие Польше по грабительскому Деулинскому перемирию (заключенному после интервенции Смутного времени) и Поляновскому договору (подписанному после поражения России в Смоленской войне), а так же выплатить десятимиллионную контрибуцию⁹⁹. Эти условия могли быть выполнены Алексеем Михайловичем только под угрозой полного военного разгрома. В условиях относительного равновесия сил требования польских послов попросту перечеркивали возможность политического решения конфликта. Наконец, Речь Посполитая вообще прервала переговоры до сейма в июне 1665 г. (кстати сказать, сорванного Любомирским).

Вопросы Энгельгардту отразили напряженное ожидание перемен.

В каком-то календаре Алексей Михайлович пашел еще смутное предсказание несчастья, которое в апреле 1665 г. постигнет персону, обозначенную солнцем, паходящимся под знаком Тельца. Царь просил доктора Андреаса ответить: насколько достоверны подобные предсказания судьбы знатных людей вообще и замеченное им в частности? Энгельгардт горячо высказался в пользу достоверности астрологических прогнозов «не только по отпопению к вельможам, но и для кого угодно», хотя, по его мнению, в печатных календарях истина может смягчаться,— это менее точный источник, нежели гороскоп. Врач высказал мнение, что «персоной» скорее всего является польский или шведский король, «но бог знает». Для нас важно отметить, что Энгельгардт вновь (как в первом письме) предложил царю подготовить обоснованный астрологический прогноз, но Алексей Михайлович и на этот раз не проявил к нему интереса.

Толкование доктора Андреаса оказалось ошибочным — ни с польским, ни со шведским королем ничего не произо-

---

⁹⁹ См.: Очерки по истории СССР. С. 508—509, 517; Галактионов И. В. Указ. соч. С. 56—67, 85—86 и др.

шло¹⁰⁰. Впрочем, ошибался не только он. Как раз в апреле было «великому государю чтено» письмо полковнику Штадену из Киева, датированное 22 марта. В нем сообщалось о ходившем на западной стороне Днепра слухе, «будто король польской умре»¹⁰¹. В ошибке Энгельгардта сказывалась его неопытность в науке политических предсказаний. Составитель календаря прогнозировал без промаха: несчастье с какой-нибудь «персоной» в обширных королевствах польском или шведском должно было произойти. В Речи Посполитой, например, весной 1665 г. скончался прославленный полководец генерал С. Чарнецкий. Но, даже если бы ни одно заметное лицо не заболело, не было ранено и не попало под суд, любители астрологии должны были считать, что составитель календаря использовал другую систему атрибуции земель знаком Зодиака, например геральдическую (как Петр I), и искать несчастливую персону в Османской Порте или Валахии¹⁰².

Предсказание несчастий «Священной Римской империи германской нации» было еще одной излюбленной и почти беспроблемной темой астрологических прогнозов. Достаточно сказать, что, даже судя по имеющимся в нашем распоряжении отрывочным сведениям, за 6 произвольно взятых месяцев 1664 и 1665 гг. Алексей Михайлович дважды получал сведения о зловещих предсказаниях и знамениях в Империи¹⁰³. Но в середине 1660-х годов речь шла уже не о неприятных результатах конфликтов с коалициями Франции, и не о постоянных неурядицах князей, — Империя стояла на пороге нового этапа турецкой экспансии в Европе, перед лицом многолетних кровопролитных войн, которые докатятся до стен самой Вены. Отзвуки турецкого нашествия уже были слышны в Москве. Поэтому непраздным был вопрос царя: как доктор Андреас расценивает положение в Империи?

Несмотря на отдаленность от родной земли, доктор не мог не думать о ее судьбе. Ответ на близкий раздумьям Энгельгардта вопрос стал в письме самым обширным, больше всех вместе предыдущих ответов. В своих взглядах доктор не оригинален, и в этом ценность его письма для истории общественно-политической мысли Северной Германии во второй половине XVII в. Он опирался на тради-

¹⁰⁰ Ср.: История Польши. С. 299 и далее; История Швеции. М., 1974. С. 228 и мн. др.

¹⁰¹ ЦГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Стлб. 1664 г., № 2. Л. 75.

¹⁰² Ср.: Пекарский П. Указ. соч. Т. 1. С. 285.

¹⁰³ См.: ЦГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Стлб. 1664 г., № 2. Л. 3, 8, 19.

ционскую концепцию четырех монархий, лежащую в основе имперской государственной идеологии (аналогично русской теории «Москва — Третий Рим»), но, вслед за многими протестантскими проповедниками, использовал ее для предсказания гибели этого государства, предсказанной (относительно Римской империи, с которой отождествляла себя Империя германская) раннехристианскими про- роками.

На фоне представлений о неизбежности крушения имперского здания, воспринимавшихся Энгельгардтом в рамках эсхатологической идеи мировой катастрофы, он демонстрирует значение астрологии в идейной борьбе в Германии XVII в. Известно, какое место занимала комета 1618 г. в политической публицистике Германии периода Тридцатилетней войны. Протестантские проповедники, указывая на этот «божий перст», призывали к покаянию охваченную ужасом перед войной, чумой и голодом паству. И после окончания войны астрология прочно стояла на службе церкви. Энгельгардт демонстрирует, как священнослужители и религиозные моралисты грозили «нераскаявшимся» современникам страшными карами, которые якобы предвещали небесные сферы. Здесь и 800-летние циклы «великих соединений Сатурна и Юпитера» в зодиакальных созвездиях (толкуемые «как из св. писания, так и из природы самого соединения» в имевшейся у доктора диссертации голландского астролога), и кометы, являвшейся германским императорам Карлу Великому и Карлу V, и описанные «профессором астрологии из Эрфуртской академии» комета 1652 г. и солнечное затмение 1654 г., знаменовавшие начало русско-польско-шведско-датско-пруско-германской войны (которая еще продолжалась на русско-польском фронте). Здесь же — явление, характерное для немецкой астрологии того времени, — приведены выдержки из эсхатологических трактатов, изданных богословами в Бельгии, Гамбурге и «Колмогроте».

Эсхатологические настроения автора ощутимы и в «Добавлении» Энгельгардта к письму. Он приводит выдержки из богословских сочинений о «пришествии Христовом», а затем цитирует публицистическое «обращение Иоанна Филиппа Гапа», сочиненное «по астрологическим указаниям» об упомянутом «великом соединении Сатурна и Юпитера в созвездии Стрельца в году 1663». Именно эти зловещие предсказания упоминает Сильвестр Медведев, сообщая об «от коего мужа мудра — на вопрошение великого и мудраго государя царя и великого князя Алексея

Михайловича во 173-м (1664/65) году — о хотящих быти во гражданстве (событиях. — Авт.) ответе»¹⁰⁴.

Осведомленному в придворной жизни Медведеву (в 1664—1665 гг. он служил в Приказе тайных дел), видимо, не были известны другие сочинения подобного рода. Очевидно, что с середины 60-х до середины 80-х годов XVII в. когда Сильвестр работал над своим историко-публицистическим «Созерцанием», при дворе не создавалось больше подобных произведений. Уже поэтому мы не можем говорить о «мистицизме» государева двора, о заметном влиянии астрологической прогностики на общественную мысль России того времени.

Содержание царских вопросов и ответов Энгельгардта показывает, что получение астрологических прогнозов не являлось главной целью Алексея Михайловича. Обращение государя к доктору Андреасу было одним из свидетельств его великого беспокойства за исход конфликта с Речью Посполитой, к завершению которого он прилагал в то время основные усилия. Царь спрашивал о событиях, которые могли бы, по его мнению, нарушить в ту или иную сторону сложившееся в конфликте с Польшей равновесие сил. В этом отношении письма Энгельгардта являются одним из важных источников, освещающих политическую историю России 60-х годов XVII в., дополняющим другую документацию.

Интерес к астрологии при дворе возрос как в связи с распространением в России системы европейских схоластических знаний, так и с политическими трудностями, когда с утратой стратегической инициативы в войне ситуация все больше выходила из-под рационального контроля. Не даром первый известный переводной календарь относится к 1660 г. Но степень этого интереса (и тем более доверия к астрологическим прогнозам) нельзя преувеличивать. Сами вопросы Алексея Михайловича, проявленное им невнимание к предложениям конкретных предсказаний свидетельствуют о сомнениях царя насчет возможности достаточно определенных политических прогнозов. Ответы же Энгельгардта прямо подтверждали эти сомнения.

Песмотря на то, что доктор верил в силы астрологии, его позиция и ответы были двойственны. Признавая возможность достоверного предсказания в одних случаях, он,

---

¹⁰⁴ Сильвестра Медведева Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве/Публ. А. А. Прозоровского // ЧОИДР. 1894. Кн. 4. Отд. 2. С. 37.

например, принципиально отрицал прогностику по появлению кометы, хотя она тоже являлась в глазах Энгельгардта «знаком» божественной воли для земных событий. Говоря о точности астрологического «инструментария», доктор ставил предсказания в зависимость от природных и политических явлений, на обсуждение которых постоянно переходил, «забывая» об астрологических аргументах. Эта двойственность, думается, была характерна для естественнаучной мысли XVII в.

Практически все конкретные прогнозы Энгельгардта оказались ошибочными. Впрочем, это было неважно, поскольку они не использовались в определении политической линии московского правительства. И сам факт создания прогностических писем не выходил за рамки справок, которые предоставляли царю служащие Аптекарского приказа. Об этих письмах не упоминает даже С. Коллинс, подробно описывавший жизнь государева двора с 1659 г. по 1669 г. Медведева же привлекли не прогнозы относительно России, а публицистические тексты «Дополнения», использованные им в предисловии к его историко-публицистическому «Созерцанию», посвященному как раз «смуте и мятежу». Автора не волновало даже, что предсказание относилось к Германии, важен был пример связи между обличаемыми публицистом пороками и восстанием подданных; аналогичные примеры Сильвестр находил в Библии и исторических сочинениях. Все сказанное позволяет отнести прогностические сочинения в России к разряду «неполезных книг», нефункциональной, «четьей» литературы.

Понятно, что создание прогностических писем не могло оказать сколь-нибудь заметного влияния на судьбу Энгельгардта. До приезда вызванных на его место из Англии врачей доктор должен был исполнять свои обязанности в Аптекарском приказе. Сохранилась запись об изготовлении лекарства калмыцкому тайше по его рецепту от 14 декабря 1664 г., рецепты доктора Андреаса от 27 января, 20 февраля, 7 и 22 марта, 15 мая и 12 августа 1665 г.¹⁰⁵ Наконец, 7 сентября из Аптекарского приказа в Посольский была направлена «память» об отпуске Энгельгардта «по ево челобитью... в свою землю... без задержанья», на которой вскоре появилась резолюция Алмаза Иванова: «По сему государеву указу изготовить проезжия». Черновик проезжей на доктора и его людей датирован 20 сентября; тут же приложена и «память» в Сибирский приказ о пожало-

¹⁰⁵ См.: Материалы... Вып. 2. С. 292–293, 296–308.

вании доктора на «отъезд» соболями и деньгами, вышсь об их получении¹⁰⁶.

Но осенью Энгельгардт не уехал. Возможной причиной задержки был затянувшийся с июня раздел имущества с сыном Иоганном и иноземцем Елисеєм Фоглепом¹⁰⁷. Не менее существенно и другое. Согласно проезжей от 20 сентября, доктор должен был ехать за границу через Тверь, Торжок и Новгород, без прогонов на свой счет, что было довольно накладно бережливому немцу. По крайней мере дело было не в отсутствии царского «отпуска». В грамоте бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма царю Алексею Михайловичу от 7 октября 1665 г. говорилось, «что нам ведомо учинилося, что наш природный подданный нашего святого римского государства... урожеец Андрей Энгерт... вашего царского величества любви в службе был, и ныне от вашего царского величества любви милостиво отпущен. А понеже нам самим он наш природной подданный ныне на нашу службу надобен, и ради бы мы видели чтоб он опять к нам приехал, и мы... просим... помянутого нашего природного Андрея Энгерта совершенно отпустить милостиво и с честью со всеми его домашними, чтобы он как скорее к нам где ему дорога ближе будет ехал». «Писано... в Келене над Спреею рекою». «А впису у того листа приись курфирстова»¹⁰⁸. Эту грамоту, разумеется, испросил у курфюрста сам Энгельгардт¹⁰⁹.

Лестная оценка доктора курфюрстом ускорила решение дела 16 января 1666 г. Энгельгардт получил «отписную грамоту к князьям и другим властям Германии, отмечающую, что он «в дохтурстве своем нам, великому государю... показал службу многую, и та служба его была как есть достойного свидетелствованного дохтура... И за то его... прямую службу и раденье мы... дохтура Андрея Энгелгарда, пожаловав нашим царским жалованьем, велели его отпустить из нашего Московского государства в свою землю со всеми его людьми и животы»¹¹⁰.

7 февраля на челобитной доктора об отпуске ему подвод и приставов, появилась, наконец, помета: «государь пожаловал, велел ему дать двадцеть подвод с саньми и с проводники». Энгельгардт все-таки отбыл «к свейскому рубежу»

¹⁰⁶ См.: ЦГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Стлб. 1665 г., № 4. Л. 1–5.

¹⁰⁷ См.: Там же. Л. 6–8.

¹⁰⁸ Там же. Л. 10–11.

¹⁰⁹ См.: Там же. Л. 9.

¹¹⁰ Там же. Л. 12–15.

на государственный кошт¹¹¹. Но доктор не смог совсем расстаться с Россией. В 1677 г. он вернулся на постоянное жительство в Москву, привезя с собой сына Иоганна, брата Крестьяна с женой, множество медицинских препаратов и большое количество «домашней рухляди». Летом следующего года правительство выделило вновь поступившему в Аптекарский приказ доктору подводы для доставки из-за границы остального его имущества и книг. Решивший прочно обосноваться в России, Энгельгардт даже написал себе карету для визитов к больным, которую и получил, вместе с большой партией медикаментов, летом 1679 г.¹¹² Но долго пользоваться ею доктору Андреасу не пришлось. Не позднее ноября 1680 г. он скончался в своем доме в Москве, ставшей ему (и его старшему сыну) второй родиной¹¹³.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикуемые ниже письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу являются единственным достоверным свидетельством обращения государева двора XVII в. к астрологической prognostike. Они показывают, что астрологическая литература в России воспринималась прежде всего как «четья», что политическое значение астрологической prognostiki для русских государственных деятелей было довольно сомнительным. Письма являются важным источником о научных представлениях и научных заблуждениях XVII в., источником по истории общественно-политической мысли в России и Северной Германии, способствуют анализу важнейших проблем, стоявших перед Российским государством в середине 1660-х годов.

[ПИСЬМО 1]^{1*}

Блаженнейший, могущественнейший
и всенепобедимый царь,
Милостивейший царь и господин!

Выполняя с должным послушанием милостивейшее повеление твоего царского величества, я, низжайший твой слуга, рассмотрел и внимательно исследовал три календаря, а именно, составленные Иоганном Майером, Каспаром Мельхиором Хаасом и Эбергардом Беккером, на предмет

¹¹¹ См.: Там же. Л. 16. Ср. л. 17 (отписка об этом из Посольского в Ямской приказ), 18 (грамота в Повгород об отпуске Энгельгардта).

¹¹² См.: ЦГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Ч. 2, № 1196, 1212, 1293.

¹¹³ См.: Там же. № 1313; Ф. 150. Оп. 1. Стлб. 1683 г., № 2.

^{1*} Пер. и примеч. Б. А. Старостина. Оригинал на латинском языке. См.: Рихтер В. История медицины в России. М., 1820. Ч. 2. Приложения, № XXXV.

того, не предсказывают^{2*} ли они чего-либо пагубного в смысле, например, повальной болезни^{3*}, которая может в будущем поразить русскую империю? И вот в целом я обнаружил, что календари предвещают около осеннего времени во многих областях Европы великое разорение от повальной болезни вследствие неблагоприятного расположения, прежде всего, планеты Сатурна, а также и Марса, к чему следует прибавить пять ожидаемых для каждого из этих светил затмений; но ничего, касающегося специально именно России, я не нашел. Тем не менее, поскольку люди, в остальном, по-видимому, здравомыслящие, единогласно утверждают, что это посылаемое на нас небом за бесчисленные грехи наши бедствие будет всеобщим, я опасаюсь, не может ли постичь нечто подобное равным образом и эту империю; от чего, впрочем, да благосклонно избавит все милостивый Иисус!

Однако же это, а именно, несчастливое расположение светил, видимо, является вполне достаточным первым предвозвещением будущей эпидемии. Кроме того, причиной, и притом непосредственной, будущей повальной болезни служит, как это бывает обычно, беспорядок в конституции времен года, когда воздух то раскаляется, то охлаждается как раз тогда, когда должен был бы разогреваться, и наоборот, и т. д., как это дважды наблюдалось прошлый год, действительно, весна у нас была засушливая, лето же — более чем влажное, к тому же загрязненное зловонными тучами, цвет же атмосферы был подобен железистой руде, в то время как солнце сквозь облака и мрачные туманы выглядело пыльным, а воздух был совершенно насыщен мухами и разными другими родами насекомых; осень была поистине гнетущей из-за постоянных дождей, зима же опять-таки слишком сухая: все полностью вопреки обычному порядку. Достоверно известно, что многие в то время были поражены острыми и злокачественными заболеваниями, а именно, лихорадками, пятнистыми сыпями, бубонами, корью и т. д.

В Германии, а когда-то и в Египте, в результате длительных наблюдений над явлениями было установлено на опыте, что чума возвращается по истечении полных десяти или одиннадцати лет. И столько, если я не ошибаюсь, вре-

---

^{2*} Indigitarent — букв. «возносят (моления)», здесь: предсказывают.

^{3*} Pestis — повальная болезнь; может означать также: «чума», «язва», вообще «гибель». Ниже переводится словом «чума», если оно более соответствует контексту.

мени истекло с тех пор, как свирепствовала эта повальная болезнь.

Представляется мне также чрезвычайно устрашающей комета, как бы некая явленная нам в небесах, которая и сейчас хорошо заметна на небе, если только оно не покрыто тучами и если ее не затмевают лучи Лупы; и следует опасаться, не произведет ли эта комета в этом либо следующем году чего-либо зловещего или неблагоприятного не только внешним областям, в которых она наблюдается, но также и в нашем краю, согласно стиху:

Похороны и войны, ветер и голод кометы припосят ^{4*}.

Ибо действительно, также и Порфирий оставил после себя сочинение о том, что кометы паводят на людей гнилостную болезнь ^{5*} и чуму, причем в особенности тогда, когда склоняются к востоку, что означает, что в эфире образовалось большое скопление жирных гуморов. Комета может быть также дурным знамением, предвещающим падение домашнего скота.

Насколько мы можем заключить на основании этих шести приведенных указаний ^{6*}, если попущением Божиим чума вообще наступит, то будет это приблизительно следующей осенью. Однако поскольку всемилосердный Бог вполне может склониться к нашим тревожным мольбам и чистосердечному покаянию (а прибегать к покаянию — это наш повсеместный долг), то может он предзнаменованное наказание или прямо прекратить, или по крайней мере смягчить; сверх того, поскольку русские соблюдают обычай оберегать себя частым и постоянным употреблением лука и особенно хрена, чуме не легко будет к ним пробраться; пусть лучше отправляется в Антикиру! ^{7*}

---

^{4*} В оригинале гекзаметр: *Funera, bella, famemque ventoque Cometae*. Источник неизвестен.

^{5*} *Tabes* — «гниение, тяжелый недуг, язва»; может означать также: «эпидемия».

^{6*} «*E sex hisce narratis indiciiis*» — «на основании этих шести приведенных указаний» (доказательств, свидетельств): видимо, (1) неблагоприятное расположение Марса и (2) Сатурна, (3) их затмения, (4) беспорядок в «структуре» времен года, (5) завершение 11-летнего цикла, (6) появление кометы.

^{7*} «Пусть отправляется в Антикиру» — поговорка или застывшее выражение, смысл: «пусть пропадает», «пусть скроется в область безумия». Антикира — древнегреческий город в области Фокида, куда привозили психических больных со всей Греции. В окрестностях Антикиры в изобилии рос местный вид чемерицы, который пользовался репутацией лучшего целебного средства от сумасшествия.

Итак, я полагаю, что выполнил то, что мне было поручено.

В остальном же, если твое блаженнейшее царское величество, возможно, пожелает предсказание, касающееся этой местности Земли, империи, и повелит мне в дальнейшем достать таковое у какого-либо знаменитого астролога, в особенности Фурманна или же Майера, то я буду в полном распоряжении и готовности выполнять это повеление.

Засим с преданностью поручаю твое блаженнейшее царское величество, а также все блаженнейшее царское семейство божественному попечению и смиреннейше возношу молитвы о счастливом и радостном праздновании Рождества Христова.

Блаженнейшего твоего царского
величества всенекорнейший раб
д-р Андреас Энгельгардт.
Москва, 23 декабря 1664 г.

ПИСЬМО 2

Милостивейший, могущественнейший
и всенепобедимый царь, царь и господин кротчайший!
О, если бы я был в состоянии ответить незамедлительно на вопросы, переданные мне от милостивейшего твоего царского величества! Но поскольку я знаю о своей негодности для этого поручения, о крайней неспособности, потому я выполняю его настолько, насколько это в моих силах, дойду до того, до чего смогу, а там, где не смогу, там остановлюсь; и то, с чем немощность моя не справится, позаимствую у других; впрочем, немного впесу и со своей стороны, движимый смиреннейшей надеждой споспешествовать твоему царскому величеству своими усилиями и быть советчиком на благо.

Итак, во-первых, что касается кометы ли, или же ее значения, здесь прежде всего надлежит узнать, что такое комета? Ведь современные астрологи считают, что она есть метеор, другие же, что она есть шар^{1*}, помещенный в заметное место в эфире в знак будущих событий Богом, сгущающим небесную материю и, когда она сгущена, освещающим ее с помощью солнца. Помимо того, согласно Аристотелю, в верхних областях атмосферы имеется лишенная огня и жара сернистая каменная порода, возникающая по естественным причинам, а именно, из серни-

^{1*} globus — букв. «шар, глыба», может употребляться и в смысле «метеор»: у Цицерона встречаются *globi in coelo* — «шары в небе», «метеоры».

стых испарений земли; впрочем, производящая ее причина сверхъестественная и есть сам Бог; и этой породе комета придает, при посредстве солнечных лучей, свою собственную форму; поэтому комета образуется не в высших областях атмосферы, как это обыкновенно для других метеоров, но в павысшем небе, гораздо выше Луны, между прочих планет, как некая псевдопланета, так что движется своим собственным движением^{2*}, соблюдая предписанное ей от Бога течение.

Поэтому никто из астрологов, сколь бы он ни был пропитателен, не может а priori судить о подлинном ее значении, разве что с помощью какой-то чудесной догадки, то есть не может ничего предсказать. Тем не менее при некотором размышлении нетрудно будет понять, что такого рода небесные светила предзнаменуют или угрожают, потому что Высочайший не напрасно поместил их на небосводе; ведь в самом деле, опыт, как о том свидетельствуют происшествия, случившиеся в наше время, в продолжение тридцати и более истекших лет, многократно подтверждал, что до сей поры комета не зажигалась без того, чтобы это повлекло за собой многочисленные несчастья и бедствия, причем для одной кометы признак бывал один, для другой — иной, реже — тот же самый. Самое большее, весьма неопределенное суждение можно вынести о том, куда направлено движение кометы, ее голова или хвост, равно как и о том, какое именно бедствие она принесет; сначала она вытягивала свой хвост по направлению с северо-запада на юго-восток, то есть в сторону Ливонии, Курляндии и Литвы, приблизительно в направлении Боруссии и к соседним в этой стороне Дании и Голштинии; а в другое время, по-видимому, она поочередно указывала на Голландию, Галлию, Испанию и Лузитанию; сейчас же она, повернув в обратную сторону, в юго-юго-восточном направлении, показывает на Великую Татарию; откуда можно извлечь противоречащие друг другу выводы о ее значении.

Ибо следует знать, что хвосты всех комет обращены в противоположную по отношению к солнцу сторону; так, появляясь до рассвета и предшествуя Солнцу, комета протягивала свой хвост к западу или же к северу, соответственно тому, как Солнце, наоборот, поднималось со стороны, более близкой к востоку или югу; а соответственно

---

^{2*} «Двигается своим собственным движением» — буквально «наслаждается собственной своей силой (движением)».

тому, находятся ли кометы ближе или дальше от Солнца, их хвосты становятся более вытянутыми, или же более короткими, почему их и нельзя бывает сначала заметить, равно как в некоторые промежутки времени, и потому, что небо бывает закрыто тучами; а в другое время также и потому, что по причине скорости своего движения, в шестнадцать раз более быстрого, чем полет пушечного ядра, как о том хорошо знают физики, комета легко может изменять свое местоположение. Не вполне очевидно даже бывает, и я по крайней мере отчасти в этом сомневаюсь, что та комета, которую мы видим сегодня, например, висящую над нами вертикально или в каком-либо другом повороте, эта та же, что была видна ранее, или же это какая-то новая комета. Полагаю, впрочем, что та же.

Что же касается ее значения, о котором уже было говорено выше, то из одного лишь появления кометы невозможно вывести по этому поводу какого-либо твердого суждения, и истина об этом останется известна одному лишь Богу. Добавлю, что если кто-нибудь захочет судить о значении кометы как-либо более, то ему необходимо будет в точности узнать день и час первого ее появления, а также и то, в каком из небесных домов она в то время находилась. Он должен будет также использовать нужные для этой цели инструменты, небесный глобус, квадрант, эфемериды и т. д., которыми я в данный момент не располагаю.

Нет сомнения и в том, что за границей различные астрономы опубликуют более точные наблюдения над появляющимися в настоящее время кометами, и вскоре эти наблюдения увидят свет и будут одно другого поучительнее, в той мере, в какой эти авторы смогут углубиться в тайны международных дел.

Как говорит Корнелий Гемма: «Знаменательность комет огромна, смысл их чрезвычайно таинствен, а наблюдение над ними не только в высшей степени полезно, но и является занятием весьма божественным».

В число же знамений, предвещаемых кометами, входят в особенности следующие.

1. Три известных основных бедствия: Война, Чума, Голод.

2. Смерть князя или властителя или же других людей, занимающих высокое положение, чья кончина вполне может повлечь за собой наступление пикжсуказанного знамения.

3. Большие перемены в церковном устройении, а также светском порядке.

4. Опустошения или гибель больших государств.

5. Небывалые землетрясения и наводнения.

6. Иногда во время появления комет рождаются князья или другие люди, через которых совершаются большие дела, а также крупные перемены.

Под Войной притом имеется в виду не что-либо обычное, но либо неожиданные вторжения, либо крупнейшие нашествия неприятелей; или же такие войны, которые заканчиваются гибелью больших государств, изменениями в религии и государственном устройстве.

Однако комета есть предвестник отнюдь не всякого события, но знаменуют только то, что предназначено Богом. Сказанное верно о кометах вообще: для частных же случаев имеются еще некоторые правила, и о том или ином из них мы можем заключить путем истолкования.

1.

Появление кометы в наибольшей степени относится к тем местностям, над которыми она стоит вертикально, как об этом еще будет сказано ниже, или же к тем, в которых она видна в зодиакальном созвездии: для этих местностей она сулит скудость урожая, войну, наводнения и прочие бедствия, в зависимости от того, будет ли комета знаком огненной, воздушной, водной или земной тройственности.

2.

Если комета появляется утром и заметна бывает рано, до восхода солнца, в восточной стороне света, см. выше, то это означает смерть царя или князя той области, которая лежит под знаком кометы. То же самое, но с еще гораздо большей определенностью означает, если комета вечерняя и появляется на самом Западе.

3.

Движение кометы в направлении, противоположном созвездиям зодиака, означает, согласно Кардану и Оригону:

- (1) Изменение в законах и установлениях,
- (2) Нашествия внешнего врага и кочевников.

4.

Перемещение кометы с западной части небосвода в северную выводит из восточных стран либо повальную бо-

лезнь, либо веру, либо властителя, который внесет смещение в северные страны и опустошит их (Кардан и Ориганус).

5.

Некоторые, не сомневаясь, делают заключения по облику и цвету кометы, предсказывая войны на основании светлой, в особенности красноватой окраски, ибо таковая по своей природе свойственна Марсу, а на основании бледной и темной окраски, присущей Сатурну,— повальную болезнь.

Итак, сказанного вполне достаточно относительно кометы.

II) Что касается другого вопроса, о предстоящих болезнях, то я полагаю, что будут свирепствовать лихорадки с жаром и злокачественные, оспа, сыни, дизентерия и тому подобные болезни.

III) О бесплодии почв: действительно, я ничего не нашел в календарях, так что они, скорее, оставляют место для надежды на более обильный урожай. По-видимому, и комета в этом отношении не предвещает ничего злого, если только Бог не захочет сделать чего-либо сверх обычного порядка природы.

IV) Что польский король состоит в ордене иезуитов и что он, действительно, был возведен в сан кардинала до того, как стал королем, об этом также и мне известно; но что он предался монашеской жизни, об этом я ничего не слышал и вообще в этом сомневаюсь. Замечу, впрочем, что поскольку возраст его уже пожилой, он приблизился к старости и не сможет поэтому прожить еще долго, то, как бы то ни было, скоро он с королевством своим распрощается.

V) По поводу же преемства я помню, что оно предлагалось римскому императору; ему должна была быть передана и корона, поскольку она уже и теперь сохраняется поначечением императора. Впрочем, мне трудно определить, как в дальнейшем пойдут дела в Польше, учитывая нынешние заверения императора: некоторые предпочитают склоняться в пользу некоей королевы, происходящей из рода французских королей, а именно, принцессы Конде, относительно которой надеются, что через нее можно будет пользоваться французскими деньгами. Другие же хотят избрать электора^{3*} Бранденбургского, что, как мне

---

^{3*} Электор — один из германских князей, которые принимали участие в выборах императора Священной Римской Империи.

кажется, невозможно по религиозным причинам. Предположению же о том, что преемником станет шведский король, противоречит взаимная ненависть между двумя нациями, временами, например, сейчас, скрытая, а в иные периоды и достаточно явная. Полагаю, что весьма многие хотят кого-то избрать из своего собственного народа, а именно, Людомира^{4*}. Кто же именно будет их королем, не знаю, может быть, этот самый Любомир.

VI) Следует ли ожидать мира между твоим пребывающим в полном мире царством и королем польским? Отвечаю: считаю этот вопрос довольно трудным и превосходящим мое понимание; ибо только Бог, держащий души ваших величеств в своей деснице и направляющий их по своему усмотрению, может знать сердца и помышления как твоего царского величества, так и короля польского. Будем же надеяться на мир и стремиться к нему! Да удостоит Бог щедро послать его нам по безграничной своей благодати!

VII) Астрологи, несомненно, часто могут, и не только по отношению к вельможам, но и для кого угодно, чье место и время рождения знают, предвидеть благоприятные и неблагоприятные обстоятельства, браки, болезни и самую смерть; и мне самому почти за тридцать лет предсказали лихорадку с жаром и опасностью для жизни, что и сбылось. Так, один Тиран спросил у своего Астролога, какого рода смертью тот окончит свою жизнь? Тот говорит: меня собаки разорвут и пожрут. Лженич, негодяй, сказал царь, я тебя отдам на сожжение: и велел, чтобы того немедленно сожгли на костре. Но вдруг налетел ветер (?) и погасил пламя, а на костер прыгнули собаки, растерзали Астролога и пожрали его.

Отсюда во всяком случае видна достоверность астрологии. В календарях же, как полагаю, помещаются вещи и не столь обдуманные, потому что истина иногда неизбежно кажется ненавистной и опасной; и постоянно повторяется жалоба царя Ахава на пророка Митлу, что тот не пророчествует ему ничего, кроме зла, так что даже вида этого мужа стали бояться царские люди. О той же персоне, жизни которой в будущем апреле будет угрожать опасность, необходимо будет рассмотреть годичные обращения, указания гороскопов и прохождения [светил], а отсюда можно будет вывести и суждение. Из календаря же ничего

---

^{4*} Людомир, Любомир — разночтение в оригинале. имеется в виду Любомирский.

заклЮчить нельзя, кроме разве того, что под солнцем, находящимся в то время в созвездии Тельца, имеется в виду король польский или шведский, поскольку и то и другое царство расположено под знаком Тельца; но Богу лишь известно.

VIII) Что касается того, как я расцениваю положение Германии, то я в сущности вовсе не утверждаю, что по причине войны в одних местах, а в других — чумы она погрузится в крайнюю смуту; скорее я опасаясь, не произойдет ли крушение этой четвертой, согласно пророку Даниилу, то есть Римской, монархии, не настал ли ее срок, как написано: да погибнет! — и не происходит ли все это по троякой причине: [1] Потому что то, что по совету или указанию Божию было частично открыто нам Иезекиилем, Даниилом или же в Апокалипсисе, сохранится и останется непреложным. [2] Потому что праведный судья, Бог всегда карает наши вновь и вновь возобновляемые преступления. Когда же в мирные времена мы забываем о воле Божьей и о праведном Божьем суде и живем чрезмерно беспечно — я говорю здесь только о нашем времени — то благоволит Высочайший за многие наши грехи послать нам в качестве различных наказаний чуму, голод и Тридцатилетнюю войну, предупредив об этом посланной в эфир в тысячу шестьсот восемнадцатом году кометой.

Она должна была призвать нас к раскаянию, но советы божественные подвергались пренебрежению в продолжение войны, и мы в эти худшие дни стали заодно со злыми, полагая, что их невозможно обратить к разуму, хотя в то же время ежедневно молились о даровании нам мира в дни наши, негодую против войны как таковой:

Нет спасенья в войне, и мира мы все желаем.

И вот Бог в этом внял нашим мольбам, мы обрели мир. Но что же из этого получилось? Никто, за исключением, несомненно, очень немногих, не отказался от прежних наслаждений, обычаев, гордости, роскоши или вакханалий, чтобы не сказать чего-либо худшего. Поэтому нет ничего удивительного, что Бог, наконец, к раковым и гангреновым язвам применил жгучие и разъедающие лекарства, дабы члены, подвергшиеся омертвлению, отсечь прочь от здоровых и отвергнуть. [3] И не напрасно в небесах изображено — ибо, говорит Гермес, что вверху, то и внизу, и одно подобно другому — все то, что мы знаем, например, если не говорить о других знамениях, великие соединения Сатурна и Юпитера, число которых от сотво-

рения мира — семь, причем каждое из таких соединений неизменно порождает великие перемены.

А именно, за первым из этих соединений, случившимся во времена Адама, последовало грехопадение человеческого рода; второе, происшедшее во времена Еноха, привело к появлению тиранов, разбоя, к разрушению замков и городов. За третьим соединением последовал водный потоп, которым все грешники стерты с лица земли. Четвертое, во времена Моисея, привело к исходу народа израильского из Египта, к провозглашению закона и к основанию государства ^{5*} Израильского в земле ханаанской. За пятым соединением, в дни пророка Исайи, последовало сначала переселение колен израилевых в землю ассирийскую (и по сей день они оттуда не вернулись), а вскоре затем — и колен Иуды и Вениамина. Во времена Христа совершилось шестое соединение, которое сопровождалось основанием Римской империи или же за которым последовало основание Римской империи как четвертой и последней монархии, а также полное разрушение государства Израильского. Седьмое — в век Карла Великого, и за этим соединением последовал раздел Римской империи на Восточную и Западную, а также вторжение сарацин и турок в землю обетованную, что уже явно начало предвозвещать царство апокалиптического зверя. Мы уже вступили в восьмое соединение, каковое началось в год спасения тысяча шестьсот третий, в зодиакальном созвездии Стрельца, и под знаком этого созвездия мы трудимся и стоим. И это тем более так потому, что в конце тысяча шестьсот шестьдесят второго года, т. е. два года назад, все планеты как раз собрались в этом созвездии Стрельца и там останутся в течение периода огненной тройственности, до тысяча восьмисотого года, а после этого вступят на двести лет в иную тройственность, и так далее.

Ибо каждые восемьсот лет — конечно, число это округленное: иногда, например, через семьсот девяносто четыре года и двести сорок дней, если измерить в точности, — Сатурн и Юпитер проходят через все двенадцать знаков зодиака и, когда обойдут круг, то снова соединяются в начале своего первого схождения, в огненном треугольнике. Если же говорить о состоянии мира во времена Ноя, которому предшествовало подобное упомянутому соединению всех планет в созвездии Рыб, то есть под водным знаком, то здесь мир погиб в результате того

---

^{5*} В оригинале: *respublicae* — «республики».

всеобщего потопа, который сразу и единовременно стёр с лица земли всех грешников. Таким же образом стечение всех планет в Стрельце, созвездии из огненной триады, возможно, свидетельствует о том, что наш век в течение этой огненной тройственности погибнет от огня или же вскоре подвергнется по крайней мере огромнейшему изменению. Некий весьма умный мой друг мне передал в Голландии написанную им диссертацию об этом роковом и поразительном стечении всех планет в одном и том же созвездии Стрельца, в последнем знаке огненной триады, в тысяча шестьсот шестьдесят втором году от Рождества Христова, и издал в свет эту диссертацию, в которой как из св. писания, так и из природы самого соединения и других обстоятельств доказал, что оно предвещает славное пришествие Иисуса Христа, когда

(1) разбросанный по земле народ иудейский вновь будет собран воедино,

(2) грешники, начальствовавшие поныне как в церкви, так и в мире, будут отстранены, и

(3) на земле также будет воздвигнуто царство славы.

В том же самом году некая юная дева в Бельгии издала, просвещенная божеством, некий трактат под названием «Лилия», где также объявлено потрясение и гибель мира сего; по здравом размышлении, я полагаю, что речь идет не о полной и последней гибели, а о частичной, постигающей злых, наподобие того, что имело место во время потопа^{6*}. Она зовет нас всех к покаянным усилиям, на каковые Бог отвел десять лет и не более, а из них два или три года уже истекли, и кто из живущих закончит за этот срок свое покаяние?

Еще один преславный богослов, из Гамбурга, семьдесят лет назад написал весьма достойную прочтения книжку о царстве Христовом. Там он открыто учит, что в тысяча шестьсот семидесятом году от Рождества Христова придет гибель от Гога, т. е. от турок и родственных им племен: а по общему мнению (протестантских) богословов, под Гогом имеются в виду римские папы. Умолчу о других, весьма многочисленных писателях, с надлежа-

---

^{6*} Речь идет о широко распространившемся в Европе начиная с 1640—1650-х годов ожидании «конца света» в 1666 г., поскольку это число (точнее, 666) рассматривалось как «апокалиптическое», «звериное» (на основании «Апокалипсиса», гл. 13, ст. 18: «...число зверя... это шестьсот шестьдесят шесть»). О каких именно «весьма умном друге» и «юной деве» и их сочинениях говорит здесь Энгельгардт, нам установить не удалось.

щей ученостью пишущих о тех же предметах, поскольку нет у меня ни такой учености, ни эрудиции, какую проявлял умерший в прошлом году в Колмогrote странник Адольф де Редт, от которого твое царское величество могло бы узнать много удивительного.

Добавлю здесь только следующее: Карл Великий, славнейшей памяти римский император, когда незадолго до его кончины появилась комета, вселившая, как видно, в него страх, сказал своему секретарю Эгинарду: «Таковые знамения должно быть возвещают смерть князей и перемену царств». Секретарь же императора ответил словами Исайи: «Не бойтесь знамений небесных и т. д.» и добавил: «Не кометы должны мы бояться, но создавшего комету, и должны превозносить и восторгаться благостью его, который за грехи папи, ибо мы грешны, предостерегает нас подобного рода знамениями» ^{7*}.

Карл же Пятый видел комету в августе месяце тысяча пятьсот пятьдесят шестого года и сказал: «Этим знамением возвещается моя судьба». Об этом сообщает Хютреус, и действительно, двумя годами позже император скончался. А когда в тысяча шестьсот пятьдесят третьем году я рассказал некоему германскому князю и принцу крови о том, что один профессор астрологии из Эрфуртской академии на основании должествующего быть в следующем, пятьдесят четвертом году полного солнечного затмения и возгоревшейся двумя годами ранее кометы предсказал день светопреставления, тот отвечал: «Это не для того, чтобы мы этого боялись, но скорее для того, чтобы мы надеялись и с душевным устремлением должны были ожидать его (Судного дня)».

В действительности же тогда воспоследовала русско-польско-шведско-датско-германская война, признаки явного окончания которой заметны только теперь. Итак, поскольку так обстоят дела в мире и многое бывает и в лучшие, тем более в худшие годы, то что другое мы можем и что другое мы должны делать, как ни молиться:

---

^{7*} В двух последних абзацах отражен иной (ср. предыдущее примечание) вариант эсхатологических ожиданий, связывавший их с вторжением в XVII в. в Центральную и Восточную Европу турок, которых многие отождествляли с библейским «народом Гог» (книга Иезекииля, 38, 2: «Гог в земле Магог»; «Апокалипсис», гл. 20, ст. 7: «...народы, находящиеся на четырех углах земли, Гог и Магог»). Упомянутые здесь же Энгельгардом личности («преславный богослов из Гамбурга», «странник Адольф де Редт») по другим источникам отождествить не удается.

Да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя, как на небесах, так и на земле; и также: избавь нас от лукавого. Аминь!

Итак, насколько мне представляется, я ответил на все вопросы и рад, если что-либо из сказанного доставит удовольствие твоему блаженнейшему величеству. В противном же случае я полагаю, что не прогневается твое блаженнейшее величество на мою немощь, но, наоборот, примет во внимание мое усердие и благосклонно взглянет на мое желание исполнить повеление и удостоит меня своей благосклонности, милостивейше просветив мою тьму и подкрепив мою слабость, чтобы я мог счесть себя счастливым до избытка.

ДОБАВЛЕНИЕ

ИЗ СОЧИНЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО АВТОРА, ОЗАГЛАВЛЕННОГО «КЛЮЧ К АПОКАЛИПСИСУ»

Амброзиус Ансберт^{8*} пишет по поводу XIX главы Апокалипсиса: «Мы никоим образом не должны полагать, что данная глава относится к пришествию Христову, когда он придет творить суд; скорее она относится к избранным, которые родятся в конце мира. При приближении же конца мира придет господь со своими святыми, чтобы через них бороться против Антихриста и служителей его».

Гаймон, епископ Гальберштадтский, в своих «Главах» на послание к римлянам пишет: «Не хочу, чтобы вам не было известно о сей тайне: а именно, что в первое пришествие господне язычники последовали милосердию Божию, таким же образом при приближении второго пришествия иудеи последуют (милосердию Божию), как это предсказали Илия и Енох».

В иных выражениях тот же самый выдающийся прорицатель говорит об этом так: «Когда множество народов соберется (воедино), тогда весь Израиль спасется».

---

^{8*} Амброзиус Ансберт, он же Аутперт, французский (галльский) богослов, настоятель монастыря Сен-Венсан, жил в середине и второй половине VIII в. Энгельгардт цитирует, очевидно, по изданию XVI в. (первопечатному; следующее появилось, видимо, только в 1677 г.): *Ambrosii Ansberti Gallipresbyteri... In Sancti Johannis apostoli et evangelistae Apocalypsim libri decem... nunc primum typis excusi... Coloniae, 1536.*

О трех пришествиях Христа, и о том, какой за каждым из них последует суд.

Первое пришествие было во плоти, и за ним последовал суд над Иерусалимом и народом иудейским.

Второе пришествие будет в Духе, во всемогуществе ангелов и сил, и сопроводится согласно Исае, гл. 6, а также 19 й главе Апокалипсиса, судом над Зверем, [исполнением пророчества о засохшей] маслине и исполнением наказаний.

Третье же пришествие будет явным, личным, и последует за ним последний суд.

По астрологическим указаниям о том великом соединении Сатурна и Юпитера в созвездии Стрельца в году 1663, приведу такое обращение Иоганна-Филиппа Гана [в трех вариантах: для прочтения] совместного, для публичного [провозглашения перед народом] и для [объявления] с кафедры.

Для совместного прочтения

Многие расколы возникли в делах церковных, а потому созываются различные совещания, и в их результате выясняется некое окончательное по этому вопросу решение, хотя и не исходящее от какого-либо определенного лица, ненавидящие истинную веру, многие скрытые и тайные потрясатели законов всячески будут стараться возбуждать вражду и споры, пока не найдется некий праведный Ной, Лот, Самуил или Даниил, который восстанет перед лицом Божиим, прибегнув к Богу в сокрушении за грехи наши, и будет достоин того, что ради него отвращена будет заслуженная кара. Многие же духовные лица считают своих слушателей чем-то всецело находящимся в их руках и устраивают ловушки и обольщения для народа ради уловления душ.

Для публичного [провозглашения]

Что бы это могло означать: тайные посягательства на престол; смерти вельмож, то естественные, то насильственные, и следующие за ними крайние беспорядки и перемены; различного рода изменения в государственном устройстве, тягостные и направленные к позору и гибели; провозглашение законов, порча благих нравов, распространение гнусностей. И вот в это время устраиваются большие праздничные сходки, общественные и частные.

Да не допустит Бог, чтобы за это разразилось над нами некое бедствие! Впрочем, это великое соединение (Сатурна и Юпитера) будет опасно не только для вельмож, облеченных высшим достоинством в церквях, а также для наместников и полководцев, но и вообще для занимающих как высокое, так и низшее положение, для ученых и для необразованных, для учительствующих и внимающих, для богатых и бедных, для взрослых, юных и престарелых, для имеющих малых детей или подростков: не прекратят далее тяжелые болезни и язвы производить опустошение среди рода человеческого, а равно и среди животных. Где будут ожидать нас суд и правосудие? И войны будут, и подданные восстанут против властей своих, всей душой своей раздраженные и полные желчи; а когда некоторые из вельмож будут помышлять о восстановлении мира и пажимать на все рычаги, которыми можно было бы успокоить эту разъяренную толпу, то все же и в этом мало преуспеют.

Помимо всего этого, будут устраиваться заговоры, а сокровищницы будут истощаться; тираны будут люто свирепствовать, и после этого их будут свергать. Почитающие же Бога будут защищены. Сокрушен будет зверь вавилонский; великий же орел будет много преследуем и, возможно, изгнан из своего гнезда, которым он долго обладал. Серповидная Луна будет созерцаться, подобная обнаженной сабле, окрашенной в кровавый цвет; она будет устрашающим образом заслонена двумя скипетрами, и для трепета нашего меч не останется в ножнах.

Как буря, налетит огромный всадник, и лебедь не останется в созерцании розы, но вступит в спор из-за золотой короны; гневен будет дракон; и восстанет некий праведный муж от древнейшего рода и принесет умиротворение, достигнув к тому же во всем высшего успеха. Разбойники^{9*} же упустят свою добычу.

[Для объявления] с кафедры

Дивный будет праздноваться брак, но может стать и так, что великое расторжение постигнут многие супружества, откуда произойдут различные распри; как старшие, так и младшие узрят свою гибель, дети восстанут на родителей, ученики — на своих учителей, редкой ста-

---

^{9*} Latrunculi — может означать также «ландскнехты», «солдаты-наемники».

нет любовь между братьями, а между соседями и друзьями скудным весьма станет доверие.

Берегите ваших дев, да не лишит вас медведь или лиса ваших цветов, когда для того, чтобы их похитить, соблазнителью достаточно будет куска хлеба. Разве не направляет всё Бог к славе своего всесвятого имени? Аминь!

Выполнив теперь дело, порученное мне твоим блаженнейшим царским величеством, перейду к своей собственной просьбе. Твое блаженнейшее царское величество повелело мне освидетельствовать присланные препараты голштинских лекарств, после чего мне милостивейше должно было быть разрешено уехать. Без ясно выраженного повеления твоего блаженнейшего величества я не могу ничего предпринять в этом деле, а время между тем уходит; поэтому я вновь умоляю твое блаженнейшее величество, да повелишь властью твоего величества, чтобы меня в скором времени отпустили, невзирая на препятствие, представляемое болезнью славнейшего нашего господина и начальника; после этого ^{10*} я быстро закончу свое дело.

По окончании же его пусть будет мне позволено в начале следующего месяца, при благоприятных обстоятельствах, своевременно и так, как было обещано, совершить свой путь как из-за болезни моей жены и детей, и так по причине жидких лекарств, хранимых в стеклянных сосудах и больших сундуках, которые невозможно транспортировать иначе, как на корабле. Помимо этого, молю о возобновлении милости блаженнейшего твоего царского величества и буду чрезвычайно счастлив, если смогу, наконец, получить также свое ежегодное жалование, которого мне уже более чем за два года не заплатили! Конечно, я весьма в нем нуждаюсь, а месячное мое содержание вряд ли можно считать достаточным, что я легко мог бы доказать, и тем не менее уже второй месяц, а именно в течение декабря и января, мне и его не платят и даже говорят, что до праздника Пасхи мне не дадут жалованья. Но ведь ничего не стоит такое дело, за которое нельзя получить сколько-нибудь достойного вознаграждения. Умоляю тебя, поступи же, как Бог всеблагим своим духом наставит тебя в царском твоего величества сердце. Преданно притом препоручаю блаженнейшее твое цар-

---

^{10*} Т. е. получив такое повеление.

ское величество со всей царствующей семьей всесвятой защите божией и пребываю блаженнейшего твоего царского величества

всепокорнейший раб
Андреас Энгельгардтус,
д-р медицины.

А. П. Богданов

О РАССУЖДЕНИИ САМУИЛА КОЛЛИНСА

Рассматривая роль астрологической прогностики в России XVII в., мы намеренно отмежевали свои рассуждения от специальной медицинской дисциплины — ятроматематики. Вместе с тем следует отметить, что хотя функции и сферы действия этих дисциплин были весьма различны, доверие к ятроматематическим знаниям не могло не сказаться на появлении у Алексея Михайловича интереса к возможностям астрологической прогностики, проявившегося, в частности, в его вопросах доктору Энгельгардту. Примером функционирования ятроматематики при российском дворе является Рассуждение доктора Коллинса, поданное царю незадолго до писем Энгельгардта.

Автограф этого сочинения на латинском языке хранится ныне в фонде Аптекарского приказа (ЦГАДА, оп. 2, № 738, л. 1). Он написан на листе бумаги in folio, с водяным знаком Голова шута IV типа, с контрамаркой FV, датирующей 1660-ми годами. Сделанная на нем помета подъячего Аптекарского приказа гласит: «172-го [1664 г.] мая в 31 день таково писмо подал дохтур Самойло Коллинс, в которые дни добро жилная отворять. И то писмо переведено по руски, переводил диак Лукьян Голосов». Перевод этот, писанный на столбцах (лл. 2—5), подклеен прямо к подлиннику, как это было принято при подготовке документов «в доклад» государю.

Содержание Рассуждения чрезвычайно любопытно. Отвечая на вопрос о пользе кровопускания и наиболее подходящих для этого днях, Коллинс признает, что этот метод лечения не является единственно возможным. Он отмечает, что существуют разные медицинские традиции,

например, китайская, индийская, персидская, каждая из которых по своему замечательна, и даже голые неграмотные аборигены Бразилии смогли обогатить европейцев новыми лекарственными препаратами. Действительно, автор был сторонником взаимообогащения медицины разных народов. Его рассуждение о лекарственных свойствах валерианы и лопушника, например, совмещало сведения западноевропейской литературы с обширнейшими выписками из разных глав русского Травника¹.

Себя Коллинс относит к медицинскому направлению, представленному лечебными традициями древних арабов, халдеев, греков и римлян. Наиболее характерными его свойствами доктор считает руководящую роль философии (вероятно, натуральной) и ятроматематики. Отмечая наличие споров о том, могут ли звезды руководить поведением человека, Коллинс считает несомненным их влияние на физиологическом уровне и считает необходимым (помимо случаев экстренной помощи) ожидать «приятных оных взоров» (т. е. благополучного расположения) при всех медицинских мероприятиях. Далее, очевидно, отвечая на вопрос, автор кратко высказывается о полезности кровопусканий и называет точные даты благоприятных для этого дней на два предстоящих месяца.

Письмо является ценным источником по истории западноевропейской медицинской мысли. Еще больший интерес представляет оно для изучения усвоения в России западноевропейских научных знаний. Например, посольский дьяк Лукьян Тимофеевич Голосов сумел подготовить весьма точный, буквально дословный перевод этого довольно специального текста, нашел для обозначения большинства болезней и частей тела русские эквиваленты латинских терминов. В то же время переводчик исключил как малозначительные цитаты Коллинса из Библии и «Иудейских древностей» Иосифа Флавия. О степени доверия к определению времени медицинских мероприятий с помощью «звездозаконников» говорит отсутствие в письме какого-либо обоснования указанных дат. О том же свидетельствует помета аптекарского подъячего, безапелляционно назвавшего указание этих дат главным содержанием письма, операциональной информацией, в отличие от возможно и любопытных, но не ведущих к конкретным действиям рассуждений.

---

¹ Текст опубл.: Материалы для истории медицины в России. СПб., 1884. Вып. 3, № 1057.

Сочинение С. Коллинса публикуется в наиболее интересном для нас виде — по автографу перевода Л. Т. Голосова, как оно было доложено царю Алексею Михайловичу. Перевод весьма точен, однако для читателей интересующихся текстом оригинала, в скобках приведены латинские варианты важнейших по смыслу слов; опущенные переводчиком отрывки восстановлены в подстрочных примечаниях.

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКАГО ПИСМА, КАКОВО ПОДАЛ В ОПТЕКАРСКОМ ПРИКАЗЕ ДОХТУР САМОЙЛО КАЛЛИНС МАЯ В 31 ДЕНЬ НЫНЕШНЯГО 172-ГО ГОДУ^{1*}

Елико есть на вселенной народов, толико и жителства обычаев, и лекарства вымыслов (*medendi rationes*), и ни един народ обретається толь несмыслен, которой бы, или ненароком, или неотложною пекоею пуждею принужден, чесом бо во употребление лекарства (*in usum medecina*) не изобрел бы, что от иных людей скрыто.

Бразилиане люди в Америке, паги и безкнижны, обаче имеют своя лекарства (*Pharmaca*) неуничтожена, принесосша бо нам древо сассафрас (*Sassaphras*) во употребление, гваяково, яляний (*Guaici, Ialapij*), со иными многими изрядных сил израстаемыми. Дивная повествуют хинских (*Chinensium*) дохтуров о искусстве, которые без отворения жил и рожечнаго кровопущания (*Sine phletotomia Cueurbitulis vel fontanellis*) тяжчайшия болезни отгоняют, единым простым трав своих употреблением. Индейне (*Indostani*) парами своими, от варения трав содеянными, болезни удобь прогоняют, а ине намазаними частыми и натираими, которыми благороднии от рук слуг своих чрез всю пощю приемлются, и полегку стискиваются, // которому делу столь привыкли, что без нево уснуть не хотят. Могулл великий индейской царь от дохтуров своих ежегодно на коптарь [весы.— А. Б.] привешаем бе (*in aurea Trutina guotannis ponderatus est*), да оттуду царскаго телесе о прибыли или убыли разсужденье ведали б начальнии дохтуры. И стародавний оп у персян (*Persas*) обычай, которому приложиться может оное Даниила пророка пред царем Валтасаром реченное^{2*}.

^{1*} Каково со году — вставлено на чистое место другим почерком и чернилами.

^{2*} В переводе опущено: «*Tekel. Appensus fuisti Laneibus et inventus es minore pondere*».

Аравитяне, халдеи, грецы, латини всякие лекарства образцы (*medondi methodos*) [здравым разсуждением зряще]^{3*} допускают. Царицу лекарскаго народа (*Reginam medicer gentis*) философию уставивша, которой припрягоша астрономию (*Astronomia*) яко царскую сестру^{4*}.

Суть иже звезд взор никако же деяти в нас мощи любопрятся (*Sunt autem gui Siderum aspectus neutiguan in nos agere posse Contendunt*). Но звезды взорми своими в нижайших действовати искушается, от словес преблагого и превеликаго бога со Иовом бывших^{5*}.

И довольно есть яко прадеды прежде нас бывшийи доволным искусством и частым наблюденнем Солица движение, Лупы, планид и их стечения во употребление дела// добре прияли и искусили. Чего ради приятных оных взоров во приятии предписаний наших и лекарств тщателно ожидаем^{6*} естли не(т) поощряющей тяжкаго недуга нужды: тогда бо волно хотя в полночь отворить жилу.

И лишнее было бы zde широко о науке отворения жил писать, то есть жил главы, чела, ноздрей, десен, голеней и ног.

О которых во своем месте и времени.

Жилы в последних тела частех сечены, многия о себе изъявляют ползы, как о том свидетельствуют дохтуры Иппократ, и Авиценна, и друзии.

Жилы болшово перста ручново отворение, князей дохтурских (*principum medicorum*) разсуждением помогает во многих болезнях: очной болезни, дурной болезни, лица пежинам, огневым, завращению главы, болезнем головным (*Ophshalmiar, Epilepsoar, Faciej maculis febribus malignis, Vertigini, Doloribus Capitis, promissis pru. . .*).

Салвателлы (*Salvatellor*) же сечение(м) лишаем черствости кожи, четвероденной лихоратке, одынке (*Astmari*) кровотечным жилкам, плеванью кровью и кручинным болезнем (*melancolicis*) для чево (л. 5) от древних здоровая

^{3*} Квадратные скобки — в латинском оригинале и рукописи перевода.

^{4*} В латинском оригинале примечание на левом поле: «*Santus Seth Ai Filijs suis Astronomia primu Docuisse dictus est. Josephus. Antiguriabis Judorum*».

^{5*} В переводе опущено: «*An tu Constringes delicias Pleiadum Sant lora Orionis Dissolves? — In Epicimo Debora at Baraki Cartarum est, Fidera ipsa in Suis Aggeribus Contra Siseram pugnauerunt*. Возле первой фразы на левом поле отсылка: «*Job. Cap. 38*» — Книга Иова, гл. 38.

^{6*} Далее переводчиком, обычно следовавшим пунктуации оригинала, ошибочно поставлен знак вопроса.

жила (vena salubris) названа, из которой без умаленья сил пущать мочно.

Дни для отворения жил и рожечнаго кровопущанья от звездозаконников (ab Astronomis) искушени и уставлены в месяце июне лета господня 1664-го.

День 3 и 4, то есть пяток и суббота добро и по взору планид имеют во обое действие, то есть во отворение жил и рожечное кровопущание доволство ^{7*}.

Также день 7, 9, и 10, и 11; 21, 22, 25 июля благополучен и долговременен, а изряднее когда месяца сего погода тепла есть, чрез которую мокроты врят (Humores Fermentut) и кровь тончайшую творят, пущанию гораздо пристойну. Конец.

Абие, во Аптеке царской апреля 30 1664

Самойло Калинин лекарства
дохтур агличанин (Samuel Collinus
M. D. Anglis).

---

^{7*} В июне 1664 г. благоприятными днями, как установил Коллинз, были 3-е и 4-е числа. О. Р. Хромов обнаружил сведения о том, что 3 июня Алексею Михайловичу действительно делалось кровопускание, см.: «Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Руси и самодержцев». М., 1844. С. 420. Из этого следует, что астрологические расчеты Самуила Коллинза учитывались при проведении кровопусканий Алексею Михайловичу.

А. В. Лаврентьев

«ЗАПИСКА ГОСУДАРЕВЫМ
МЕРНЫМ ВЕРСТАМ И СТАНОМ
ТОГО КРЫМСКОГО ПОХОДУ
ПО ВЕРСТАМ МЕРНОМУ КОЛЕСУ»
1689 г.

Крымские походы русской армии 1687 и 1689 гг. явились самым крупным внешнеполитическим событием семилетнего регентства царевны Софьи Алексеевны. Дважды более чем 100-тысячная рать под командованием воеводы В. В. Голицына, проделав сложные и долгие переходы по

малознакомой местности, «заступала» владения крымского хана в попытке смирить это извечное гнездо агрессии.

Значение и последствия кампаний 1687 и 1689 гг. неоднократно привлекали внимание историков¹; исследовался и военный аспект проблемы². Особое внимание всегда уделялось второму походу, не только более масштабному и продолжительному, но и ставшему своеобразным переломом во внутриполитической ситуации. Его неутешительные, как считали современники, результаты предопределили крушение правительства Софьи и Голицына.

В Отделе письменных источников Гос. Исторического музея обнаружен неизвестный ранее документ, относящийся к истории похода 1689 г. Рукопись озаглавлена: «В лето 7197 Крымской поход большого полку царственные большие печати и государственных великих дел оберегателя ближнего боярина и наместника Новгородского и дворового воеводы князя Василья Васильевича Голицына с товарыщы и записка государевым мерным верстам и станом того Крымского походу по верстам мерному колесу»³. Под этим пышным в духе времени заглавием скрывается дневник второго крымского похода, публикуемый в настоящей статье. Записи его лаконичны, по-военному конкретны и представляют несомненный интерес также и для истории технических и научных знаний в России XVII в.

Рукопись — фрагмент книги «в осьмушку», написана на бумаге с водяным знаком типа «семь провинций» (формат и небольшое количество листов не позволяют идентифицировать его точнее) переходящим в скоропись мелким полууставом, характерным для конца XVII в. На листах сохранилась сделанная кириллицей нумерация со 150 по 159 страницу, отмечающая место Записки в книге. Не исключено, что перед нами подлинник⁴.

¹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.; Л., 1962. Кн. VII. С. 407–408; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. III. (Первая серия). С. 147–149; Бабушкина Г. К. Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // Исторические записки. М., 1950. Т. 33. С. 158–172.

² См.: Голицын Н. С. Русская военная история. СПб., 1878. Ч. 2. С. 664–668; Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 196–198.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 89.

⁴ В Гос. архиве Костромской области (№ 198/204) хранилась рукопись под заглавием «Тетрадь записная мерным верстам и станом Крымского похода». Очевидно, это список аналогичного документа, хотя отсутствие даты в заглавии не дает возможности

Рукопись имеет лакуну в записях с 20 апреля по 2 мая включительно; скорее всего, утеряна тетрадь из 4-х листов (на странице в среднем помещается три записи).

Смысл заглавия «Записки мерному колесу» вполне ясен — одна из телег, шедших с полками, была оборудована своеобразным спидометром. «Мерное колесо» должно было иметь диаметр, кратный определенной мерной единице, а наличие при словах «мерная верста» прилагательного «государева» можно расценить как указание на государственный стандарт этой единицы. Поскольку переходы исчислялись в верстах, а те, в свою очередь, делились на сажени, последняя могла быть принята за оборот колеса. Длина окружности переднего тележного колеса приближалась к двум аршинам (при радиусе от 60 до 68 см), заднего — к трем (его радиус колебался от 70 до 85 см)⁵. «Мерным», таким образом, могло быть одно из двух задних колес, по длине окружности близкое устоявшемуся стандарту или специально изготовленное, — сажень составляли как раз три аршина.

Ограничивался ли этим «геодезический прибор» (колесо могло быть снабжено отметкой и подсчет оборотов не представлял бы особого затруднения) или конструкция была более сложной? «Записка» не дает ответа на этот вопрос. Устройство, основанное на принципе «мерного колеса», было известно еще в античном мире, честь его изобретения приписывают знаменитому ученому эпохи эллинизма Герону Александрийскому⁶. Римским архитектором и механиком Витрувием также описано подобное устройство⁷.

В древности оно представляло собой движущийся механизм, одно из колес которого посредством системы зубчатых передач соединялось со стрелкой и циферблатом, а во времена Витрувия также снабжалось звуковым сигналом, отмечавшим обороты. Как видим, принцип действия такого устройства паноминает часы, а об изготовлении башенных часов в России известно с XV в.⁸ Во всяком

утверждать это наверняка. См.: *Бочков В. И.* Коллекция рукописей Государственного архива Костромской области. Кострома, 1964. С. 38.

⁵ См.: *Бережкович А. С., Жегалова С. К., Лебедева А. А., Просвирина С. К.* Хозяйство и быт русских крестьян: Памятники материальной культуры: Определитель. М., 1959. С. 211.

⁶ См.: *Ламер Г.* Античный мир. М., 1914. С. 75–76.

⁷ См.: *Kulturgeschichte der Antike. Griechenland.* Bd. 18. Berlin, 1980. S. 399, fig. 75.

⁸ См.: *Пипуныров В. П., Чернягин Б. М.* Развитие хронометрии в России. М., 1977. С. 7–37; отметим также, что имя и труды Вит-

случае, в Европе такой механизм не был редкостью⁹.

Значительно позднее, уже во второй половине XVIII в., появились русские «верстомеры» нескольких конструкций, технически весьма совершенные, но, в то же время, основанные на уже известном принципе «мерного колеса» с длиной окружности в сажень¹⁰. Очевидно, нет ничего технически невозможного для изготовления подобного механизма и московскими мастерами XVII в.

Важно отметить большой практический смысл в подобном устройстве для конкретной военно-политической ситуации конца XVII в.

«Мерное колесо» двигалось не среди телег обоза, обычно шедшего в арьергарде войск или защищавшего фланги, а в «большом полку», с которым следовал воевода¹¹. Здесь же размещался и так называемый разрядный шатер — полевой штаб армии, укомплектованный штатом дьяков и подьячих Разрядного приказа, ведущих делопроизводительную документацию¹². В обязанности одного из приказных и входило, наверно, ведение записей пройденным верстам.

Как в дореволюционной, так и в советской литературе, посвященной источниковедению военной истории России, ни сама «Записка», ни иной подобный армейский документ до XVIII в. не зафиксирован¹³.

На последнюю четверть XVII в. приходится период энергичных военных реформ, вырабатываются имеющие прямое отношение к комплектованию армии новые формы организации феодального класса¹⁴. К этому времени отно-

---

рувия в России были известны уже в начале XVII в. См.: Гренберг Ю. Древние документы о переводах Витрувия в России // Архитектура СССР. 1956. № 5. С. 59.

⁹ См., например, изображение «измерительной повозки» в немецком издании «Tractatus geometrica» 1595 г. Воспроизведено в кн.: Staatlicher Mathematisch // Physikalischer Salon Forschungsstelle. Dresden. S. 14.

¹⁰ См.: Баташев Н. С., Гагарин Е. И. Е. Г. Кузнецов, выдающийся мастер XVIII в. М., 1953. С. 69—77.

¹¹ См.: Голицын Н. С. Русская военная история... Ч. 2. С. 16.

¹² См.: Чернов А. В. Центральный Государственный архив древних актов как источник по военной истории Русского государства до XVIII в. // Труды МГИАИ. М., 1948. Т. 4. С. 120.

¹³ См.: Обручев Н. Н. Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России. СПб., 1853; Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.

¹⁴ См.: Чернов А. В. Вооруженные силы... С. 191—194; Острогорски Г. Проект еднe ранглисте из времена цара Феодора Алексејевича // Сабрана дела Георгија Острогорскогo. Београд, 1970. Књ. 4. С. 385—421.

сится и прекращение ведения «разрядных книг» — основного комплексного источника по истории военного дела в России¹⁵. В этих условиях шел поиск новых более рациональных и отвечающих требованиям дня форм армейской документации. Не случайно ближайшим аналогом «Записки» являются полковые журналы и «поденные записи» петровского времени, вошедшие в практику в ходе военных реформ первой четверти XVIII в. Инициатива ведения первого такого известного «юрнала», кстати, принадлежит приказному, а не военному лицу — дьяку Н. М. Зотову, воспитателю и сподвижнику Петра I¹⁶.

Нельзя не признать уникальными и историко-географические данные, сообщаемые документом. «Мерное колесо» могло применяться как в практике военного ведомства, так и для измерения дорог. Небольшие расстояния мерились «вервлением», и этот способ зафиксирован в русском языке и обиходе¹⁷, но источники не содержат упоминаний о способах измерения путей сообщения. «Росписи» дорог XVII в. не называют источника информации¹⁸ или же ссылаются на «скаски» ямщиков, точность которых весьма относительна¹⁹.

В то же время известны случаи достаточно точного измерения дорог, выявляющиеся при сопоставлении с данными XVIII—XIX вв.²⁰ Не следствие ли это применения «мерного колеса»?

Точность действия нашего устройства достаточно трудно проверить. «Записка» указывает только одно расстояние, поддающееся сопоставлению с более поздними данными, — от Ахтырки до Перекопа, определяя его в 322 версты.

---

¹⁵ Вопрос о прекращении составления разрядных книг в литературе не освещен. На то, что работа по их составлению велась вплоть до 1682 г., года отмены местничества, указывает В. Е. Рудаков. См.: Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон. 1899. Т. 24. С. 187—188.

¹⁶ См.: Майкова Т. С. Военные «юрналы» петровского времени (по материалам ЦГАДА) // Вопросы военной истории России XVIII и XIX вв. М., 1969. С. 372; Глаголева А. П. «Денные записи» военно-походной канцелярии Б. П. Шереметева как исторический источник // Проблемы источниковедения. М., 1962. Т. V. С. 224—225.

¹⁷ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 82.

¹⁸ См.: Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в 16 в. СПб., 1853; Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого // Вопросы географии. М., 1950. Т. 5. С. 83.

¹⁹ См.: Петров В. А. Географические справочники XVII в. // Ист. арх. 1950. Т. 5. С. 83.

²⁰ См.: Там же. С. 83, 88.

Согласно данным начала XIX в., расстояние от Ахтырки до Москвы исчислялось 723 верстами²¹, а от Москвы до Перекопа — 1280²². Разпица, составляющая расстояние между указанными пунктами, следовательно, по данным более поздним, значительно отличается от цифры «Записки» — 557 верст.

Если допустить использование в походной канцелярии Голицына не 500-, а 1000-саженной версты, применявшейся для измерения путей сообщений²³, то разпица будет менее ощутима. Но, даже учтя «сокращение» верстового стандарта в XVIII в., изменения в направлении дорог, другие факторы, влиявшие на точность показаний, у нас нет данных, позволяющих надежно утверждать применение версты того или иного стандарта.

Применение «мерного колеса» для точной поверстной записи маршрута похода в Крым, несомненно, имело важное стратегическое значение. К концу столетия вековой русско-крымский антагонизм постепенно перерастает в русско-турецкий²⁴. Согласно одной из статей Вечного мира 1686 г. между Россией и Речью Посполитой, первая становилась членом антитурецкой коалиции европейских держав и обязана была принять участие в вооруженной борьбе с Портой²⁵. В условиях обострения обстановки на южных границах Причерноморские степи становились потенциальным театром военных действий.

Между тем, в отличие от путей сообщения западных и северо-западных «украин», хорошо известных русскому командованию²⁶, земли и дороги на юге были обследованы крайне неудовлетворительно. Книга Большому чертежу — самый подробный географический справочник XVII в. (и, надо думать, несохранившийся Большой чертеж также) отражает ситуацию русско-крымского пограничья

²¹ См.: *Щекалов И. М.* Словарь географический Российского государства. М., 1801. Ч. 1. Стб. 295.

²² См.: *Щекалов И. М.* Словарь географический... М., 1805. Ч. 4, отд. 1. Стб. 1042.

²³ См.: *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. М., 1975. С. 85.

²⁴ См.: *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1947. С. 422–423; *Заборовский Л. В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в XVII в. М., 1981. С. 47–51; *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. II. С. 170.

²⁵ См.: Сборник грамот и договоров о присоединении царств и областей к Государству Российскому в XVII–XVIII вв. Пг., 1922. Ч. 1, № 8.

²⁶ См.: *Голубцов И. А.* Пути сообщения... С. 285.

только по состоянию на рубеж XVI—XVII вв.²⁷ Традиционная дорога к Перекопу, Муравский шлях, хотя и описан, но явно недостаточно, чем южнее, тем менее конкретны сведения о нем, а более чем 100-верстный отрезок пути от р. Конские Воды до Перекопа неизвестен составителям Книги Большому чертежу вообще²⁸.

Перемены во внешнеполитической ситуации вызвали к жизни попытки ближе познакомиться с дорогой на Крым. Так, военно-стратегическую разведку ее, воспользовавшись удобным случаем, провели участники русского посольства в Крым в 1681 г. Статейный список послов В. М. Тяпкина (между прочим, профессионального военного, носившего чин полковника) и Н. М. Зотова отмечает встретившиеся на пути колодцы, реки, рощи и пр., причем авторы неоднократно обращают внимание читателя на то, что их отчет предназначен не только для Посольского приказа, но и «для великих походов ратных людей»²⁹. В то же время очевидная недостаточность этих сведений, и прежде всего отсутствие поверстных измерений, делали необходимыми более тщательное обследование Муравского шляха. Естественно, такая задача могла быть выполнена только с применением более точных мерных единиц, нежели условные исчисления в суточных переходах. Восемь лет спустя она была решена при помощи «мерного колеса»³⁰.

Ведение верстовых записей могло иметь целью и картографирование местности. Все работы по составлению новых «чертежей» сосредоточивались, как и руководство армией, в Разрядном приказе³¹.

Один из списков Книги Большому чертежу, принадлежавший подъячему этого приказа Лаврептию Богданову, был выдан ему «для того, что он пишет приказанные черте-

²⁷ См.: *Сербина К. Н.* Источники Книги Большого чертежа // Ист. зап. 1947. Т. 23. С. 291—292.

²⁸ См.: *Книга Большому чертежу*. М.; Л., 1950. С. 63—65.

²⁹ См.: *Мурзакевич Н.* Список с статейного списка... посланников стольника и полковника и наместника Переяславского Василия Михайловича Тяпкина и дьяка Никиты Зотова. Писан... в Цареве-Борисове городке... во 189 [1681] году мая в... день // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса, 1850. Т. II, отд. второе и третье. С. 568—583.

³⁰ Интересно, что соединявший Россию с Крымом в конце XVIII в. «тракт № 311», судя по промежуточным пунктам, проходил по линии Муравского шляха. См.: *Рубан В.* Новый голец и путеводитель, или Повсеместный Российский и повсюдный европейский дорожник... СПб., 1793. Ч. 2. С. 111—112.

³¹ См.: *Книга Большому чертежу*... С. 1, 6—7.

жи», т. е. выполняет картографические работы. На л. 218 этой рукописи (ГПБ, собр. ОЛДП, Q=XXII) почерком, очевидно, самого Богданова записано: «Мера верстам положено 50 верст *другому чертежу что зделан до Перекопи*», (курс. наш. — А. Л.), а на следующей листке кратко сообщается о дороге от р. Орели до Перекопа. Эта приписка к основному тексту книги в других ее списках не встречается³².

К сожалению, имя Л. Богданова встречается в приказных документах единственный раз под 1681 г.³³, и к какому времени относится «другой чертеж» дороги в Крым, и связан ли он как-то с «мерным колесом», сказать пока невозможно.

В любом случае в 1689 г. пробел относительно Муравского шляха был восполнен, и целиком прав оказался известный российский стихотворец Карион Истомин, констатирующий, что в результате второго Крымского похода

Познаша в Крым путь росски народы
Благонравнии царски воеводы...³⁴

ПРИЛОЖЕНИЕ

В ЛЕТО 7197 КРЫМСКОЙ ПОХОД БОЛЬШОГО
ПОЛКУ ЦАРСТВЕННЫЕ БОЛЬШИЕ ПЕЧАТИ И
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЕЛИКИХ ДЕЛ ОБЕРЕГАТЕ-
ЛЯ БЛИЖНЯГО БОЯРИНА И НАМЕСТНИКА НОВ-
ГОРОДСКОГО И ДВОРОВОГО ВОЕВОДЫ КНЯЗЯ
ВАСИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОЛИЦЫНА С ТОВА-
РЫЩИ И ЗАПИСКА ГОСУДАРЕВЫМ МЕРНЫМ
ВЕРСТАМ И СТАНОМ ТОГО КРЫМСКОГО ПОХО-
ДУ ПО ВЕРСТАМ МЕРНОМУ КОЛЕСУ

Апреля в 3 день пошли из Ахтырки з болшим парядом
после боярина, перешли 5 верст. Стояли в степи у роз-
рытых курганов.

³² См.: Там же. С. 10.

³³ См.: Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции. М., 1899. Кн. 19. С. 401. В известном справочнике С. Б. Веселовского имя Л. Богданова отсутствует.

³⁴ Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII в. Литературные напегирики/Подгот. текста, предисл. и коммент. А. П. Богданова. М., 1983. Вып. 2. С. 225.

Апреля в 4 день с того стану перешли речку Хухру.

Стояли в дуброве, перешли 6 верст.

Апреля в 5 день перешли Красной Кут до речки Мерлы 4 версты.

Всего от Ахтырки до Мерлы 4 версты.

Апреля в 6 день переправляясь речку Мерлу до боярского обозу перешли 2 версты с полверстою и пришли в обоз.

Стали на Мерле, перешли 8 верст, стали у Черных могил на Орчике^{1*}.

Апреля в 7 день в обозе дневали.

Апреля в 8 день боярин рушился с обозом и с стану в степь перешли 2 версты, и построив обоз четвероугольной пошел до речки Грузкой 6 верст.

Апреля в 10 день переправляясь речку Коломку перешли 2 версты с полверстою.

Апреля в 11 день с того стану до речки Орчика перешли 9 верст стояли на Озерках.

Апреля в 12 день от Озерков подле речки Орчика...^{2*} и стояли на Конских Водах.

Апреля в 13 день перешли от Черных Могил 10 верст. Стали не дошед речки Орели возле лугу, и на том стану стояли апреля по 15 число.

Апреля в 15 день до речки Орели перешли 2 версты с полверстою и переправляясь Орели перешли 3 версты. Стояли в степи у курганов до 18 числа.

Апреля в 19 день шли полем до речки Килченки, перешли 14 верст...^{3*}

Маия в 3 день от Конских Вод до речки Чекрак перешли 12 верст с полверстою.

Маия в 4 день от речки Чекрак до речки Кара-Чекрак перешли 10 верст и стояли на речке Кара-Чекрак 2 дни.

Маия в 6 день от речки Кара-Чекрак чрез верховья Маячика до Отольской долины перешли 14 верст с полверстою. На том стану приведены языка 3 человека татар.

Маия в 7 день от Тольской долины до речки Белозерок перешли 16 верст.

Маия в 8 день от речки Белозерок до речки Рогачевки перешли 13 верст.

Маия в 10 день от речки Рогачевки перешли 14 верст.

---

^{1*} В ркп. Отрчике. Испр. по дальнейшему тексту и Книге Большому чертежу.

^{2*} Пропуск в ркп.

^{3*} Пропуск в ркп.

Стояли на степи без воды. Того же числа перешли 7 верст с полверстою, стояли у Днепра.

Маия в 11 день шли вниз по Днепру, перешли 7 верст. Стояли перешед Мечетную Каирку у Днепра же меж Сухой Каирки.

Маия в 13 день перешли 11 верст. Стояли у Днепра перешед Третью Каирку.

Маия в 14 день перешли 8 верст с полверстою. Стояли на степи.

И того же числа покормясь отошли еще 5 верст. Стояли на Зеленой Долине.

Маия в 15 день перешли 10 верст. Стояли на Черной Долине.

Того же числа был первый бой с ханом до 6 часу дня от светания дня.

Маия в 16 день от Черной Долины перешли 9 верст в один день з боем. И был дождь, и становились на степи от безводья. И того числа Ахтырской и Сумской полки много татар побили в обозе у себя.

Маия в 17 день шли степью до речки Колончака в один день. Был бой.

Маия в 18 день перешед речку Колончак и шед подле той речки.

И отошли две версты и стали на той речке Колончак.

Маия в 19 день от речки Колончака перешли 6 верст. Стояли на степи без воды.

Маия в 20 день перешли 8 верст и пришли под Перекопъ. Всего от Самары до Перекопи 214 верст с полверстою. А от Ахтырки до Перекопи 322 версты. А от Москвы до Ахтырки...^{4*} От Москвы до Перекопи...^{4*}

Маия в 21 день отступили от Перекопи назад и перешли 10 верст. Стояли на степи без воды. Бой был, и людей боярских побрали у воды.

Маия в 22 день от того стану перешли 7 верст до речки Колончака з боем и переправились.

Маия в 23 день переправляясь речку Колончак з боем перешли 6 верст. Стояли на степи без воды, кормили.

И того же числа еще перешли 6 верст с полверстою. Начевали на степи без воды.

Маия в 24 день перешли 17 верст. Стояли у Днепра.

Маия в 25 день от Днепра перешли 4 версты с полверстою. Стояли у колодезей.

---

^{4*} Пропуск в ркп.

- Маия в 26 день перешли 4 версты с полверстою. Кормили без воды.
- Того же числа перешли 6 верст. Стояли у Днепра прошед Исламгородок.
- Маия в 27 день перешли 5 верст, кормили.
- Того же числа кормя перешли 6 верст. Стояли недоев Большой Каирки. И того числа татары отстали.
- Маия в 28 день перешли 8 верст. Стояли на степи без воды, кормили.
- Того же числа перешли 6 верст и стояли у Меньшой Каирки. Воду имали из Днепра.
- Маия в 29 день перешли Мечетную Каирку, а отошли 1 версту с полверстою и стояли у Днепра.
- Маия в 30 день перешли 9 верст с полверстою и кормили. И того же числа перешли 8 верст и стояли на речке Рогачику.
- Маия в 31 день переправясь от Рогачика перешли 6 верст с полверстою и стояли на степи без воды у большого кургана.
- Июня в 1 день до речки Белозерки перешли 5 верст с полверстою.
- Того же числа перешли 2 версты. Воду имали ис тое же речки Белозерки.
- Июня в 2 день перешли 7 верст с полверстою.
- Того же числа после обеда перешли 6 верст. Стояли в Посевском лугу возле Днепра.
- Июня в 3 день перешли 8 верст. Стояли без воды на степи.
- Июня в 4 день перешли 9 верст с полверстою. Стояли на речке Кара — Чекрак.
- Июня в 5 день от речки Кара — Чекрак до речки Анчекрак перешли 5 верст с полверстою.
- Того же числа перешед речку отошли 6 верст. Стояли на степи без воды.
- Июня в 6 день от того стану перешли до речки Конских Вод 5 верст и переправясь речку отошли пол 2 версты.
- Июня в 7 день от речки Конских Вод до речки Московки перешли 8 верст.
- Того же числа через речку Московку перешли 3 версты. Стояли на степи, воду имали ис тое же речки Московки.
- Июня в 8 день от того стану до речки Волной перешли 5 верст.
- Того же числа до речки Осокоревки перешли 10 верст.
- Июня в 9 день от речки Осокоревки перешли 5 верст с полверстою. Стояли на Сухой косе Деревной.

Июня в 10 день перешли 10 верст. Стояли на речке Вороповке, кормили.

Того же числа перешли 7 верст. Стояли в верховьях речки Татарки по левую сторону.

Июня в 11 день от верховья речки Татарки перешли 17 верст с полверстою. Стояли на лугу у реки Самары и у озер недошед до мостов пол 3 версты.

Июня в 12 день стоял боярин на том стану, и после обеда учинилась весть боярину, что явились татаровя и ударили позади обозу. И боярин послал за ними донских казаков и калмыков, и они их доехали от обозу в 10 верстах на степи и учинили с ними бой, и татар побили и знамя их взяли и языков их в полон поимали 6 человек, а достальных гнали верст 27. И знамя и трех языков привезли июня в 13 день. А три человека языков умерли от раны на дороге. А привезенные языки на роспросе сказали, что послал их хан 196 человек, а с ними 2 знамени, а послал их до Самары, чтоб взять языков, и тут их государевы люди побили, а в остатке их ушло малое число.

Июня в 13 день пошел боярин к реке Самаре и шол до реки пол 3 версты.

Того же числа реку Самару переправился со всем обозом, отошед от Самары 3 версты и стал на степи, воду имал из Самары и ис Килченки реки^{5*}.

Июня в 14 день ездил боярин в новоостроенный город Богородицкой слушал в соборной церкви литургию и по обещанию пел молебны. Обедал в городе у думного дворянина и воеводы Василья Петровича Верьдеревского и после обеда приехал в обоз часа за два до вечера.

Приехали к боярскому наместу донские казаки и калмыки, которые ездили в погоню за разбитыми утекшими татарами, и привезли с собою татарское другое знамя. И сказали боярину, что они на степи доехали только двух татар, и то пеших и знамя взяли. А лошади их на бою поранены и под ними в бегу попадали. И тех татар похотели было взять живых, и они живыми не далися, коней их побив и знамя у них взяв привезли в полк к боярину.

Июня в 15 день от того стану перешли 10 верст и стояли возле речки Килченки.

^{5*} Испр., в рук. Кирченки.

ДРЕВНЕРУССКИЙ ТРАКТАТ «О ЧЕЛОВЕЧЕСТЕМ ЕСТЕСТВЕ»

Древнерусские представления о человеке основывались в первую очередь на христианском вероучении. В силу этого обстоятельства нравственные стороны человеческой природы представляли неизмеримо больший интерес, чем физическое строение тела и т. п. Это не означает, однако, что элементов естественнонаучного взгляда по вопросам анатомии, физиологии и антропологии у нас вовсе не было¹.

Основным книжным источником сведений о строении человеческого тела в Древней Руси был «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского². В 6-м его слове не только сообщалось, в соответствии с ветхозаветной традицией, о том, что человек создан «по образу и подобию божью», но и давались, например, определенные краниологические сведения (наличие черепных швов, позволяющих различать пол умершего), сообщалось о составе мозгового вещества и т. п. Из «Шестоднева» эти сведения были заимствованы и составителем «Толковой Палеи»³, а позднее выделялись даже в самостоятельные статьи под названиями «О составе человечесте» (ГПБ, Кир.-Бел., № 10/1087, л. 330), «Иоанна ексарха о главе человек и о естествох» (ГБЛ, Муз., № 8241, л. 290; ГПБ, Архив Синода, № 1315, л. 358) и др.

Широко была распространена статья «Галиново на Ипократа» — сокращенный перевод комментария Галена на сочинения Гиппократа. Уже в 1424 г. ее собственноручно переписывал Кирилл Белозерский⁴, а в XVI в. она вошла даже в Великие Минеи Четыи митрополита Макария⁵. В этот универсальный свод был включен и ряд других статей антропологического и медико-биологического содержания.

¹ См.: Богоявленский Н. А. Отечественная анатомия и физиология в далеком прошлом. Л., 1970.

² См.: Шестоднев, составленный Иоанном экзархом Болгарским. М., 1879.

³ См.: Толковая Палея 1477 г. СПб., 1892.

⁴ См.: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 192—199, 599—601.

⁵ См.: Гаврюшин Н. К. Первая русская энциклопедия // Памятники науки и техники, 1982—1983. М., 1984. С. 119—130.

В XVI в. был сделан также ряд новых переводов, вошедших в древнерусскую книжность под названиями «Лечебников», «Благопрохладных вертоградов» и т. п.⁶ В XVI в. впервые были переведены и так называемые «Проблемата» — псевдоаристотелевское сочинение, включающее ряд анатомических и физиологических сведений. Наконец, надо назвать и «Тайную тайных» — еще одну псевдоаристотелевскую компиляцию, появившуюся впервые в кругах, связанных с ересью жидовствующих⁷.

Все названные сочинения являются переводными, и о существовании какого-либо оригинального древнерусского сочинения по данной тематике сведений к настоящему времени не было. Правда, нельзя не отметить, что внучка Владимира Мономаха, выданная в 1122 г. замуж за византийского царевича Алексея Комнина, написала, уже под именем царицы Зои, целый медицинский трактат на греческом языке⁸, но его, разумеется, нельзя относить к памятникам древнерусской научной мысли.

Тем большее значение приобретает известный нам в четырех списках XVII в. трактат «О человечестве естестве, о видимем и невидимем», который по целому ряду признаков можно считать самостоятельным древнерусским произведением⁹. Общая направленность этого сочинения характеризуется стремлением сочетать «внешнее» анатомо-физиологическое знание с патристической традицией. Для переводных сочинений с латинского и польского подобная тенденция совершенно чужда, да и в языке трактата нет ни малейших следов зависимости от латинского или польского оригинала. Если же относить это сочинение к более раннему периоду и считать его переводом с греческого, тогда, во-первых, надо будет указать соответствующий греческий оригинал и объяс-

---

⁶ См.: Змеев Л. Ф. Русские врачебники // Памятники древней письменности. СПб., 1896. Т. CXII; Груздев В. Ф. Русские рукописные лечебники. Л., 1946.

⁷ См.: Сперанский М. Н. Аристотелевы врата, или Тайная тайных // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1908. Вып. 171. С. 129; Ryan W. F., Schmitt Ch. B. (Ed.). Pseudo-Aristotle the Secret of Secrets. Sources and Influences. London, 1982.

⁸ См.: Лопарев Хр. Брак Мстиславны // Византийский временник. Т. 9. 1902. С. 448–445; Grmek M. D. Les sciences dans les manuscrits slaves orientaux du moyen age. Paris, 1959. P. 35–36.

⁹ Краткий пересказ его содержания по неверно датированной рукописи ГБЛ. Унд. № 950 впервые дала М. В. Безобразова в статье: Психология XVI века // Безобразова М. В. Исследования, лекции, мелочи. СПб., 1914. С. 3–6.

пить, каким образом на его основе возникло две заметно различающихся между собою редакции.

Рассмотрим вкратце содержание трактата. К «видимому» составу в нем относятся главным образом внутренние органы — сердце, печень, селезенка, диафрагма («препона»), артерии («кровавицы») и т. д., но названы также «перси» и «корень» (пенис), «ребра» и «чресла» (поясница). К «невидимому» же человеческому составу здесь отнесены духовные сущности и состояния: «душа», «смысл», «храбрость», «веселие» и т. д.

В последующем изложении намечается немаловажное расхождение между двумя редакциями трактата. Одна из них, после перечисления положительных душевных качеств, отмечает, что они «навершают» естество человека, и только вследствие их «оскудения» появляются «чрезестественная»: «лесть», «ненависть», «злоба», «зависть» и т. п. Иными словами, в этой редакции отрицательные душевные свойства и состояния не считаются врожденными человеческой природе. В другой же редакции этого разведения «естественного» и «чрезестественного» душевного («невидимого») состава человеческого мы не находим.

Далее в тексте трактата рассматривается взаимосвязь «видимого» и «невидимого» составов, причем постоянно проводится восходящая к древнейшим традициям (псевдогиппократовский трактат «О числе 7» и др.) микро-макрокосмическая аналогия («очи же во главе сотворени, аки светила, солнце и месяц, на видение добру и злу»). Примечательно, что и здесь имеется различие в редакциях: упоминание о том, что земля произвела львов, слонов и других животных сопровождается в одном списке уточнением «повелением Божиим», в другом эти слова взяты в скобки, а в остальных они вообще отсутствуют.

Рассматривая назначение отдельных внутренних органов и их связь с «невидимым» составом, автор трактата связывает с селезенкой — гнев, с желчью — вражду, с печенью — печаль. Но далеко не все приводимые им параллели выглядят наивными. Так, он пишет о том, что мочевого пузыря («михирь») дан человеку «на разсуждение телесных и внутренних болезней»: «...яко почюет михирь телесныя болезни утишение и мочию вся являет человеку».

Довольно подробно рассматриваются в трактате причины кашля и мокроты, объясняемые строением легких

(«яко на воздушную часть сотворена суть легка») и их расположенностью к заболеваниям от простуды («студе-ни»), неправильного питания и т. д. Примечательна вариативность терминов, которыми обозначаются легкие: один раз они называются обычным термином «плющи», но в нескольких местах встречается «ключь». Поскольку это не новый термин, а неправильно прочитанное «плучи», «плучь», необходимо предположить общий протограф у всех четырех списков трактата, в котором впервые появилась указанная ошибка.

Немаловажное место в трактате уделяется реминисценциям из патристической литературы, посвященным обузданию «плотской похоти». Однако автор трактата не усматривает в ней самой отрицательного свойства, напротив, «хотение корми и пития», «хотение и жажда от проходна естества», а также «похотное совокупление» существуют в человеке «от зачатка»: «без тех человек не может быть жив».

С литературной точки зрения трактат представляет немалый интерес; в нем есть ряд четких афористических определений, метких сравнений и образов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже мы публикуем текст трактата в современной транскрипции по следующим спискам

А — ГБЛ. Унд. № 950, 4°, полуустав. Л. 87 об.— 92 об. 40-е гг. XVII в. (вод. зн.: типа Дианова, Костюхина, № 592—1646 г., № 866—до 1642 г.).

Б — ГИМ. Сип. № 924, 8°, полуустав. Л. 124 об.— 129. Середина XVII в. (вод. зн.: голова шута, на переплетных листах типа: Гераклитов, № 1478—1666 г.). Сборник принадлежал справщику Московского печатного двора иереев Никифору Симеонову и в основном писан его рукою (л. 1—200). В *А* и *Б* трактат следует за статьями «От Диалектики о разделении твари» и «Сказание о семи свободных мудростех» (в краткой редакции).

В — ГБЛ. Андр. № 2, 4°, полуустав. Л. 414—421 об. 40-е гг. XVII в.¹ Здесь также имеются указанные выше статьи (л. 51 об., 58), но они отделены от трактата разноплановым материалом.

Г — ГИМ. Сип. № 140, 1°, скоропись. Л. 18 об.— 21, 30-е гг. XVII в.² Трактат здесь помещен в подборке «антропологических» статей: «Сказание како сотвори бог человека от персти» (л. 7 об.), «Сказание о теле человечестем и о смерти вкратце» (л. 14 об.),

¹ Сборник неоднократно привлекал внимание исследователей. См. подробнее: *Гаврюшин Н. К.* Вопросно-ответная редакция «Диалектики» // Записки ОР ГБЛ. М., 1987. Т. 46. С. 248—253.

² См.: *Протасьева Т. И.* Описание рукописей Синодального собрания. М., 1973. Ч. II. С. 74.

Афанасия Синаита «О сущем еже по образу и по подобию» (л. 17). В списке много черт русского правописания: окончания прилагательных *-ого* вместо *-аго*, частая замена *ѣ* на *е*, *жд* на *ж* («разсужения»), окончания возвратных глаголов через *ц* («подавляютца»); в то же время встречаются двойств. число («рукама», «свѣтиль») и архаичная форма род. падежа мн. числа («трудъ» вместо «трудоу»).

Эти обстоятельства заставляют нас оставить открытым вопрос о времени написания трактата.

О ЧЕЛОВЕЧЕСТЕМ ЕСТЕСТВЕ, О ВИДИМЕМ И НЕВИДИМЕМ¹

В² человечестем сложе коемуждо уду свой устав повеленно³ есть хранить, и вси удоу различни⁴ суть и державни⁵. И видим: 1 мозг, 2 сердце, 3 ключа, 4 печень, 5⁶ желчь, 6 селезень, 7 препона, 8 желудок, 9 чрева, 10 корень, 11 горло пищное, 12 горло гласное, 13 язык, 14 кровавицы, 15 жилы, 16 кровь, 17 зубы, 18 члены, 19 составы, 20 перси, 21 ребра, 22 чресла, 23 степень, 24 михирь, 25 корь⁷ и стиги. Та бо⁸ вся в человеце видима суть и осяжима, яже внеуду и впутрыуду⁹ человека.

Паки же ипа невидима суть, в зачатии и в возвращении¹⁰: 1 душа, 2 ум, 3 мудрость, 4 мысль, 5 разум, 6 смысл, 7 сила, 8 мощь, 9 храбрость, 10 доблесть, 11 правда, 12 истина¹¹, 13 нелицемерство, 14 любовь, 15 радость, 16 веселие, 17 жалость.¹² И сия человека навершают естество.

По оскудении же сих чрезуестественная бывают¹³: 18 лесть, 19 пенависть, 20 неправда, 21 вражда, 22 злоба, 23 зависть, 24 пропырство, 25 гордыня.

От невидимых состав человеческих невидимыя нравы ражаются, от болших болшая, и яко же во творении земном. Земля бо изведе¹⁴ повелением божиим¹⁵ лвы, слоны и прочии на род по роду их. А от моря киты и прочая¹⁶, также и малейшия роды безчисленных гадов, овии воздухошествени¹⁷ инии же водожитнии¹⁸, овии же насущнии, друзии же двоежителнии. Таже от теплоты и мокрици мухи и комары и всяк овад. А от кала жук и всяк жупелный род¹⁹. Тако же²⁰ и в человеческом естестве. Темже в горней части человеку уподобися глава небеси, в пей же есть мозг. От мозгу видимаго ражается невидимый разум, а от невидимыя душа видимыи²¹ живот. Очи же во главе сотворени, аки светила²², солнце и месяц, на видение добру и злу. От сердца же видимаго невидимая мудрость. От горла глас уподоблен выпшнему²³ громгласию, от селезни гнев, от желчи²⁴ вражда, от крови ярость. А о храбрости²⁵ якоже пишет, мужество от выш-

ниго дается²⁶ в душах²⁷ и телесех человеку. Храбрость²⁸ бо от духа и от крови²⁹ и от тела бывает, другому же от духа и от крови. А ужасъ телу от духа бывает, но та разсуждения³⁰ велика суть. От степени³¹ сила, от чресл крепость, от ребр сохранение внутренних ятр, от жил немощь, от печени печаль, от желчи ненависть, от ключа³² же³³ и пузыря³⁴ плавание на³⁵ воде леготу творят человеку, понеже суть³⁶ легка. От ушей слышание, от поздрей обоняние. Зубы на измеление³⁷, язык на чютие соком. Желудок на изварение брашен, чрево на пропущение утробы, михирь на разсуждение³⁸ телесных и внутренних болезней. Смотрение же о сем велико есть: яко почюет михирь телесныя болезни утишение³⁹ и мочию вся⁴⁰ являет человеку.

И естество убо истекает от михиря являемая⁴¹, но яже почюет в теле его, тако и пуцает от себе знаменуяй михирь. От михирнаго⁴² же корени⁴³ истекает сеяние, и начатия бывают по естественному совокуплению. Распаление бо приходит⁴⁴ от помысла, и от видения разжизает плоть. Тем и от теплоты огня телеснаго есть жажда, того ради огненная жажда сушит составы телесныя. Алканья же измождают, а питания наполняют. Игране расслабляет, юность взимает, старость смиряет.

Лжа, прелесть, ненависть, клевета, пронырство, злословие, несытьство, зависть и⁴⁵ прочее зло бывает⁴⁶ в человеце от неразумива сердца, и лукава ума безстудие исходит. Пишет убо, яко от срама мудрым стыдение бывает, а от печали исходят слезы, а от веселия смех. Смех бо⁴⁷ тело расслабляет, а плачь лукавыя мысли прогоняет. Смех⁴⁸ память смертную отгоняет⁴⁹, а плачь греховныя похоти отсекает. Смех в прелесть⁵⁰ вводит, а плачь добродетели исправляет⁵¹. Смех безобразие лица являет⁵², а плачь доброумие вводит. Смех главу отягчает⁵³, и утробу растерзает⁵⁴, а плачь душу облегчает⁵⁵ к высоте. Смех всякому греху начаток, а плачь греху искоренение. Смех греху рождение, а плачь души очищение — роса бо есть небесная и капля дождевая в⁵⁶ душевныя плоды.

Сии убо прави видимыя и невидимыя. От самого зачатия человеку всевается аки⁵⁷ песок, кийждо уд своего. И растет во удох его с телом, и вьется в нем по⁵⁸ животе его, и комуждо от них отдебеливши⁵⁹ от сердца с⁶⁰ мыслию своею приклонит, и любовь ко⁶¹ праву тому подаются⁶² прави, и инии охудевают; осилившу⁶³ же от них любимому, и⁶⁴ благу, или злу праву его. Якоже бо и в ролии иному семени охудевающу возрастает непотребныи

плевел, и подавляет потребныя семена. Тако и обычаи возраста человеческа, от юности его: аще приложит мысли любовныя от сердца своего в непотребныя⁶⁵ правы, и от тех подавляются благочестивии⁶⁶ помыслы душевныя⁶⁷. Аще ли же⁶⁸ возрастут потребныя⁶⁹ семена, и подавляется⁷⁰ от них плевел. Тако и в человеце возрастают⁷¹ душевныя помыслы, подавляются⁷² непотребнии прави. Но всеми теми обладает ум. Яко же пишет: каждо свою меру имея⁷³, устав невидимому своему естеству, а душа безсмертна. Ум царствуя и обладая всеми составы человеческими, видимыми и невидимыми. Тои убо плотскими очима⁷⁴ глядати управляет, и зримая разсуждает, и языком глаголати научает⁷⁵, и руками⁷⁶ взимает, и зубами смилает. И⁷⁷ ногам ступание исправляет, и всеми безсловесными страстями и скоты обладает, четвероногая укрощает, и птицу послушанию научает, и в глубинах скоровертящуюся рыбу, в чашах же быстрозрительную серну уловляет, и много неисчетныя хитрости в души и телеси являет⁷⁸. Вся сия⁷⁹ ум присенщает божиим⁸⁰ неизреченным мановением⁸¹. Без того бо⁸² немощен⁸³ есть, понеже⁸⁴ безпрестани требует⁸⁵⁻⁸⁶ божественнаго посещения⁸⁷, и утверждения⁸⁸, якоже⁸⁹ и семена требуют дождя небеснаго от господа. И от того ума аки скоропосолицы⁹⁰ невидимыя и безплотныя мысли текут. От самаго бо начатка младенцу яже⁹¹ во утробе всевается: в⁹² телеси телесное, а в души духовная. Есть же паки и⁹³ пны многи видимыя части, свой⁹⁴ каяждо имеет⁹⁵ образ: видение на потребование, плоть на светлость, власи⁹⁶ на лепоту, погги на потребование, браднии⁹⁷ власи знамение есть мужское⁹⁸, да видом познан будет. А юным же одеяния разна суть от женских риз. Женам бо брадныя власы не даны суть, да долгую лепоту лица имеют, да любими будут и кормими каждо подружисем⁹⁹ своим, и огревасми в надрех их. Но в брады место перси им даны суть. Да от тела своего любовию кормят младенца родившагося¹⁰⁰ им¹⁰¹ и тем согнездну любовь имут.

Похоти же человеческия от естества имут¹⁰² сотворени суть.¹⁰³ Хотение корми и пития в естестве всаждено, в нем же и жажда да лежит, яже¹⁰⁴ вкушати брашен или пития, смочити утробная своя от естества душевнаго, оживающу во утробе младенцу, и паки хотение и жажда от проходна естества впаа суть¹⁰⁵. А без тех¹⁰⁶ человек не может быти жив¹⁰⁷, понеже та сродна ему¹⁰⁸ от рождения¹⁰⁹. И паки похотное совокупление от зачатка его в нем. И тем¹¹⁰ же убо похоти жажды сродни¹¹¹ суть и союз-

III¹¹². Аще бо¹¹³ человек восприимлет пост и¹¹⁴ понудит тело свое алканием и жаждою¹¹⁵⁻¹¹⁶ и всяким воздержанием¹¹⁷, и тем отходят¹¹⁸ от него¹¹⁹ плотския похоти¹²⁰, аще ли же обучит тело свое в блазеи пищи пребывати, и тогда ему одолевает¹²¹ похоть. И¹²² сего ради господь соблюдания повелевает глаголя: да не отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печальми житейскими. И сеи положи устав воздержания человеку самовластному на обуздание похоти. И плодородия ради плотскаго совокупления не возбрани. Но владети, а не пораблиятися похотию повеле. И зри о сем разсуждения похоти в безсловесных устремление. И якоже узда коню во устех, тако и плотская похоть воздержанием увядает. Похоть бо в человеце мысленне нападающи и чювственне действующи, и яко же молнии не уподобися скорости. И мычется по телу и по жилам, и составы человеческия проныряющи вскоре, и есть неосяжим образ лица ея. Аки вода тонка и бريدостна и несоставну силу имущи, и неуставне действующи, повинующих же ся ей томительне пудящи¹²³.

Кашлица же человеку от ключь бывает. Яко на воздушную часть сотворена суть легка, и от многия¹²⁴ слабости отнюдь не терпят вреда, и от многих всаждаются¹²⁵ им вред: от запаления, и от возврения, и от студени, и от соку пищеа¹²⁶, и от пития непотребна, и от трудов¹²⁷ и от болезней телесных; и от огня¹²⁸ внутренняго и от ветра воздушнаго сотворяется плющам пакость и гноение¹²⁹. Понеже суть легка, а¹³⁰ не яко инии удове, терпят же ключь гноения, в себе движася¹³¹ и пара¹³² измечают охрак.

¹ АБ; ВГ Ино сказание о человеци естестве, о видимом и невидимом ² БО ³ ВГ; АБ повелен ⁴ В различными ⁵ ВГ державнии ⁶ БВГ; А пятое ⁷ ВГ корень ⁸ ВГ убо ⁹ ВГ-уду ¹⁰ А возвращении ¹¹ АБ истинна ¹²⁻¹³ ВГ нет ¹⁴⁻¹⁵ В в скобках, ВГ нет ¹⁶⁻¹⁹ ВГ а от прочих толики моллюязыки и прочая, а от кала судивова худолажа и весь род жуелный (Г жежелный) ¹⁷⁻¹⁸ Б; А нет ²⁰ ВГ нет ²¹ ВГ; АБ нет ²² ВГ светиле ²³ ВГ горнему ²⁴ ВГ кручины ²⁵ ВГ храбрьство ²⁶ В дасться, ВГ дастся ²⁷ ВГ духах бо ²⁸ ВГ храбрьство ²⁹ Г крове ³⁰ ВГ разсужения ³¹ ВГ степи ³² Г на полях; пузыря ³³⁻³⁴ Г нет ³⁵ Г по ³⁶ Г суть и ³⁷ ВГ зубом измеление ³⁸ ВГ разсужение ³⁹ ВГ утешение ⁴⁰ Г все ⁴¹ ВГ пиваемая ⁴²⁻⁴³ АБ нет ⁴⁴ ВГ находит ⁴⁵⁻⁴⁶ ВГ прочие зли бывают ⁴⁷ В смех убо ⁴⁸ В смех бо ⁴⁹ ВГ отмечает ⁵⁰ ВГ на прелестных ⁵¹⁻⁵² В вставлено на полях ⁵³⁻⁵⁴ ВГ нет ⁵⁵ ВГ облегчает ⁵⁶ ВГ на ⁵⁷ Г; АБВ нет ⁵⁸ БВГ в ⁵⁹ ВГ отдолбившу ⁶⁰ Г и ⁶¹ А по ⁶² Г подаваютьца (правильно: подавляются?) ⁶³ ВГ осилившу ⁶⁴ Г или ⁶⁵ ВГ неподобны ⁶⁶⁻⁶⁷ ВГ душевний помыслы ⁶⁸ ВГ нет ⁶⁹ Г потребная ⁷⁰ Г подавляютьца ⁷¹ Г возрастующе, В-ающе ⁷² Г подавляютьца ⁷³ Г имсия ⁷⁴⁻⁷⁵ Г глядает и языком глаголет ⁷⁶ Г руками ⁷⁷⁻⁷⁸ ВГ погами сту-

паст и четвероногое укротит, и птицы на послушание обучает (*В* поучает) и многие хитрости являет ⁷⁹ *ВГ* сия бо ⁸⁰⁻⁸¹ *ВГ* даровани-ем ⁸² *А* нет ⁸³ *Г* неможен ⁸⁴ *Г* но ⁸⁵ *Б* требуем ⁸⁶⁻⁸⁷ *Г* божия просвещения ⁸⁸ *БГ* утверждения ⁸⁹ *Г* яко ⁹⁰ *БВГ*-посолницы ⁹¹ *В* иже; *Г* еже ⁹² *ВГ* и в ⁹³ *Г* нет ⁹⁴⁻⁹⁵ *В* кояждо имеют ⁹⁶ *БГ* власы ⁹⁷ *Г* брадний ⁹⁸ *Б*; *А* мужское, *В* мужское ⁹⁹ *А* пудру-жием ¹⁰⁰ *Г* родившая ¹⁰¹ *А* нет ¹⁰² *ВГ* нет ¹⁰³⁻¹⁰⁴ *ВГ* хотснем кормля и питье от естества сотворена, в нем и жажда належит, аще ¹⁰⁵ *ВГ* есть ¹⁰⁶⁻¹⁰⁷ *ВГ* четырех не может человек ¹⁰⁸⁻¹⁰⁹ *ВГ* суть от зачатка ¹¹⁰ *БГ* те ¹¹¹ *Г* сродны ¹¹² *Г* соузны ¹¹³ *БГ* убо ¹¹⁴ *Г* нет ¹¹⁵ *БВГ* жаждею ¹¹⁶⁻¹¹⁷ *Г* нет ¹¹⁸⁻¹¹⁹ *Г* нет ¹²⁰⁻¹²¹ *ВГ* аще тело свое обучит в блазе ници пребывати, и одолевает ¹²²⁻¹²³ *ВГ* и не возбранит бо господь ни сперва пицной похоть, но от время (*В* похотного времени) пост ему постави воздержани-ем, да возжется похоть огнем телесным. Плотскаго же совокупления невозбранно и тем владети предложит: смотрение убо о сем, яко узда коню во устех его возбраняет рыскание, тако и пицная похоть воздержание(м) увядает. Похоть убо в человеце глаголема молнии уподобльшися (*В* уподобися) скорости и мычется по телу и по жилам, и составы человеческия пропыряюще скоро, и есть неосажемо. И есть образ лица ея аки вода топка и злачна, а не яко же нитии (*В* ни чти) животное творят ей быти ¹²⁴ *Г* нет ¹²⁵ *Г* многа ж дается ¹²⁶ Здесь *В* обрывается ¹²⁷ *Г* труд ¹²⁸ *А* гня ¹²⁹ *БГ* гноения ¹³⁰ *Г* нет ¹³¹ *Г* движется ¹³² *Г* парят.

А. У. Звонарева

НАТУРФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Писатель, переводчик и незаурядный педагог Симеон Полоцкий (1629—1680), обучавший «премудрости» царских отпрысков, общественный деятель, организатор первой в стране придворной типографии, свободной от патриаршей цензуры, был первым профессиональным русским поэтом.

Симеон Полоцкий (до принятия монашества в 1656 г. Самуил Гаврилович Петровский-Ситнианович) закончил Киево-Могилянскую коллегию, где прослушал курс «натур-философии» профессора Иннокентия Гизеля, ректора кол-легии, «вкусившего учености» в Замойской академии и университетах Англии¹. Высокообразованный эрудит, Ги-

¹ См.: Хижняк З. И. Киево-Могилянська академія. 2-е изд. Київ, 1981. С. 70.

зель в своих лекциях касался многих натурфилософских проблем. Не случайно именно он вплотную подошел к осознанию закона сохранения материи и движения, научно сформулировать который суждено было М. В. Ломоносову. Еще в 1645 г. Гизель убеждал своих учеников: «Материя есть в одинаковом количестве и к тому же того же самого вида, какого была в теле дерева, а потом пребывает в теле огня, который возник из этого дерева»². В этой связи нелишне вспомнить, что М. В. Ломоносов во время обучения в Славяно-греко-латинской академии приезжал в Киев и в течение четырех месяцев штудировал рукописные курсы философии³.

В своих лекциях И. Гизель в нарушение ортодоксально-христианских представлений утверждал: «Существуют три творца, а именно: бог, природа, искусство»⁴. Профессор Ипнокентий Гизель стремился научить своих слушателей главному — мыслить. Потому он саркастически замечал, рассуждая о приливах и отливах моря: «Многие философы приписывали это колебание моря ангелу, подобно как и движение звезд. Так решать этот вопрос действительно легко, но прибегать к этому стыдно для философа, которому надлежит объяснять, насколько это возможно, природные следствия природными же причинами»⁵.

После окончания Киевской коллегии, Симеон Полоцкий едет учиться в виленскую иезуитскую академию. Кафедры собственно естественных наук здесь отсутствовали, но определенная сумма сведений из области географии, ботаники, анатомии, астрономии входила в большинство курсов натуральной философии (физики — по терминологии того времени). Уже в первой половине XVII в. для описания движения небесных тел здесь широко применялись различные схемы, чертежи. В составе библиотеки виленского бургомистра униата Степана Лебедича (а круг читателей подобных книжных хранилищ был тогда достаточно широк) в эти годы (инвентарь составлен в 1649 г.) встречаем книгу, очевидно, известную студентам и преподавателям виленской академии — «Руководство к пользо-

² Ничик В. М. Из истории отечественной философии конца XVII — начала XVIII века. Киев, 1978. С. 43.

³ См.: Чекал В. Л. Забута свідчення сучасника про відвідання Ломоносовым України // Нариси з історії техніки і природознавства. Київ, 1966. Вып. VII. С. 96; Моисеева Г. П. О пребывании М. В. Ломоносова в Киеве // Проблемы истории науки и техники. Киев, 1963. С. 134—136.

⁴ Ничик В. М. Указ. соч. С. 17.

⁵ Там же. С. 18.

ванию астролябией»⁶. В лекциях по натурфилософии звучали имена астрономов XVI—XVII вв. — Тихо Браге, Кеплера, Галилея, Коперника и др., излагались их воззрения. В этих курсах заметно влияние аристотелевских книг по естествознанию; так, сведения по минералогии, географии, астрономии излагались в разделе «О небе и земле», принципы становления природных тел рассматривались в разделе «О возникновении и уничтожении», антропология и психология входили в раздел «О душе». Насколько внимателен ко всякой естественнонаучной информации был сам Симеон Полоцкий видно уже из того, что спустя годы в проекте первой русской академии он особо отмечал необходимость изучения «философии естественной»⁷. Вслед за своими учителями Симеон Полоцкий разделял философию на «разумительную» (логику), «естественную» (физику) и «правную» (этику).

Профессор Гизель, объясняя те или иные природные явления, стремился дать полезные советы, которые, по его мнению, могли бы помочь практическому использованию сил природы или содействовать правильному поведению человека в окружающем его мире⁸. Как и его наставник, Симеон Полоцкий был убежден, что главная задача философии — помочь человеку познавать «естество», ибо только с помощью науки люди могут лучше использовать данное природой, осмысливая прошедшее, определяя настоящее, предвидя будущее.

Симеон Полоцкий оставил огромное литературное наследие. Его рукописные монументальные сборники стихотворений «Вертоград многоцветный» и «Рифмологион» содержат по 1200 страниц каждый. Около пятидесяти стихотворений естественно-познавательного содержания украинский академик А. И. Белецкий выделил в энциклопедическом «Вертограде». К анализу природных явлений обращался Симеон Полоцкий и в своих богословских сочинениях. В теологическом трактате «Венец веры католическия» (1670) дана развернутая картина Вселенной. Снабжал различными натурфилософскими «эрудициями» Симеон и свои проповеди, собранные в два обширных сбор-

⁶ См.: *Евженко И. Е.* Белорусский читатель и книга (по опубликованным источникам XVI—XVIII вв.) // История книги, книжного дела и библиографии в Белоруссии. Минск, 1986. С. 125.

⁷ Древняя Российская Вивлиофика/Изд. Н. Н. Новиковым. 2-е изд. М., 1788. Ч. 6. С. 393.

⁸ См.: *Стратий Я. М.* Проблемы натурфилософии в философской мысли Украины XVII в. Киев, 1981. С. 47.

ника «Вечеря душевная» и «Обед душевный». Так, в «Слове первом Христове в день святых пасхи» высокообразованный автор считает нужным использовать следующее сравнение: «Как магнит притягивает железо, так и Христос — мысленный магнит»⁹. В этом он следовал наставлениям профессора Киевской коллегии И. Галатовского, который утверждал, что необходимо постоянно демонстрировать широкую образованность духовного пастыря.

Симеон Полоцкий использовал в стихах и проповедях цитаты из таких популярных «естествословцев», как Плиний или Аристотель. В то же время не следует преувеличивать влияние авторитетов на прогрессивных деятелей XVII в. Гизель прямо оговаривал в своих лекциях: «Во время диспута следует обращаться не столько к авторитетам, сколько к доводам разума... Человеческий авторитет ничего не доказывает... Не надо никого любить так, чтобы из-за любви к нему пренебрегать правдой»¹⁰.

Известно, что круг чтения Симеона Полоцкого включал книги на латинском и польском языках, которых, судя по его завещанию, было немало в библиотеке просветителя. Напомним: в Москве до конца XVII в. не было напечатано ни одной книги естественнонаучного содержания, а в весьма популярных у грамотного демократического читателя азбуковниках утверждалось, что небесные светила движутся непосредственно ангелами. Подобные представления об устройстве мироздания попали в азбуковники из Толковой Палей, книги Козьмы Индикоплова.

В основе этой космологии (ранняя византийская традиция, — по классификации Б. Е. Райкова) лежит библейское представление о плоской Земле с распростертым над нею неподвижным небом — шатром, под которым ходят небесные светила, направляемые волею ангелов. Этот мир окружен со всех сторон высокими стенами, наподобие обшпирной тюрьмы. В нем нет места законам природы, все управляется непосредственным действием бога и подчиненных ему сил, причем божество находится вне и выше этой мировой «комары» — замкнутого мира-ящика¹¹.

Симеон Полоцкий был сторонником другой, западно-латинской традиции, известной на Руси лишь с XVI в., в основе которой лежала натурфилософия Аристотеля. Опираясь на трактат Симеона «Венец веры католическия»,

⁹ Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1680. Л. 12.

¹⁰ Цит. по: Стратий Я. М. Указ. соч. С. 82.

¹¹ См.: Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. 2-е изд. М.; Л., 1947. С. 105.

можно реконструировать его космографию. По мнению ученого монаха, существует три неба: эмпирейское, неподвижное, самое высшее, кристальное, движущееся с неизреченною скоростью, и твердь, разделяющаяся на два пояса, первый — звезд неподвижных, второй — планет. Планетное небо разделяется на семь кругов или поясов по числу планет, известных в то время (Крон — Сатурн, Дей — Юпитер, Ар — Марс, Солнце, Афродита — Венера, Ермий — Меркурий, Луна). Симеон Полоцкий указывает расстояния от каждой планеты до другой. Планеты по местоположению ниже звезд. Иногда они ходят по одному пути со звездами, а иногда по противоположному. Самая малая звезда в 80 раз больше Земли, а следующая по величине звезда превосходит пространство Земли в 170 раз. Солнце в 166 раз больше Земли (по современным данным, напомним — в 110 раз по диаметру), Луна же в 30 раз меньше. Всякий час Солнце совершает 7 160 миль, из которых каждая требует человеческой ходьбы два часа. Земля представляется круглою, черною, тяжелою, холодною, она — центр всего мира и содержит в себе ад. Землетрясения происходят от терзания заключенных в ее недрах духов.

Отметим эклектичность представлений Симеона Полоцкого о Земле и космосе. Он отстаивал более прогрессивную традицию, утверждающую шарообразность Земли, сферическое строение неба и принимавшую семь планет античной астрономии. В то же время относительно причин, рождающих землетрясения, писатель придерживался давно устаревших взглядов (естественными процессами объяснял землетрясения еще Аристотель в своей «Метеорологии»).

В этом теологическом трактате заметно стремление Симеона Полоцкого объяснить мироздание понятно и доступно самым малообразованным читателям. Эту просветительскую тенденцию своего сочинения он особо подчеркивает, заявляя: «Ведения ради, а не верения предлагаю читателям»¹².

Был ли знаком Симеон Полоцкий с учением Коперника? Очевидно, был. Историки науки утверждают, что труд Николая Коперника «Об обращении небесных кругов», изданный в 1543 г., знали в братских школах Украины и Белоруссии¹³. Более того, все тот же И. Гизель в лекциях, прочитанных в Киевской коллегии в те годы, когда Симеон

¹² Симеон Полоцкий. Венец веры католическия. Рукопись // ГИМ. Син. № 396. Л. 27 об.

¹³ См.: История естествознания в России. М., 1957. Т. I, ч. 1. С. 65.

проходил там курс наук (1645—1647 гг.), излагал как одну из новых гипотез учение Коперника, утверждающего, что «Солнце — планета, пребывающая в центре других планет и как бы восседающая на королевском троне... Солнце как сердце небес вливает свою силу в изменяющуюся природу»¹⁴. Так же, как и Коперник, Гизель считал Солнце «душою мира»: «Как в теле животного сердце является животворным источником... наделяющим члены силой, так и Солнце, как будто сердце неба, рассылает свою силу по всей природе»¹⁵. В этом подчеркивании роли Солнца в мире ощутимо приближение к гелиоцентризму.

А как относился Симеон Полоцкий к астрологии? В Московской Руси во второй половине XVII в. астрология была в известной степени положительным явлением, ибо «она давала людям повод мыслить о космических зависимостях..., вносила более близкие к действительности представления о форме и размерах земного шара и расчищала дорогу к научному познанию природы»¹⁶. Из поздравительных виршей, преподнесенных Симеоном в день крещения юного Петра I (29 июня 1672 г.), можно сделать вывод, что придворный поэт был сторонником особого жанра прогностической поэзии, создавая вирши по образцу гороскопа для царственного младенца. Здесь Симеон Полоцкий не был одинок, — астрология входила в то время в круг общих представлений таких выдающихся людей, как Кеплер, Тихо Браге, Бэкон, Рабле и др.

Симеон Полоцкий, еще будучи совсем молодым поэтом, уделял астролого-астрономической тематике большое внимание. Она нашла отражение в таких его ранних стихах, как «Знаки семи планет и характер их воздействия», «Следуют двенадцать месяцев», «Четыре преобладающих темперамента». Немало и у зрелого Симеона виршей типично астрологического характера, утверждающих, что звезды не влияют всецело на волю, а только предопределяют наклонности личности, оставляя за человеком право выбора между добром и злом, а за божественными силами — право высшего суда за совершенное. Очевидно, Симеон Полоцкий и здесь был последователем И. Гизеля. В своих лекциях профессор Гизель особо отмечал: «Звезды не являются единственной причиной темперамента, ибо (на его форми-

¹⁴ Ничик В. М., Рогович М. Д. Изучение системы Коперника в Киево-Могилянской академии // Николай Коперник. К 500-летию со дня рождения, 1473—1973. М., 1973. С. 136.

¹⁵ Цит. по кн: Стратий Я. М. Указ. соч. С. 44.

¹⁶ Райков Б. Е. Указ. соч. С. 95.

рование) в наибольшей степени влияют естественные способности родителей и местные условия... И хотя темперамент определен, по нему нельзя заранее судить о будущих чертах характера ребенка, так как человек может улучшить или испортить естественные склонности привычками, ибо он свободен»¹⁷.

И. Гизель считал, что небесные тела по-разному влияют на поднебесные. Они, по его мнению, причастны к образованию в мире земной природы минералов, драгоценных камней и металлов, «ведь золото, созданное естественным путем, есть не что иное, как материя, состоящая из живого серебра и серы, сплавленных между собой соответственным образом при помощи солнечного тепла»¹⁸. На определяющее значение Солнца, вызывающего к жизни «всякие плоды земли», а из ее недр — золото и серебро, вслед за И. Гизелем указывал и Симеон Полоцкий: «Се еже благо zde и красно зрится, солнца то действием в мир изводится»¹⁹.

Обратимся к познаниям Симеона в области, близкой к минералогии. В одном из стихотворений сборника «Вертоград многоцветный» Симеон Полоцкий сообщал читателям способ очищения серебра и золота от легких примесей породы: «Огонь полящ злато и сребро чищает»²⁰. Это свойство благородных металлов отмечал еще Плиний, писавший: «Чем чаще бывает оно (золото.— Л. З.) в огне, тем более приобретает доброты»²¹. В XVI в. об этом говорил и ученый Парацельс, основоположник химической фармакологии, чьи труды были известны в виленской иезуитской коллегии. Парацельс указывал, что огонь изменяет металлы несовершенные, уничтожая их. Металлы же совершенные — серебро и золото — от огня, по его мнению, не изменяются²².

Встречается в «Вертограде многоцветном» и несколько стихотворений о магните. Писатель говорит о свойствах магнита вполне конкретно:

Железо к магниту скоро ся вращает,
сродство в нем некое к себе обретае²³.

¹⁷ Цит. по кн.: *Стратий Я. М.* Указ. соч. С. 131.

¹⁸ Там же. С. 168.

¹⁹ *Симеон Полоцкий* Избр. соч. М.; Л., 1955. С. 124.

²⁰ *Симеон Полоцкий*. Вертоград многоцветный // ГИМ. Сип. № 288. Л. 57 об.

²¹ *Кай Плиний Секунд*. Естественная история. СПб., 1879. С. 55.

²² См.: *Рабинович В. Л.* Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979. С. 224.

²³ *Симеон Полоцкий*. Вертоград многоцветный. Л. 125 об.

Напоминает Симеон читателям и о свойствах кремния, столь активно использовавшегося в то время в качестве огнива и в кремневых пищалях. Он замечает:

Кремень аще железом ударен бывает,
светлые огня искры из себе пускает ²⁴.

Отметим также, что за фантастическими с точки зрения современного исследователя утверждениями Симеона Полоцкого порой стоят научные гипотезы, признававшиеся передовыми учеными в XVII в. Так, например, писатель в одном из стихотворений «Вертограда многоцветного» излагает следующую гипотезу происхождения хрусталя из льда:

Многовременным хладом лед ся утверждает,
даже во тверды кристаль преложен бывает ²⁵.

Поясним: под термином «кристалл» в научной и художественной литературе вплоть до конца XVIII в. подразумевался кварц — горный хрусталь. Приписываемая Аристотелю, эта гипотеза признавалась не только античными, но и средневековыми учеными. Лишь в конце XVII в. англичанин Роберт Бойль (1627—1691) измерил удельный вес кварца и льда и доказал ошибочность гипотезы, столь долгое время державшейся в науке благодаря авторитету Аристотеля и Плиния Старшего. Симеон Полоцкий был знаком с гипотезой, очевидно, из «Естественной истории» Плиния Старшего (ссылки на эту книгу нередко встречаются на полях его рукописей). «Кристалл, — писал Плиний Старший, — образуется действием сильного холода. По крайней мере оный там только находится, где наиболее смерзается зимних снегов» ²⁶.

Ссылки на «Естественную историю» Плиния Старшего особенно знаменательны для Симеона Полоцкого, который, согласно справедливому утверждению А. М. Панченко, в отличие от картезианцев, стремившихся к получению опытных знаний, к подтверждению научных сведений результатами экспериментов, придерживался последователей «писанного разума». Иными словами, писатель был сторонником распространенной среди барочных филоло-

²⁴ Там же. Л. 123.

²⁵ Там же. Л. 128.

²⁶ Кай Плиний Секунд. Указ. соч. С. 115.

гов идеи, что абсолютный источник любых знаний — Книга. Истину не надо искать, ее можно вычитать²⁷.

Симеон Полоцкий был, очевидно, одним из первых, кто стал популяризировать эту точку зрения на происхождение хрустали в России. Спустя же четыре года его ученик и последователь Сильвестр Медведев будет излагать эту гипотезу в панегирике царевне Софье: «Кристалль же бывает от леда и снега, иже на высочайших горах множеством времена тако твердо является, яко и во камень претворитися сему»²⁸. Насколько острой в России конца XVII в. стала нужда в любой природоведческой информации, что подобные фрагменты познавательного характера стали появляться даже в панегириках! На полях рукописи Медведев дает прямую ссылку на книгу Плиния: «Плениун, кн. 37, гл. 22».

Приведем еще одно упоминание в виршах «Вертограда» минерала, ранее считавшегося фантастическим:

Камень фирреос, егда цел хранится,
плаваст верху вод, а не грузится.
Той же, на части малы сокрушенный,
во воде тонет, аки отягченный²⁹.

Есть основания предполагать, что под названием «фирреос» Симеон Полоцкий имел в виду или вулканическую серу (ближе по названию) или вулканическую пемзу, которая была хорошо известна в России, ибо ей приписывались лечебные свойства. Именно эти вулканические породы, богатые газами, не тонут в воде, представленные целым камнем. Если раскрошить такой камень на отдельные кусочки, газ выйдет из породы и они потонут, оседая на дно. О загадочном «фирреосе» Симеон Полоцкий, возможно, также узнал из книги Плиния, где упоминается «плавающий камень» с острова Спироза, который «плавает, когда он цельный, но тонет, когда его раскрошат»³⁰.

В нескольких своих виршах («Глава медная глаголавшая» и др.) Симеон упоминает знаменитого алхимика Альберта. Очевидно, был знаком Симеон и с появившимся в 1670 г. в Москве переводом одной из самых известных

²⁷ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1972. С. 220.

²⁸ Цит. по ст.: Богданов А. П. Сильвестра Медведева панегирик царевне Софье 1682 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1984. С. 50.

²⁹ Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Минск, 1962. С. 242.

³⁰ Кай Плиний Секунд. Указ. соч. С. 137.

в Европе медицинских книг, авторство которой традиционно приписывалось Альберту Великому, ученому монаху XIII в., под заглавием: «Сия книга Альбертус преудивительная таинств женских, еще о силах трав, камней, зверей, птиц и рыб. В Амстердаме у Юкона Юншониа лета 1648. Приведенная же слова от слова с латинска на словенской, а написана лета Господня 1670 от создания же мира 7178». Сочинение это посвящено анатомии и физиологии женщин, содержит и перечень действительных и мистических лечебных свойств трав, животных, минералов. Книга эта, появившаяся в западной Европе еще в XIII в., распространялась сперва в рукописных списках, а затем с изобретением книгопечатания и в многочисленных печатных изданиях, как и в латинском оригинале, так и в переводах на все почти европейские языки³¹.

Исследователи творчества Симеона Полоцкого подчеркивают прогрессивность позиции писателя, многократно выступавшего против народных суеверий. Обличению их просветитель посвятил немало стихотворений и особую проповедь «Поучение против суеверий», опубликованную в сборнике «Вечеря душевная». Но, думается, столь энергичное высмеивание Симеоном в виршах и проповедях чародейства, знахарства и народных суеверий связано не только с мировоззрением самого писателя, натурфилософские познания которого находились, как мы пытаемся доказать, на уровне университетского образования того времени. К первым годам царствования Алексея Михайловича относится строгое гонение на разные народные потехи, на пение мирских песен, пляски и игры, и в том числе на ворожбу и чародейство. Собор 1666—1667 гг. возобновил осуждение этих народных забав и суеверий. И Симеон Полоцкий в своих поучениях и виршах осуждает и высмеивает не только знахарей, чародеев, но и скоморохов-«кошунников», народные игрища, хороводы.

В то же время, обличая чародеев и знахарей, Симеон Полоцкий пытался реабилитировать в глазах современников само понятие «врача», ученого лекаря. Оно было в значительной степени скомпрометировано в глазах русских людей XVI—XVII вв. деятельностью некоторых иноземных придворных врачей, порой активно участвовавших в дворцовых интригах (например, Елисей Бомелий), применявших отравление вместо лечения и подозреваемых в колдов-

³¹ См.: Колосов М. А. Альбертус — книга преудивительная таинств женских // Труды акушерско-гинекологического общества при 1-м МГУ. 1926. Вып. XXXII. С. 326.

стве. К иностранцам «еретикам» и к врачам в особенности в Москве на протяжении всего XVII в. относились подозрительно. В 60-е годы XVII в. всех иностранцев, проживающих в столице, выселили за город в «Немецкую слободу», а патриарх, серьезно заболевший в 1690 г., не пустил к себе врачей иностранцев, явившихся к нему по царскому повелению. Он отверг их врачебную помощь и «никакоже даде себя врачевати, иже суца верою неедина мышления»³².

Заметим, что в отличие от России, в Белоруссии уже в XVI в. к медицине благодаря просветительской деятельности братств относились с большим доверием. Как правило, при каждом братстве создавался приют с больничными койками, так называемый «шпиталь». В Минске он существовал при Петропавловском братстве³³. В Слуцке уже в конце XVI в. заболевшие горожане могли прибегнуть к услугам четырех врачей³⁴. В братских школах учащиеся получали определенные навыки в искусстве врачевания, некоторые из воспитанников специально готовились для работы в «шпиталях» — больницах. В XVI в. в Белоруссии, как доказывают документальные источники, профессия врача считалась одной из наиболее престижных, наряду с ксендзом и правоведом³⁵.

Переехав в Москву из Полоцка, Симеон в своих стихах и проповедях попытался освободить понятие «врач» от мрачновато-зловещего ореола. Он видел в ученом враче соратника, считая, что учитель-проповедник занимается тем же — излечением, только врачи лечат тело человека, а учитель-философ — душу, «нравы оных исправляти». Впервые «душеспасительным врачом», который лечит страстные болезни нравов, в Москве назвал философа-проповедника Максим Грек³⁶, воспринявший идеи итальянских гуманистов, учившийся у Саванароллы.

Как отмечает Л. И. Сазонова³⁷, топос: книга — «педугом душевным врачество» — восходит к латинской литературе

³² Барсуков Н. П. Житие и завещание патриарха Иоакима. СПб., 1879. С. 121.

³³ См.: История Минска. Минск, 1957. С. 74.

³⁴ См.: Грицкевич А. П. Слуцк. Минск, 1960. С. 12.

³⁵ См.: Евженко И. Е. Указ. соч. С. 125.

³⁶ См.: Максим Грек. Соч. Казань, 1860. Т. 2. С. 72–73.

³⁷ См.: Сазонова Л. И. Украинские старопечатные предисловия конца XVI — первой половины XVII ст. (борьба за национальное единство) // Русская старопечатная литература, XVI — 1-я четверть XVIII в.: Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 149.

раннего христианства, к сочинениям Аврелия Августина. Для украинских книжников XVII в., подчеркивает исследовательница, метафора книга-врачебница, аптека, располагающая исцелительными лекарствами на «харобы душ людских», книга — «врач премудрый», избавляющий от всякого недуга душевного и телесного, является уже общим местом в многочисленных предисловиях и послесловиях. Но уже в ранних стихах Симеона Полоцкого эта метафора переосмысливается и, получая развитие, реализуется с почти натуралистической конкретикой в таких его стихотворениях, написанных еще в Белоруссии, как «Старайся пресечь в начале», «Новооткрытия», «Ремесла строптивы, но достойны уважения», «Песенка о смерти». Во многих стихотворениях из сборника «Вертоград многоцветный» героями поэта также будут ученые лекари и их искусство (вирши «Закон», «Чародейство», «Лакомство», «Философия»).

Естественно предположить, что и сборник виршей «Вертоград многоцветный» получил свое название по аналогии с популярными лечебниками и травниками «Прохладными вертоградями». И это еще раз свидетельствует о том, что интерес писателя к естествознанию, его симпатии к врачам (в том числе и сам факт обучения у Симеона латинскому и польскому языкам сына придворного врача Стефана фон Гадена Гавриила³⁸) получали постоянно самое непосредственное отражение в его творчестве на разных уровнях — от сюжетно-тематического до жанрового (астролого-прогностический характер отдельных его стихов).

Отметим один из важных доводов просветителя, приводимый им в защиту профессиональных врачей. Они, по его словам, посещают больных не как «рабы», а из самых благородных побуждений, стремясь отдать все силы для того, чтобы вылечить человека. По мнению писателя, врачи заслуживают глубокого доверия и самых высоких похвал. Эти выступления Симеона Полоцкого вполне соответствовали прогрессивным тенденциям времени. Ведь именно в середине XVII в. была открыта первая в Москве школа по подготовке врачей и фельдшеров, написан ряд

---

³⁸ См. подпись к одному из стихотворений «Рифмологиона»: «глаголаше сие Гавриил Стефанов, сын докторов». (Татарский И. К. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность): Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во второй половине XVII в. М., 1886. С. 15).

учебников по медицине, создан Аптекарский приказ, организована медицинская служба в армии³⁹.

В стихотворении «Фебра» Симеон Полоцкий дает индизказательное описание мук больного от лихорадки. Фебра здесь — персонифицированное олицетворение лихорадки. Писатель так изображает ощущения больного.

Фебра его же держит мужа, искушает
да хладною водою жажду утоляет.
Гда же он испиет, огонь велий родится,
им же люте недужный человек дручится⁴⁰.

Думается, так отозвалось в стихах просветителя убеждение И. Гизеля, что человек содержит в себе огонь не актуально, а в потенции, но именно это и обеспечивает ему нормальную жизнедеятельность и оберегает от смерти⁴¹.

Определенными знаниями в области фармакологии Симеон также, очевидно, обладал. Его указания на способ лечения порой весьма конкретны даже в стихах: «Зерно горушно тело согревает». В этом же стихотворении писатель подробно останавливается на лечебных свойствах горчичных зерен:

Зерно горушно мало в себе телом,
но есть в елико довле силы делом,
Вначале мало, худо и презренно,
обоняния и вкуса лишенно.
Но возраст взявше, елма ся стирает,
абие воню из себе пуцает,
Острую горесть, пламени подобну
горячесть родит, но зело угодно.
Яще во хладе тело согревает,
и влаги его силно иссушает,
Греет внутрия огня неимуце,
теплоту родит из вне хладно суще⁴².

Приведенный отрывок убеждает в том, что Симеон был знаком с учением знаменитого античного медика Галена (II в. н. э.) о «градусах лекарств» (недаром Симеон Полоцкий упоминает Галена в своих сочинениях). Напом-

³⁹ См.: Лохтева Г. Н. Материалы Аптекарского приказа — важный источник по истории медицины в России XVII в. // Естественнаонаучные знания в древней Руси. М., 1980. С. 140.

⁴⁰ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 161.

⁴¹ См.: Стратий Я. М. Указ, соч. С. 45.

⁴² Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный. Л. 116 об.

ним, эти мысли Галена послужили основой для дальнейшей разработки врачами и фармакологами классификации веществ по их «согревающим» и «охлаждающим» свойствам, способствовали зарождению первых попыток вычисления температуры смесей или сложных лекарств.

Ренессансное отношение к плоти человеческой оборачивалось у просветителей XVI—XVII вв. особым вниманием к медицине, ятроматематике (врачебной астрологии) и анатомии. Потому столь существенным показалось для Игнатия Иевлевича, одного из наставников и друзей Симеона по Полоцкому Богоявленскому монастырю, то, что в юные годы в Замойской академии он изучал умозрительную медицину с анатомией «по восьмидесяти таблицам», о чем он не забыл сообщить в своей довольно краткой и сдержанной автобиографии⁴³. Знаменательно, что Симеон Полоцкий также собирался издать в своей Верхней типографии некие «таблицы» — первый в России анатомический атлас, «азбуку искусства, которая включает все части человеческого тела, которые в разных случаях требуются в искусстве»⁴⁴.

В «Слове к люботщательному иконного писания» Симон Ушаков и Симеон Полоцкий говорят об «Алфавите художеств», в котором «изображены все члены тела человеческого на медных дщицах для пользы и помощи всем люботщателем»⁴⁵. Предполагалось, что альбом не был издан, но В. Г. Брюсова считает, что найденные ею вирши Ушакову свидетельствуют о выходе такого атласа в свет⁴⁶.

Многие вирши поэта позволяют утверждать, что Симеон Полоцкий признавал «учение о влагах», иначе называемое «гуморальной теорией». Первым популяризатором этого учения на Руси был, по-видимому, Максим Грек. Следуя Галену и Гиппократу, Грек утверждал, что в организме четыре стихии принимают вид мокрот (крови, флегмы, черной и красной желчи), от неблагоприятного сочетания которых и происходят телесные педуги⁴⁷. В Европе это учение было популярно уже в XIII—XIV вв., его развивал и знаменитый салерпский врач Арнольд из Вил-

⁴³ См.: Голубев С. Т. История Киевской духовной академии. Приложение // Университетские известия. 1886. № 5. С. 74–79.

⁴⁴ Леонов А. Симон Ушаков. М., 1945. С. 9.

⁴⁵ Филимонов Г. Слово к люботщательному иконного писания // Вестник ОДРИ. М., 1874. Вып. 2/3. Ст. II. С. 24.

⁴⁶ См.: Брюсова В. Г. Вирши Симону Ушакову // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1977. С. 28–34.

⁴⁷ См.: Громов М. Н. Максим Грек. М., 1983. С. 150.

лановы в своем трактате «Салернский кодекс здоровья»⁴⁸. Симеон Полоцкий же, возможно, впервые услышал о «гуморальной теории» от профессора философии И. Гизеля.

За время своего бытования эта эклектическая теория, соединившая библейские представления о душе, элементы аристотелизма и современные естественнонаучные взгляды, пережила определенные изменения. Так, в лекциях И. Гизеля указывалось, что в теле животных и человека изначально существует некая «праосновная жидкость», из нее в печени вырабатываются четыре главные жидкости организма: кровь, желтая желчь, черная желчь и слизь. Переработанные в сердце под влиянием этого жара, эти жидкости воспроизводят столь нежное вещество, что оно близко к «спиритальному» и потому называют его «жизненными духами». Это вещество, распространяемое кровью по всему организму, и является основой всех жизненных функций. С гуморальной теорией связывает Гизель и темперамент человека и характер его сновидений⁴⁹.

Учение о четырех стихиях стало предметом нескольких ранних стихотворений Симеона Полоцкого («Четыре стихии и их действия» и др.). Античное учение о четырех «мировых стихиях» было воспринято европейской схоластикой в основном через различные толкования «Физики» Аристотеля. Особым признанием мотивы с аллегориями стихий пользовались у барочных писателей и художников.

Знакомство с учением о четырех стихиях Симеон Полоцкий считал, очевидно, необходимым для каждого образованного человека. Не случайно именно к обсуждению сути этого учения попытался просветитель свести уже самое начало встречи ведущих московских богословов и ученых (кроме Симеона в ней принимали участие Епифаний Славинецкий и Паисий Лигарид) с Николаем Спафарием. Беседа эта носила во многом экзаменационный характер. Озябший от ноябрьского холода и затем согретый Спафарий заметил: «Движение творит теплоту». Симеон: «Не во всех», — рече. Николай рече: «Не самим движением, по сопритрением единого ко другому. Сия же суть от четырех стихий. Того ради имут огонь в себе». Николай рече: «Вскую железо хладно, аще ради имут огонь в себе». Николай рече: «Вскую железо хладно, аще пмать огонь в

⁴⁸ См.: Рабинович В. Л. Указ. соч. С. 223.

⁴⁹ См.: Нариси з історії вітчизняної психології XVII–XVIII ст. Київ, 1952. С. 33.

себе?» Симеон рече отвеча: «Яко в нем стихия хладная преобладает»⁵⁰.

Симеон Полоцкий убеждал читателей в силе человеческого разума. Как же представлял он себе сам процесс познания? В этом вопросе он также был верным последователем своих киевских учителей. И. Кононович-Горбацкий и И. Гизель были убеждены в том, что содержание мышления формируется из данных, полученных от ощущений. Ощущения оценивались киевскими мыслителями как важнейший этап познания. Без ощущений, по их мнению, невозможно никакое знание о внешнем мире. За этими взглядами ученых монахов не следует усматривать сенсуализм в современном понимании этого слова. У истоков данной позиции стояли Дионисий Ареопagit, Иоанн Дамаскин («Источник знания»), а позднее — в XIII в. — основоположник второй схоластики Фома Аквинский. Симеон Полоцкий всегда отдавал предпочтение разуму и, касаясь темы чувственной иерархии человека, не выходил за пределы задачи приблизительного ознакомления читателей с таковой иерархией. Хоть и обращался Симеон Полоцкий к поэтической форме, а по существу остался дидактиком.

Наиболее совершенным из всех ощущений преподаватели коллегии считали зрение. Изучая его, И. Гизель и некоторые другие профессора даже пытались объяснить такие сложные явления, как бинокулярное зрение и зрительная адаптация. И Симеон Полоцкий, без сомнения, разделял мнение Гизеля: «...всякое рациональное знание... предполагает некоторое познание, при помощи какого-то внешнего органа, ибо ничего нет в разуме, чего бы не было в органе чувств»⁵¹. «Чувства» расположены писателем по строгой иерархии: на первом месте — зрение, затем — слух, обоняние, вкус и завершается этот рядносящим наиболее телесный характер осязанием. Это стихотворение также говорит о хорошем знании поэтом философии Фомы Аквинского⁵², а значит, могло быть написано не раньше того времени, когда Симеон завершил свое образование в Киево-Могилянском коллегиуме.

В своих виршах Симеон Полоцкий уподоблял человека городу, закрытому со всех сторон и имевшему пять входных ворот — по числу органов чувств. Через эти ворота че-

⁵⁰ Голубев И. Ф. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лягарида с Николаем Спафарием и их беседа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 298.

⁵¹ Ничик В. М. Указ. соч. С. 99.

⁵² См.: Соколов В. В. Средневековая философия. М., 1979. С. 70.

ловек получает знания об окружающем мире. Считая ощущения, воспринимаемые органами чувств, началом познания, Симеон Полоцкий часто и подробно в виршах и проповедях останавливается на описании органов чувств и их функций. Рассуждая о значении ощущений для человека, еще до Симеона Полоцкого этот образ использовал Максим Грек. Он писал о «пятичисленных дверях», через которые в дом души проникают звуки, запахи, свет, вся информация о внешнем мире. Через «двери наша, сиречь чювствия», по мнению Грека, человек воспринимает и узнает мир⁵³. Как и Симеон, Максим Грек особо подчеркивал направляющую силу интеллектуального начала в человеке.

От теории — познания человека и мира — Симеон в своих стихах легко переходил к весьма конкретным рекомендациям. В отдельных проповедях подкупает искренность заботы Симеона, болеющего не только о душевном, но и о телесном здравии прихожан. В «Слове о седма гресех смертных» он не советует злоупотреблять «солнцецзрением» — длительным созерцанием сверкающего в лучах светила, ибо «егда излишне присмотрятсся солнцу, от великого действа лучес его зрение повредится, ибо излишне чювствуемое вредит чювство...»⁵⁴.

Считая, что еда оказывает значительное влияние на психологическое состояние человека и его темперамент, Симеон нередко в стихах обсуждает вопросы гигиены питания. Он не советует употреблять в еду масло и жир, которые, по его мнению, «похоть умножают». Рекомендации же не есть чеснок, который «смордно пахнет», связаны, очевидно, с начавшими утверждать себя требованиями политеса.

Советы Симеона Полоцкого относительно гигиены питания касаются и напитков. Так, по мнению Симеона, вино, употребляемое в меру, «сердпа утверждает и возвеселяет». Напомним, что вино в то время использовалось как основа при приготовлении многих лекарств. В одном из стихотворений просветитель осуждает чрезмерное воздержание в пище (очевидно, при постах), ибо оно, по его мнению, серьезно вредит здоровью — «плоти бо изпемогшей ум не добр бывает». На Руси такая оценка воздержания была весьма нетрадиционной. Максим Грек, например, считал его основой всех добродетелей. Симеон же, пренебрегая конкретными установками относительно важности испол-

⁵³ См.: Громов М. Н. Указ. соч. С. 153.

⁵⁴ Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. М., 1683. С. 566–566 об.

нии многочисленных постов, рекомендует «мерно во вся дни вкушати»⁵⁵.

Важно, что просветитель не ограничивался только «естествословными» уподоблениями и примерами, встречаем мы в его литературном наследии и вирши собственно познавательного содержания, каких не найдешь у приказных стихотворцев, предшественников писателя. Дидактическая нагрузка виршей заметно возросла: в стихотворении «Земля», например, конкретно отозвалось знание писателем дробей:

Земли три части мокнут под водами,
Четверта токмо суха под погами,
Всех есть ходящих и разум имущих и зверей сущих⁵⁶.

Объясняя разнообразные природные явления, Симеон Полоцкий вслед за Гизелем связывает их с существованием элементарных качеств, выделявшихся еще Аристотелем, — теплота, холод, сухость, влажность. Потому причина определенного соотношения суши и воды на Земле получает у Гизеля и Симеона Полоцкого телеологическое обоснование: через необходимость сохранения жизнеспособности живых существ⁵⁷.

Мы коснулись лишь познаний Симеона в областях, близких астрономии, психологии, геологии и медицине. Географические, зоологические и биологические представления писателя могут стать предметом особого исследования. Но уже проанализированный материал, думается, дает все основания к тому, чтобы считать Симеона Полоцкого одним из первых популяризаторов натурфилософских представлений на Руси, родоначальником той линии, которую впоследствии блестяще разовьет М. В. Ломоносов, создав знаменитое «Письмо о пользе стекла». Не случайно М. В. Ломоносов в числе трех книг, ставших для него «воротами учепости», называл и «Псалтырь рифмотворную» Симеона Полоцкого.

Ученый монах, приехавший в Москву в 1663 г. из Полоцка, не совершил открытий и переворотов в естествознании. И все же его эклектичная концепция мира и человека не совпадала с традиционными представлениями, веками господствовавшими на Руси, и во многом была прогрессивной для своего времени. Писатель смог в доступной, художественной форме представить те знания, которыми

⁵⁵ Симеон Полоцкий. Избр. соч. С. 78.

⁵⁶ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. С. 150.

⁵⁷ См.: Стратий Я. М. Указ. соч. С. 46.

обладал. Естественнонаучные сведения использовались Симеоном в двух основных направлениях: либо в ряду раритетов, традиционных для стиля барокко украшений, вырастающих в целые каталоги всевозможных экзотических вещей, либо они имели откровенно дидактическое назначение — служили цели элементарного просвещения читателей.

Не было Симеону Полоцкому покоя и после смерти. Спустя десять лет после торжественного захоронения, в 1690 г., его многочисленные труды были признаны еретическими и само имя предано анафеме с кафедры церковного собора.

Итак, наука, весь эклектический комплекс натурфилософских представлений выполняли очень важную идейно-эстетическую функцию в творчестве писателя. XVII век — это век наступления науки. И если на Западе это ощущалось достаточно мощно, то в России наука пыталась делать только робкие шаги. Сделав науку важным объектом художественного осмысления, Симеон Полоцкий реально стимулировал рост духовной зрелости русского общества.

«Мир есть книга», утверждал писатель, чьи просветительские устремления коснулись в известной степени и естественных наук, и в меру своих сил он учил окружающих разбирать ее непростые письмена.

В. К. Былинин

Poesia docta
СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Судя по дошедшим до нас автографам и спискам произведений Симеона Полоцкого, литературная деятельность этого просветителя XVII в. началась со стихотворных опытов на польском языке, выдержанных в духе современной ему схоластической — школьной — поэтики. Эти вирши Симеона в основном посвящены предметам научно-дидактического характера, они отличаются искусной словесной комбинаторикой, логически стройной композицией, хотя синтаксис их нередко напоминает структуру латинской фразы — с частым использованием инверсий

и гипербат, перестановки слов. Состав их характеризует-ся также «цветами риторики», лексическими изысканно-стями, книжностью поэтического языка¹. *Poesia docta* («ученая поэзия») — вот общее определение, которое под-ходит для большей части стихотворных сочинений, соз-данных поэтом приблизительно с конца 1640-х до начала 1650-х годов, когда он учился в Киеве и в Вильне.

В том, что его творчество началось именно с «ученой поэзии», по-видимому, не следует искать каких-то осо-бых, индивидуальных причин. Напротив, еще Лаврентий Корвин, чьи теоретические труды по «изящной литерату-ре» пользовались высоким авторитетом в европейских университетах и академиях XVI—XVII в., в своем трак-тате «*Compendiosa... carminum structura*» (1496 г.) назы-вал поэзию истинной наукой, призванной в приятной ре-чевой форме выражать содержание других наук, а поэ-та — «толкователем всей школьной учености»². Симеон как раз и был таким толкователем до самых последних дней своей жизни. Однако мы рассмотрим его первые шаги на «поэтический Геликон». Естественнонаучное содер-жание его ранних стихов мы постараемся показать через призму их жанрово-тематического анализа.

Итак, перед нами две рукописи — ГИМ, Син. № 731 (далее обозначается С₁) и ЦГАДА, собр. библиотек Сино-дальн. типографии, ф. 381, ед. хр. 1800 (далее — С₂), со-держающие около 50 стихотворных автографов Симеона, из числа которых легко вычленишь несколько *didascalica opusculi*: схолий, медитаций, а также стихотворных на-ставлений, т. е. произведений, представляющих собой схоластическую поэзию как бы в чистом виде. Таковыми, например, бесспорно являются орнаментальные эпиграм-мы³ с наставлениями и советами: «*Widok żywota ludzkiego*» («Образ жития человеческого»⁴ — С₁, л. 142; С₂, л. 115) и «*Początkowi zabiegaj*» («С малого начинается» — С₂,

¹ См.: Конон Ул. М. На скривжаннях братніх культур // Весні АН БССР. Мінск, 1981. С. 139–141. (Сер. Грамадскіх навук; № 2).

² Ertner H. Zum Dichtungsbegriff des deutschen Humanismus // Grundpositionen der deutschen Literatur in 16. Jahrhunder. B., 1972. S. 362–363, 370.

³ Жанровые определения даются в соответствии с терминологией, которая была принята в курсах школьной поэтики в XVII в. См.: Крекотень В. І. Київська поетика 1637 року // Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI—XVIII ст. Київ, 1981. С. 135–154. См. также: Lewin P. Poetyka moskiewska z roku 1722 // Slavia Orientalis. Roczn. XVI (1967). N 4. S. 381–390.

⁴ Здесь и в дальнейшем перевод с польского — В. Былинкина.

л. 112 об.). В первой излагается схема жизни человека, разделенной на пять 16-летних периодов, и соответственно каждому периоду дается конкретная рекомендация: чем заниматься, о чем думать, к чему стремиться. Во второй эпиграмме проводится подкрепленное многими примерами и сравнениями наставление о необходимости серьезного отношения к начальному обучению и воспитанию детей.

Другая орнаментальная (составная) эпиграмма, развивающая одну из центральных тем «ученой поэзии», озаглавлена «Siedm nauk wyzwolonych» («Семь свободных художеств» — С₁, л. 147; С₂, л. 116 об.). Это стихотворение весьма примечательно. Охарактеризовав классический «тривиум» (грамматику, риторику и диалектику), Симеон очень лаконично сообщает о науках, составляющих «квадривиум»: арифметика (о ней, между прочим, сказано: «такую мудрость содержит в себе, что о будущем все вкратце поведаст тебе»); геометрия («измеряет величину, высоту до самого неба»); астрология («беги небесные отмечает от звезд что случается — отменно толкует»); музыка («разделению голосов учит в приятных мелодиях и сочинению симфоний»). Очевидно, под «симфониями» подразумевалась музыкальная имитация «небесной гармонии» — «ангельской музыки космических сфер»). Как видим, арифметика здесь уподоблена предвидению или прогнозированию, что обычно имело место в практике ятроматематиков⁵. Однако, как справедливо считает Р. А. Симонов, ятроматематика (т. е. врачебная астрология) была только частью общей астрологии. Значит, арифметика, по Симеону, имеет значение прикладной астрологической дисциплины. С небесными измерениями у него связывается и геометрия, фактически принимающая на себя таким образом функцию астрономии⁶.

Столь тенденциозная трактовка молодым поэтом схоластического «квадривиума» вряд ли может быть названа случайной. Он живо интересуется астральной тематикой и посвящает ей ряд стихотворений. В эпиграмматическом жанре *zodiacum* написаны стихи «Miesiące 12 następują»

⁵ См.: Симонов Р. А. Российские придворные «математики» XVI—XVII вв. // *Вопр. истории*. 1986. № 1.

⁶ Интересный образчик подобных «геометрических» расчетов Симеон привел значительно позднее, в своем богословском трактате «Венец веры кафолической» (ок. 1670 г.). См.: Пыпин А. И. История русской литературы. СПб., 1902. Т. II. С. 332.

(«Следуют 12 месяцев» — С₂, л. 110), к ним примыкает календарный цикл описательных эмблем⁷ «Cztery części roku pogody» («Четыре времени года» — С₁, л. 142). Кроме того, к жанру *horoscopus* (поэтическое предсказание по небесным явлениям и светилам) относятся стихотворения «Siedmiu planet znaki i ich operacie następują» («Семи планет знаки и начало их воздействия» — С₁, л. 143; С₂, л. 115 об.) и «Cztery przemagające complexie» («Четыре основных темперамента» — С₁, л. 149). Формальная организация стихотворения «о месяцах» — проста. Это 12 зодиакальных эпиграмм, каждая из которых озаглавлена латинским наименованием соответствующего месяца. Например, *Ianuaris*:

Gdy Wodnik zimne w styczniu wody leje,
I gęste szreny na ten padol sieje,
Ludzie bankiety, piątyki stroją,
Przy lutni wdzięcznej skoczne dumy roją

(«Когда Водолей в январе холодны воды проливает, / И густыми снегами юдоль земную посыпает, / Люди застолья, разгульное веселье устраивают, / При лютне милой живодумы сменяются»). Но простота целого нередко восполняется включением курьезных поэтических тропов и фигур в контекст отдельных фрагментов цикла.

Уже следующая эпиграмма «*Februarius*» по тому, как сменяются в ней оттенки лексем, может быть причислена к грифам (разновидности эпиграмматических жанров с использованием *luzu verborum* — игры слов):

Ryby niebieskie luto się obchodzą,
W lutym, bo światu ciężkie zimno rodzą.
Biegiem się zagrzej, komu teraz zimno,
Usiądź, staruszk, przy ogniu lub dymno?

(«Рыбы небесные лютю обращаются / В лютю (т. е. — в феврале), ибо свирепый холод в мире производят. / Бегом согревайся, кому сейчас холодно; / Присядь, старче, к огню или тебе дымно?»).

Из календарной эмблематики отметим аллегорию Весны. Ее описание дано Симеоном в традиционном, но явно антикизированном варианте — в виде прекрасного юноши-

⁷ Об описательной эмблематике в школьной барочной поэзии см.: Софронова Л. А. Некоторые проблемы поэтики польского барокко // Сов. славяноведение. 1974. № 1. С. 76–77.

Młodzian wesioły z kolan obnażony,
Ptak na ręce, łuk w drugiej nałożony
Obraz jest Wiosny...

(«Юноша веселый с коленом обнаженным, / с птицей в руке и с луком в другую вложенным / — вот образ Весны...» — С₁, л. 150 об.; С₂, л. 117 об.).

Объединение зодикальных и календарно-аграрных мотивов — общее место средневековой европейской и древнерусской альманашной литературы. Особое же распространение этот тематический комплекс получает в XVII в., он прочно усваивается и изобразительным искусством. Так, в подвальных росписях, выполненных Симоном Ушаковым в конце 1660-х годов на сюжет «звездотечное движение, двенадцать месяцев и бег небесные» (плафон Коломенского дворца⁸) можно видеть наглядную иллюстрацию к рассмотренным стихотворениям Симеона Полоцкого, здесь имеются и аллегорические фигуры времен года, и знаки Зодиака, распределенные по дням и месяцам.

В гороскопии «Семи планет знаки...» наряду с общими сведениями о небесном устройстве помещены и некоторые общие генетико-национально-профориентирующие предсказания. Например, сообщив, что луна («месяц») «властвует на первом небесном круге», Симеон тут же добавляет: «Рыбаки и мореплаватели в ее дни рождаются, а также паралитики и те, что около воды ходят» (т. е. сомнамбулы). Затем поэт пишет: «Меркурий планета на втором находится небе, / Под ним рождаются мудрые, счастливые в удовлетворении своих чаяний, / Острые разумом и пытливые, также и математики, / Приятные ликом, белокурые достойные и пеньяницы». Далее подобным же порядком объясняется воздействие «бесстыдной Венеры», что на третьем небесном круге (cirkule), «ясного Солнца» — на четвертом, «кровавого Марса» — на пятом. «Пестрым небес окружьем правит доблестный Юпитер старейший, / Который правде, дружбе, добросовестности учит; / Благосклонность, любовь, доброжелательность ко всему прочему в себе имеют / Те, кто под ним на свет являются, люди пажоные и меру соблюдающие». Наконец, на «седьмом небе» восседает «сыноедец Сатурн». Он «заразу зависти порождает. / Печаль, измены, обжорство, впезапная

⁸ См.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1900. Т. 1. Ил. V. Ср. также: Тахташова Л. Новое о Прокопии Чирпине // Художник. 1983. № 3. С. 60.

смерть, болезни, / Змеинный яд ждут тех, кто считает его своим знаком».

Как видим, способность быть математиком как бы уравниена с такими положительными качествами человека, как мудрость, остроумие, пытливость или настойчивость и т. д.

Эпиграмма о темпераментах описывает «четыре преобладающих» психологических типа людей: «полнокровных», «холериков», «меланхоликов», «флегматиков», каковыми они неизбежно становятся уже с момента рождения, в силу определенной «генитуры», т. е. расположения небесных светил (Юпитера и Венеры, Марса, Сатурна, Луны и созвездия Рыб). Ср.: «Юпитер с Венерой полнокровных порождают / Прелестный веселый сын их⁹ в луга сходит. / Марс холериков господином себя величает, / Беспечно жжет и войны устраивает...» и т. д. Учено-схоластический тон этого произведения не подлежит сомнению. Не исключено, что оно было написано в связи с выполнением «оккупаций» (домашних заданий) в то время, когда Симеон слушал лекции по психологии (они читались в Киево-Могилянском коллегиуме по программе метафизики и после — в философском курсе¹⁰).

Интересно, что психологические свойства человека Симеон обуславливает причинами высшего порядка, выделяя «математику» (астрологическую прогностику) среди других естественных наук. Похоже, что мы имеем дело даже не с случайным юпошеским увлечением Симеона, но с важным моментом в его духовном развитии. Это полезно помнить и при рассмотрении некоторых стихотворных произведений, относящихся уже к московскому периоду его жизни, к иным идеологическим и культурным условиям. Например, в известном стихотворении «Звезда», которое вошло в поэтический фолиант Полоцкого «Вертоград многоцветный», говорится:

Звезды во человецех воли не вреждают,
Токмо страстми плоти пещо преклоняют.
Тем же на звезды вины несть леть возлагати,
Егда кто зло некое обыче деяти¹¹.

Обычно исследователи привлекают это стихотворение для доказательства отрицательного отношения поэта к аст-

⁹ Видимо, Купидон.

¹⁰ См.: *Пелех П. М.* Психология в Киево-Могилянской коллегии XVII века. Киев, 1949. С. 3—8 и след.

¹¹ Цитируется по Беловому списку ГИМ. Син. № 288. Л. 194 об. (то же: БАН. 31.7.3. Л. 185. См. также: *Вирши. Л.*, 1935).

рологии. Конечно же, это недоразумение. Здесь, наоборот, мы видим характерное для схоластической науки XVII в. истолкование небесных явлений в связи с их воздействием на человеческую природу и судьбу. Что же касается «воли», то она и не могла включаться академической астрологией в сферу объектов, подверженных воздействию звезд и планет, поскольку, согласно христианской доктрине, «воля» есть свобода, полученная человеком от бога, в выборе между добром и злом, «раем» и «адам»¹².

Во втором стихотворении из цикла «Воля» («Вертоград многоцветный») Симеон замечает:

Самоволен человек, богом сотворенный,
И никогда от него бывает нужденный.
Огнь и вода пред лицом нашим положиться,
Что ти годе явися, к тому обратися¹³.

Сходные рассуждения имеются и в стихотворении «Звезда», где говорится о неподверженности никаким внешним факторам воли человека. В его поздних «Виршах на рождение Петра I», поднесенных им отцу Петра, царю Алексею Михайловичу в день крещения новорожденного — 29 июня 1672 г., в частности, есть такие строки:

Петр есть камень счастья и камень бесценный,
во утверждение церкви богом водруженный.
И ты, плането Аррис и Зевес, веселися,
во наше бо сияние царевич родися.
Четвероугольный аспект произыде,
царевич царствовать во вся прииде.
Четверокопечный знамя проявляет,
яко четырьмя частями мира обладает.
От бога сей планете естество дадеся,
лучши бо прочих планет в действе обретеся¹⁴.

Приверженность поэта к астрологии, полученная еще в ученические годы, сказала и в зодиакальных циклах в «Орле российском» и «Приветствии» Федору Алексеевичу, в статье Симеона «Беседы со планиты»¹⁵. Рано обозначился в творчестве Симеона интерес к цифири, к чис-

¹² См.: *Августин*. О свободной воле, III. 2—3 // *Майоров Г. Г.* Формирование средневековой философии. М., 1979. С. 321—322.

¹³ Цитируется по списку ГИМ. Син. № 288. Л. 104.

¹⁴ Стихи написаны Симеоном совместно с Епифанием Славинецким 30 мая 1672 г. См.: *Голубев И. Ф.* Забытые вирши Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. 1969. Т. 24. С. 254—259.

¹⁵ Все три произведения находятся в составе «Рифмологиона»: ГИМ. Син. № 287. Л. 439—465, 299—301, 432 об.— 433.

ловой герменевтике и символике, к многозначным числовым подборкам и комбинациям, относящимся к области арифмологии¹⁶. В ранней польскоязычной поэзии Полоцкого очень много стихотворных числовых подборок; причем, как правило, число выносилось в заглавие произведений. Ср.: «Cztery części dnia», «Cztery części roku pogody», «Cztery świata wieku», «Cztery rzeczy namocniejsze», «Cztery żywioły i skutki onych», «Cztery przemogające complexie», «Pięć smysłów następują», «Sześć czistości strojów», «Siedmiu planet znaki...», «Osiem dziwów świata», «Miesiące 12 następują».

Видимо, таким образом преследовалась цель подчеркнуть их научный, удобный для запоминания, справочно-дидактический характер и, в то же время, подчеркнуть истинность, справедливость заключенной в них информации. В XVII в. еще прочно бытовало убеждение, восходящее к патристической философии и, глубже, к учению пифагорийцев и акусматиков, согласно которому число по своей сути лишено лжи, оно — всегда истинно¹⁷. Можно утверждать, что эта концепция явилась идейно-эстетическим фундаментом арифмологии как таковой¹⁸. В рамках арифмологической эстетики могли возникать устойчивые литературные формы. Например, в польской барочной поэзии широко фигурировали так называемые «Czwarteki» («Четвертаки») — комплексы афористических фраз, имевшие трех или четырехчастное строение. Они напоминали популярные в немецкой литературе XV—XVII вв. наборы приамелей и шпрухов¹⁹. Вполне вероятно, что стихотворные тетрады Полоцкого предназначались для объединения в такой обобщающий «Czwartek» (тем более, что соблюдать тематическое единство для этого совсем не требовалось).

К эпиграмме о четырех темпераментах тематически приближается стихотворение «Pięć zmysłów następują» («Пять чувств проявляются» — С., л. 147). Правда, смысловой акцент здесь перенесен на проблему плотско-«твар-

¹⁶ Яркое представление об этом роде схоластической учености дает трактат «Арифмология, сиречь числословие, всех яже нас учить могут числом объемлемое», написанный Николаем Спафарием в середине 1670-х годов для царя Алексея Михайловича. См.: *Николай Спафарий. Эстетические трактаты/Подгот. текста и вступ. ст. О. А. Белобровой. Л., 1978. С. 87—124.*

¹⁷ См.: *Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. М., 1972. С. 159—163.*

¹⁸ См.: Там же. С. 164.

¹⁹ См.: *Николаев С. И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. 1981. Т. 36. С. 177, 179.*

ной» природы человеческого естества. (Подобные вопросы должны были серьезно привлекать внимание нашего учебного стихотворца, особенно после его вступления в латино-униатский монашеский орден базилиан.) Поэт прибегает к эмблематически образным сентенциям по поводу сходства «внешних чувств» (*sensus exteriores*) у людей и у животных. «Малое око всех вещей образы собирает; / Орел сквозь солнце, зоркий, и сквозь стены взором проникает / Олень, слухом достойный, тянется к лютнисту, / Чья мелодия радует уши слушателя» и т. д. Одним словом образные описания «чувств» при ближайшем рассмотрении оказываются размещенными по строго иерархическому принципу: на первом месте — зрение, затем — слух, обоняние, вкус и завершается этот ряд носящим наиболее «телесный» характер осязанием.

Откуда заимствована данная схема, гадать не приходится, — ее использование Симеоном свидетельствует о его хорошем знакомстве с философским учением Фомы Аквинского²⁰ (а возможно, и с «Источником знания» Иоанна Дамаскина²¹). В этой связи хотелось бы еще отметить, что вообще сенситивная тематика активно разрабатывалась и всячески обыгрывалась барочной поэзией. Одип из виднейших ее мастеров, ее патриарх — Джамбаттиста Марини — был прямо назван «поэтом пяти чувств»²². Действительно, в его произведениях «тают грани между чувствами и ощущениями человека и природой»²³. В отличие же от Марини, Симеон не стремится выразить свои чувства в творчестве, а как типичный сторонник схоластической теории *ratio scripta* («писанного разума») лишь констатирует наличие таковых в человеческой природе, показывая их «субординацию».

Студенческие занятия «метафизикой» и «физикой» нашли отражение и в медитациях Симеона о быстроте и цикличности времени (ср.: «Время днем и ночью по кругу всегда ходит...» — С₁, л. 151 об.; С₂, л. 118; «Округлое небо по кругу катится, время крылатое днем и ночью за ним поспевает...» — С₁, л. 152; С₂, л. 118 об.; «Время быстролетное быстрее оленя днем и ночью бежит...» — С₁, л. 152 об.; «Все на свете конец завершает, один лишь Христос вечно

²⁰ См.: *Фома Аквинский. Сумма теологии. I, гл. 12–76.* См.: *Соколов В. В. Средневековая философия.* М., 1979. С. 367–368.

²¹ См.: *Точное изложение православной веры. Творение св. Иоанна Дамаскина/Вступ. ст., пер. и коммент. А. Бронзова.* СПб., 1894.

²² *Calcaterra C. Il Parnaso in rivolta.* Milano, 1940. P. 13.

²³ *Голенищев-Кутузов И. Н. Романские литературы.* М., 1975. С. 251.

триумфует...» — там же; «Вращение небес часы располага-
ет, таким образом часовой циферблат образуется...» — С₂,
л. 121), та же тема в стихах о первоначалах вещей — кос-
мических стихиях. Одно произведение так и названо:
«Cztery żywioły i skutki onych» — «Четыре стихии и по-
следствия их проявления» (С₁, л. 149 об.):

Земля тяжелая всячески двигает себя,—
Древес, цветов, животных красотою упещренная,—
Всех вещей мать, все она рождает,
Но и пожирает то, что паплодит.

Благодаря воде низины, леса, травы зеленеют,
Мореплаватель добывает славу, если не ленится,
В ней балены живут, страшные рыбыщи,
И другие морские звери.

Все что только земля может породить,
То без моей ласки никогда не созреет.
Я воздух — всем жизнь даю,
Когда ветры пускаю во все концы света.

Все бы безвременно погибнуть могло,
Если бы от меня моей ласки не испытывало,
Я — огонь, утверждаемый аж на самом пебе,
Тепло раздаю ко всеобщей потребе.

Это орнаментальная «активная» эпиграмма, в которой авторская речь сочетается с прямой речью олицетворяемых неодушевленных предметов, в данном случае — природных стихий²⁴. Содержание ее вряд ли требует подробных комментариев, кроме, разве что, начальной фразы — «земля тяжелая двигает себя». Видимо, здесь подразумеваются не столько сейсмические явления, сколько естественное вращение Земли. Следовательно, Симеон выступает сторонником гелиоцентрической системы устройства мира. В этой связи есть основание полагать, что он был знаком с «небесной механикой» Н. Коперника. Космологическое учение Коперника в XVII в. уже не так рьяно отвергалось различными учеными-схоластами, оно свободно излагалось с кафедр многих европейских учебных заведений, в том числе, вероятно, и в Киево-Могилянском коллегиуме. Недаром его профессор, Епифаний Славинецкий, прибыв по приглашению царского правительства в Москву

²⁴ Об «активных» эпиграммах см.: *Крескотень В. II*. Киевская поэтика 1637 г. С. 136; см. также: *Сазонова Л. И.* Украинские старопечатные предисловия конца XVI — первой половины XVII в. (особенности литературной формы) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 182 и др.

(в 1649 г.) с целью паладить в русской столице общеобразовательный институт, перевел среди прочих ученых книг «Географию» Блеу, в которой он также изложил суть гелиоцентрической системы Коперника²⁵.

В средневековой монастырской школе заметное место отводилось изучению «полезных» ремесел. В свою очередь, и высшая школа, готовившая «дидаскалов» (учителей) для подобных заведений, была вынуждена знакомить студентов с ремесленным делом. Происходило это, как правило, факультативно или сочеталось с преподаванием других учебных предметов. Например, в классе пиитики тема «полезные ремесла» служила мотивом для отработки техники стихотворной интерпретации. К такого рода опытам относится стихотворение Симеона «Rzemiosła zrządne, a uczsiwe» («Ремесла ворчливы, но добросовестны» — С₁, л. 148; С₂, л. 16 об.). Это аллегорическая картина, где персонажи римской мифологии²⁶ олицетворяют ремесла, занятия, профессии человека. Образ богини Опы Сеятельницы — земледелие, образ древнеиталийской богини Палес — скотоводство, лидийка Арахне, о споре которой с богиней ремесел Афиной Палладой рассказывает в «Метаморфозах» Овидий (гл. VI, стих V—145), знаменует ткачество, Ларунда — архитектуру:

Архитектонов матерью наречена
Ларунда, в пекло Юпитером была брошена.
От Меркурия она близнецов имела,
Через которых миру свою пауку передала.

О Дориде, дочери Океана и Фетиды, олицетворяющей мореплавание и корабельное дело, породившей нимф и

²⁵ См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903. Однако заслуживает внимания тот факт, что в русской переработке этого стихотворения, получившей название «Стихи четыре», Полоцкий выражает вполне ортодоксальную точку зрения на устройство мира. Он пишет (ГИМ. Син. 288. Л. 456):

Четыре богом стихии созданы,
земля, вода, огонь и воздух пространый.
Земля во жилище людям сготовася,
и зверем, всех же ниже основася.

²⁶ Весь набор мифологических образов Симеон мог заимствовать из популярных в XVII в. школьных пособий типа «Subsidiis poëseos» («Пособий поэзии»). См.: *Петров Н. И.* Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков: (Киевская искусственная литература XVII—XVIII вв., преимущественно драматическая). Киев, 1911. С. 72.

муз, покровительниц «семи свободных художеств», в стихотворении сказано:

Серьезная Дорида, жена Нерся,
Нимф породив, высоко прославленная
Корабль изобрела, море парусами измерила,
В Индию и к арабам дороги показала.

Кузнечное дело олицетворяет Вулкан со своими слугами, циклопами Бронтом, Стеропом и Пирацменом; Марс и Беллона — военное искусство. Практическую медицину у Симеона символизирует Панацея: она «о здоровье человека заботится, знает, чем ему когда помочь, боли усмиряет, лечит все болезни, лекарства готовит для скрытой печени»²⁷. И завершается эта процессия «живых» профессий Политикой, окруженной Честью, Хвалой, Достоинствами и лаврами.

Представление об «ученой поэзии» Полоцкого было бы не полным, если бы мы не коснулись и других произведений писателя. Стихотворение «Nowoznaleziona rzeczu» («Новооткрытия» — С₂, лл. 121—121 об.) написано им в популярном жанре «повин». Во времена Полоцкого повины могли быть способом изящного и вполне серьезного сообщения о различных новостях: о находках редкостей, об удивительных событиях, происшедших в мире, о новых научных идеях, гипотезах и открытиях; но подчас превращались в пародии на подобные описания. Получив распространение в стихотворной практике совизжалов, новины-пародии скоро стали достоянием и неофициальной схоластической поэзии²⁸. «Новооткрытия» Симеона не являются прямой пародией, иногда речь поэта приобретает здесь серьезный дидактический тон, но все же стихотворение в целом выдержано в шутливо-гротескном стиле «bernesco», — в нем о вещах высоких и низменных говорится одинаково, почти высокопарным слогом.

Страна Америка и камень под названием
Полярис (магнит. — В. Б.) недавно на свете обнаружены.
Типография, ружье и часы...
Шелковый червяк, седло со стременами
Новооткрыты мудрых острым разумом.

В одном ряду этого стихотворного реестра оказыва-

²⁷ С этим органом средневековья медицина связывала многие жизненные функции человека. См.: Ковнер С. Г. История средневековой медицины. Киев, 1893.

²⁸ См.: *Hernas Cz. Barok*. Warszawa, 1980, S. 61, 131—133.

ются открытие устройства компаса, целебного сока гиа-
цинтового дерева, водки, «которая людям пользу прино-
сит» (!), водяной мельницы, сахара, краски для волос,
очков, зеркальной обработки железа, гравирования на ме-
ди, маяка и т. д. и т. п. Воздаётся хвала Америго Веспуч-
чи, Кристофу Колумбу, Фердинанду Магеллану, которые
уравниваются в подвигах и славе с библейским царем
Давидом, Александром Македонским и Юлием Цезарем,
а также с «мужественными христианами», героями «Ос-
вобожденного Иерусалима» Тассо — королем Артуром и
Готфридом Бульонским. Даются советы о том, как изба-
виться от болезней, приобретенных от «злой Веперы».
И тут же замечания типа:

Знай всяк свое место: молится Сии,
Плуг даи Хаму, а меч Иафету...
Наши, сей, коси, боронуй — твое право, Хам,
Только не садись к папам, не шути со мною.

Теме раритетов и «чудес» (*mirabilium*), столь тради-
ционной для школьной эпиграмматической поэзии²⁹, Си-
меон отдал дань также в своем цикле эпigramм «*Osiem
dziwów świata*» («Восемь чудес света» — С₂, л. 120 об.).
Каждая из восьми эпigramм цикла — как бы сжатая ан-
нотация к одному из грандиозных сооружений, называе-
мых «чудесами света». Читателю сообщается о возникно-
влении и назначении египетских пирамид, что «в Мемфисе
построены в виде | каменных возвышений для погребения
| королей, высотой огня небесного достигающих». Опи-
саны Фарос-Пирг, поставленный в устье Нила «Птоло-
меем египетским господином»; огромный горельеф с изоб-
ражением Юпитера, «Фидиевой приписываемый работе».
Четвертым «чудом» поэт называет Родосского колосса,
который был изваян из меди «в честь солнца». Пятое
«чудо» — храм в Эфесе, созданный амазонкой Делией (Ар-
темиды храм³⁰). Шестое — гробница Маузола (т. е. Мав-
золей). Седьмое — «сады Семирамиды, жены ассирийского
короля Нина, в Вавилоне». Завершается стихотворение
эпigramмой «*Amphitheatrum*» — о римском Колизее. Через
несколько лет, весной 1671 г. Полоцкий переложит эти
стихи на русский язык и почти целиком включит их
в торжественное «Приветство... царю и вел. кн. Алексею

²⁹ Ср.: *Голенищев-Кутузов И. Н.* Средневековая латинская лите-
ратура Италии. М., 1972. С. 186 и др.

³⁰ Ср. о том же в «Арифмологии» Николая Спафария // Эстетические
трактаты. Л., 1978. С. 89.

Михайловичю... о вселении его благополучном в дом, великим издешевием, предивною хитростию, пречюдною красотою в селе Коломенском новосозданный»³¹ (однако вместо римского Колизея восьмым чудом света будет провозглашен Коломенский дворец — гордость «Третьего Рима»).

Мы вынесли за пределы данной работы подробности художественного анализа «ученой поэзии» молодого Симеона Полоцкого и постарались сосредоточить больше внимания на ее жанровой тематике, на самих объектах изображения. Безусловно прав А. М. Панченко, полагая, что Полоцкий в европейской литературе XVII в. занял место среди решительно отвергавших идеи картезианства «барочных филологов и историков, среди „полигисторов“, считавших себя единственными наследниками гуманистов, а на самом деле превративших учение гуманистов в догму ... Картезианцы отрицали традицию и главным орудием исследования мира и человека считали естествознание, опыт; барочные филологи и поэты опирались на „писанный разум“... — отчасти Библию, главным же образом на творения отцов церкви („предание“) и античное наследие». Они не искали истину, но проповедовали ее, «считая ее обладателем того, кто хорошо знал богословие, умел читать классические тексты, кто изучил логику и диалектику, риторику и поэтику»³².

Симеон Полоцкий освоил жанры *studia humanitatis*. Его схоластическая ученость обладала энциклопедической широтой, что для развития русского просвещения, русской литературы «переходной эпохи» оказалось чрезвычайно полезным и важным. Многие из того, о чем вещал в своих ученых виршах Симеон, в России знали и раньше (например, о семи свободных искусствах, об астрологических прогнозах, знаках Зодиака и прочем, не говоря уже о часах и огнестрельном оружии), но многое прозвучало впервые, «по-новому», удивляя его московских учеников, возбуждая в них интерес к различным наукам. Новые веяния в русской культуре и общественной жизни привели к основанию первой русской Славяно-греко-латинской академии³³.

Свою европейскую схоластическую ученость Симеон

³¹ ГИМ. Син. № 287 («Рифмологикон»). Л. 382 об.

³² Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 167–168.

³³ Об этом см.: Смирнов С. История Славяно-греко-латинской академии. М., 1855; Рогов А. И. Школа и просвещение // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. II. С. 150–153.

легко приспособил к русским традициям, уважая приверженность «старинному благочестию». Вот почему сложно сказать, какой эффект возымели бы его усилия, будь он убежденным сторонником декартовского дуализма, смелым научным экспериментатором и естествоиспытателем. Были бы эти усилия поняты и поддержаны кем-то из русских современников поэта или нет, получил бы этот «начальный импульс» положительное целенаправленное продолжение в отмеченных историко-культурных условиях...

Как бы то ни было, сам Симеон прекрасно знал правило классической риторики — «хорошо то, что к месту и ко времени» — и, бесспорно, всегда руководствовался им как в жизни, так и в своем творчестве.

А. П. Богданов

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СТИХАХ КАРИОНА ИСТОМИНА

В последней четверти XVII в. стихотворное слово становится одним из важных элементов публичной жизни государственного двора, а придворный поэт — непременным участником подготовки многочисленных церковных и светских торжеств, собиравших значительную аудиторию: не только высших чинов двора и церковных иерархов, но и дворян разных званий, приказных служителей, торговых и промышленных людей. пышные дворцовые церемонии, выплескивавшиеся зачастую на кремлевские площади, богато декорировались, сопровождались исполнением новых вокальных и инструментальных произведений, стихотворными и прозаическими «орациями», «приветствами», тостами. Стихами украшались царские дворцы и палаты знати, залы придворной капеллы и помещения училищ, причем именно стихотворцу стремились заказчики поручить разработку проекта интерьера. «Зрелищем и потребством вещей человек веселится!» — было написано в княжеских палатах. Но и на могилах бояр и дворян, подьячих и кушцов, монахов и певчих появляются пышные стихотворные эпитафии, заказанные поэту.

При российском дворе не было официальной должности придворного стихотворца и выступать со своими стихами могли разные люди. Однако хорошо оплачиваемые заказы на «литературное» оформление торжеств давались обычно одному опытному и хорошо зарекомендовавшему себя стихотворцу. У истоков этой традиции, зародившейся во второй половине XVII в., стояли Симеон Полоцкий, его ученик и последователь Сильвестр Медведев. В 1680-х годах эту эстафету принял Карион Истомин (1640-е годы — 1722 г.): крупный русский поэт, писатель, публицист, педагог и общественный деятель¹.

Приняв монашество (почти неизменный атрибут русского писателя XVII в.), Истомин при поддержке Сильвестра Медведева и Евфимия Чудовского получил должность на Печатном дворе (несколько лет он даже возглавлял его) и стал личным секретарем патриарха Иоакима (впоследствии он служил и у Адриана). Одновременно в начале 1680-х годов он принял от Сильвестра Медведева заботы о стихотворном оформлении придворных праздников. Два последние десятилетия XVII в. бурное время кануна и начала преобразований было и временем творческого взлета Истомина. Он готовил к изданию книги и писал школьные учебники, составлял грамоты для царей и патриархов, писал речи и письма для высших государственных и церковных деятелей, сочинял проповеди и обличения.

Главным наследием Истомина стали сотни его стихотворных произведений самых разных жанров. Здесь мы видим праздничные орации и поэмы «на случай», придворные приветствия и настенные эпитафии, поздравления и эпитафии, писавшиеся по заказам светских и духовных властей, знати, приказных деятелей, купечества. С именем Истомина связаны преобразования русского стиха. В новых условиях поэт должен был ориентироваться на широкую аудиторию. «Чистая» силлабика в его творчестве уступает место легкому и разнообразному ритмизованному силлабическому стиху. Усложненный язык аллегорий «ученой» поэзии барокко развивается в более понятную аудитории прямую речь, раскрывающую и поясняющую использованные образы.

Стремление Истомина к понятности, к доступности разным кругам своих читателей и слушателей, позволяет

¹ Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII в. Литературные панегирики/Подгот. текста, предисл. и коммент. А. П. Богданова. М., 1983; Сазонова Л. И. Карион Истомин // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39.

использовать его стихотворные сочинения как источник о самых разных, в том числе естественнонаучных представлениях «верхов» Российского государства, представить себе тот минимум знаний, который стал общепринятым.

В области естественных наук Карпю Истомин вряд ли был осведомлен много лучше аудитории, к которой обращал свои стихотворные сочинения. Помимо литературы, круг его интересов сосредоточивался главным образом в области школьных «премудростей»: грамматики, синтаксиса, логики, риторики, диалектики, арифметики, геометрии, философии и теологии. Тем более важно отметить, что в многочисленных сочинениях в защиту «свободных мудростей», написанных в связи с борьбой сторонников европейского образования в России и «мудроборцев» во главе с патриархом Иоакимом, Истомин включал естествознание в число необходимых для развития государства наук. Путь познания, по его мнению, пролегает через науки, развивающие способности человека к изучению природы, сознание величия которой в свою очередь, должно служить прославлению ее сверхъестественного «Творца», а полученные в результате этого изучения знания — обеспечить людям и стране в целом изобилие земных благ. Уже в первой редакции «Книги, желательного приветства мудрости» (1682 г.) призывая царя Петра «внити» в Храм Науки, «где правды Солнце сияет и мудрых всех детей озаряет», Истомин обещает ему (1, л. 44; 2, л. 35 об.²):

Тем самого ся познаешь,	Добре во всем обладаешь.
По сем узришь Бога славу,	Тело, душу твою здраву.

Во второй редакции «Книги» (1682 г.) говорится о значении науки (2, л. 36 об.):

Мудрости бо несть	подобие кое,
Яко гонит лесь	и всякое злое.
Камение драго	пред нею менш песок,
Понеже тоя	чист разум высок.
Мыслити о пей	чувство есть свершено,
Зане ею вся	паша извещено.
В первых сами ся	кто есмы взнаваем,
Та же Творца си,	и пань уповаем.

Причем это «упование» заключается не в ожидании

---

² См. список произведений Истомина, использованных в данной статье, на стр. 278–279.

«божией милости» (2, л. 37), а в использовании самих научных знаний.

«Прежеланно есть где мудрость пасется, — пишет автор там же, — зане чрез тую все добро лиется» (2, л. 37 об.). Изучению природы «школьная премудрость» служит лишь подготовкой, тогда как познание бога ведет к моральному совершенствованию, важность которого автор постоянно подчеркивает. Проблема нравственного единства «народа» в рамках господствующей идеологии абсолютизма, ставшая особенно острой во время и после Московского восстания 1683 г., занимает большое место в рассуждениях Истомина о «премудрости» (наряду с проблемами государственного управления), — однако для нас важнее всего отметить, что блага религиозного и естественнонаучного знания нигде не смешиваются литератором.

Представление о задачах естествознания и его месте среди наук в поэзии Кариона Истомина достаточно отчетливо. Вот, например, перечень «даров», подаваемых людям «премудростью», — текст, написанный во время Московского восстания (2, л. 36 об.):

Она бо учит правде	Наипаче же божью
и мужеству,	дружеству...
Мудростию бо вси цари	И вси велможи добре
царствуют,	началствуют.
Мудростию же вси	И о том люди все
управляются,	утешаются.
Ею здравствуют удобь	И счисляются времена
человецы,	и вещи.
Ею по морю плавают	Во время люто и зело
удобно	безгодно...
Ею во мире вся блага	Разум, богатство люди
бывают,	обредают.

Истомин не забыл среди важнейших наук назвать по крайней мере медицину, хронологию (в дальнейшем увидим, что он имеет в виду математику), астрономию и химико-технологические знания, необходимые для развития ремесел.

В произведениях, пропагандирующих мысль о необходимости распространять в России европейские «свободные мудрости», которую поддерживало подавляющее большинство светских «служивых людей», гостей и значительная часть образованных церковнослужителей, Истомин рассматривал естественные науки с позиций государственной пользы (2, л. 32; ср. л. 37 об.). Благодаря развитию бого-

словия, социальных и естественных наук:

Окрестны страны	не имут востати,
Но присно будут	в мир твой [царя Петра]
	притекати.
Враг твоих главы	удобь сокрушатся,
Вся же языцы	тебе покаряся.

Развитие национальной науки позволило бы, по мнению поэта, на равных общаться с другими государствами (1, л. 44 об. ср. 3, л. 47 об.): «Ею взнавшеся, яко Богу дело, и в чюжеземстве вси глаголют смело». Науки должны прославить Россию. Истомин высказывал подобные мысли и позднее. Обращаясь в 1689 г. к Иоакиму, он писал (6):

Учение zde	чрез тя да прострется.
В страны и царства	слава да несется.
В нем спасение	и польза народа,
Гражданская же	в разуме свобода.
Охранство царству	и краса паука,
Иповерный папъ	не востягнет лука.
Злобожнии бо	сю победятся
И в веру святу	чрез ню обратятся.
В судилах мудрость	место заседает,
Неправды и лести	всяки истребляет.
Всех невозможно	тоя известити,
Добродетелей	ныне исчислити.
Боже, утверди	науку zde в веки,
Да пребывает	в россах с человеки!

Любопытно, что в данном случае автор отодвинул богословие и юриспруденцию на второе и третье место, тогда как «охранство царству и краса», по всей видимости, относятся к практическим естественнонаучным знаниям. Это подтверждается и описанием содержания грядущей деятельности русских ученых в обращении к царю в следующем, 1690 г. (11, л. 223):

Зрителны люди	зде в вашей державе,
Учеными мудрость	восприявшие здраво,
Не постыдятся	будут и телесны,
Свойственны люди,	должностью целестны.
Духовны врачи	и ратных навькинут,
Хитростей дельных	и сами воскликнут...
Философию	врагом отпор дати,
С тобою царем	царство защищати,

Однако в том же стихотворении, «похваляя» науку, он вновь ставит естествознание последним среди разных ви-

той знаний (11, л. 223):

Воподит она	люди вечну царству,
Научает же	всякому изрядству.
Граждански дела	мудростью судимы,
Небо и земля,	вся вещи в ней зримы.
Забавлятися	сладко той пригоже,
Ничто же бо есть	мудрости дороже.

Роль естествознания в представлении Истомина была еще более высока с гносеологической точки зрения. Отдельные мысли по этому поводу рассыпаны по многим стихотворениям и суммированы поэтом в «Приветстве» царице Прасковии Федоровне (1692 г.) (14, л. 162):

Все убо вещи	Богом сотворенны
в разсмотрителство	людем положешны,
Да благомыслию	тыя созерцают,
Всестворца Бога	присно восхваляют.
Ангели, небеса,	На Земли чудеса,
Моря, реки, воды	Зри колики роды,
Но паче всего	человек избранный
Рукою Бога	в жизнь сию созданный!

Здесь уже выделены три направления естественнонаучных исследований — изучение Неба, Земли и человека, микрокосма, объединяющего Небо и Землю (5, лл. 6 об., 7):

Человек мал мир,	всю тварь назирает,
Благого Творца	гласом восхваляет...
Человек мал мир	в твари всей владеет,
Богопоставлен,	да благо всем деет.

«Словесноумно человек животно» (10, л. 71), созданное «из персти», «паг, не усброено» (9, л. 263). Другая, «небесная» природа человека выражается в его способности познавать мир.

Вот как характеризует Истомин в поздравительном стихотворении 1691 г. патронального святого своего адресата — Алексея Человека Божия (13, л. 112):

Благородством сей	Господу служаше,
Егда три листа	в разуме читаше.
Небо — лист первый,	слова по нем — звезды,
Солище и Луна	имут своя гнезды.
Солище — точкою,	Луна — запятою
День и ночь делят	по своему строю.
Поясов небес	дванадесать — строки,
Разумному в тех	успешны оброки.

Таким образом, первый «лист» божественной книги мудрости раскрывает астрономия. Между прочим и в характеристике св. Екатерины писатель отмечает сначала, что она «философию уме, риторику, астрономию эллинского крику», — и лишь затем сообщает, что дева «суеты мира прелести попрала, к вере Христовой усердно пристала» (15, л. 114). Такое смешение науки и веры имело особое значение, если учитывать противодействие «мудроборцев», во имя защиты неприкосновенности «греко-кафолической веры» призывавших немедленно и навсегда «угасить» в России «пламень западного зломысленного мудрования»³. В этой ситуации придворный поэт избирает, пожалуй, наилучший способ защитить ростки естественнонаучного «мудрования», неизменно толкуя его как своеобразный акт служения божеству; см. например, «Стихи на освящение храма» (1692 г.) (16, л. 233):

В божиих делах	кто бы забавлялся,
По премногу бы	в жизни утешался.
Яко от всех ум	у нему востекает,
Чудныя вещи	сладце рассмотрят.

И более определенно (16, л. 230 об.):

Где ли убо кто	обратится в свете,—
Дивны чудеса	в временах и лете!
Возрю на небо —	ум не постигает,
Славу бо Бога	и твердь возвещает!
Смотрю на Землю —	ту притупляется,
Яко ни на чем	та укрепляется,
По широте ли	чий ум понесется,
Бездны Божиих	судеб напасется,
Како он всю тварь	в себе сам объемлет,
Во славе своей	все правя не дремлет!

Второй «лист» прочитанной св. Алексием «книги» — науки о Земле и ее обитателях (13, л. 112):

Вторый лист — Земля,	и на ней вся вещи,
Приклады моря	во отдел потещы.
Яко писмена —	страны, царства, грады,
Точкою — вера	права во отрады,
Где злобожство —	запята есть людем...

Наконец, третий «лист» — человек, созданный для по-

³ См.: Прибавления к Творениям св. отцов в русском переводе за 1845 г. М., 1845. Ч. 3. С. 163—177 и др.

линия природы и замыкающий в себе «Небо» и «Землю» (13, л. 112, об.):

Третий лист — человек,
Вещь боготворна
По телу — земел,
Славою вещчан

малый мир зовеся,
в нем зренно сомкнися.
по душе — небесный,
к Богу зритель десный
(правый).

Поклонник умный,
В райской красоте

образом почтенный,
бысть той насажденный.

В поэтических произведениях Истомина естественно-научные представления использованы лишь в качестве доходчивых литературных аллегорий и аналогий. То, что таких случаев сравнительно много (в сравнении, например, с библейскими и историческими образами), явственно свидетельствует о глубоком проникновении естественно-научных представлений в среду стоящего у кормила власти служилого сословия, многие представители которого, как известно по другим источникам, в конце XVII в. уже отчетливо понимали государственную важность научного знания.

В третьей части поэтического триптиха для начального образования, в книге «Град царства небесного» (1694 г.), где Карион дает короткие стихотворные характеристики различным «школьным премудростям» и наукам, прежде всего обращают на себя внимание статьи о философии и теологии. Обе науки, по мнению автора, непосредственно вытекают из знания природы (17, л. 17 об.):

Философия зрит вещи:
По естеству человеку
Что сотвори Господь в мире
Злато, камень разны вкусы,
Тщися душе рассмотреть,

Любомудрства не отмени.
На вся нравы даст улеку.
В знанном ты та славит пире.
Животных роды, в водах труссы.
Имаш небом в век владати.

Почти тоже говорится о теологии (17, л. 18):

Землю, небо душа смотря,
Сердцем, умом умудрися,

В зданстве тварей ум изостря,
Зрети Творца во всем тщися.

Здесь же есть специальная статья об астрономии (17, л. 18), которая охарактеризована так:

Астрономии сохраниство,
Звездозаконна знанство.

Звездам закон пределися,
Како Солнце, Луна ходит,
Солнце Землю согревает,

По небу зря — всяк дивися,
Действом своим время водит,
Травы, древа изращает.

Всю красоту Бог устроил —
Умному се предложено

Человек бы небо свои́л,
Астрономство, в Творце
совершенно.

Небесная механика была представлена в сочинениях Истомина довольно многообразно. В рождественской орации 1689 г. он подробно описывает Небо как обитель Бога и ангелов всех чинов, а затем сообщает о его «устройстве» (9, л. 260—260 об.):

Внутри тое Небо	зело дупленато,
В среди ни па чем	Землю неподъято.
Солнце по тверди	течет непрестанно,
Болши то Земли,	светило избранно.
Звезды и Луна	текут в своем чине,
Веселятся днесь	о Божии Сыне.

Земля, имеющая «шишковидную» форму, находится в центре мировой сферы (9, л. 261):

Среди небесе	как точка стоима,
В тягости своей	ни ким же держама.

Небо же состоит из 12 сфер (еще в древности разделенных учеными на градусы и зоны, 4, л. 7), по которым движутся Солнце и планеты и к которым в «гнездах» крепятся неподвижные звезды⁴. Вот как говорит автор о звездной сфере, сообщая легенду о звезде, приведшей к Иисусу волхвов (9, л. 264):

А что ты звезда,	Стунила с гнезда,
По аеру ходишь,	Что днесь в диво родишь?

И далее вновь описывает небесную механику — Творец:

Испестрил небо	изрядно звездами,
На диско́се том	не движутся сами.
А в его воли	и Лунное тело,
Бегае́т скоро	по аеру смело.

Бог установил твердые законы небесного движения еще в день творения; «чудо» ви́флеемской звезды как раз и

---

⁴ Гелиоцентрическая система по крайней мере во второй половине 1690-х годов была известна Истому́ну, но была, видимо, внове для него, поскольку стихотворец сделал подробный рисунок такой системы с какого-то западноевропейского сочинения. См.: ГИМ. Чуд. № 100/302, последний (вклеенный) лист авторского сборника.

состоит в их нарушении (9, л. 261 об.):

Не во оризонте	та звезда ходила,
Но царей в поклон	ко Христу водила.

Этот пример показывает, между прочим, что автор признавал возможность «знамений», вера в которые, судя по современным летописям, была весьма распространена в России.

В другой рождественской орации (1695 г.) писатель утверждает связь созвездий с земными делами (18, л. 58):

О сем небеса	зело веселятся,
Светила в тверди	безмерно светятся.
Животна тамо	звезды Зодиаки
Ходы си правят	Близнецы и Раки,
Овен и Рыбы,	Скорпия и Стрелец,
Знаки дают	Водолей и Телец,
Дева и Весы	Взпрают па лесы,
Козерог и Лев	Над Вифлиемский хлев.
Звездословов всех	они созывают,
Цари всетворца	на Земли являют.

В других сочинениях Истомин прямо говорит о предсказаниях по звездам, например, о женитьбе Петра I на Евдокии Федоровне Лопухиной. В книжице с его стихами изображены два человека, глядящих в подзорные трубы на небо:

Астрономы зрят	хитростью по небу,
Прознавающе	в мире сем потребу.
Потреба царю	была в россах ныне.
С царицею жить	в любви век едине.

При этом следует обратить внимание на богословское обоснование астрологии: над картинкой приведена цитата из Исаяи (Ис. 51): «Воздвигните на небо очи ваши и поглядите по Земли долу». Ниже, на рисунке, написано (5, л. 9): «Яко рука Господня сотвори все сие и святой Израилев указал есть», — т. е. «богосозданность» небес доказывает благочестивость гадания по небесным телам. Так же и в похвальной стихотворении на рождение царевича Алексея Петровича (1690 г.) поэт не разделял астрономию и астрологию (10, л. 71 об.):

Астрономы зарят	ученьми по небу
Дознавающе	в ходе звезд потребу:
Кия случает	имут постигати,
Над коим царством	планеты случати.

Среди астрономических аллегорий у Истомина чаще всего встречаются Солнце и Луна, сравнение с которыми было весьма употребительно и в предшествующей литературе. Вот как, например, он славит повобрачных Петра I и Евдокию Федоровну (5, л. 12 об.):

Бог изначала	к человеческой требе
Полож светила	два велика в пебе,
Еже бы всюду	пресветло сияли,
Днем и пощю	оны обладали.
Равны светила	два российску небу
Бог милосердный	даровал в потребу
Сияти в царстве:	ты нам царю Солнцем
Сияешь в Бозе	всех земель концем,
Вторым светилом —	царица Луною,
В любви сияти	желаем с тобою.

«Солнцем и Луною» автор называет Иерусалимский храм (16, л. 235 об.), российских царей и царицу (2, л. 39; 14, л. 162 об.) и т. п. Вслед за Иоанникием Галытовским и Карионом Заулонским Истомин сравнивает с «империйским небом» и весь царский двор (5, л. 16 об.; ср. 16, л. 232):

Един от кесарь,	Коздрой именую,
Име палату	в царстве сицевую.
Оную Небом	люди нарицаху,
Вся светила в ней	яко в пебе бяху.
Солнце и Луна	светло в той сияли,
С других камней	и звезды блистали
И вся обычна	течения быша,
Яко и мудри	им ся удивиша.
Небом палату	в россах нарицаю,
Ибо светила	вся в ней усмотряю.
Солнце — вы цари	во светлости славны,
Луна — царицы	в Христе благоправны.
Звезды пресветлы —	царевны сияют,
Премудрым девам	во всем подражают...
Беги же планет —	люди в службу верны,
Боляре, князи	в готовность безмерны.

Помимо Земли, Солнца, Луны и знаков Зодиака Карпон упоминает еще лишь одно небесное тело — Юпитер (Дий) — в рассказе, возможно, восходящем к астрологической литературе, о пахождении земной середины (2, л. 39):

Егда восхоте	Дий в небе планита
Явити мудрость	в посред Земли света,

Пустих с Востоку
Такожде пакп
И тако един
Даже в един хват
Тамо вскоре Дий
Престол мудрости,

орда единого,
с Западу второго.
к едино парили.
оба ся скупили.
утвердил быше
такое ж нарицаше.

Географические сведения Истомина также широко представлены в стихах. Земля делится в его представлениях на четыре «страны света» (Восток, Запад, Юг и Север) и четыре «части» — континента (за исключением неоткрытых Австралии и Антарктиды). В двух сочинениях (4 и 17) Истомин приводит развернутое стихотворное описание такого деления земли. Описания эти служат разным целям. В рождественской орации 1688 г. «страны» и «части» света «хвалят» родившегося Христа, тогда как в «Граде царства небесного» они кратко характеризуются сами. В первом сочинении Восток отличается только тем, что эта «страна всеми аз познана, яко Господом самым есть избрана» (4, л. 3 об.). В Граде стихотворец отмечает, что «От земные зде средины, Восток страна идет в длины». Он делит Землю условно («В слове Восток токмо знаем») от ее «середины» на восход Солнца (17, л. 19 об.). Запад — столь же условная («по словеси») и такая же по величине «страна» на заход Солнца. На Западе находятся «многоязычни челоуеков роды», «велик град Рим и инии гради» (4, л. 4—4 об.; 17, л. 19 об.). Третья «челоуеком ображеная» равная «страна» Земли — Юг — идет «с среды Земли»: «От равподепства Юг страна изыде/До Океана, где землю обыде». На Юге «сияние Солнца зелено»:

От жара Солнца
Понеже трудно
Привыкляя же,
Обаче век свой

бы людям не быти.
иным тамо жыти,
они черны ходят,
до смерти проводят.

На юге находится Иерусалим. Кроме того: «Бисеры драги, камения тамо, злато родится действием Бога само» (4, л. 4 об.; 17, л. 19 об.).

Очевидно, страны света Истомин называет, беря за точку отсчета Россию: Восток, «став посреде, простер руки» на восход Солнца, тогда как «стоя Запад зрит к Востоку, руки простер впрямь от боку» (17, л. 19 об.). При этом автор как бы стоит лицом к карте, ориентированной на север: «Север страна четвертая, воздух (т. е. вверх) земля простертая». Автор дает и некоторое представление о кар-

те, с которой почерпнул свои общие географические представления: «Образ Север хотя жмется», т. е. на карте меньше других «стран», но в действительности он «странам в мере равн имется» (17, л. 19 об.).

Основная характеристика Севера — зимние холода, которым дается точное объяснение (4, л. 5):

В Зимнем времени	леды суть и снеги,
Солнце далече	творит своя беги.
Аер студь многу	людем содевает,
Того ради всяк	шубу одевает.

Северу свойственно особое «благочестие» народов (4, л. 5):

В сей стране царства,	различны народы,
Цари в России	царския породы.

Видимо, «Север» ассоциируется у стихотворца в основном с Россией, которая «довольством всяким... изобилна, в храбрости воин преславна и силна» (4, л. 5—5 об.).

Интересные характеристики даются четырем континентам. Истомин неоднократно подчеркивает, что «части» Земли не совпадают со «странами» света: «Части не от кентра (центра Земли) в предел имут метра»; «Не тако части, яко страны быша, Землю пределы ины разделиша», — «Морями бо и реками разделены царства сами» (4, л. 5 об., 6; 17, л. 20). «Первая» часть Земли — Европа «Делится она от Ассии Доном, и морем же Чермным, и европским звопом». В ней «великие царства многия и грады, царство Российско токмо во отрады».

Христова вера	в царстве греков села,
А старый град Рим	в единстве имела.
В греках она	и ныне держится,
Началством турским	весма невредится.
Держит ю крепко	царство Всероссийско,
Ратует врагов	встающих злодейско...

Поэт продолжает:

Римско началство	в ересь уклонися,
С королевствы многи	та (веры) отщетися.

Хотя эти «королевства» и не перечисляются, мы можем утверждать, что расположение европейских государств было известно по крайней мере высшему слою придворных, несколько раз в месяц получавших подробную информацию о европейских делах из Посольского приказа.

Азия была известна поэту и его слушателям, исключая ее южную и восточную часть. В двух относящихся к Азии текстах Истомин констатировал, что это наибольший по размерам континент, отделенный от Африки морем и населенный «злбжжниками», в том числе «махометапами»: турками, татарами, арабами и персами (4, л. 6 об.; 17, л. 20). К ней относятся множество островов в омывающих материк морях и дальнем Океане. В Азии находятся Иерусалим и... Афины, в древности прославленные своими философами (4, лл. 6 об.— 7). Судя по утверждению, что этот континент «владение бысть царей христианских, по всей части той до вод океанских», — автору не известна была история Центральной и Южной Азии, так же, как и география Юго-Восточной (4, л. 6 об.). Зато он твердо знал о том, что в Азии находится часть территории Российского государства (17, л. 20), а именно — Казанское и Астраханское «царства» (4, л. 6 об.). Но в тексте отсутствует упоминание о «царстве» Сибирском.

В представлении Истомина «Африка — часть Земли к Югу» (17, л. 20). Сравнительно с другими континентами она «пространством не тако велика». «Делится морем Влосским (Средиземным) от полнощи, от полдней — Черным, в солнечной та мощи» (4, л. 7; ср. 17, л. 20). Среди стран в Африке автор упоминает Египет и Ливию, а из народов, помимо чернокожих «мавров», которые «ходят пазии», — еще и «ефиопов, индиан». Последнее помогает понять, почему Индостан отсутствует в истоминской «Ассии». Наконец, в стихах неоднократно говорится о «безверстве», «сресьях» и «богомерзких злбжах» в африканских религиях, хотя (4, л. 7; 17, л. 20):

Древле в тех страпах	быша астрономы.
Знали по небу	градусы и зоны.

Весьма интересна характеристика Америки, которую следует здесь привести (4, л. 7 об.):

Четверта есть часть	Земли Америка,
Не многи сты лет	явленна велика.
И тысящми лет	бысть она пезнапна,
Морем широким	зело отлияпна.
Окружность Земли	градусы явили,
Что антиподы	люди под нас жили.
В той части люди	и царства многия
Иноязычни,	в жителстве разныя.
Веры в них в Бога	правыя не бяше,
В болвохвалстве всяк	парод забавляше.

Не писмен бысть люд,
 Народ на парод
 Ныне там вера
 Разума римски
 Добро б из россов
 Церкви восточны
 Тщанье имети
 Да промысл творят

и правами глупы,
 биется во труны.
 в сотворяшаго Бога
 церкви в ересь злого.
 в ту часть полетела,
 в себе люд имела.
 благо царем русским
 разумом господским!

Немалое место в стихах и придворных орациях Истомина занимали аллегории, построенные на сведениях о хронологии и временах года. Его сочинения отличаются обилием точных дат, указывающих не только год, месяц и день, но и время суток и час того или иного события. Характерна заметка об арифметике в книге «Град царства небесного» (17, л. 17 об.):

Арифметика считает,
 Солнечный круг, дни в месяце,
 Колико где чесо будет,

Сколко время вещь вращает.
 Часы во дни по лестнице.
 Скорым числом ничто уйдет.

Некоторые строки литератора наводят на мысль, что автор придавал единицам исчисления времени какой-то мистический смысл, например (8, л. 144 об.):

Триста шестьдесят
 В составах тела
 Колико бо дней,
 Исполнится той

и пять дней числится,
 орган мудр держится.
 толико составов
 в хвалу благих правов.

Время и смена сезонов воспринимались им как великое божественное чудо (см. 16, л. 230 об.).

В сжатый перечень «наук» в стихотворном «Граде» Истомин включил отдельные статьи, посвященные «Дню» и «Ноци», отмечающими «течение времени» вслед за движением Солнца, Луны и звезд, а также временам года (17, л. 18 об., 19).

Егда весна наставет,
 Облечется Земля в травы,
 Люди труды поднимают,
 Лето благо во украсе,
 Цветы травны в нем есть

Всякий птенец воспевае,
 Царска весна полна славы.
 Оря, в землю засевают...
 В трудах плодах то во гласе.
 Жниво в полях долг

зрети,
 Всяко дело
 во удобстве,
 Царствит лето изобилством...

имети,
 Ясти плоды, хлеб,
 в господстве

Осень время	В нем сад, поле плод
совершенно,	сщщенно...
Люди с поля жатву свозят,	Млачением жити грозят.
От древ и трав плод собираша,	Готов овощь, хлеб и каша.
Снижается тогда Солнце,	Виноградов греет гронце.

Интересно и описание зимы.

Всего Земля обнажится,	Трав и древес лист свалится.
В студи и дрова пригодятся,	Седины в мраз появятся.

Для характеристики года в целом автор использует метафору:

Тако люди год писаша:	Змия кругом времеп даша.
Въобразиша древли мужи	Лето весь год в змии ужи.
Год сотворит — и сомкнется,	Паки назад разогнется.
Четыре суть в году времена	Имут своя вси имена.
Круг же лета званство стяжут,	В течение то не свяжут.
Идут лета кругом наша.	В правде святи змий попраша!

Универсальный, «божественный» характер имеет для Кариона не только мера времени, но и мера вещей (7, л. 143).

Всякому делу и время	Бог всетворивый сие
бывает,	содевает.
Пределы концов Земли знает	Дает живущим в славу его
меру,	веру.

Хотя геометрия обычно связывалась Истоминим с географическими измерениями («Геометрия явися — землемерие всем лснися», — и т. п.), он довольно точно определяет ее основное значение (17, л. 17 об.):

Без меры несть что на Земли.	Геометрии всяк впемли.
Жителный дом, поля в мере	И моря вся, Богу в вере.
Длина, толща — все делится,	Метром страпа и град зрится,
И человек рост коликий.	Сердце и ум в нем великий.

Среди геофизических явлений стихотворцем упоминается (в качестве божественных «чудес») горообразование, землетрясения, особенно же — круговорот воды (9, л. 262: ср. 16, л. 237 и др.).

Естество жидко,	на склонность лиянно,
Обаче Творцем	ни в чем содержано.
Вяжет в облацех	воду на воздусе.
Изливает дождь	в плоды земли сусе.

Моря велики
В глубости бездны
Реки вси текут,

днесь в Земли держимы,
никогда же зримы.
приспо в земли ходят...

Карион употреблял в своих сочинениях гиперболы и апалогии, основанные на знаниях о драгоценных и самоцветных камнях, металлах (золото, серебро), особенностях почв (земля, камень, глина, песок) и др., соответственно с литературной традицией. Химические явления в его произведениях полностью исключаются.

Деревья, травы, злаки «разны виды» нередко упоминались в придворной поэзии, но, как правило, весьма лапидарно: как «сотворенные» богом, расцветающие и увядающие в различные времена года и т. п. Из животного мира в стихах часто встречается орел — разумеется, как символ московского государя. Аналогично лев олицетворяет шведского короля (2, л. 38 об.). Приведу также замечание о миграции птиц (4, л. 5). Зимой в России:

Животны всех род
Птицы во страны

и ти терпят нужды,
отлетают чужды.

Пожалуй, наибольший интерес вызывает рассуждение о происхождении видов в орациях 1689 и 1692 гг., очевидно противоречащее идее единовременного «творения» (9, л. 262; 16, л. 237 об.):

Реки вси текут,
Животных роды
Звери и рыбы
Из них и птицы

приспо в земли ходят,
много в себе плодят.
воды изведоша,
в воздух побегоша.

«Дестся сие все Божиим словом». Таким образом, «Творец» — лишь «устроитель» законов природы, это подтверждают и астрономические представления поэта.

В человеке Истомина занимает главным образом его «дух». Однако поскольку признается, что это «животно», пусть и «словесноумно», то автор предполагает наличие у него мыслительного органа. «В составах тела орган мудр держится»; «Отверзаю днесь орган мой словесный» и т. п., — нередко читаем мы в стихах Истомина. Любопытен рассказ автора о механической голове, созданной древним мастером, которая умела говорить, отвечать на вопросы (16, л. 232—232 об.), а ведь именно «словесность» была в его глазах главным отличием человека от животного.

Примат души над телом, «небесной» природы человека над «земной» обусловил сложное отношение поэта к ме-

дищине, за которой он не мог признать главенствующей задачу лечения «тела». Статья о ней есть в стихотворном «Граде» под заглавием: «Врачевство есть душе, телу, Болезньми зде омертвелу». Здесь, как и во многих панегирических стихах, где Истомин предрекал адресату «долготу лет» и даже возвращение молодости за «благочестие», он пишет (17, л. 18):

Тело, душу Бог врачует	Аще ему согласует.
По преступстве болезней стася,	Человек бо в забыть взяся.
Врач, учитель совершенный,	Существ, естеств наученный,
Каков педуг объявляет,	В Бозе лечбу подавает.
В нем пластырь — покаяние,	Зелий, пищь приимание.
Сотворил все Господь к ползе,	Свята душа живет долзе.

Но автор все-таки не смог полностью отказаться от чисто медицинских методов лечения (которые, судя по материалам Аптекарского приказа, любили в это время испытывать на себе и многие виднейшие бояре). Важно и то, что стихотворец признал преимущественное право «врачевания» не за богословом, а за ученым медиком.

В заключение подчеркну, что поэзия Кариона Истомина позволяет с уверенностью говорить о его высокой оценке государственного и общечеловеческого значения естественных наук, его творчество свидетельствует об интересе к ним со стороны представителей верхушки правящих сословий Российского государства в конце XVII в., о разноразличии бытовавших в этой среде естественнонаучных представлений, особенно в области астрономии и географии (в том числе исторической и политической). Астрономия была еще не вполне отделена в этих представлениях от астрологии, однако, характер использования астрономических представлений в придворной поэзии позволяет утверждать, что существовало ясное сознание неизменности «изначально» установленных законов небесной механики.

Автор и его слушатели располагали познаниями по крайней мере в области расположения созвездий, орбит планет, связи движения Солнца со сменой времен года и климатическими поясами, об астрономическом делении небесной сферы на «градусы и зоны». Шарообразная и к тому же «шпиковидная» Земля представлялась уже как единая система, связанная не только общностью неизменных геофизических законов, но и мысленным делением ее поверхности (поддающейся количественному исследованию) на «страны света».

Привлекает внимание четкость представлений о взаимном расположении и особенностях четырех известных в то время континентов и месте Российского государства на географической (и историко-политической) карте мира. Стихотворные произведения Истомина отразили интерес к таким проблемам естествознания, как, например, смена дня и ночи, сезонов, годовых погодных циклов, круговороту воды, горо- и мореобразование и даже к происхождению видов. Упомянутые точные науки — арифметика и геометрия еще не выделились; они представлены лишь как инструмент естествознания.

Менее всего естественнонаучные представления конца XVII в. затрагивали человека, рассматривавшегося преимущественно с философской и теологической точек зрения. Тем не менее можно отметить зачатки позитивного подхода к природе человека, выражающиеся в намеках на наличие материального носителя его «души» (которая, в свою очередь, трактуется главным образом как мыслительная и познавательная способность), в осторожном признании естественной природы человеческих заболеваний и необходимости рациональной медицины. Наконец, немаловажно отметить отраженное в стихотворных памятниках убеждение в совместимости ортодоксального вероучения и развернутого изучения «чудес» природы, являющегося не только правом, но и основной миссией «человека избранного».

Упомянутые стихотворные произведения Кариона Истомина:

1. 1682 г., апреля не ранее 27, мая не позднее 23. 1-я редакция «Книги, желательного приветство мудрости». — ГИМ. Чуд. № 100/302. Л. 41—45 об.
2. 1682 г., май. 2-я редакция «Книги, желательного приветство мудрости». — Там же. Л. 29—39.
3. 1683 г., июня к 29. «Книга вразумление царю Петру Алексеевичу». Черновая редакция. — Там же. Л. 45—47 об.
4. 1688 г., декабря к 25. Рождественская орация. — Гос. объединенный Владимиро-Суздальский музей-заповедник. № В-5715. Л. 3—8; см. также: ГИМ. Чуд. № 99/301. Л. 218—219.
5. 1689 г., января к 30. Папегирическая «Книга любви знак в честен брак» царя Петра Алексеевича с Евдокией Федоровной Лопухиной. — ГИМ. Увар. № 908. 18 л.; см. также: ГИМ. Чуд. № 99/301. Л. 249—250 об.; Гос. объединенный Владимиро-Суздальский музей-заповедник. № В-5715. Л. 40—43.
6. 1689 г., марта к 31. Воскресная стихотворная рацея патриарху Иоакиму «О строении школьном». — ГИМ. № 100/302. Л. 114 об.; см. также: ГИМ. Увар. № 73. Л. 139—139 об.
7. 1689 г., июля 25. «Стихи на изъявление крымского похода вкратце». — Там же. Л. 143—144.
8. 1689 г., июля 31. Стихотворное введение в кпиге-похвале Богородице «Радуйся, благодатная, господь с тобою!» — Там же. Л. 144 об.

9. [1689 г.], декабря к 25. Рождественская орация.— Там же. № 99/301. Л. 259–264 об.; см. также: Гос. объединенный Владимиро-Суздальский музей-заповедник. № В-5715. Л. 8 об.— 12 об.
10. 1690 г., февраля после 19. Стихи на рождение царевича Алексея Петровича.— Там же. № 100/302. Л. 71–72, 116.
11. [1690 г., июня к 29]. Стихотворная раcea царю Петру Алексеевичу к дню ангела с просьбой о заведении мудростной науки в России.— Там же. № 99/301. Л. 223–223 об.
12. 1690-е годы. Стихотворное приветство от царя Петра Алексеевича к царевичу Алексею Петровичу.— ГИМ. Увар. № 73. Л. 149–151.
13. 1691 г., марта 17. «Стихословие в краткости о жизни святого» в день ангела царевича Алексея Петровича.— Там же. Л. 11 об.— 113 об.
14. 1692 г., октября к 14. «Приветство стихотворпомерпо» царице Прасковии Федоровне в день ангела.— ГИМ. Чуд. № 100/302. Л. 162–162 об. (см. также: ГИМ. Увар. № 73. Л. 117 об.— 119).
15. 1692 г., ноября 24. «Краткословие стихотворное о святой великомученице Екаторине. С желанием здравия... царице... Параскевии Федоровне».— ГИМ. Увар. № 73. Л. 113 — об.—115.
16. 1692 г., декабря к 13. «Стихи на освящение храма» в Новоиерусалимском монастыре и панегириком царям Алексею, Федору, Иоанну и Петру, царевне Татьяне Михайловне и патриархам Никоцу, Иоакиму и Адриану.— ГИМ. Чуд. № 100/302. Л. 230/237 об.
17. 1694 г. «Град Царства небесного» — стихотворная книга о школьной премудрости из поэтического триптиха Кариона Истомина.— Там же. Л. 26 об., 17–20 об.
18. [1695 г., декабря к 25]. Стихотворная рождественская орация благодетелю.— Там же. Л. 58 об.— 58.

Т. Г. Курприянова

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «АРИФМЕТИКИ» Л. МАГНИЦКОГО

Первый русский энциклопедический учебник в области точных наук, «Арифметика» Л. Ф. Магницкого, был издан в 1703 г. Он предназначался для учеников новоучрежденных школ. В книге были обобщены данные по математике («цифирная счетная мудрость») и другим наукам цикла математического естествознания, накопленные к этому времени в России и в зарубежной печатной литературе.

Богатые архивные материалы, сосредоточенные в фондах ЦГАДА, раскрывают историю создания книги. Однако до настоящего времени они использовались далеко не полностью.

Известно, что подготовка учебника велась под руководством русского ученого Л. Ф. Магницкого. Он был принят в навигацкую школу почти с самого ее учреждения. Первоначально школа находилась на Английском подворье. Здесь останавливались прибывшие по приглашению Петра I в 1698 г. английские математики — Андрей Фархварсон, Ричард Грейс, Стефан Гвин. Руководство математической школой сначала было возложено на англичанина Андрея Кревета. В июне 1701 г. школа была переведена «напреждеопределенной под те школы кадашевский большой двор»¹. Из выписки, сохранившейся в рукописном собрании Ф. Ф. Мазурина, мы узнаем, что одним из учеников школы был Петр Шишиптуров, который, по свидетельству Л. Магницкого, «учился у него арифметике с июля месяца... и ныне против многих учеников во арифметике знание имеет»².

В марте 1702 г. Петр Шишиптуров продолжал обучение «арифметике» «тех школ у ученика которому определено во учении учеников тому учителю Андрею Фархварсону быть помощником»³. Смысл текста проясняется, если его упорядочить в соответствии с современным стилем изложения, а именно: Шишиптуров продолжал обучение арифметике у бывшего ученика школы, т. е. Л. Магницкого, которому определено обучать учеников в качестве помощника учителя Андрея Фархварсона. Отсюда следует, что прежде чем Л. Магницкий был привлечен к педагогической деятельности в навигацкой школе, он сам прошел курс обучения математике у А. Фархварсона. Этот факт восполняет волновавший многих исследователей вопрос о том, где и как Магницкий овладел знаниями по математике⁴.

По инициативе Магницкого для участия в создании «Арифметики» был приглашен В. А. Киприанов, посадской человек кадашевской слободы, который также имел

---

¹ ЦГАДА. Ф. 196. Оп. 3. Ед. хр. 2298. Л. 8.

² Там же. Л. 7.

³ ЦГАДА. Ф. 196. Оп. 3. Ед. хр. 2298. Л. 8.

⁴ См.: *Депман И. Я.* История арифметики. М., 1959. С. 349–354; *Андронов И. К.* Первый учитель математики // Математика в школе. 1969. № 6. С. 75; *Юшкевич А. П.* История математики в России до 1917 г. М., 1968. С. 55.

«в тех науках знание отчасти и охоту»⁵. Свидетельством их совместной работы является расходная запись на выдачу жалованья, по которой 7 марта 1701 г. было выплачено «навигацкой науки Леонтию Магницкому двенадцать рублей, Василью Киприанову восемь рублей»⁶. Очевидно, что за столь краткое время Киприанов не мог получить вознаграждение. По всей вероятности, ходатайство Л. Магницкого лишь способствовало легализации положения Киприанова в математической школе и служило основанием для получения жалования за его прежний труд.

«Арифметика» была готова к концу 1701 г., и в декабре в Оружейной палате приступили к созданию подносных экземпляров. Для этой цели у В. А. Киприанова было взято в Оружейную палату «четыре кожи зеленых паргоминов ценой по семи гривен за паргомин да две листы х книгам назавяски ценою в четыре гривны»⁷. В изготовлении подносных экземпляров принимали участие четыре писца, два живописца и один переплетчик. По списку расходов Магницкого мы видим, что на оплату их работы пошло «на четырех человек писцов двенадцать рублей тридцать алтын четыре денги, на чернила и киноварь и камед десять алтын две денги, на двух человек живописцев за письмо всяких фигур и к пачалам заставиц два рубля тридцать алтын две денги, переплетчику, на всякие мелкие покупки двадцать восемь алтын четыре денги»⁸. В феврале 1702 г. обе рукописи были готовы, из них «первая подана великому государю... другая во Оружейной палате боярину Федору Алексеевичу Головину с товарищи»⁹.

Одновременно в типографию были отправлены книги для напечатания тиража. В феврале 1703 г. для доставки напечатанных книг из типографии в навигацкую школу Л. Магницкому было выдано «за провоз арифметики восемь денег»¹⁰. Навигацкая школа являлась тем местом, где распространялись книги среди учащихся. По указу Петра I подьячему Павлу Дурмышеву «велено быть у продажи книг арифметик»¹¹. Покупателями были учащиеся не толь-

⁵ Бородин А. В. Московская гражданская типография и библиотекар Киприановы // Труды ин-та книги, документы и письма. М.; Л., 1936. Вып. 5. С. 56.

⁶ ЦГАДА. Ф. 196. Оп. 3. Ед. хр. 2298. Л. 1.

⁷ ЦГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ед. хр. 987. Л. 215.

⁸ Там же. Л. 215 об.

⁹ Там же.

¹⁰ ЦГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ед. хр. 988. Л. 42 об.

¹¹ ЦГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ед. хр. 990. Л. 591.

ко навигацкой, но и артиллерийской школы. Так, в октябре 1704 г. бомбардир Алексей Головачев взял «две книги синусов да един арифметик»¹².

Привлеченные нами архивные свидетельства позволяют более полно представить историю создания первенца отечественной учебной литературы нового типа. Следует также отметить, что «Арифметика», считавшаяся долгое время единоличным трудом Л. Магницкого, является результатом деятельности целого коллектива, в котором немаловажную роль играл В. А. Киприанов.

---

¹² Архив Артиллерийского музея. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 331.

В. К. Кузаков

АСТРОЛОГИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ АСТРОНОМИИ

Астрологическая массовая литература, которая функционировала на Руси в допетровское время, не была порождением пришедшей европейской моды, а отражала специфику культуры определенного этапа, вызванную сугубо реальными, определенными задачами. Историк науки должен учитывать исторический контекст бытования тех или иных знаний. Вопрос надо формулировать так: какие задачи в реальной обстановке и насколько удовлетворительно решала эта «наука». Поскольку сочинения, называемые «предвещательными», были распространены широко, то они, естественно, чем-то удовлетворяли человека той поры.

Сама проблема по-разному освещалась в историко-научной литературе. Часть исследователей была предельно категорична в своих суждениях, относя астрологию к лженауке, которая «отвлекала» силы от изучения реальностей естественного мира природы. С другой стороны, иные исследователи подходили к ней самым серьезным образом и видели в ней элементы рациональности, способствовавшие отражению реалий природы. Немало было историков науки, которые были осторожны в своих высказываниях, только фиксируя факт существования астрологии.

Необходимо отметить, что наиболее негативно относились к астрологии историки, изучающие период наибольшего развития самой астрономии. Астрология не могла не оказаться «лженаукой», мешавшей развитию астрономии как науки. Реальная оценка возникает тогда, когда сама история науки становилась достаточно самостоятельной, достаточно развитой отраслью исторической науки, чтобы найти рациональное в том, что еще недавно объявлялось лженаучным. Любая «наука» прошлого есть то, при помощи чего та эпоха решала свои сугубо «личные» проблемы бытия. Сравнивать современную астрономию как науку и астрологию того времени неестественно, — это разные предметы, разные приемы разных эпох, употребляемые для решения практически разных задач, для ответа на разные вопросы.

Перед историком, изучающим культуру допетровского времени предстает общекультурный феномен — астрология как некоторая «наука», как тот «инструмент», с помощью которого общество старается решить определенным образом один из вопросов своего бытия.

Много помогли изучению этого явления публикации памятников «отреченной литературы», осуществленные В. Н. Перетцем, А. Н. Пыпиным, Н. С. Тихонравовым, М. Н. Сперанским. Причем необходимо отметить, что подавляющее большинство публикаций и работ на эту тематику датируется концом XIX — началом XX в. С одной стороны, произошло это в силу того, что данные памятники публиковались в русле издания памятников старины вообще. С другой стороны, сама историческая наука уже могла тогда выделить из себя тех исследователей, которые бы могли в полной мере посвятить свое внимание этой тематике. Но, быть может, самое главное заключалось в том, что сам мир паходился на грани великих перемен. Это было время напряженного ожидания. Недаром тогда возникают многочисленные спиритические общества, недаром многие начинают определять судьбу практически подобно тому, как это делалось некогда в прошлом.

Одной из первых интересных работ по данной тематике является труд К. Голоскевича¹. Автор говорит о представлениях того времени, по которым «сообразно с реально-практическим настроением своего духа древнерусские христиане стали представлять всю природу подобно ог-

---

¹ См.: Голоскевич К. Астрология в России в XV—XVI вв. Остров, 1897.

ромнейшей машине, в которой все части ее, каждое колесо, рычаг, пружину приводят в действие и направляют к своей цели известные ангелы»². Казалось бы, перед нами нереальный, парадоксальный для тех времен образ машины домашнего периода. Но это только так кажется. На самом деле каждодневная практика Руси, в которой были гончарные круги, ткацкие станки, мельницы, разнообразные сверлильные устройства, замки, метательные орудия, ловушки, часы, была практикой «машин», практикой механики, механизмов, в которых изменение одного приводило к изменениям в другом, где причина и следствие располагались, как в механизме часов с их многочисленными зубчатыми передачами, в последовательности строящегося порядка. «Колеса», находившиеся в общемировом «механизме», как маховые колеса, распоряжающиеся движением других «шестеренок» — светил, созвездий, сменой времен года, дня и ночи, «зацепляли» колесики человеческой жизни, превращаясь в образ огромного «колеса фортуны», «колеса судьбы».

М. Н. Сперанский, В. Н. Перетц публиковали памятники «отреченной литературы», давая им характеристику и высказывая свое отношение к астрологии. Первый считал, что в них соединились языческое гадание и христианское миропонимание и что основой были «общечеловеческие психологические черты» — стремление знать свою судьбу. Здесь мы видим проблему, которую решали и в прошлом, исходя из паличного материала культуры эпохи. Можно говорить одновременно о том, что массовость подобного рода «реценсированности» списков в конкретных условиях Руси того времени говорит и о том, что это явление было весьма широким. Древнерусская практика передачи знания основывалась именно на бесписьменной традиции, традиции передачи знания изустно («из уста в уста», как нечто переданное, «вдутое»). Так передавались сведения о том, как и когда гигантское «маховое колесо» небес зацепляет «колесики» дальнего мира, в которые практически превращались сами люди.

Публикуя «Громники» и «Лупники», В. Н. Перетц писал о том, что данный источник в свое время был популярен потому, что основывался на изучении реальных явлений природы.

Историки медицины, изучая прошлое и обнаруживая преимущественный интерес к изготовлению определенных

---

² Там же. С. 22.

лекарств, средств, направленных против определенных болезней, мер, направленных на предотвращение этих болезней, вправе делать вывод о времени и распространении тех или иных заболеваний. Подобным же образом историк астрономии, обнаружив в тот или иной период распространение «лекарства», подобного астрологии, вправе говорить, что эти «лекарства» порождены именно специфическим «заболеванием».

Практически все историки астрономии так или иначе касались астрологии. Даниил Святский в 1927 г. опубликовал статью, посвященную литературе еретиков Новгорода Великого конца XV в.³, а также небольшую работу об астрологе Николае Любчанине и астрологических альманахах на Руси в XVI в.⁴ Но Святский преувеличивал занятия еретиков литературой естественнонаучного, астрономо-астрологического плана, считая еретиков кружком интеллигенции того времени, занимавшимся проблемами «науки». Тем не менее, обратившись к этой тематике, он обратил внимание историков науки на нее. В свое время «Шестокрылом», который находился у еретиков, занимались В. П. Зубов, а также автор настоящей статьи⁵. Вероятнее всего, обращение еретиков к естественнонаучной литературе было не самоцелью. «Шестокрыл», как таблицы определения дат затмения, был только средством, при помощи которого решались более важные, с точки зрения самих еретиков, проблемы: понятие вечности или конечности мира в контексте православной доктрины.

Наиболее обстоятельна, хотя и небольшая по размерам, работа М. А. Шангина⁶. Это был доклад, прочитанный автором в феврале 1930 г. на заседании Комиссии по истории знаний АН СССР. Изучая астрологические кодексы, автор писал, что они «весьма важны для истории знаний, именно для истории естественных наук, и в частности для астрономии»⁷. Шангин берет греческие рукописи, находившиеся в собраниях русских монастырей, отмечая, что в

³ См.: Мироведение. 1927. № 2.

⁴ См.: Астролог Николай Любчанин и альманахи на Руси XVI в. // Известия научного ин-та им. П. Ф. Лесгафта. 1929. Т. XV, вып. 1 и 2.

⁵ См.: Кузаков В. К. О восприятии в XV в. на Руси астрономического тракта «Шестокрыл» // Историко-астрономические исследования. М., 1975. Вып. XII.

⁶ См.: Шангин М. А. О роли греческих астрологических рукописей в истории знания // Изв. АН СССР. 1930. Отд-ние гуманитар. наук.

⁷ Там же. С. 309.

них были «заданы основные методы всех естественных наук» (мир, земля и небо как единое, связанное целое). Наконец, по его мнению, астрология есть не что иное, как эксперимент, ибо «магия, преимущественно астрологическая магия, была всеобщей школой человеческого знания», т. е. историей методов науки. Шангин пишет, что астрология предшествовала астрономии. Но на самом деле все гораздо сложнее. Многое зависит от того, что мы понимаем под астрономией: возникновение научного метода, теории, или же наблюдение и рациональное использование его результата в практике повседневной жизни? С позиции последнего метода можно говорить о том, что астрономия предшествовала астрологии, и что та была своего рода «инструментом», который мог возникнуть не ранее самих наблюдений и при помощи которого определенное время решало свои специфические временные задачи.

Иначе говоря, мы возвращаемся к мысли о том, что именно те или иные задачи в рамках той или иной культуры могут сконструировать, но могут и отбросить, отложить на время подобный «инструментарий». Астрология, с одной стороны, возникает периодически по мере постановки тех проблем, которые она, как некая «конструкция», и призвана решать.

Шангин, далее, считает астрологию своеобразным стержнем народной науки: «...наиболее сильная сторона народной науки — астрология, поглощает или в ином случае окрашивает собой другие отрасли народного знания (магия ботаники — астроботаника, медицина — иатрософия, метеорология — астрометеорология)»⁸. Очевидно, было бы правильнее говорить о том, что человек в явлениях природы видел естественную связь с временами года, которые связывались у него с периодически возвращающимся миром Солнца, Луны и созвездий. И вообще необходимо говорить о том, что астрология есть только эпизод культуры определенного времени, который возникает только в случае определенно поставленных вопросов. Шангин ставит проблему специфики культур Запада и Руси, когда отмечает, что в России греческие астрологические рукописи вошли в культуру, а на Западе они «лежали на поверхности латинской культуры»⁹. Наконец, в работе есть вполне современный заход на источники прошлых культур: «астрологические кодексы говорят нам еще и о своем времени, обнару-

---

⁸ Там же. С. 312.

⁹ Там же. С. 315–316.

живают социальную почву, экономические и классовые соотношения»¹⁰.

Историограф истории науки фиксирует, что на работу М. А. Шангина практически не ссылался ни один из современных нам историков астрономии. Во-первых, это происходит потому, что сама история астрономии пользуется весьма традиционным набором источников при создании истории прошлой астрономии. Наконец, потому, что история астрономии в значительной мере усвоила образ, созданный самой современной астрономией, и при написании истории науки, естественно, только громит эту «лженауку», которая на самом деле имеет все основания (основания рациональные) в культуре того времени. В известной мере эту работу «не замечали» еще и потому, что она поднимала очень сложные философские, методологические проблемы истории знания.

Астрология предстает перед нами, историками науки, как предмет гораздо более сложный, нежели астрономия, ибо астрология на самом деле есть «инструмент», составленный из многих разнообразных элементов культуры. Значит, с точки зрения истории науки вообще и истории астрономии в частности изучение астрологии гораздо более трудоемко и требует профессионального подхода скорее философско-историко-культурного, нежели историко-научного. Астрология, как предмет изучения, находится как бы между историей науки, историей культуры и историей философии. Работа М. А. Шангина заостряет внимание на том, что до сих пор в силу целого ряда причин мало замечалось историками науки. Но, в то же время, в работе нет главного: *как* астрология реально функционировала в самой русской культуре, т. е. читатель не найдет здесь рассказа о самом непосредственном действии.

Одним из первых в послевоенное время (уже в советский период развития исторической науки) коснулся астрологической тематики Б. Е. Райков¹¹. На астрологической литературе «необходимо специально остановиться, потому что... она сообщала широкому кругу читателей данные о строении неба и земли»¹², писал автор. Он верно оценил причины популярности этой «науки»: она «служила, так сказать, запросам жизни». «Движения небесных светил

---

¹⁰ Там же. С. 313.

¹¹ См.: Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л., 1947.

¹² Там же. С. 65.

получали практическое применение для устройства дел человеческих, для решения житейских задач»¹³. И далее автор говорит, что в условиях Московской Руси астрология «была до известной степени положительным явлением»¹⁴. Практически всеми историками астрономии, которые не предвзято смотрели на этот феномен, и многими историками культуры отмечено, что в «основе астрологического мышления, как-никак, лежала идея закономерной связи между человеком и природой: отдаленные от нас светила, повинующаясь некоторым вечным и неизменным законам, оказывают свое действие на подлунный мир и на все там находящееся»¹⁵. Таким образом, надо здраво смотреть на то, что было реализацией культуры прошлого.

Одна из следующих наиболее крупных работ по истории астрономии в России принадлежит Б. А. Воронцову-Вельяминову¹⁶. Автор приходит к выводу, что в России астрология не получила такого развития, как на Западе: «причиной этого были здравые взгляды русских людей на природу»¹⁷. Вероятно, что перед Воронцовым-Вельяминовым стояла вполне определенная задача написания истории астрономии как в высшей степени «рациональной» дисциплины. Но это приводило к тому, что значительные реалии прошлого оставались в стороне. Необходимо еще добавить, что автор «Очерков» не рассматривает так называемую «народную астрономию», которая была также прописана астрологическим «привкусом».

Дальнейшее наступление на астрологию со стороны истории астрономии было продолжено Б. В. Кукаркиным¹⁸. Автор «попытки объяснения явлений природы вмешательством и волей сверхъестественных сил» рассматривает «как попытки антинаучные, тормозящие развитие истинной науки»¹⁹. Автор относит астрологию безоговорочно в разряд «отрицательных факторов в развитии истинной науки», хотя, пишет сам, и здесь «случайно делались и научные открытия»²⁰. Однако можно говорить и о том, что в допетровской Руси мы не фиксируем науки как таковой,

¹³ Там же. С. 72.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Райков Б. Е. Указ. соч. С. 94.

¹⁶ См.: Воронцов-Вельяминов Б. А. Очерки истории астрономии в России. М., 1956.

¹⁷ Там же. С. 8.

¹⁸ См.: Кукаркин Б. В. Некоторые методологические вопросы истории астрономии // ИЛИ. М., 1961. Т. VII.

¹⁹ Там же. С. 133.

²⁰ Там же. С. 134.

и потому то, что не существует, не может испытывать отрицательных последствий.

Мы уже говорили ранее, что астрология принадлежит в ее «русском варианте» к культуре. Вряд ли стоит каждый раз приводить те аргументы, которые мы встречали у М. А. Шапгина и с которыми нельзя не согласиться. Интересно то, что в полемике против астрологии историки астрономии не затрагивают этой серьезной и аргументированной работы. Необходимо отметить и то, что в своем функционировании на Руси такая астрология в известной мере противопоставлялась доктринам церкви, не бывшим в состоянии ответить на вопросы о судьбе каждого человека. Недаром русская церковь так решительно выступала против астрологии в ее любом проявлении. Еще более определенно высказался Б. В. Кукаркин по поводу астрологии в другой своей работе: «...обычно историки естествознания много внимания уделяют изучению этих лженаучных концепций. Некоторые историки утверждают, что астрология способствовала развитию астрономии. Ни астрология, ни религия по своему существу не могут способствовать развитию науки»²¹.

Механизм науки и ее развития слишком сложен, чтобы можно было его так легко определить. Как ни парадоксально, но многие препятствия на пути развития науки есть факторы, одновременно способствующие ее росту и развитию. Кукаркин готов изучать астрологию скорее в плане борьбы с ней рациональной астрономии. И, изучая ее, обнаруживает, что «астрономические наблюдения, сделанные в целях астрологических предсказаний, неоднократно и с успехом использовались для научных целей»²². Автор выступает не против того, что найдено рационального, а против самой системы, в которой это совершилось. Но, отбрасывая эту «лженауку», он тем самым отнимает у астрономии то, что она взяла у астрологии. Астрологии нет и не может быть без того, без чего нет и не может быть астрономии. Если же автор ведет речь о целях, стоящих перед астрономией как наукой и астрологией, то их смешивать неправомерно. Астрология была одновременно и «наукой», которая отвечала на вопрос, и одновременно ответом, но эта система вопрос-ответ уже не принадлежит астрономии. Разные вопросы — разные «науки» — разные ответы. Астрология есть историко-культурная реальность, но,

²¹ Кукаркин Б. В. Первые шаги в развитии астрономии // ИЛИ. М., 1966. Вып. IX. С. 142.

²² Там же. С. 142.

вероятно, еще более она играла роль фактора, приема, снимавшего психологическое напряжение, в иных конкретных условиях достигавшего максимума.

Рационализм, который обычно ищут историки науки, сравнивая современную науку и «несовременное прошлое», должен быть изучаем в историческом контексте культуры. Сплошь и рядом современная история науки пользуется критериями современного знания и, не найдя аналогий, зачисляет некоторые явления в разряд «лженаук». Важность того или иного явления в истории сплошь и рядом определяется не тем, как это явление вписывается в наше понимание, а тем, какое место оно занимало в прошлом. То, что мы зачастую оставляем в стороне от науки, на самом деле имело огромное значение для самой культуры, частью которой в известной мере оказывается и сама наука.

О. Р. Хромов

АСТРОНОМИЯ И АСТРОЛОГИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Материалы к библиографии

Об астрономической и астрологической литературе Древней Руси написано не так много. Круг авторов ограничивается небольшим числом фамилий. Однако сведения об астрономических знаниях и книгах на Руси рассыпаны по монографиям и статьям различной тематики, например, в работах по истории книги, филологии и др.

Настоящий указатель, не претендуя на абсолютную полноту, приводит сведения о некоторых специальных трактатах, статьях по астрономии, астрологии, хронологии, в древнерусской книжности, а также данные об изобразительных материалах. В указателе отсутствуют сведения о таких памятниках, как: Космография Меркатора, Ортелия, Хроника Бельского, Толковая Палея, сочинения Козьмы Индикоплова, Луцидариус, Шестоднев, Изборник Святослава, в силу двух обстоятельств: во-первых, эти памятники носят более энциклопедический нежели специальный характер; во-вторых, они хорошо известны и рассмат-

риваются практически во всех работах по истории астрономии¹.

Материал в указателе расположен по следующим разделам:

I — астрономия, астрология. Вначале указаны статьи общего астрономического характера, затем о небесных знамениях, Солнце, Луне и т. д.

II — астролого-медицинские сочинения.

III — некоторые сведения о полемической литературе против астрологии.

IV — произведения художественной литературы Древней Руси.

V — объединяет в себе статьи о годе, месяце, днях, временах года, часах и сведения о некоторых календарях и пасхалиях.

VI — «сокровенные знания», включает только те памятники, которые имеют некоторое отношение к астрономии, астрологии.

VII — «изобразительные материалы», сведения о стеновых росписях, иконах, лубке и т. п., отражающих астрономические знания наших предков; позиция 67 представляет краткий обзор малоисследованных материалов, древнерусской книжной иллюстрации как источнике по истории науки Древней Руси.

VIII — сведения об астрономических инструментах.

Указатель состоит из двух частей: 1-я часть — собственно указатель, 2-я часть — список сокращений, он представляет собой перечень работ, названия которых упоминаются в нескольких рубриках. Монография или статья, упоминаемая один или два раза, в списке сокращений не указывается, а приводится полностью в рубрике указателя.

В заключение приведу некоторые обзоры астрономической и астрологической литературы Древней Руси:

1. Кононов Н. Н. Из области астрологии. Обзор статей: Планетника, Звездочеда, Колядника, Громника, Лунника, Трепетника, Тайная тайных, Лечебника и прочих рукописей XVIII в. А. Г. Первухина//Древности. Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1907. Т. 4, вып. 1. С. 16—53.

---

¹ Наиболее подробно см.: Райков Б. Е. Очерки истории гелиоцентрического мировоззрения в России. 2-е изд. М.; Л., 1947 (1-е изд. 1937), где, кстати, приводится много ссылок на литературу и рукописи и опубликованы значительные выдержки из памятников.

2. Кузаков В. К. Очерки развития естествонаучных и технических представлений на Руси в X—XVII вв. М., 1976. С. 29—58 (гл. «Обзор источников»).

3. Порфирьев И. Я. История русской словесности. Казань, 1879. Т. I, ч. 1. С. 286.

4. Пыпин А. Н. История русской литературы. СПб., 1899. Т. 1. С. 411—482.

5. Пыпин А. Н. Легенды и апокрифы//Вестник Европы. 1894. № 3. С. 336—338.

Укажу еще словари:

1. Арсеньев А. В. Словарь писателей древнего периода русской литературы IX—XVII вв. (862—1700). СПб., 1882. С. 129—130 (обзор научной литературы XVII в.).

2. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1890. Т. 1^а. С. 900—902 (ст. «Апокрифы»); 1896. Т. 22. С. 462—463 (ст. «Отреченные книги»).

3. Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1960.

Во всех словарях имеются списки литературы. Кроме того, обзоры и библиографии см. в книгах:

1. Каменцева Е. И. Хронология. М., 1967 (список литературы по хронологии в конце книги).

2. Перетц В. П. Новые труды о «жидовствующих» XV в. и их литературе//Университетские известия. Киев, 1908. № 10. С. 1—42 (библиографический обзор и разбор литературы).

3. Пыпин А. Н. История русской литературы. СПб., 1899. Т. 1. С. 471—484 (библиографическое примечание к гл. «Отреченные книги»).

4. Соколов Н. И. Славянская книга Еноха Праведного. Тексты, латинский перевод, исследования. М., 1910. С. 1—10 (обзор литературы).

5. Сперанский М. Н. Из истории отреченных книг. СПб., 1908. Т. 4. С. 3—22 (обзор литературы).

Обзор зарубежной литературы и ее критику см.: Чижевский Д. Новые исследования по истории астрологии//Этнографический вестник. Киев, 1929. Кн. 8. С. 190—215 (укр. яз.).

Об астрономических иностранных книгах в России в XVI—XVII вв. см. в ст.: Сапунов Б. В. Из истории международных книжных связей в Московской Руси XVI—XVII веков//Книга. Исследования и материалы. 1971. Сб. 2. С. 105—127.

В тексте приняты сокращения:

исл. — исследование

обз.— обзор, упоминание рукописи (памятника) в обзоре
памятников, в исследовании и т. п.

оис.— описание

публ.— публикация, издание текста

рмп.— рукопись

ст.— статья

I. АСТРОНОМИЯ. АСТРОЛОГИЯ

1. Астрономические статьи.
Дмитриева. С. 160, оис.
2. Изобретение астрономии, ст.
Памятники. С. 19, публ.
2. О соотношении между небом и землей, ст.
Районов Т. С. 228, обяз.; *Копреева*. С. 83, оис.
4. О трех крузах: солнечном, лунном и земном, ст. *Копреева*.
С. 80, оис.
5. О небеси, ст.
Райков Б. С. 78; *Дмитриева*. С. 160, оис.; Памятники. С. 156,
публ.; *Гаврюшин П. К.* Космологический трактат XV в. как
памятник древнерусского естествознания // Памятники науки
и техники, 1981. М., 1981. С. 183–198.
6. О знамениях небесных, ст.
Святский Д. О. Чудесность и естественность в небесных явле-
ниях по представлениям наших предков // Мироведение. 1930.
Т. 19, № 2. С. 95–96, 98, исл.; *Кузаков В. К.* Развитие есте-
ственнонаучных представлений в древней Руси X–XVII вв. //
Седьмая конференция аспирантов и младших научных сотру-
дников ИИЕиТ АН СССР. М., 1964. С. 94, 94, 96; *Кузаков*. С. 88,
92, 99, исл.; *Гаврюшин*. Указ. соч. С. 183–198, обз., оис.; Оис.
БАН. Т. 4, вып. 1. С. 256; *Керенский*. № 3. С. 72; *Викторов А. Е.*
Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной
России. СПб., 1890. С. 102, № 207; Описание рукописей Чудов-
ского собрания/Сост. Т. Н. Протасьева. Новосибирск, 1980.
С. 133, № 236. *Попов А. П.* Библиографические материалы //
ЧОИДР. 1881. Кн. 2, № 12. С. 56–59.
7. Статьи о Солнце и его затмениях.
- 7.1. Сотворено повелением Божиим, а величий оное больше вся
земли.
Оис. БАН. Т. 4, вып. 1. С. 243.
- 7.2. О затмении Солнца часо ради тако бывает.
Оис. БАН. Т. 4, вып. 1. С. 126.
8. Лунник.
Кононов. С. 43–44; *Перетц*. Лунник, публ., оис., исл.; *Соболев-
ский*. С. 418, 376–377, 397; *Райнов Т. С.* 228; Оис. БАН. Т. 4,
вып. 1. С. 230, 405; *Дмитриева*. С. 160, оис.; *Кузаков*. С. 50.
- 8.1. О лунных днях.
Тихонравов. Памятники. Т. 2. С. 388–396, публ., оис.; БАН.
Т. 4, вып. 1. С. 131.
- 8.2. Окружение месяца.
Тихонравов. Памятники. Т. 2. С. 396–397, публ.
- 8.3. Поучение верующих от прелесного разума в рождение месяца.
Керенский. № 3. С. 79.
- 8.4. О стоянии Луны.
Рмп. Шафарика. № 12, публ. № 14, оис.

9. Книги и ст. о кометах, метеорах...
- 9.1. Книга о кометах.
Луннов. С. 145, опис.
- 9.2. Комета лета 1680, виденная ... С. Певеским...
Соболевский. С. 146, опис.
- 9.3. Поучение о комете. Мелетия Смотрицкого.
Соболевский. С. 213–214; Святский. Вып. 8. С. 56–58, 81, опис., исл.
- 9.4. Падоша с небеси звезды, аки дождь сильный...
Святский. Вып. 9. С. 19.
- 9.5. О метеорах Иоаникия иеромонаха Маркура.
Соболевский. С. 374–375.
- 9.6. О Деннице.
Святский. Сказание. С. 5; Святский. Вып. 9. С. 16; Кондреева. С. 83, обз.; Кузаков С. 92.
- 9.7. Сказание о Чигирь-звезде.
Святский. Вып. 8. С. 39, 58; Святский. Сказание. С. 4–5; Соболевский. С. 427–428.
10. Планетники.
Кононов Н. Н. К истории планетника // Древности. Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1907. Т. 4, вып. 1. Протоколы. С. 15–17; Кононов. С. 16–31; Соболевский. С. 133–134; Райков Б. С. 91, 86–87; Кузаков. С. 50, 105; ИЕР. С. 59; Святский. Вып. 8. С. 21–23 (факсимильное воспроизведение титула и миниатюр с изображениями планет); Воронцов-Вельяминов. С. 31; Перетц. Лунник. С. 31.
- 10.1. Сказание о силе и потуге планетной.
Перетц. Лунник. С. 31–32, 113–114, публ.; Кононов. С. 17.
- 10.2. Лист планидный — двенадцать небес, 1695 год. Писец подъячий Тимофей Кузнецов, иконописец Иван Мефодиев. *Кукушкина. С. 51, 54, 55, 62, 117.*
- 10.3. Книга глаголемая планетник, изданная от древних философов, приведена сия книга с польского языка на словенский язык в лето от рожества Господа Бога и Спаса Иисуса Христа 1677.
Шляпкин И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891. С. 88, опис.; Кононов. С. 18.
- 10.4. О учащих и верующих звездному учительству и смотрящих зодии и планет о получении добра или зла счастья.
Опис. БАН. Т. 4, вып. 1. С. 463.
11. Беги небесные.
Соболевский. С. 132–133; Райков Б. С. 80–81; Воронцов-Вельяминов. С. 31; ИЕР. С. 59; Кузаков. С. 50.
12. Звездочетье. Зодий.
Тихонравов. Памятники. Т. 2. С. 422–424; Порфирьев. С. 286, обз.; ркп. Шафарика. № 12. С. 48; Б. Э. Т. 11. С. 424; Райков Б. С. 67–68; Кузаков. С. 50.
13. Альманахи. (В Острологии, Мартолое и т. п. и других сборниках встречается русская статья по астрологии «Премудрость царя Соломона и философа большого первого филодельфа и Птолемея царя египетского о поясах небесных и о звездах и о Солнце и о Лунах, на коих поясах ходят, планидах 12 зодиях и о часах и о планидах до скончания века зри разумевай и толкуй нелепно».)
Соболевский. С. 428–433; Райков Б. С. 88–91; Ченакал. С. 98;

Святский. Сказание. С. 1–6; Рафли. С. 266). *Воронцов-Вельяминов*. С. 35; ИЕР. С. 59; *Перетц*. Лунник. С. 24–31; опис., публ.; *Тихомиров*. Памятники. Т. 2. С. 398–421; *Змеев*. С. 240, опис.; *Чанакал*. С. 98, опис.

- 13.1. Астрология солнечному и лунному и звездному течению и вся небесная дивизия по зодиям планет.
Райнов. С. 230–231; *Керенский*. № 3. С. 73; *Райков* В. С. 79; ИЕР. С. 84; *Святский*. Вып. 9. С. 71; *Бобынин* В. В. Очерки истории развития физико-математических знаний в России XVII столетия. М., 1893. Вып. 2. С. 1–10; *Цейтлин*. С. 7–8.

- 13.2. Альманах Булева.

Соболевский. С. 142–143; *Зимин* А. А. Доктор Николай Булев – публицист и ученый медик // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 84–83; *Святский*. Вып. 9. С. 67; *Святский* Д. О. Астролог Николай Любчанин и альманахи на Руси XVI в. // Известия научного ин-та им. Л. Ф. Несгафта. Л., 1929. Т. 15, вып. 1–2. С. 43–56; *Райков* В. С. 74–79; *Майков* Л. Н. Последние труды // ИОРЯС. 1900. Т. 5, кн. 2; *Райнов* Т. С. 163; *Грозов*. С. 75–76; *Симонов*. Рус. речь. 1983. № 3. С. 109; *Симонов*. Российские. С. 77.

- 13.3. Астрологический альманах 1495 г.

Бенешевич В. Н. Из истории переводной литературы в Новгороде конца XV столетия // Сб. Соболевского. С. 378–380; *Зимин* А. А. Указ. соч. С. 84¹; *Соболевский*. С. 231².

14. Ключи астрологические гербов городов, государств.

Соболевский С. 144–146, опис.; *Белоброва* О. А. Географические сочинения России XVII в. // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 316–325.

- 14.1. Роспись царств и мест под которыми знаменами небесными стоят.

Райков В. С. 78.

15. Математическая астрология, астрономия...

- 15.1. Старинная арифметика, астрономия, астрология...

ИОМ. С. 473, опис.; *Кузнецова* В. С., *Симонов* Р. А. «Цифирная счетная мудрость» – первый русский учебник арифметики // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси. М., 1983. С. 95, 98. № 10, опис.

- 15.2. Книга глаголевая математика новопреложена с эллипска ... В Москве лето 1664.

Райков В. С. 78, опис.; *Симонов*. Рус. речь. 1983. № 3. С. 110, обз. опис.

- 15.3. Математические сочинения, книга первая. Вторая пол. XVII в. *Симонов*. Рус. речь. 1983. № 3. С. 110, опис.

16. Космография жидовствующих (соч. Эмануэля-беп-Якоба), русский перевод конца XV в.

¹ В. П. Бенешевич считал этот альманах переведенным Вениамином на основании стиля перевода. А. А. Зимин полагал, что перевод выполнен Н. Булевым, так как это ближе ему по тематике.

² У Соболевского ст. «От латинские книги осмыя пайти о днях собачих, русский перевод XVII в. (?)». Это – часть из Алманаха, см.: *Бенешевич* В. Н. Об Осмочастной книге: *Голицын* Н. П. Предисловие к Святам сочинение календарного характера XVI–XVII вв. // Древности: Труды славянской комиссии. 1907. Т. 4, вып. 1. Протоколы. С. 31.

- Соболевский*. С. 409–412, публ.; *Зубов В. П.* Неизвестный русский перевод «Трактат о сфере Иоганна де Сакробоско» // ИАИ. 1962. Вып. 8. С. 221–241, опис., исл., публ.; *Святский*. Вып. 8. С. 65; *Райков Б. С.* 82–83; *Райнов Т. С.* 238–248, исл.; *Воронцов-Вельяминов*. С. 31–34; *Кузаков С.* 103–104; *Кузнецов*. С. 10–11.
17. Шестокрыл.
Архангельский А. С. Образование и литература в Московском государстве конца XV–XVII столетий // Учен. зап. Казанского ун-та. Казань. 1900. Т. 67, № 9. С. 41–45; *Казакова, Лурье*. С. 133, 135, 144, 311, 318; *Лурье*. С. 186–187, 191, 194–195, обз.; *Тихонравов*. Собр. соч. Т. 1. С. 242–245, исл.; *Соболевский*. С. 413–419, вклейки; ИОМ. С. 78; *Райков Б. С.* 69; *Воронцов-Вельяминов*. С. 33, 30; *Святский*. Вып. 8. С. 61–79; исл.; *Святский Д. О.* Астрономическая книга «Шестокрыл» на Руси XVI века // Мироведение. 1927. Т. 16, № 2. С. 63–78; *Кузаков*. С. 50–51, обз. 78–81, исл. 86; *Кузаков В. К.* О восприятии в XV веке на Руси астрономического трактата «Шестокрыл» // ИАИ. 1975. Вып. 12. С. 113–120, исл.; ИЕР. С. 59, обз.; *Райнов Т. С.* 133, 237, 243–244, исл.; *Чернецов А. В.* Иллюстрации к Шестокрылу и вопрос об отреченных изображениях в древней Руси // ТОДРЛ. 1984. Т. 38. С. 231–240; Рафли. С. 261; *Кузнецов*. С. 11.
18. Виленский сборник (содержит множество астрономических и астрологических статей).
Соболевский. С. 424–428, опис., публ. частично; *Райков Б. С.* 86–88.
19. Из астрономии с немецких переводов.
Соболевский. С. 130, опис.; *Святский Д. О.* Звездное небо архангелогородских мореплавателей XVII века // Известия Общества любителей мироведения. 1917. Т. 6, № 4 (28). С. 207–215; *Святский*. Вып. 9. С. 53–60, публ. частично, фототипически воспроизведены гравюры; *Райнов Т. С.* 435–437; *Воронцов-Вельяминов*. С. 41–42; *Устюгов*. С. 89, обз.
20. Зерцало (Позорище) всея вселенной. Епифаний Славинский.
Калайдович К. Ф., Строев П. М. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... Ф. А. Толстого. М., 1825. Ч. 2, № 17; *Райков Б. С.* 122, опис. трех списков С. 117–133, исл., публ. частично; *Святский*. Вып. 9. С. 70; *Рогов А. И.* Древнейшее астрономическое общество Москвы // Наука и жизнь. 1976. № 12. С. 74–75; *Казакова И. А.* Русский перевод XVII в. труда Блау «Theatrum orbis terrarum sive Atlas Novus» // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1985. Т. 17. С. 172–177; *Соболевский*. С. 60–61.
21. Селенография Иоганна Гевелия/Пер. Степана Чижинского 1678–1681.
Соболевский. С. 147–148, опис.; *Соболь*. С. 157–173; *Святский*. Вып. 9. С. 73; *Райнов Т. С.* 438–455, 352–353; *Ченакал*. Очерки. С. 17; *Градова Б. А.* и др. К истории Архангельской библиотеки Д. Н. Голицына // А. Е. за 1978. С. 243, № 88, опис.; *Устюгов*. С. 89; *Луппов*. С. 115–116, 17; *Морозов Б. П.* Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII века — начале XVIII века // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 112–113, 118, опис.; *Барсов Е. В.* Новые розыскания о первом периоде русского театра // ЧОИДР. М., 1882.

- Кн. 3. С. 5–6 (сообщение о книге); *Кудрявцев. С.* 213–214; *Добрянский Р.* Описание ркп. Виленской публичной библиотеки церковно-славянских и русских. Вильна, 1882, № 318; *Кузаков. С.* 108; *Азархин В. А.* Роль Киева в распространении гелиоцентрического учения Н. Коперника и формирование материалистической традиции в отечественной философии // *Славянские культуры и мировой культурный процесс.* Минск, 1985. С. 416–417; *Николаев С. И.* Произведения Яна Жабича в русских переводах XVII в. // *ТОДРЛ.* 1981. Т. 36. С. 173, 172–174 (биография) С. Чижинского; *Николаев С. И.* Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»: *Чижинский С. Ф.* // *ТОДРЛ.* 1985. Т. 40. С. 181.
22. Памятники деловой письменности. Письмо попа Иванище из села Новой Ерги ... Отписки Кирилло-Белозерского монастыря властям о метеоритах...
Кузаков. С. 94–95; *Святский.* Вып. 9. С. 24, 35–36, публ.; *Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Пг., 1915. С. 186; *Святский Д. О.* Падение метеоритов в Белозерском крае 29 ноября 1662 года // *Мироведение.* 1929. Т. 18, № 5. С. 285–300, публ., исл., опис.

II. АСТРОЛОГО-МЕДИЦИНСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

23. Медицинские зодии и планетники.
Райков Б. С. 83–86, фототипическое воспроизведение рисунка связи частей тела со знаками зодиака; *Змеев.* № 58. С. 89, ст. О знаменах в человеческих болезнях; *Прозоровский.* № 59. С. 83.
- 23.1. Астрологическая анатомия, ст.
Райков Б. С. 84, опис., исл.
- 23.2. Медицинские зодии.
Змеев. № 11. С. 56 (ст. Вельми попарно ведати естество 12 зодий), опис.; № 47. С. 81 (ст. О влиянии 12 зодий на тело...), опис.; № 16. С. 64 (ст. О исправлении зодия – предсказания об исходе болезни), опис.; № 96. С. 155 (ст. О опасных годах по зодиям), опис.
24. Приметы о днях и часах астролого-медицинские.
- 24.1. Филона некоего сказания лунного течения небесного месяца наставления.
Кононов. С. 44; *Перетц.* Лунник. С. 52–53, опис.; *Флоринский В. М.* Русские народные врачевники XVI–XVII столетий. Казань, 1880. С. 187–191.
- 24.2. О счастливых и несчастных днях Альберта Великого. *Райнов Т. С.* 164, обз.; *ТКДА,* 1872, июнь. С. 482 (ст. Петрова Н.).
- 24.3. Аще разболится человек поищи в кой день Луны, ст.
Перетц. Лунник. С. 52–53, опис.
25. О времени кровопускания астролого-медицинские статьи.
Керенский. № 5. С. 131; *Змеев.* С. 240; *Турилов А. А., Чернецов А. В.* С. 92.
- 25.1. Рассуждение о кровопускании во всех 29 днях Луны.
Змеев. № 8. С. 34, опис.
- 25.2. Ука наставлявший луны несного месяца добро есть ведати в кое дни врачевати и кровь пущати кроме срет и пятка.
Перетц. Лунник. С. 104–105.
26. Травник Булев (Любчапина), см. также № 13.2.

Пушкарев Л. Н. Введение // Редкие источники по истории России. Ч. 1. Древнерусский лечебник. М., 1977. С. 10; *Громов. С. 71*, обз.; *Макеева И. И.* Древнерусская медицинская учебная литература // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси. М., 1983. С. 109; *Щербакова А. А.* История ботаники в России до 60-х годов XIX века. Новосибирск, 1979. С. 20; *Зме-ев. С. 5–24*, 35–38; *Богоявленский Н. А.* Древнерусское вра-чевание в XI–XVII веках. М., 1960. С. 46–70; *Симонов. Рус. речь. С. 109*; *Симонов. Российские. С. 77*; *Герман Ф. Л.* Врачеб-ный быт допетровской Руси (Материалы для истории медици-ны в России). Харьков, 1891. С. 33.

III. ПОЛЕМИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

27. Послание старца Филофея Мисюрю Мунехину.
Послание Филофея Мисюрю Мунехину: Памятник древней ду-ховной письменности // Православный собеседник, 1861. Май. Кн. 2; *Голоскевич К.* Астрология в России в XV–XVI вв. и по-слание старца Псковского Елезарова монастыря Филофея «на звездочетцы и на латыпы». Остров, 1897; *Малинин В.* Ста-рец Елезарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 49–55, 249, ПЛДР, конец XV – первая половина XVI в./ Публ., коммент. В. В. Колесова. М., 1984. С. 442–456, 732–739; *Симонов. Рус. речь. С. 108–109*; *Кузаков. С. 87*; *Воронцов-Велья-минов. С. 37*; *Цейтлин. С. 10–11*; *Симонов. Российские. С. 76*.
28. Послания Максима Грека против астрологии.
Симонов. Рус. речь. С. 109; *Райков Б. С. 92–95*, исл.; *Керен-ский. № 4. С. 300*, 329–330; *Буланин Д. М.* Переводы и посла-ния Максима Грека. Л., 1984. С. 204, публ.; *Громов. С. 181*, публ. С. 73–80, исл.; *Максим Грек. Соч. Казань, 1859. Ч. 1. С. 429*, 171–187, 348–357, 459–460; и др. публ.; *Цейтлин. С. 10*; *Симонов. Российские. С. 77*.

IV. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

29. Былина о Соловье Будимировиче.
Древние российские стихотворения, собранные Киршою Дани-ловым. М., 1977. С. 12–13; коммент. С. 429; *Халанский М.* Ве-ликорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885. С. 198; *Воронцов-Вельяминов. С. 27*; *Лихачев Д. С.* Земля родная. М., 1983. С. 53.
30. Александрия.
Истрин В. М. Александрия русских хронографов. СПб.; 1883. С. 8–9, 133, 249, публ.; ПЛДР вторая половина XV в. М., 1982. С. 28–33; *Чернецов. С. 305*; *Райнов Т. С. 55*.
31. Троянская история.
ПЛДР копец XV – первая половина XVI в. М., 1984. С. 230–232, 240–242, 254; Троянские сказания/Подгот. текста и ст. О. В. Творогова, коммент. М. Н. Ботвилика и О. В. Творогова. Л., 1972. С. 16.
- 31.1. О Златом Руне волшебного овна.
Троянские сказания. Л., 1972. С. 141–142, 147 (о происхожде-нии названий созвездий Близнецы и Водолей).
32. Повесть о славном астрологе Мустаеддыне.
Алексеев М. П. Англия и англичане в памятниках московской письменности // Учен. зап. ЛГУ. 1947. С. 93, обз. (сер. Ист. нау-ки; Вып. 15, № 95); *Малек Э.* Повесть об астрологе Мустаед-

дыне — неизученный памятник Древней Руси // ТОДРЛ. 1970. Т. 25. С. 242—259, исл. С. 254—259, публ.; *Голубев И. Ф.* Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарита с Николаем Спафарием и их беседа // ТОДРЛ. 1971. Т. 26. С. 295, сноска 4, опис.; *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 177—178.

33. Астролог (интермедия).
Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / Изд. подгот. О. А. Державина, А. С. Демин, В. П. Гребенюк / Под ред. О. А. Державиной. М., 1972. С. 287—289; *Панченко А. М.* Указ. соч. М., 1984. С. 178.
34. О приращении человеческого, под которую планетою знамен небесных родится всяк человек... Вирши архимандрита Преображенского харьковского монастыря Онуфрия.
Перетц В. И. Исследования и материалы по старинной украинской литературе // ИОРЯС. 1926. Т. 101, кн. 2. С. 140—176 (гл. 8. Вирши харьковского архимандрита Онуфрия).

V. ХРОНОЛОГИЯ ³

35. Статьи о годе, месяцах, днях.
Соболевский. С. 124—129, 131—132.
- 35.1. Годы мы русские считаем с сентября...
Перетц. Лунник. С. 33, опис.
- 35.2. Расчисление года...
Опис. БАН. Т. 4, вып. 1. С. 234.
- 35.3. Притча о царе года.
Опис. БАН. Т. 4, вып. 1. С. 463; *Райнов Т. С.* 435; *Устюгов*. С. 89; Русск. речь. 1984. № 3. С. 97—98; *Турилов А. А., Чернецов А. В.* С. 97; *Соболевский*. С. 124.
- 35.4. Притча о годовом обхождении и о годе солнечном.
Опис. БАН. Т. 4, вып. 1. С. 241, 125.
- 35.5. О четырех временах года.
Опис. БАН. Т. 4, вып. 1. С. 207, 140, 151; *Турилов А. А., Чернецов А. В.* С. 97; *Срезневский В. И.* Отчет ОРЯС о поездке в Вологодскую губернию (май—июль 1901) // ИОРЯС. 1902. Т. 7, кн. 4, № 14. С. 177, опис.
- 35.6. Сказания о месяцах (Сказания некоего философа о счетах и месяцах; Сказания о летах, месяцах, днях по Солнцу и т. п.).
Ркп. Шафарика. № 12. С. 49; *Райков Б. С.* 78.
- 35.7. Стихи о двенадцати месяцах.
Памятники. С. 156—157, публ.; *Дмитриева*. С. 160, опис.
36. О счислении месяцев, дней, часов в году.
Опис. БАН. Т. 4, вып. 1. С. 231.
37. Учение... Кирика Новгородца.
Симонов Р. А. Кирик Новгородец — ученый XII века. М., 1980. С. 98—101, публ. С. 102—110, список литературы, 149 названий; *Пиотровская Е. К.* Об одном списке «Учения о числах» Кирика Новгородца из собрания архива ЛОИИ СССР АН СССР // ТОДРЛ. Т. 40. С. 379—384.
38. Семитысячники.

³ Большой вклад в изучение древнерусского календаря внес Н. В. Степанов, список его сочинений по хронологии, составленный С. А. Белокуровым, см.: *Степанов Н. В.* Календарно-хронологический справочник // ЧОИДР. 1917. Кн. 1. С. IV—V.

Симонов Р. А. Малоизвестные русские средневековые источники по хронологии — «семитысячники» // ИАИ. 1975. Вып. 12. С. 109—113, опис., исл.

39. Календарная таблица XIII в. Граффито из Софии Киевской. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966. С. 114; *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1976. С. 202—205; *Симонов Р. А.* Кирик. С. 79, 81—82, 86—88, исл., публ.; *Климишин С.* 276—277, 280.
40. Псковский календарь XIV в. *Щапов Я. Н.* Календарь в псковских рукописях XV—XVI вв. // ТОДРЛ. 1983. Т. 37. С. 157—183, публ.; *Латышев И. Н., Свирлова А. К., Симонов Р. А.* Анализ астрономических данных псковского календаря XIV в. // ТОДРЛ. 1983. Т. 37. С. 184—187, исл.; *Щапов С.* 127—129, обз.; *Симонов Др. источник С.* 42, 49, 47, 51.
41. Календарные таблицы Норовской псалтыри. *Симонов Р. А.* Кирик. С. 79—82, 86—88, 84—85; *Климишин С.* 277—279, 280; *Симонов Р. А.* Календарно-астрономические таблицы Норовской псалтыри // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1983. С. 93—102.
42. Вруцелето (Рука Дамаскина). *Петров В.* Рука Богословля. М., 1787; Рука Дамаскина из тмы забвения изъятая. Львов, 1856; *Климишин И. А.* «Держу в руке лето» // Наука и жизнь. 1985. № 2. С. 116—119; *Климишин С.* 263—274; *Святский.* Вып. 7. С. 105—107; *Ганстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953. С. 54, опис.; *Вздорнов Г. И.* Искусство кнigi в древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV в. М., 1980, № 14, публ.
43. Пасхалии. Ркп. Шафарика. № 12. С. 47, № 15, 23, опис.; Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887. С. 114, 115; *Райнов Т. С.* 228; *Кузнецов С.* 11—12. *Прозоровский С.* 43.
- 43.1. Начало пасхалии переложено на осьмую тысячу лет архиепископа Новгородского Гешнадия, 1492 г. РИБ. Т. 6, № 119. С. 801—820, публ.; *Райнов Т. С.* 232—237; *Зимин А. А.* Доктор Николай Булев — публицист и ученый медик // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 83.
- 43.2. Зряча Пасхалия Ермолая Еразма. *Кузаков С.* 102; ЛЗАК. Вып. 33. С. 111—112; Повесть о Петре и Февронии/Подгот. текстов и исл. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 116.
- 43.3. Изложение Пасхалии митрополита Зосимы. *Лурье С.* 375—383; *Казакова, Лурье С.* 186—188, 190—193; РИБ. Т. 6, № 118. С. 795—802; *Райнов Т. С.* 232—237.
- 43.4. Пасхалия некоего философа Клеопатра. *Соболевский С.* 377.
44. Указ книжным часам во сколько часов обходит Солнце над псковскою землею. Списано от сведующих людей. Русск. речь, 1984. № 3. С. 98—99; *Турилов А. А., Чернецов А. В.* С. 94; *Рафли С.* 276—277; *Симонов Др. источник С.* 46, обз.; *Щапов С.* 129.
45. О русских часах, како бьют во всяком месяце в Новгороде Великом.

- Турилов А. А., Чернецов А. В. С. 94; Симонов. Др. источник. С. 46, обз.*
46. Круг Миротворный. Агафона, 1538.
Райнов Т. С. 237–239; Казакова, Лурье. С. 187–188; Филарет. № 128.
47. Предисловия святцам. Творение грешного раба Ивана Рыкова.
Турилов А. А., Чернецов А. В. Софроний, книгчий Ивана Грозного и адресованное ему сочинение // А. Е. за 1982 год. М., 1983. С. 88–89; Русск. речь. 1984. № 3. С. 92–99; Рафли. С. 273–276; Кононов Н. Н. Предисловие к Святцам сочинение календарного характера XVI–XVII вв. // Древности. Труды славянской комиссии. 1907. Т. 4, вып. 1. Протоколы. С. 31–32; Симонов. Др. источник. С. 42–45, 51, 49; Турилов А. А., Чернецов А. В. С. 91, 92, 93–97⁴.
48. Календарь римска новы в составе кн. «Ключ царства небесного» Герасима Смотрицкого.
Арх. ЮЗР. Ч. 1, т. 8. С. 250–265.
49. Указ часов боевым, колико на кий день или ночь ударит в коем месяце и числе.
Симонов. Др. источник. С. 46, опс., 47.
50. Круг часовой... Московской и Троицкой.
Симонов. Др. источник. С. 46, опс., 47.
51. Книга глаголемая Богословие Круг Великий Миротворный Тихона Макарьевского (1680).
Былинкин В. К. Педагогические функции древнерусской книжной поэзии // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси. М., 1983. С. 50–51 (публ. Предмовы).
52. Календари переводные.
Райков Б. С. 96–98; Покровский А. Календари в России. Приложение к кн.: Библиотека Московской Синодальной типографии. М., 1911. Ч. 1. Рукописи, вып. 5. Календари и святцы. С. XVIII, XXIII, XXVI, 11.
- 52.1. Годовой роспись мерило, календарь на 1670 г.
Райков Б. С. 96; Пекарский. Т. 1. С. 283.
- 52.2. Календарь на 1697 г. Павла Галкена.
Соболевский. С. 137; Пекарский. Т. 1. С. 287–288; Симонов. Российские. С. 83–84.
- 52.3. Календари Мартина Славоковича.
- 52.3₁. На 1689 г.
Соболевский. С. 135; Святский. Вып. 9. С. 68.
- 52.3₂. На 1696 г.
Соболевский. С. 135.
- 52.4. Календарь на 1696 г. Ф. Орминского.
Соболевский. С. 136.
- 52.5. Календари Фохта.
Кудрявцев. С. 219; Симонов. Российские. С. 83.
- 52.5₁. На 1676 г.
Соболевский. С. 136.
- 52.5₂. На 1690 г.
Соболевский. С. 135.

⁴ О Иване Рыкове и других его сочинениях см.: Рафли. С. 274, а также позицию 61.1. Помимо указанных статей, см.: *Турилов А. А., Чернецов А. В. Из истории псковской книжности XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. науч.-практ. конф. Псков, 1984. С. 16–17.*

- 52.5₃. На 1691 г.
Соболевский. С. 135.
 52.5₄. На 1692 г.
Соболевский. С. 135.
 52.5₅. На 1693 г.
Соболевский. С. 136.
 52.5₆. На 1694 г.
Соболевский. С. 136.
 52.5₇. На 1695 г.
Соболевский. С. 136⁵.

VI. СОКРОВЕННЫЕ ЗНАНИЯ

(Отреченная литература,
 содержащая элементы астрономических,
 астрологических, математических знаний)

53. О всей твари, ст.
Дмитриева. С. 153, опис.; *Кузаков*. С. 50; *Тихонравов*. Собр. соч. С. 184, исл.; *Тихонравов*. Памятники. Т. 2. С. 347–351, публ.; Опис. БАН. Т. 4, вып. 1. С. 242; *Райков Б.* С. 28, опис.
 54. Книга Еноха Праведного.
Кузнецов. С. 6; ИЕР. С. 52, 58; *Райнов Т.* С. 35–41, 153–154; *Райков Б.* С. 37–45; Памятники. С. 15–16; *Попов А.* Библиографические материалы, IV // ЧОИДР. 1880. Кн. 3. С. 67, опис. С. 76–83, исл. С. 89–139, публ.; *Соколов Н. И.* Славянская книга Еноха Праведного: Тексты, латинский перевод, исследования. М., 1910; *Мещерский Н. А.* Следы памятников Кумрана в старославянской и древнерусской литературе // ТОДРЛ. 1963. Т. 19. С. 130–147; *Мещерский Н. А.* К истории текста славянской книги Еноха: (Следы памятников Кумрана в византийской и старославянской литературе) // Византийский временник. 1964. Т. 24. С. 91–108.
 55. Молнияник.
Тихонравов. Памятники. Т. 2. С. 375–376; *Керенский*. № 5. С. 132–134; *Змеев*. С. 240.
 56. Громник.
Тихонравов. Памятники. Т. 2. С. 361–374; Памятники. С. 154–155; *Райков Б.* С. 73, исл.; *Кузаков*. С. 50, 105; *Керенский*. № 5. С. 132–134; ркп. Шафарика. № 11. С. 45–46. № 14. С. 59; *Райнов Т.* С. 164; *Пыпин*. Заметки. С. 113–117; *Змеев*. С. 240; *Конов*. С. 38–43; *Перетц*. Громник.
 57. Аристотелевы врата, или Тайная тайных⁶.
Соболевский. С. 419–423; *Кузаков*. С. 50; *Райков Б.* С. 74; Во-

⁵ Общие сведения о древнерусском календаре см.: *Зелинский А. Н.* Конструктивные принципы древнерусского календаря // Контекст- 1978. М., 1978. С. 62–135. О древнерусской хронологии как вспомогательной исторической дисциплине см.: *Черепнин Л. В.* Русская хронология. М. 1944; *Каменцева Е. И.* Русская хронология. М., 1960; *Она же*. Хронология. М., 1967. В дополнение к разделу «Хронология» см. позиции 65.2, 73–76.

⁶ Помимо этого памятника, известно другое гадательное сочинение с похожим заглавием: «Врата Аристотеля Премудрого», см. сб. *Соболевского* (ст. *Сперапского М.* «Аристотелевы врата» и «Тайная тайных»). С. 15–18; см. также: *Рафли*. С. 262–263, 270, 282–283.

- ропцов-Вельяминов. С. 31, 35; Кукушкина. С. 149; Керенский. № 4. С. 292–297; Порфирьев. С. 186; Райнов Т. С. 265–267; Сперанский. Вып. 4, исл., опис. С. 131–241, публ.; ПЛДР, конец XV — первая половина XVI в. М., 1984. С. 534–592, публ. С. 752–754/Подгот. текста и коммент. Д. М. Буланина; Кононов. С. 45–47.
58. Колядник.
Тихонравов. Памятники. Т. 2. С. 377–381; Памятники. С. 155–158; ркп. Шафарика. № 18. С. 98; Райнов Т. С. 164; Змеев. С. 240; Кононов. С. 33–38 (С. 34–35, список публ., опис., ркп).
59. О часех добрых и злых, ст.
Кузаков. С. 50; Тихонравов. Памятники. Т. 2. С. 382–384; Святский. Вып. 7. С. 104; Керенский. № 5. С. 106; Перетц. Лунник. С. 106–108, публ., опис.
60. Приметы о днях.
Тихонравов. Памятники. Т. 2. С. 385–395; Памятники. С. 159–160; Перетц. Лунник. С. 53; ркп. Шафарика. № 23. С. 76; Кононов. С. 50; Срезневский В. И. Отчет ОРЯС о поездке в Вологодскую губернию // ИОРЯС. 1902. Т. 7, кн. 4, № 14. С. 177, опис.
61. Рафли.
Райков Б. С. 72–73; ААЭ. 1836. Т. 3, № 176; ИЕР. С. 58; Кузаков. С. 50, 105; Керенский. № 3. С. 64, № 4. С. 267–292; Порфирьев. С. 296; Сперанский. Вып. 1. С. 74–76, публ.; Памятники. С. 161–166; Веселовский А. Н. Гадательные книги на Западе и у нас // Вестник Европы. 1886. Апрель. Кн. 4. С. 896.
- 61.1. Рафли Ивана Рыкова (см. позицию № 47).
Русск. речь. 1984. № 3. С. 96; Рафли. С. 260–290, исл. С. 290–345, публ.; Симонов. Др. источник. С. 44, обзор.

VII. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Даркевич В. П. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси // Сов. археология. 1960. № 4. С. 56–57.
62. Иконы.
Ретковская; История русского искусства. М., 1955. Т. 3. С. 438, 573.
- 62.1. Богоматерь Всех скорбящих радость.
Кузаков. С. 109, обзор; Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. М., 1984. С. 55, публ.; Успенский. С. 27, обзор; Старые годы. 1908. Апрель. С. 204; Ретковская. С. 7–9, опис. С. 22–26, исл. Рис. 1, 20, 19, 18; Лихачев Н. П. Т. 2. С. 10. Рис. 607.
- 62.2. Отче наш. Симон Ушаков.
Кузаков. С. 109; Ретковская. С. 19, опис.
- 62.3. Троица в Бытии. 1560.
Лихачев Н. П. Т. 1. Рис. 207; Кузаков. С. 109; Ретковская. С. 17, исл. Рис. 10.
- 62.4. Страшный суд.
Старые годы. 1908. Апрель. С. 204–205; Ретковская. Рис. 16.
- 62.5. Сотворение мира (из коллекции Г. К. Рахманова, 1630).
История русского искусства/Под ред. И. Э. Грабаря. М., 1911. Т. 4. С. 401–403; Ретковская. С. 18. Рис. 13.
63. Стенные и потолочные росписи.
- 63.1. Степные росписи в храмах.
Ретковская. С. 18, 11. Рис. 12, 5, 3; Святский. Вып. 9. С. 51–52.
- 63.1. Фреска Успенского собора Свияжского монастыря.

- Кузаков. С. 109; Ретковская. С. 17–18. Рис. 11; Аймалов Д. В. Фресковая роспись храма Успения Богородицы в Свияжском монастыре // Древности. 1906. Т. 21. С. 11–15; История русского искусства. М., 1955. Т. 3. С. 560, 559, публ.*
- 63.1₂. Роспись церкви Ильи Пророка в Ярославле «Яко твое есть Царство».
Святский. Вып. 9. С. 51; Ретковская. С. 19. Рис. 15; Кузаков. С. 109; Первухин Н. Церковь Ильи Пророка в Ярославле. М., 1915. С. 28–29.
- 63.1₃. Роспись в паперте Спасо-Преображенского собора в Холмогорах. «Солнце, Луны и звездного течения образ» 1698 г.
Святский. Вып. 9. С. 52.
- 63.2. Росписи дворцовых палат.
- 63.2₁. Столовая Алексея Михайловича. Беги небесные с зодиями. 1662 г. Рисовали Иван Мировский, Степан Павлов, Юрий Иванов, Андрей Павлов, Густав Декенниц составлял программу росписи.
Ровинский. Т. 4. С. 471; Забелин. Т. 1, ч. 1. С. 128–129; Райков Б. С. 113–114; Воронцов-Вельяминов. С. 40; Ретковская. С. 25; Святский. Вып. 9. С. 50.
- 63.2₂. Роспись Золотой палаты Московского кремля. Описал Симон Ушаков (аллегорическая).
Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884. Ч. 1. Стлб. 1238–1241, публ.
- 63.2₃. Столовая в новых хоромы Ивана Алексеевича. Беги небесные. 1681 г. Иван Мировский. *Ровинский. Т. 4. С. 472; Забелин. Т. 1, ч. 1. С. 129–130.*
- 63.2₄. Столовая палата Софьи Алексеевны, 1683 (1684?) Богдан Салтапов, Иван Безмин. (Юния с росписи у Алексея Михайловича) (см. 63.2₁).
Ровинский. Т. 4. С. 472; Воронцов-Вельяминов. С. 40; Ретковская. С. 25; Успенский. С. 28, 242; Кузаков. С. 109–110; Райков Б. С. 114; Забелин. Т. 1, ч. 1. С. 129; Старые годы. 1908. Апрель. С. 205; Брюсова В. Г. Федор Зубов. М., 1985. С. 147, 196, № 16, 17.
- 63.2₅. Верхняя – Марьи Алексеевны, 1688.
Ровинский. Т. 4. С. 472; Забелин. Т. 1, ч. 1. С. 129.
- 63.2₆. В деревянной передней Татьяны Михайловны «Беги небесные», 1688 г. Б. Салтапов.
Успенский. С. 244; Забелин. Т. 1, ч. 1. С. 129; Ретковская. С. 26; Ровинский. Т. 4. С. 472.
- 63.2₇. Роспись во дворце в Коломенском, 1681 г. Иван Мировский, см. 65.3⁷.
Забелин. Т. 1, ч. 1. С. 129–130, 151–152 (вирши С. Полоцкого); Райков Б. С. 115; Воронцов-Вельяминов. С. 40; Ровинский. Т. 4. С. 472.

⁷ Мировский, видимо, поновлял роспись, так как Симеон Полоцкий описал ее уже в 1672 г. См. вирши Симеона Полоцкого, посвященные вселению Алексея Михайловича в Коломенский дворец: *Полоцкий Симеон. Избр. соч./Подгот. текста, ст. и коммент. И. П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 104 («Зодий небесный чудно написан, Образы свойств си лепо знаменая; и части лета суть изображены, Яко достоит чинно положены...»); Аймалов Д. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. V. Коломенский дворец // ИОРЯС. 1913. Т. 18. С. 103–119.*

- 63.2₈. Столовая изба в Алексеевском. Иван Мировский. 1681 г. *Ровинский*. Т. 4. С. 472; *Ретковская*. С. 25; *Успенский*. С. 178, 177; *Забелин*. Т. 1, ч. 1. С. 129-130.
- 63.3. Роспись во дворце В. В. Голицына. «Круг Солнца, беги небесные с зодиями и планетами, писаны живописью»⁸. Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1893. Т. 4, стлб. 3; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7, т. 14. С. 435; *Святский*. Вып. 9. С. 50-51; *Айналов*. Указ. соч. С. 107.
64. Учебные картинки.
- 64.1. Двенадцать месяцев и беги небесные, в александрийский лист (копия из Столовой палаты; см.: 63.2₁). Карп Золотарев, 1679 г., для царевича Петра Алексеевича. *Забелин*. Т. 1, ч. 1. С. 130, 167; Т. 1, ч. 2. С. 229; *Райков Б. С.* 115-116; *Забелин И. Е.* Опыты изучения русских древностей. М., 1872. Т. 1. С. 142; *Ровинский*. Т. 4. С. 472; *Ретковская*. С. 25; *Успенский*. С. 92; *Кузаков*. С. 109.
- 64.2. Лунное течение, Солнце и месяц, звезды. 1680 г. Иван Безмин (на полотне 63 аршин, «вверх к государю»). *Забелин*. Т. 1, ч. 1. С. 166; Старые годы. 1908. Апрель. С. 202; *Райков Б. С.* 114-115; *Успенский*. С. 26; *Ровинский*. Т. 4. С. 473; *Кузаков*. С. 109.
- 64.3 Четыре стихии да двенадцать месяцев, 1694 г. (на четырех листах), для царевича Алексея Петровича. *Ровинский*. Т. 4. С. 473; *Забелин*. Т. 1, ч. 1. С. 167.
- 64.4. Солнце, Луну кругом, двенадцать месяцев, 1694 г., для царевича Алексея Петровича. *Забелин*. Т. 1, ч. 1. С. 166; *Ровинский*. Т. 4. С. 473.
65. Лубок.
- 65.1. Описание небесных явлений. *Ровинский*. Т. 2, № 312, 335, 333; Т. 5. С. 73-74, 78-79; Лубок. Русские народные картинки XVII-XIX столетий. Л., 1984. № 44, 45, публ.
- 65.1₁. Небесное знамение в Венгрии в 1672 г. Варлаам Ясинский. *Гурлянд И. Я.* Приказ Великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 380-382; *Соболевский А. И.* Неизвестное произведение Варлаама Ясинского // Чтение в Историческом обществе Нестора-летописца, 1900. Кн. 14, вып. 1. С. 26-28; *Соболевский*. С. 247-248; *Уо Д. К.* Текст о небесном знамении 1672 г. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 201-208.
- 65.2. Календари и предсказания. *Ровинский*. Т. 2. С. 357-472, № 657-676; Т. 4. С. 502-514; Т. 5. С. 87-96.
- 65.3. Солнце с зодиаком (Д. Ровинский предполагал, что эта гравюра снята с изображения в Коломенском. Райков оспаривал тождество между изображениями; см.: 63.27).

⁸ Описание росписей дворцовых палат с изображением неба, звезд, Солнца, Луны встречается в русских былинах, см. былину о Садко (Русская народная поэзия. Эпическая поэзия. Л., 1984. С. 123). Подобные сведения имеются у Даниила Заточника, см.: *Воронцов-Вельяминов*. С. 27; *Айналов Д. В.* Очерки и заметки по истории древнерусского искусства // ИОРЯС. 1909. Т. 13, кн. 1. С. 353; *Он же*. Коломенский дворец // Там же. 1913. Т. 18, кн. 3. С. 108-109.

- Ровинский. Т. 4. № 590А. С. 470–472; Т. 5. С. 17; Лубок. Русские народные картинки XVII–XIX столетий. Л., 1984. № 15, публ. (на англ. яз.); Райков Б. С. 114–115.*
66. Звездная карта «Поверстание кругов небесных». Амстердам, 1699 (типография Я. Тессинга, И. Ф. Копиевского).
Воронцов-Вельяминов Б. А. Первая русская звездная карта // Астрономический журнал. 1953. Т. 30. вып. 5. С. 552–556, исл.; публ.; Набоков М. Е. О звездной карте «Поверстание кругов небесных» // Астрономический журнал. 1954. Т. 31, вып. 2. С. 197, исл.; Воронцов-Вельяминов. С. 54, вклейка.
67. Книжные миниатюры, рисунки, чертежи.
- 67.1. Ангелы, движущие звезды. Четъи-Минеси Макария, 1542 г.
Ретковская. С. 15. Рис. 7.
- 67.2. Звездозакопник в Букваре Кариона Истомина.
Ченакал. Очерки. С. 20–21; Иванов. С. 135, обз.
- 67.3. Изображение звездного неба и кометы, «карта» пол. XV в.
Святский Д. О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Пг., 1915. С. 149, опис. С. 151, публ., комментарий.
- 67.4. Изображение астрономических инструментов в русской математической рукописи.
Белый А. Ю. Об источнике изображения астрономических инструментов в русской математической рукописи начала XVII в. // ИАИ. 1980. Вып. 15. С. 181–185.
- 67.5. Рисунок Радзивилловской летописи (геомагнитический).
Чернецов А. В. С. 301–306; Чернецов А. В. К изучению Радзивилловской летописи // ТОДРЛ. 1981. Т. 36. С. 283–284; Рафли. С. 268–269.
- 67.6. Иллюстрации к Шестокрылу (о Шестокрыле см. № 17).
Чернецов А. В. Иллюстрации к Шестокрылу и вопрос об отеченных изображениях в древней Руси // ТОДРЛ. 1984. Т. 38. С. 231–241.
68. София Премудрость Божия (ангелы, укладывающие звезды на небесах), питье.
Яковлева А. Н. «Образ мира» в иконе «София Премудрость Божия» // Древнерусское искусство. М., 1972. С. 388–404; Ретковская. С. 15; София. 1914. № 1, фронтиспис, публ.; Ефимова Л. В., Белогорская Р. М. Русская вышивка и кружево. М., 1985. Рис. № 10. Каталог. С. 221, № 10; Плешанова И. И., Лихачева Л. Д. Древнерусское декоративно-прикладное искусство. Л., 1985. Рис. 33. Каталог, № 48.
69. Лепное изображение глобуса на новом здании Посольского приказа в Кремле. Москва.
Терещенко А. Опыт обозрения жизни сановников, управляющих иностранными делами в России. СПб., 1837. Ч. 1. С. 20; Райков Б. С. 113; Воронцов-Вельяминов. С. 40. Кузаков. С. 110.

VIII. АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ

(см.: 21, 67.4, 67.2)

70. Угломерные инструменты, глобусы, армиллярные сферы и т. п.
Рогов А. И. Древнейшее астрономическое общество Москвы // Наука и жизнь. 1976. № 12. С. 75; Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая в 1675 г. // Записки имп. Русского географического общества: отд. Этнографии, 1882. Т. 10, вып. 1. С. 152; Ченакал. Очерки.

С. 19–20; Научные приборы. С. 46–47, 54–55, 42–45; *Воронцов-Вельяминов*. С. 41; *Пекарский*. Т. 1. С. 267–268; *Цветаев Дм.* Протестанты и протестантство в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 754–755; *Иванов*. С. 135; *Святский*. Вып. 9. С. 50, 52–53; и др.

71. Зрительные трубы.

Соболь. С. 138–142, 150–155; *Воронцов-Вельяминов*. С. 40; *Верюжский В.* Афанасий архиепископ Холмогорский. СПб., 1908. С. 474, 676; *Ченакал*. Очерки. С. 30–32, 8–15; *Забелин*. Т. 2, С. 59–60, 129, 130, 131; *Иванов*. С. 135; Научные приборы. С. 67–77; опс., 64–67; *Святский*. Вып. 9. С. 52; *Мордвинова С. Б.* Историко-художественные предпосылки возникновения и развития портрета в XVII в. // От Средневековья к Новому времени. М., 1984. С. 16.

72. Деревянные календари.

Савваитов П. И. О зырянских деревянных календарях и Пермской азбуке, изобретенной св. Стефаном. М., 1873; *Срезневский В. И.* Северный резной календарь. СПб., 1874; *Логинский К. Д.* Бирки и сельские деревянные календари // Живая старина. СПб., 1902. Вып. 1. С. 182–200; *Майстров Л. Е., Провирукина С. К.* Народные деревянные календари // ИАИ. 1960. Вып. 6. С. 279–298, опс., исл. публ. (обз. литературы); *Константинов Н. А.* Народные резные календари // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1961. Т. 20. С. 84–113; *Лебедева А. А.* Русский деревянный календарь Сибири // Этнографический сборник. Улан-Уде, 1962. Вып. 3. С. 124–127; Научные приборы, № 3–6, 8–12. С. 14–15; *Буткевич А. В., Зелинсон М. С.* Вечные календари. М., 1984. С. 43–46.

73. Календари-вышивки.

Дурасов Г. П. Каргопольские народные вышивки-месяцесловы // Сов. этнография. 1978. № 3.

74. Пасхальный месяцеслов.

Самойленко А. И., Лев Л. А. К определению времени изготовления «Пасхального месяцеслова» // Развитие методов астрономических исследований. М.; Л., 1979. С. 118–142.

75. Солнечные часы.

Петраш Г. Годиннику 940 літ // Наука и суспільство. 1975, № 1; *Иванов*. С. 134–135; *Святский*. Вып. 9. С. 52; *Данилевский В. В.* Русские навигационные приборы первой четверти XVII в. // Исторические памятники русского арктического мореплавания XVII в. Археологические находки на острове Фаддея на берегу залива Симса. М.; Л., 1951. С. 53–63; *Ченакал В. Л.* Когда появились на Руси солнечные часы // Земля и Вселенная. 1978. № 1. С. 72–75; *Ченакал В. Л.* Солнечные часы на Руси // Развитие методов астрономических исследований. М.; Л., 1979. С. 457–461; *Ченакал В. Л., Ченакал Л. Г.* Солнечные часы на европейской части СССР // Солнечные часы и календарные системы народов СССР. Л., 1985. С. 16–22, 91–93 (список литературы и источников, 66 названий) ⁹.

76. Часы денные и ношные.

Майстров Л. Е. Старинный прибор для определения дня и ночи // Земля и Вселенная. 1965. № 4. С. 81–83, исл., опс., публ.

⁹ О счислении часов в Древней Руси см.: *Прозоровский Д. И.* О старинном русском счислении часов // Труды 2-го археологического съезда. СПб., 1881. Вып. 2; *Симонов Р. А.* Др. источник.

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук: В 4-х т. СПб., 1836.
- А. Е. — Археографический ежегодник.
- Арх. ЮЗР — Архив Юго-Западной России, Киев, 1859—1911. Ч. 1—8.
- Б. Э. — Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900—1911. Т. 1—12.
- Воронцов-Вельяминов — Воронцов-Вельяминов Б. А. Очерки по истории астрономии в России. М., 1956.
- Дмитриева — Дмитриева Р. П. Светская литература в составе монастырских библиотек XV—XVI вв. // ТОДРЛ. 1968. Т. 23. С. 143—170.
- Громов — Громов М. Н. Максим Грек. М., 1983.
- Забелин — Забелин И. Е. Домашний быт русского народа XVI—XVII вв. Т. 1, ч. 1: Домашний быт русских царей XVI—XVII столетий. М., 1862; Т. 1, ч. 2: Домашний быт русских царей XVI—XVII столетий. М., 1915. Т. 2: Домашний быт русских царей XVI—XVII столетий. М., 1869.
- ИАИ — Историко-астрономические исследования.
- Иванов — Иванов Б. П. Геодезические инструменты в Московском государстве // Изв. Харьковского отдела Географического общества СССР. 1963. Вып. 1. С. 134—136.
- ИЕР — История естествознания в России/Под ред. Н. А. Фигуровского. М., 1957. Т. 1, ч. 1.
- ИОМ — История отечественной математики. Киев. 1966. Т. 1.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- Казакова, Лурье — Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—XV вв. М.; Л., 1955.
- Керенский — Керенский П. Ф. Древнерусские отреченные верования и календарь Брюса // ЖМНП. 1874. № 3—5.
- Климишин — Климишин И. А. Календарь и хронология. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1985.
- Кононов — Кононов Н. Н. Из области астрологии // Древности. Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1907. Т. 4, вып. 1. С. 16—53.
- Копреева — Копреева Т. Н. Рукописные сборники энциклопедического состава // Книга. Исследования и материалы. М., 1976. Сб. 32. С. 78—92.
- Кудрявцев — Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244.
- Кузаков — Кузаков В. К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси X—XVII вв. М., 1976.
- Кузнецов — Кузнецов Б. Г. Очерки истории русской науки. М.; Л., 1940.
- Кукушкина — Кукушкина Н. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв. Л., 1977.
- ЛЗАК. 33 — Ржига В. Ф. Литературная деятельность Ермолая Еразма // Летопись занятий Археографической комиссии. 1926. Вып. 33.

- Лихачев Н. П. — Лихачев Н. П. Материалы по истории русского ико-
нописания: В 2-х т. СПб., 1906.
- Лупнов — Лупнов С. П. Книга в России в XVII в. Л., 1970.
- Лурье — Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицисти-
ке конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960.
- Научные приборы — Приборы и инструменты исторического значе-
ния/Ред. и сост. Л. Е. Майстров. М., 1968.
- Опис. БАН — Конусов А. П., Покровская В. П. Описание Рукописно-
го отделения БАН СССР. Л., 1951. Т. 4, вып. 1.
- Памятники — Памятники старинной русской литературы. СПб.,
1862. Вып. 3.
- Пекарский — Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Ве-
ликом: В 2-х т. СПб., 1862.
- Перетц. Громник — Перетц В. Н. Материалы к истории апокрифа и
легенды. К истории Громника // Зап. ист.-филол. ф-та Санкт-
Петербурга. ун-та. 1899. Вып. 1.
- Перетц. Лунник — Перетц В. Н. Материалы к истории апокрифа и
легенды. К истории Лунника // ИОРЯС. 1901. Кн. 1. С. 1—126.
- ПДР — Памятники литературы Древней Руси.
- Порфирьев — Порфирьев И. Е. История русской словесности. Ка-
зань, 1879. Т. 1, ч. 1.
- Прозоровский — Прозоровский Д. И. Описание древних рукописей,
хранящихся в музее Русского Археологического общества.
СПб., 1879.
- Пыпин. Заметки — Пыпин А. П. Заметки по литературной археоло-
гии // Древности. Археологический вестник. М., 1868. Т. 1, май —
июнь. С. 113—117.
- Райков Б. — Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического
мировоззрения в России. 2-е изд., доп. М.; Л., 1947.
- Райнов Т. — Райнов Т. Наука в России XI—XVII вв. М.; Л., 1940.
- Рафли — Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли //
ТОДРЛ. 1985. Т. 40. С. 260—345.
- Ретковская — Ретковская Л. С. Вселенная в искусстве древней Ру-
си. М., 1961 (Памятники культуры; Вып. 33.).
- Русск. речь — Чернецов А. В., Турилов А. А. Адресовано «книжчю»
Ивана Грозного // Рус. речь. 1984. № 3. С. 92—99.
- Ркп. Шафарика — Сперанский М. Н. Рукописи Шафарика в Праге.
М., 1894.
- Ровинский — Ровинский Д. Русские народные картинки: В 5-ти т.
СПб., 1881.
- Сб. Соболевского — Сборник статей в честь академика А. И. Собо-
левского // ИОРЯС. 1928. Т. 101, кн. 3.
- Святский — Святский Д. О. Очерки истории астрономии древней Ру-
си // ИАИ. 1961—1966. Вып. 7. 9.
- Святский. Сказание — Святский Д. О. Сказание о Чигирьзвезде и
телескопические наблюдения Галилея // Мироведение. 1928.
Т. 17, № 1. С. 1—6.
- Симонов. Др. источник — Симонов Р. А. Древнерусский источник о
применении «косого» (перемешного) часа на Руси // Теория и
методы источниковедения и вспомогательных исторических
дисциплин. М., 1985. С. 41—52.
- Симонов Р. А. Кирик — Симонов Р. А. Кирик Новгородец — ученый
XII века. М., 1980.
- Симонов. Российские — Симонов Р. А. Российские придворные «ма-
тематики» XVI—XVII вв. // Вопр. истории. 1986. № 1. С. 76—84.

- Симонов. Русск. речь — Симонов Р. А. О чем судили и ведали люди «зовомии матиматицы» // Рус. речь. 1983. № 3.*
- Соболевский — Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903.*
- Соболь — Соболь С. Л. Оптические инструменты и сведения о них в допетровской Руси // Труды Института истории естествознания. 1949. Т. 3.*
- Сперанский — Сперанский М. Из истории отреченных книг: В 4-х ч. М.; СПб., 1899—1908.*
- Тихонравов. Памятники — Тихонравов Н. С. Памятники отреченной литературы: В 2-х т. М., 1863.*
- Тихонравов. Собр. соч. — Тихонравов Н. С. Собрание сочинений. М., 1898. Т. 1.*
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.
- ТКДА — Труды Киевской духовной академии.
- Турилов А. А., Чернецов А. В. — Турилов А. А., Чернецов А. В. Новое имя в истории русской культуры // Природа. 1985. № 9. С. 88—97.*
- Успенский — Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы. М., 1910. Т. 2.*
- Устюгов — Устюгов Н. В. Научное наследие. М., 1974.*
- Филарет — Филарет (Гумелевский). Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884.*
- Цейтлин З. А. Коперниканство в России // Мироведение. 1936. Т. 25, № 1. С. 1—15.*
- Ченакал — Ченакал В. Л. Научное наследие Галилея в России XVII—XVIII вв. // ИАИ. 1969. Вып. 10. С. 97—113.*
- Ченакал. Очерки — Ченакал В. Л. Очерки по истории русской астрономии. Наблюдательная астрономия в России XVII — начале XVIII в. М.; Л., 1951.*
- Чернецов — Чернецов А. В. Об одном рисунке Радзивилловской летописи // Сов. археология. 1977. № 4. С. 301—306.*
- Щапов — Щапов Я. Н. Некоторые итоги разыскания и исследования памятников древнерусской календарной книжности // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 124—129.*

Р. А. Симонов

«МИСЯЧНЫЕ ЧИСЛА»

В одном рукописном сборнике второй половины XVII в. (ЦГАДА, ф. 188, оп. 1, № 632, л. 23) встречается следующий текст: «А Богословлею рукою искати наус (?) настатя книжных месяцев и лушных праздников, держа в памяти число настоящего года Богословли руки. И к тому числу приложити мисячное число, коего месяца коли ищешь. Суть же мисячные числа се: март — 5, апрель — 1, май — 3, июн[ь] — 6, июл[ь] — 1, авгус[т] — 4, сеп[тябрь] —

7, ок[тябрь] — 2, нояб[рь] — 5, дек[абрь] — 7, гец[варь] — 3, фев[раль] — 6. А чти до осми, а коли болши осми числ, и ты осми отложи, а избыток держи, и колко стапет, обоих числ вместе и Богословли руки и месяца настоящего числа, коего ищешь, и в колкой ден в неделе первой день месяцу тому под Солнцем».

Из приведенной выдержки следует, что «мисячные числа» это календарные элементы, известные в науке под названием «солнечных регуляров».

И. А. Климишин воспроизводит в своей книге точно такой ряд значений для тех же месяцев, указывая, что это «солнечные регуляры в таком порядке:

Март — 5,	Июль — 1,	Ноябрь — 5,
Апрель — 1,	Август — 4,	Декабрь — 7,
Май — 3,	Сентябрь — 7,	Январь — 3,
Июнь — 6,	Октябрь — 2,	Февраль — 6».

(Климишин И. А. Календарь и хронология. 2-е изд. М., 1985. С. 278. Ссылки в дальнейшем изложении даются на это издание).

В древнерусском тексте говорится, что к числу «настоящего года Богословли руки» прибавляется «мисячное число». Числа «Богословли руки», или по-научному конкуренты: 1, 2, 3, 5, 6, 7, 1, 3, 4, 5, 6, 1, 2, 3, 4, 6, 7, 1, 2, 4, 5, 6, 7, 2, 3, 4, 5, 7 связаны с календарным циклом в 28 лет, получившим название «солнечного круга». Порядок конкурент взят в той последовательности, которая указывается для них в цитированной рукописи № 632, л. 72. Год, записанный в эре от «сотворения мира», делили на 28, остаток назывался солнечным кругом текущего года. О том, что такое солнечный круг и как его находить, было известно в древнерусский период. Например, об этом идет речь в календарном трактате 1136 г. «Учение им же ведати человеку числа всех лет» Кирика Новгородца.

Как сообщает И. А. Климишин, «...конкуренты, или солнечные эпакты ...широко использовались начиная с VIII в. для отождествления календарной даты с днем недели. Первым, но отнюдь не главным назначением конкуренты было указать день недели, на который в том или другом году приходилось 24 марта: при конкуренте 1 это воскресенье, 2 — понедельник, 3 — вторник, 4 — среда, 5 — четверг, 6 — пятница, 7 — суббота» (с. 94).

Так, для определения дня недели 24 марта 1136 г. надо перевести дату в эру от сотворения мира: 6644 г. (=1136+5508) и разделить ее на 28. В остатке получится

восемь, т. е. в 1136 г. шел 8-й солнечный круг. Кириком Новгородцем соответствующие расчеты были сделаны. В ряду конкурент восьмым знаком оказывается 3, что отвечает вторнику. Как правильно вычислил Кирик, пасха в 1136 г. была 22 марта, а так как христианская пасха бывает в воскресенье, что 24 марта приходилось на вторник. Следовательно, результат соответствует действительности.

Существует календарный элемент, называемый в современной науке «месячным коэффициентом», представляющий собой сумму конкуренты и регуляра, из которой вычитается единица: K (месячный коэффициент) = конкурента + регуляр — 1. Если величина месячного коэффициента окажется больше семи, то нужно вычесть семерку: $K = \text{конкурента} + \text{регуляра} - 1 - 7 = \text{конкурента} + \text{регуляра} - 8$. Последняя формула соответствует правилу, которое изложено в древнерусском тексте. Следовательно, календарный смысл текста мог заключаться в определении месячного коэффициента.

Для чего нужно знать месячный коэффициент? Как разъясняет И. А. Климишин, месячный коэффициент является важным элементом вечного юлианского календаря, математическую модель которого можно представить в виде зависимости:

$$q = \left| \frac{K + D}{7} \right| (1),$$

где K — месячный коэффициент, D — число месяца. Вертикальные черточки по краям дроби означают, что берется остаток от деления на семь. В остатке будет какое-то из чисел: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 (или 0). По ним определяется день недели в соответствии с приведенным выше правилом: 1 — воскресенье, 2 — понедельник и т. д. (с. 99).

Применим указанную формулу для проверки того, что днем недели 22 марта 1136 г. было воскресенье (пасха). Конкурента 1136 г. = 3, регуляра марта = 5. Находим месячный коэффициент $K = \text{конкурента} + \text{регуляра} - 8$ (что соответствует правилу публикуемого текста): $K = 3 + 5 - 8 = 0$. Для $K = 0$ и $D = 22$ выражение (1) даст $q = \left| \frac{0 + 22}{7} \right| = 1$. Остаток $q = 1$ соответствует воскресенью. Следовательно, проверка дает положительный результат.

Публикуемый текст находится в рукописи, на которую автору настоящей статьи любезно было указано А. А. Ту-

риловым и А. В. Чернецовым. Начинается она словами «Предисловие святым. Творение грешного раба Ивана Рыкова...» Книга является сводом данных о календарных понятиях, включая единицы счета времени, а также сведений по астрономии, астрологии и пр. Начальная часть рукописи, по-видимому, является «творением» Ивана Рыкова. Следующий за ней материал, включая публикуемый текст, не может быть безусловно приписан Ивану Рыкову, но его авторство исключать нельзя. В таком случае публикуемый текст отражает календарные традиции, существовавшие во Пскове во второй половине XVI в., когда здесь жил указанный древнерусский писатель и ученый.

Календарный текст в рукопись второй половины XVII в., где он встречается, возможно, попал из компиляции Ивана Рыкова XVI в. Поэтому важное значение для решения вопроса о первоначальном облике календарного текста имеет разыскание его других списков. Однако независимо от решения вопроса о списках, опубликованный текст имеет самостоятельное научное значение, связанное с применением солнечных регуляров («месячных чисел») как календарных элементов.

Как далеко в древность уходит использование на Руси «месячных чисел» (регуляров)? Возможно их имеет в виду Кирик, когда говорит о календарном назначении понятия «солнечного круга»: «При помощи его и вычисляй пасху и все месяцы». Как конкретно нужно вычислять, Кирик не объясняет. Публикуемый в настоящей статье текст позволяет высказать следующую гипотезу по этому вопросу. Сопоставляя начальные слова опубликованного текста: «А Богословлю рукою искати наус (?) настатя книжных месяцев и лунных праздников...» с выдержкой из Кирика, можно усмотреть определенную аналогию. Пасха — центральный лунный праздник христианского календаря. В обоих текстах, скорее всего, идет речь об одном и том же: о вычислении пасхи и других с этим днем связанных лунных праздников.

Подводя итог, можно сказать, что публикуемый текст способствует прояснению истории древнерусских календарных традиций в области разработки вычислений в системе «вечного календаря». Однако остается неизвестным, к какому этапу исторического развития древнерусской календарной традиции относится текст. Понятно, насколько далеко в глубь веков можно отодвигать древнерусское название солнечных регуляров «месячными числами». Настоящую публикацию нужно рассматривать как одну из

попыток изучения древнерусского календарного источника, дальнейшее обнаружение и исследование подобных которому будет способствовать решению историко-научного вопроса об употреблении на Руси расчетных календарных приемов (вероятно связанных с функционированием «вечного календаря») на основе использования солнечных регуляров («месячных чисел»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сборник посвящен важной и до сих пор недостаточно изученной тематике — комплексу естественнонаучных представлений и сокровенных знаний, характерных для культуры допетровской Руси. В статьях впервые вводятся в научный оборот или по-новому освещаются конкретные исторические данные литературных и документальных текстов, факты материальной и духовной культуры, связанные с технико-экономическими и общественно-политическими обстоятельствами древнерусской жизни.

В работе В. Г. Брюсовой доказывается мысль о достоверности метрологических сведений, содержащихся в тексте «Меры Спасову образу», который является составной частью памятника древнерусской литературы «Сказание о Святой Софии Новгородской». На основании данных археологических и реставрационных работ исследовательница приходит к мысли о том, что промер фрески Спаса в центральном куполе Софийского собора был произведен сразу после ее создания в 1052 г. Тогда же сведения об этом были записаны и составили текст «Меры».

Статья А. А. Турилова посвящена истории так называемых «семитысячников». Опираясь на палеографический анализ группы содержащихся в «семитысячниках» ошибок в передаче кириллических цифр, А. А. Турилов делает вывод о южнославянском происхождении исследуемых текстов. Последние проникли на Русь не позднее начала XII в. и здесь были использованы Кириком Новгородцем как образец при составлении «Учения им же ведати человеку числа всех лет».

В. К. Былиным впервые рассматривается славянский перевод цикла календарно-медицинских эпиграмм

Николая Калликла XI—XII вв. и предлагается публикация его древнейшей редакции. Автор устанавливает, что перевод был выполнен в Сербии не ранее начала XV в. и распространен в русской книжности в двух редакциях — сербской и русской, сокращенной. Сопоставление переводов дало ему возможность прийти к заключению, что создатели славянских редакций проявили себя высококвалифицированными, склонными к ученой поэзии людьми.

А. И. Илгизов и И. А. Тихонюк заново рассмотрели и опубликовали послание Дмитрия Траханиота архиепископу новгородскому Геннадию «О седьмой тысяще». В результате археографического, текстологического и источниковедческого изучения рукописной традиции послания исследователи выявили, что в большинстве списков оно дошло в переработанном виде и из частного документа превратилось в анонимный текст публицистического назначения по вопросам хронологии.

В работе В. М. Кириллина предпринята попытка реконструкции системы мистико-символических представлений русских книжников XV—XVI вв. о числе. На основании ряда текстов легендарного, апокрифического, агиографического и хронографического содержания, учитывая комплекс календарно-астрономических, математических, исторических знаний, обрядовую сторону церковной жизни средневековья, автор раскрывает, как в древнерусских текстах использовался сокровенный смысл этих и других чисел.

А. А. Туриловым и А. В. Чернецовым проанализирована в аспектах историко-литературоведческом, текстологическом и источниковедческом гадательная книга «Рафли», обнаруженная в списке рубежа XVII—XVIII вв. Она содержит ценные данные по истории культуры Руси: описания способов и условий гаданий, календарно-астрономические и астрологические сведения, легендарные рассказы о происхождении астрологической традиции и отдельных гаданий, сведения по античной истории и мифологии. На основе новых данных авторы проясняют такие проблемы, как отношение русского книжника к античному наследию, влияние ренессансной культуры на древнерусскую книжность, уровень образованности на Руси в эпоху Ивана Грозного, отношение царского двора к астрологии и магии.

В статье Н. Н. Макеевой поднимаются вопросы, касающиеся древнерусских знаний по минералогии. Основное внимание исследователяница уделяет драгоценным и

полудрагоценным камням, сведениям о минералах, их источникам.

Статья А. П. Богданова и Р. А. Симонова посвящена практически не изученной теме — истории астрологической прогностики. Авторы дают конкретно-исторический анализ двух письменных ответов доктора Андреаса Энгельгардта на вопросы царя Алексея Михайловича. Письма впервые переведены на русский язык (Б. А. Старостиным) и подвергнуты тщательному изучению. Анализ показал, что царь хотел получить ответы на вопросы о внутренних и внешних общественно-политических событиях с целью выяснить возможности астрологии для предвидения рационально непредсказуемых событий.

Л. У. Зволарева, В. К. Былинин и А. П. Богданов реконструируют и анализируют естественнонаучные представления деятелей древнерусской культуры второй половины XVII в. — Симеона Полоцкого и Кариона Истомина. На конкретных примерах из литературного наследия древнерусских поэтов показано, какое значение они придавали научному знанию, какое влияние оно оказало на их художественное творчество; выявлен круг их научных интересов и подчеркнута просветительная тенденция их деятельности, направленная на популяризацию естественнонаучных представлений своего времени.

Интересны замечания, наблюдения и открытия, сообщенные в кратких статьях К. Н. Афанасьева (о связи архитектурно-строительных традиций Древней Руси с идеями Витрувия), Ю. Л. Шаповой (о восприятии средневекового текста Трактата Теофила в свете археологических данных), Е. К. Пиотровской (о Софийском списке «Учения о числах» Кирика Новгородца), А. П. Богданова (об открытом им ястроматематическом сочинении Самуила Коллинса), А. В. Лаврентьева (о способе путевых измерений во время Крымского похода 1689 г.), Т. Г. Куприяновой (об архивном известии, отражающем факт прохождения Л. Ф. Магницким курса обучения математике у А. Фархварсона) и Р. А. Симонова (об использовании солнечных регуляров — «мисячных чисел» — в древнерусской календарной практике).

В. К. Кузаковым прослеживается научная традиция в изучении астрологии, отмечены негативные и позитивные моменты в ней. Исследователь пытается определить место астрологии в рамках средневековой культуры, общие социально-психологические и историко-культурные причины ее возникновения и развития в средневековом мире, и в

частности в Древней Руси, делает вывод о необходимости изучения астрологии в контексте эпохи, ее породившей, и на стыке истории науки, культуры и истории философии.

Статьи сборника удачно дополняет труд О. Р. Хромова. В нем представлена обширная и крайне необходимая медиесвистам библиографическая информация, освещающая комплекс источников, в которых содержатся астрологические сведения, и историю их научного освоения.

Качественные оценки «сокровенным» знаниям на Руси давать рано, поскольку их изучение на современной научной основе ведется в мире недостаточно интенсивно. В указанной связи данное исследование, хотя и предпринятое на основе глубокого источниковедческого анализа памятников древнерусской письменности и материальной культуры, не даст оснований для глубоких обобщений — для них необходимо время и накопление первичных исследовательских данных.

Вместе с тем настоящая книга показала, что не только естественнонаучные, но в то же время и сокровенные знания (по астрологии, мантике, магии и пр.) зачастую воспринимались в Древней Руси не как область веры, а как рациональные научные сведения, что их изучение представляет интерес в плане общей эволюции древнерусской культуры в сторону постепенного ограничения сферы влияния иррациональной веры в пользу знаний.

Р. А. Симонов

СОДЕРЖАНИЕ

К. Н. Афанасьев

Витрувий и архитектурно-строительные традиции Древней Руси	3

Ю. Л. Шапова

Некоторые страницы Трактата Теофила в свете археологических находок на территории Древней Руси	12

Е. К. Пиотровская

Замечания о «вновь найденном» Софийском списке «Учения о числах» Кирика Новгородца	16

В. Г. Брюсова

Метрологическая достоверность «Меры Спасову образу» . .	18

А. А. Турилов

О датировке и месте создания календарно-математических текстов — «семятысячников»	27

В. К. Былинин

Календарные эпиграммы Николая Каллика в южнославянской и русской письменности XV--XVI вв.	39
Приложение	49

А. И. Плигузов, И. А. Тихонюк

Послание Дмитрия Траханиота новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмичности счисления лет	51
Приложение	71

В. М. Кириллин

Символика чисел в древнерусских сказаниях XVI в. . . .	76

А. А. Турилов, А. В. Чернецов

К изучению «отреченных» книг	111

И. И. Макеева

Минералогические сведения в русских памятниках XVI—XVII вв.	141

А. П. Богданов, Р. А. Симонов

Прогностические письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу	151
Приложение	187

<i>А. П. Богданов</i>	
О рассуждении Самуила Коллинса	204
Приложение	206
<i>А. В. Лаврентьев</i>	
«Записка государевым мерным верстам и станом того Крым- ского походу по верстам мерному колесу» 1689 г.	208
Приложение	215
<i>И. К. Гаерюшин</i>	
Древнерусский трактат «О человечестем естестве»	220
Приложение	223
<i>Л. У. Звонарева</i>	
Патурфилософские представления Симеона Полоцкого	228
<i>В. К. Былинин</i>	
Poesia docta Симеона Полоцкого	246
<i>А. П. Богданов</i>	
Естественнонаучные представления в стихах Кариона Исто- мина	260
<i>Т. Г. Куприянова</i>	
Новые архивные сведения по истории создания «Арифмети- ки» Л. Магницкого	279
<i>В. К. Кузаков</i>	
Астрология сквозь призму историографии истории астро- номии	282
<i>О. Р. Хромов</i>	
Астрономия и астрология в Древней Руси. Материалы к библиографии	290
<i>Р. А. Симонов</i>	
«Мисячные числа»	310
Заключение	314

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ДРЕВНЕЙ РУСИ

Утверждено к печати
Научным советом
по истории мировой культуры
АН СССР

Редакторы *Ф. И. Гринберг, Д. П. Лбова*
Редактор издательства *Е. Л. Никифорова*
Художник *А. И. Драговой*
Художественный редактор *Н. П. Власик*
Технический редактор *Н. П. Кокина*
Корректор *Е. Л. Сысоева*

ИБ № 32105

Сдано в набор 19.01.88

Подписано к печати 27.06.88 А-01835

Формат 84×108^{1/32}

Бумага книжно-журнальная

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая

Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр. отт. 17. Уч.-изд. л. 19,4

Тираж 13 000 экз. Тип. зак. 1331

Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485,

Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Пгубинский пер., 6

Естественнонаучные представления Древней Руси

Счисление лет
Символика чисел
„Отреченные“ книги
Астрология
Минералогия
